

Краснодарский университет МВД России

**ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА
В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО
ГОСУДАРСТВА**

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции

(9 декабря 2016 г.)

Краснодар
2017

УДК 34
ББК 67
П68

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Редакционная коллегия:

С. А. Буткевич, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
(председатель);

О. А. Миронова, кандидат юридических наук, доцент
(заместитель председателя);

Н. А. Кравченко, кандидат экономических наук (ответственный секретарь);

Н. И. Костюченко, доктор юридических наук, доцент;

В. В. Прохоров, кандидат исторических наук, доцент;

С. Ю. Русанова, кандидат юридических наук

Права и свободы человека в контексте развития современного
П68 государства : материалы Всерос. науч.-практ. конф., 9 декабря 2016 г. /
редкол. С. А. Буткевич, О. А. Миронова, Н. А. Кравченко,
Н. И. Костюченко, В. В. Прохоров, С. Ю. Русанова. – Краснодар :
Краснодарский университет МВД России, 2017. – 378 с.

ISBN 978-5-9266-1301-5

Содержатся материалы Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к годовщине принятия Всеобщей декларации прав человека и Конституции Российской Федерации. Освещены основные проблемы в области охраны и защиты прав и свобод человека, законных интересов общества, разработаны предложения по усовершенствованию действующего законодательства, правоприменительной деятельности правоохранительных, правозащитных органов, органов судебной власти и институтов гражданского общества в этой сфере.

Для профессорско-преподавательского состава, докторантов, адъюнктов, курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 34
ББК 67

ISBN 978-5-9266-1301-5

© Краснодарский университет
МВД России, 2017

Абасов Гафис Гасан оглы,
доктор юридических наук, доцент,
Крымский юридический институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Право на самоопределение в контексте прав и свобод человека и гражданина

Проблемы понятия, реализации и классификации прав и свобод человека и гражданина остаются сегодня актуальными и во многом, дискуссионными. В литературе существуют самые различные классификации прав человека. Некоторые из них отражают официальные, т.е. закрепленные законодательно, разграничения прав, другие – доктринальные, сложившиеся в юридической науке. В современной отечественной доктринальной литературе встречаются различные виды такой классификации. Многие авторы, изучавшие права человека, придерживаются тезиса о целесообразности выделения трех основных категорий, видов или «поколений» прав человека.

К первому поколению прав, обычно, относят права личные и политические. Отличительной особенностью этой группы прав является то, что они опираются на концепцию негативной свободы (свободы «от»). Она предполагает отсутствие принуждения, возможность действовать по собственному выбору, не подвергаясь чьему-либо вмешательству, прежде всего со стороны государства.

Права второго поколения – это экономические, социальные (социально-экономические) и культурные права. Теоретики этого поколения прав в конце XIX–начале XX вв. выступали за пересмотр концепции негативной свободы, настаивая на необходимости «позитивного» понимания свободы (свободы «для»). Это означало требование возложить на государство обязанности по обеспечению права человека на достойное существование.

Третье поколение прав начало формироваться после второй мировой войны. В 1970-е годы французским юристом Карелом Вазаксом (Васаком) была выдвинута концепция третьего поколения прав как «прав солидарности». К ним относятся: право на развитие, право на мир, право на здоровую окружающую среду, право на общее наследие человечества и право на коммуникацию. Их новизна, согласно данной концепции, заключается в том, что они являются одновременно и негативными, и позитивными по отношению к государству, но, прежде всего, – и это их ключевая характеристика – эти права можно реализовать лишь посредством согласованных усилий индивида, государства, публичных и частных объединений и международного сообщества на основе признания общей (солидарной) ответственности.

В такой трактовке права солидарности интерпретируются в отечественной юридической литературе как коллективные права. К ним относят не только права той или иной общности, ассоциации, но и права народов, права нации.

Поэтому право на самоопределение, безусловно, необходимо рассматривать в контексте прав и свобод человека и гражданина. Но как соотносятся коллективные права народов и права личности, права народов и территориальная целостность государства? Для этого необходимо проанализировать некоторые международные документы и проследить эволюцию становления понятия право на самоопределение.

Возникновение идеи национального самоопределения, как правило, относят к эпохе Просвещения. Общественная мысль передовых европейских стран пришла к отрицанию абсолютизма (что заложило идейную основу Великой французской революции) и пыталась теоретически обосновать «суверенитет народа» через теорию «естественного права». В первой французской Конституции, принятой 3 сентября 1791 г., которая гласила, что люди свободны и обладают равенством в правах от рождения; цель каждого государства – «обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека» и, наконец, что «источник суверенитета зиждется, по существу, в нации». Иными словами, в этом документе закладывались основы для будущей идеи самоопределения народов исходя из естественного права человека, данного ему от рождения. При этом предполагалось, что права и свободы присущи только индивиду, принадлежащему к конкретной нации. Такой же точки зрения придерживались основатели США, боровшиеся за независимость североамериканских колоний от Англии; они несколько раньше, чем в Европе, закрепили идею самоопределения в своей Декларации независимости, провозгласив право народа изменять или уничтожать форму правления, если та стала губительной для обеспечения «неотчуждаемых прав». К основным они причисляли право на жизнь, свободу и стремление к счастью. В 90-х годах XVIII в. идея народного суверенитета стала истолковываться и как право населения определенных территорий решать, под властью какого государства они хотели бы жить. Так были присоединены к Франции папские анклавы Авиньон и Венсенн в 1792 г. на основе плебисцита.

В XIX в. к идее «свободы народов» стали апеллировать национальные и революционные движения – борцы за независимость Польши, Греции и испанских колоний в Америке, итальянские патриоты и силы, выступавшие за объединение Германии и т.д. Довольно часто, идея самоопределения реализовывалась в виде ирредентизма – объединения разрозненных земель, на которых проживали представители одного народа, в единое государство. При этом, в середине XIX в., особое распространение получила такая процедура как плебисцит. Термин «самоопределение наций» впервые прозвучал на Берлинском конгрессе 1878 г., приблизи-

тельно тогда же в оборот вошло и понятие «право наций на самоопределение». Идея вскоре получила широкое признание и заняла прочное место в программных положениях многих либеральных и социалистических движений. В 1896 г. «право наций на самоопределение» было признано Лондонским Конгрессом II Интернационала.

XX в. характеризуется распадом крупных многонациональных государств, таких как Австро-Венгрия, Османская империя, СССР, Югославия и колониальной системы. В 1900 г. колониальные владения охватывали территорию, имеющую площадь 73 млн км², с населением 530 млн чел.; однако к концу века на политической карте мира практически не осталось колоний.

Окончание второй мировой войны резко изменило геополитическую ситуацию в мире. Во-первых, повысилась роль СССР, и появился целый блок государств, ориентирующихся на эту страну (так называемый социалистический лагерь). Во-вторых, в области международных отношений сформировалась биполярная система (капитализм – социализм), при которой четко прослеживаются противоположные интересы сторон, причем в такой степени, что даже локальный конфликт при поддержке одной из сторон мог перерасти в международный. В-третьих, значительно возросла роль массовости политики: вторая мировая война, в которой принимало участие около 110 млн чел. из 72 государств, была войной народов, а не правительств. В-четвертых, на смену Лиге Наций пришла глобальная межгосударственная организация, обладающая большими ресурсами и более действенными инструментами влияния на положение в мире, реально претендующая на роль «третьей стороны» в межгосударственных спорах и пытающаяся создать на новых принципах (прав человека, самоопределения, суверенного равенства государств) мощную и эффективную международно-правовую систему.

В документах, принятых ООН, идея самоопределения получила новую поддержку. Однако в ходе их принятия неоднократно возникали жаркие дискуссии, связанные с двойственностью толкований тех или иных терминов. Так, во время подготовки Устава ООН на VI заседании Комитета I Комиссии I на Конференции в Сан-Франциско 15 мая 1945 г. рассматривалась поправка к п. 2 ст. 1, в которой говорилось о «праве народов на самоопределение». Поправка была отклонена, поскольку юристы увидели в ней множество противоречий и неясностей. Например, двояко мог толковаться термин «народы»: непонятно, что имелось в виду – национальные группы или группы, идентичные с населением государств. Это же относилось и к термину «нация». Некоторые эксперты опасались, что положение о праве народов на самоопределение, выдвигаемое в качестве основы дружественных отношений между нациями, может создать юридические основания для вмешательства извне. Анализируя значение предлагаемых принципов «равноправия» и «самоопределения» народов, Комиссия пришла к выводу,

что это элементы одной нормы; их соблюдение есть основа для всякого развития. Идея самоопределения в Уставе ООН не стала «правом», а только «принципом», который косвенно применим как к территориям, находящимся под опекой, так и несамоуправляющимся территориям. Идея самоопределения нашла воплощение и в других документах ООН. На VII сессии Генеральной Ассамблеи 16 декабря 1952 г. была принята резолюция 637 (VII) «Право народов и наций на самоопределение», в которой подчеркивалось, что право наций на самоопределение является предпосылкой для пользования во всей полноте правами человека; каждое государство – член ООН должно уважать и поддерживать это право в соответствии с Уставом ООН; население несамоуправляющихся и подопечных территорий имеет право на самоопределение, а государства, отвечающие за управление этими территориями, должны применять практические меры для реализации этого права. Таким образом, статус идеи самоопределения повышался с «принципа» до «права».

Поскольку право на самоопределение есть коллективное право, то нецелесообразно включать его в документ, излагающий права индивидуумов. Оппоненты возражали: хотя право на самоопределение и является коллективным, но затрагивает каждого человека, и его изъятие – предпосылка к ограничению прав человека. Государства, принимавшие Устав ООН и признающие его, должны уважать «принцип самоопределения» и вытекающее отсюда «право», имеющее всеобщий и неотъемлемый характер. Последняя точка зрения победила, и положение о праве народов на самоопределение было внесено в тексты обоих Пактов о правах человека, принятых в 1966 г. Право народов на самоопределение также закреплено во многих декларациях Генеральной Ассамблеи ООН, документах межгосударственных и международных неправительственных организаций.

А на вопрос о соотношении права на самоопределение и территориальной целостности дает ответ, принятая в 1970 г. ГА ООН «Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН». В ней уточняются возможные формы самоопределения: «создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом, являющегося способами осуществления этим народом права на самоопределение».

Необходимо обратить внимание на следующие принципы, изложенные в Декларации: государство должно соблюдать в своих действиях принцип равноправия и самоопределения; государство должно иметь правительства, представляющие весь народ, проживающий на данной территории; государство не должно допускать проявление какой-либо дискриминации.

Анализ указанных принципов показывает, что допускается применение права на самоопределение, не нарушающее территориальную целостность независимого государства, в следующих случаях: часть населения независимого государства может воспользоваться правом на самоопределение при невозможности осуществления «внутреннего самоопределения», т.е. участия на равных в управлении государством; если в государстве допускают систематическую дискриминацию; если нет иного способа изменить сложившееся положение.

Ярким примером современной истории является референдум 16 марта 2014 г., в результате которого Республика Крым была провозглашена суверенным государством и вошла в состав России в качестве субъекта РФ. Это стало возможным вследствие выхода государства за пределы конституционного поля Украины, когда политический кризис в конце 2013 г. – начале 2014 г. не разрешившись правовым путем, завершился 22 февраля 2014 г. антиконституционным устранением Верховной Радой Украины президента В. Януковича и совершением государственного переворота.

Таким образом, реализация права на самоопределение является составной частью соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Агафонов Александр Федорович,
Саратовская государственная юридическая академия

Некоторые вопросы совершенствования законодательства об административном судопроизводстве

Согласно конституционным положениям правосудие в РФ осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства.

8 марта 2015 г. принят новый для российской правовой системы процессуальный кодекс – КАС РФ [1]. Первоначальное ознакомление с текстом КАС РФ позволяет говорить о том, что его основу составляют достижения и традиции отечественной процессуально-правовой мысли, а не копирование зарубежных моделей правосудия. Поэтому правильным, на наш взгляд, будет признать принятие КАС закономерным итогом правового развития России.

Появление в системе российского законодательства самостоятельного кодифицированного акта, регулирующего административное судопроизводство, породило в научной и практической среде множество теоретических и методологических проблем [2]. Например, высказывалось мнение, что КАС РФ в целом дублирует положения ГПК РФ [3]. Несомненно, новый кодекс структурно схож с ГПК РФ, однако необходимо учитывать особенности рассмотрения и разрешения дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений [4].

Так, производства по гражданским и административным делам [5, с. 304] имеют множество существенных отличий. А именно, различаются: характером спора; процессуальными особенностями рассмотрения дел, которые продиктованы сферой публичных материально-правовых отношений; наличием судебного контроля за законностью и обоснованностью осуществления государственных и иных публичных полномочий; осуществлением производства по категориям дел, затрагивая, при этом, налоговые, бюджетные и иные правоотношения; особенностями бремени доказывания; спецификой субъектов и множеством иных особенностей [6]. В свою очередь, учет обозначенной специфики рассмотрения административных дел по КАС РФ, позволит в дальнейшем разрешить сложившиеся проблемы и устранить имеющиеся пробелы.

По мнению ряда авторов, в административном судопроизводстве отсутствует самостоятельный предмет правового регулирования. Несомненно, это не соответствует действительному положению дел. С уверенностью можно утверждать, что КАС РФ обладает собственным предметом правового регулирования [7, с. 343].

Вместе с тем КАС РФ нуждается в дальнейшем совершенствовании. Анализ зарубежного законодательства, регламентирующего административно судопроизводство, позволит выявить возможные пути развития отечественного законодательства об административном судопроизводстве.

Важно отметить, что в КАС РФ установлен и последовательно реализован принцип состязательности и равноправия сторон административного судопроизводства при активной роли суда на всех стадиях процесса (статьи 6, 14). Наделение суда активной ролью в рамках административного процесса, с учетом особенностей публичных правоотношений, позволяет уравновесить в процессуальных правах и обязанностях стороны, оставляя при этом суд не связанным доводами этих сторон. Такое право свидетельствует о склонении административного судопроизводства в сторону «инквизиционного».

В зарубежных странах принцип активной роли суда или «инквизиционного производства» по делу является широко распространенным. Например, при сборе и исследовании доказательств, имеющих значение для правильного разрешения дела, административные суды, как правило, принимают активное участие в истребовании доказательств [8]. Думается, что такая роль суда при осуществлении административного судопроизводства способствует более объективному, эффективному и скорому рассмотрению административного дела. Таким образом, совершенствование административного судопроизводства видится в возможности изменения права суда на применение мер, направленных на всестороннее и полное установление всех фактических обстоятельств по административному делу, на обязанность.

Отдельного внимания заслуживают положения о мерах процессуального принуждения. В частности, статьи 122–123 КАС регламентируют наложение штрафа на стороны производства по делу. Например, согласно ч. 5 ст. 135 КАС на орган управления может быть наложен штраф за противодействие своевременной подготовке административного дела к судебному разбирательству, непредставление или несвоевременное представление возражений в письменной форме и необходимых доказательств в назначенный судом срок, невыполнение иных указаний суда. Зарубежное законодательство предусматривает и иные меры, налагаемые судом за нарушение процессуального порядка. Так, польское законодательство [9, ст. 55] предусматривает, что суд уведомляет органы, к ведению которых относится разрешение жалоб и ходатайств суда, о вопиющих случаях невыполнения процессуальных обязанностей органов управления. Думается, что рецепция таких мер в отечественное законодательство привнесла бы только пользу.

Еще одним моментом, заслуживающим внимания, является отсутствие в КАС РФ разъяснений относительно порядка реагирования суда в случае выявления в ходе рассмотрения дела признаков административного правонарушения или уголовного преступления в действиях или бездействиях органа управления или его должностного лица. Во-первых, лицо, чьи права нарушены действием или бездействием органа управления или его должностного лица имеет право на защиту и впоследствии на восстановление нарушенных прав. Во-вторых, орган управления или его должностное лицо нарушая права физических или юридических лиц, нарушают законодательство РФ и свои должностные обязанности, оставаясь фактически безнаказанными. Для исключения такой ситуации представляется целесообразным дополнить КАС нормой, регламентирующей порядок действий суда при обнаружении признаков правонарушения или преступления.

Таким образом, суду в случае удовлетворения требований административного истца надлежит направить информацию о допущенном нарушении законодательства РФ или выявленном служебном проступке, руководителю органа, работником которого является виновное лицо, для дальнейшего разбирательства и возбуждения дисциплинарного производства.

Следующим элементом развития законодательства об административном судопроизводстве представляется введение механизма досудебного урегулирования административно-правового спора. Такой механизм существует в ряде зарубежных государств [10] и способствует снижению судебной нагрузки. Согласно данной модели возможность обращения в суд за защитой нарушенных прав возникает после обжалования действия или решения органа управления в административном порядке. Введение такой меры на современном этапе развития российского государственного управления не приведет к раскрытию потенциала, заложенному в данном механизме, а, наоборот, возможность защиты прав физических и юридиче-

ских лиц, нарушенных органами управления и их должностными лицами, будет снижена. В перспективе введение такой меры будет способствовать повышению качества правосудия за счет снижения судебной нагрузки.

В настоящее время административные споры разрешаются не только судами общей юрисдикции РФ в соответствии с КАС РФ, но в соответствии с ГПК РФ, а также арбитражными судами в соответствии с арбитражным процессуальным законодательством. Во-первых, гражданско-процессуальное законодательство все еще содержит ряд категорий дел, которые имеют признаки возникновения из публичных правоотношений. Например, к таковым относится глава 36 ГПК РФ – дела о внесении исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния. То есть принятие и введение КАС РФ выглядит как «половинчатая» мера [11, с. 6]. Таким образом, видится непоследовательность законодателя в вопросе создания КАС РФ.

Во-вторых, непонятна позиция законодателя по поводу введения КАС РФ и сохранения арбитражно-процессуального законодательства, регламентирующего производство по данной категории дел в арбитражных судах. Рассмотрения дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, в арбитражных судах в рамках арбитражного процесса может быть временной мерой до принятия законодателем единого ГПК РФ согласно имеющейся концепции [12; 13, с. 50–51]. Думается, что все административные дела необходимо рассматривать в рамках административного судопроизводства согласно КАС РФ с учетом специфики административного спора, а не в рамках гражданского процессуального или арбитражно-процессуального законодательства.

Проведенный анализ положений КАС и предложений по совершенствованию норм административного судопроизводства показал, что новый Кодекс развивает, оптимизирует процессуальную форму рассмотрения соответствующих категорий дел, дополняя производства по таким делам необходимыми особенностями. С уверенностью можно констатировать, что КАС содержит эффективный механизм защиты прав, который позволит в дальнейшем повысить качество деятельности органов государственной власти и должностных лиц в сфере административных и иных публичных отношений и обеспечить надлежащий судебный контроль законности и обоснованности осуществления государственных и иных публичных полномочий.

Список литературы:

1. Кодекс административного судопроизводства РФ от 08 мар. 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
2. URL: www.garant.ru/article/615444/#ixzz4QAsD71ug (дата обращения: 16.11.2016).

3. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. Стрельцова Е.Г. К вопросу о проблемах, порожденных действием КАС России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 5.
5. Административное судопроизводство в Российской Федерации: развитие теории и формирование административно-процессуального законодательства / Под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж: ВГУ, 2013.
6. Приженникова А.Н. Создание административных судов – насущная необходимость российской судебной системы // Административное право и процесс. 2010. № 3.
7. Сорокин В.Д. Административный процесс и административно-процессуальное право. СПб.: Юрид. ин-т, 2002.
8. Лебедев А.О. Административные суды и административное судопроизводство в Королевстве Таиланд: общая характеристика // Современное право. 2009. № 4.
9. Закон Польши о судопроизводстве в административных судах 2002 г. // Законодательный вестн. 2002. № 153.
10. URL: <http://www.aca-europe.eu/index.php/en/tour-d-europe-en> (дата обращения: 12.06.2016).
11. Сойников М.А. Особенности судопроизводства по отдельным категориям административных дел: монография. Курск, 2016.
12. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса РФ (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08 дек. 2014 г. № 124 (1)) // СПС «Консультант-Плюс».
13. Золотухин А.Д. Некоторые рассуждения о проблемах административного судопроизводства // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. «Политические науки и право». 2015. № 2 (2).

Алихаджиева Анна Саламиевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ

Актуальные проблемы защиты права граждан на здоровую окружающую среду

Потеря одного из четырех лет здоровой жизни обусловлена тем, где проживает человек и как он взаимодействует с окружающей средой. Последняя всегда имела важнейшее значение для поддержания здоровья и благополучия людей, наделяя их многочисленными благами своих экосистем, чистым воздухом и качественной питьевой водой, являясь как источ-

ником здоровья, так и источником болезней, а также основным ресурсом для выживания и развития всего общества. Ориентация на быстрые темпы экономического развития на основе индустриализации, потребительское отношение к природе, бурное развитие урбанизации и иные факторы обострения противоречий во взаимодействии общества и естественной природной среды привели ее к глобальным изменениям. Высокая степень опасности нарушений в области природоохраны обусловлена тем, что «объектом посягательства является стабильность окружающей среды и природно-ресурсный потенциал. Лишь единицы понимают всю ответственность за нерациональное использование и незаконную добычу природных ресурсов и осознают ущерб, который они причиняют нынешним и будущим поколениям» [1, с. 31].

В настоящее время значительная часть болезней человека связана с ухудшением экологической обстановки. Качество жизненно-важных факторов окружающей среды давно не соответствует нормальному уровню. По итогам проведенного опроса «Левада-центром» «большинство россиян (39 %) оценивают экологическую ситуацию в своем городе или районе скорее плохо, чем хорошо, при этом главные опасения в этой сфере связаны с загрязнением водоемов (52 %) и воздуха (49 %). 61 % наших сограждан отмечают ухудшение здоровья людей, как проявление плохой экологии. Также респонденты обращают внимание на то, что ухудшение окружающей среды проявляется нарушением естественных порядков в природе (32 %), исчезновением зеленых зон (29 %), растрачиванием природных богатств (27 %) и сокращением возможности для отдыха на природе (22 %)» [2].

Год экологии в России, который стартует 27 декабря 2016 г., объявлен не случайно и «начнется «с конкретных дел», как заявил в Кремле на заседании оргкомитета по подготовке к Году экологии спецпредставитель Президента РФ по вопросам природоохранной деятельности, экологии и транспорта, экс-глава администрации президента С. Иванов. Негативное влияние на окружающую среду можно снизить за счет новых технологий и перенимая мировой опыт» [3]. Кроме того, по словам главы Министерства природных ресурсов и экологии РФ, запланировано более 600 мероприятий во всех регионах страны. Общий объем финансирования в части модернизации, строительства составляет более 340 млрд руб. Таким образом, с легкой подачи главы государства начинают претворяться самые важные в контексте национальной и демографической безопасности планы по защите права каждого на качественную среду обитания. Будучи гарантом конституционного права каждого на благоприятную окружающую среду (статьи 2, 20, 42 Конституции РФ), Президент России в последнее время все чаще акцентирует внимание на проблемы в сфере природопользования, утилизации отходов, ужесточения санкций для предприятий-загрязнителей, не исключается юридическая ответственность за прошлый экологический ущерб. В ежегодном Послании он отметил, что «по всей РФ прежде всего

нужно заняться уборкой загрязненных территорий, ликвидацией свалок в которые превратились окрестности многих населенных пунктов» [4]. Такие меры государством принимаются во избежание демографической убыли, ведь ни для кого не секрет, что российская территория активно занята промышленными зонами, соседствующими с густонаселенными районами. При учете загрязнений окружающей среды нельзя забывать и про неконтролируемый прирост автопарка. Практически каждая российская семья имеет ни одно и не два средства передвижения, разрушительная сила выделяемых в воздух выхлопов может сравниться с отходами мелкого производства. Загрязнение окружающей среды в крупных городах влияет на повышение числа обращений по скорой помощи и госпитализаций с заболеваниями легких, сердца, инсультами и прочими недомоганиями. Экологические проблемы способствуют возникновению более 100 самых опасных недугов, травмируют и убивают около 12 млн чел. в год. Онкологические заболевания сейчас являются одной из ведущих причин смертности во всем мире. Всемирная организация здравоохранения сообщает, что каждый пятый из всех людей на земле, и одна треть, проживающая в промышленно-развитых странах, подвержены риску развития подобных болезней в течение своей жизни. Около 19 % всех онкологических заболеваний, по оценкам ВОЗ, обусловлены экологическими факторами. Если судить по последнему Государственному докладу «О состоянии и об охране окружающей среды РФ в 2014 году», то существенных положительных изменений за последние годы не произошло. Показатели выбросов загрязняющих веществ остались неизменными. По средней продолжительности жизни Россия занимает 108 место между Ираком и Северной Кореей. Очевидно, что проблемы реализации права на здоровую окружающую среду требуют незамедлительного решения. Россия, как и цивилизованный мир в целом, переживает системный кризис, выход из которого в пересмотре системы ценностей, определяющей поведение национальных структур власти, природопользователей и населения.

Таким образом, направления государственной деятельности по защите права на жизнь в благоприятных экологических условиях актуальны и предполагают реальные возможности жить в качественной, отвечающей в т.ч. международным стандартам окружающей среде; участвовать в подготовке, обсуждении и принятии экологически судьбоносных решений; осуществлять контроль за их реализацией; получать надлежащую экологическую информацию, а также право на возмещение ущерба. Последнее в свою очередь фактически признается Основным законом РФ [5], о чем свидетельствуют и другие его положения (ст. 53), но вопрос насколько эффективно реализуемо обозначенное право остается открытым. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» в главе I «Общие положения» определяет благоприятную окружающую среду, как «среду, качество которой обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологиче-

ских систем, природных и природно-антропогенных объектов» [6]. Россия в числе стратегических целей называет обеспечение благоприятных условий жизнедеятельности человека и научно обоснованное сочетание экологических, экономических и социальных интересов общества и государства в целях обеспечения экологической безопасности. Некоторые нормативные документы, разработанные на ближайшую перспективу, содержат положения о праве на благоприятную окружающую среду и дополнительные меры по охране здоровья населения, к примеру, Основные направления деятельности Правительства РФ до 2018 г. (III «Приоритетные задачи», ст. 2) [7], Государственная программа РФ «Охрана окружающей среды» на 2012–2020 годы [8]. Согласно п. 43 Концепции внешней политики РФ, датированной ноябрем 2016 г. «Россия активно участвует в международном сотрудничестве в области охраны здоровья граждан, осуществляемом при ведущей роли Всемирной организации здравоохранения, рассматривая сохранение жизни и здоровья человека в качестве одного из приоритетов глобальной повестки дня и важного фактора обеспечения устойчивого социально-экономического развития» [9]. Однако анализ законодательных требований об устойчивом развитии показал, что имеются внутренние противоречия, отсутствует комплексный подход в правовом регулировании экономических отношений в сфере экологопотребления, а это создает барьеры для защиты общественных экологических интересов. Сегодняшнее российское законодательство не стимулирует природоохранную деятельность. Ситуация далека от идеальной как в целом по стране, так и в отдельных регионах. Что же касается идеи создания Экологического кодекса, то, на наш взгляд, ее не стоит воспринимать, как модель возможного и идеального развития природоохранного законодательства, в т.ч. в части защиты права на здоровую окружающую среду.

Одной из правовых гарантий защиты нарушенного права на здоровую окружающую среду, как отмечалось ранее, законодательство называет право на возмещение ущерба, причиненного здоровью человека или его имуществу экологическим правонарушением. Понятие экологический вред чаще ассоциируется с природоресурсным ущербом (вред окружающей среде), но не стоит забывать, что первостепенным объектом посягательства выступает исключительное право на жизнь, являющееся одновременно интегральным показателем экологической ситуации, мерой ее оценки, а в ряде случаев – единственным специфическим критерием, адекватно отражающим происходящие экологические процессы. Признание возмещения вреда, причиненного экологическим интересам, особым видом юридической ответственности, по мнению Н.В. Даниловой, «не исключает возможность применения норм гражданского законодательства. В тоже время необходимо более четко определить пределы его действия с тем, чтобы обеспечить баланс частных и публичных интересов. Общим знаменателем здесь вероятно выступает социальное назначение эколого-правового ин-

ститута возмещения вреда природной среде» [10, с. 6]. Сложно оценить насколько эффективно реализуется прямая обязанность государства по защите названного блага человека, фундаментального и естественного по своей природе. К тому же экологическая обстановка объективно ухудшается в силу неэффективности или коррумпированности контрольных органов – и общественный интерес к этой теме растет, особенно в случае серьезных эксцессов. Состояние природной среды и ее компонентов – это малая часть такого сложного понятия, как качество жизни, предопределяющего степень благополучия или неблагополучия существования общества.

В последнее время в научной школе особенно активно упоминается термин самозащита, его смело можно соотнести с правом на здоровую окружающую среду, при этом число российских юристов-экоправозащитников по сравнению с развитыми странами мира ничтожно мало, два-три десятка (что в тысячи раз меньше, чем в других государствах). Отличительной чертой самозащиты является возможность защищать нарушенное право не только в государственных органах, число способов не ограничивается, т.е. лицо может самостоятельно выбирать варианты самозащиты с учетом степени противоправного поведения, а избранный способ защиты не может противоречить требованиям действующего законодательства. Действительно, жители российских регионов все оживленнее отстаивают свои экологические права, настоящая защита которых собственными силами возможна в случае владения экологической информацией, своевременной и максимально достоверной. Растущий спрос общества на подобную оперативную информацию о состоянии экологии пока не нашел полного удовлетворения со стороны традиционных СМИ (ТВ, радио). Экологическая проблематика редко освещается в российских общественно-политических и неспециализированных СМИ, показательно, например, отсутствие экологического раздела в новостной ленте сети «Интернет» российскими СМИ. Хотя, последние, по сути выступают в роли общественного посредника между представителями государственной власти, бизнес-структурами, общественными организациями и жителями мегаполисов. В связи с этим думается, что гражданам важно быть инициативными, повышать правовую грамотность, тем самым успешно реализовать право на информацию, право на обращение в органы исполнительной власти и надзорные органы, право на судебную защиту, формируя попутно монолитный общественный слой, отстаивающий свои права юридически компетентно.

Проблемы экологии являются не паханым полем деятельности для институтов гражданского общества и было бы не плохо для начала решить задачи по вовлечению его в контроль работы промышленных предприятий. Надо отметить, что в благородном деле охраны окружающей среды значительную роль играет экологически осознанное поведение, государство не в состоянии справиться самостоятельно с накопившимися экологическими бедами.

Таким образом, возрастающее антропогенное загрязнение окружающей среды представляет сложную медицинскую, экономическую и социальную проблему. На производстве и в повседневной жизни человек подвергается воздействию разнообразных физических, химических и биологических факторов, многие из которых оказывают токсическое действие и вызывают разнообразные заболевания. Закрепив право на благоприятную окружающую среду, российская конституция подтвердила прогрессивные тенденции правового развития государства, одновременно, взяла на себя серьезную ответственность по его защите. Россияне и здоровая экология – это самая злободневная тема современности и, несмотря на сложные экономические условия и политическую напряженность, значимо акцентировать внимание на будущем нации, здоровой во всех смыслах этого слова, потому национальная и экологическая безопасность – это граничащие понятия и, по нашему мнению, теряется смысл в обеспечении обороны страны, если смертность населения прогрессирует.

В современных условиях важны экологические новации; модернизация работ, услуг, производственных процессов, организационных или маркетинговых методов, способствующих повышению экологической безопасности; улучшение и предотвращение любого негативного воздействия на окружающую среду; выдержка баланса между экологией, экономикой и самым бесценным здоровьем граждан. О кризисной экологии известно многое, написано большое количество научных работ, проведены многочисленные исследования, однако решение глобальной проблемы сбалансированного сосуществования человека и безопасной для него же окружающей среды продвинулось совсем незначительно.

Список литературы:

1. Алихаджиева А.С. Защита экологических прав граждан (российско-украинский опыт) // Постсоветский материк. 2015. № 3 (7).
2. URL: <https://ria.ru/society/20160603/1442467954.html> (дата обращения: 05.12.2016).
3. URL: <http://izvestia.ru/news/648347> (дата обращения: 06.12.2016).
4. Послание Президента РФ Федеральному собранию от 01.12.2016 // URL: <https://24smi.org/news/47539-poslanie-prezidenta-rf-federalnomu-sobraniiu-2016-.html> (дата обращения: 06.12.2016).
5. Конституция РФ, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (ред. от 21.07.2014) // Рос. газ. 1993. 25 декабря.
6. Об охране окружающей среды: федер. закон от 10 янв. 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
7. Основные направления деятельности Правительства РФ на период до 2018 года (новая редакция): утв. Правительством РФ 14 мая 2015 г. М., 2015.

8. Об утверждении государственной программы РФ «Охрана окружающей среды» на 2012–2020 годы: постановление Правительства РФ от 15 апр. 2014 г. № 326 (ред. от 13.08.2016) // СЗ РФ. 2014. № 18. Ст. 2171.

9. Об утверждении Концепции внешней политики РФ: Указ Президента РФ от 30 нояб. 2016 г. № 640 // СЗ РФ. 2016. № 49. Ст. 6886.

10. Данилова Н.В. Совершенствование института возмещения экологического вреда // Экологическое право. 2015. № 3.

Аметка Фатма Аблямитовна,
кандидат юридических наук, доцент;
Кудрявцева Екатерина Анатольевна,
Крымский юридический институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Роль прокуратуры в обеспечении прав несовершеннолетних

В настоящее время органы прокуратуры России, сохраняя и приумножая свои традиции, основное внимание уделяют обеспечению соблюдения прав и свобод человека и гражданина, единого правового пространства, верховенства закона, укреплению законности и правопорядка, защите интересов общества и государства. В последние годы в России существенно переосмыслена концепция организации прокурорского надзора, приоритетное значение придается деятельности по защите прав и свобод человека, интересов общества и государства с помощью административно-правовых и гражданско-правовых средств. Не будет преувеличением сказать, что в России удалось создать уникальную модель реализации надзорных полномочий вне уголовно-правовой сферы, позволяющую ежегодно защищать права и законные интересы миллионов граждан, а также обеспечивать комплексную защиту интересов общества и государства. Прокуратура стала одним из важнейших правовых инструментов укрепления и развития Российского государства как демократического федеративного правового государства.

Одним из видов обширной надзорной деятельности прокуратуры является надзор за исполнением законов о несовершеннолетних. Данный вид надзора универсален и распространяется на все учреждения, органы и ведомства, законодательное регулирование деятельности которых так или иначе связано с проблемами граждан в возрасте до 18 лет.

Защита несовершеннолетних является одной из важнейших задач любого государства. Дети, будучи уязвимыми, нуждаются в особой заботе и охране. Именно государство в лице уполномоченных органов обязано защитить ребенка от любых форм насилия и дискриминации, принять все меры по защите его прав [1]. Эти основополагающие принципы закрепле-

ны в Конвенции ООН «О правах ребенка», Минимальных Стандартных Правилах ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (1985 г.), Руководящих принципах ООН для предупреждения преступности несовершеннолетних (1990 г.) и др.

В РФ данное положение закрепляется в ряде нормативно-правовых актов, таких как: Конституция, Семейный кодекс, Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ». Однако, несмотря на то, что политика государства направлена на укрепление и поддержание семейных, моральных ценностей, в т.ч. материнства и детства, состояние законности в сфере защиты прав несовершеннолетних оставляет желать лучшего. Исходя из этого, для прокуратуры, как органа, осуществляющего поддержание законности и правопорядка, защита прав несовершеннолетних является одним из приоритетных направлений деятельности. Именно на данном направлении прокурорского надзора наиболее полно раскрывается деятельность прокуратуры как правозащитного органа и имеющего в своем распоряжении достаточно мощный инструмент воздействия, который мы называем мерами прокурорского реагирования. В частности, к ним относятся: предостережение о недопустимости нарушения прав ребенка в дальнейшем и представление об устранении нарушений закона; протесты на акты других административных органов, имеющих прямое отношение к защите прав детей [7]. Также способами защиты права несовершеннолетних органами прокуратуры являются: предъявление искового заявления в судебные органы по поводу защиты прав несовершеннолетних; обращение в суд, орган опеки и попечительства с заявлением требования о восстановлении (признании) нарушенного (оспоренного) права ребенка [4]; непосредственное участие в рассмотрении судом дел о защите прав ребенка. Действия прокурора по защите прав несовершеннолетних могут выражаться в предъявлении в суд исковых заявлений [3]. Кроме того, законодатель устанавливает случаи, когда участие прокурора по гражданским делам обязательно. К ним относятся: участие прокурора в делах о лишении, восстановлении и ограничении родительских прав, об усыновлении ребенка и об отмене усыновления ребенка независимо от того, по чьей инициативе возбуждено дело судом, а также осуществлять надзор за законностью отобрания ребенка у родителей органами опеки и попечительства и в других случаях [5].

Под особым контролем прокуратуры России находятся вопросы защиты детей от информации, наносящей вред их здоровью, репутации, нравственному и духовному развитию, а также противодействия использованию СМИ и сети Интернет для совершения преступлений в отношении несовершеннолетних. К примеру, прокурор вправе обратиться в суд с требованием к провайдеру хостинга и владельцу Интернет-сайта об удалении рекламы наркомании, порнографии, антиобщественного поведения, суицида и иной вредной для детей информации.

Возможность свободного приобретения алкогольных напитков, наркотических средств и психотропных веществ, а также наличие в сети Интернет ресурсов, рекламирующих и пропагандирующих потребление наркотиков и психотропных веществ, при отсутствии серьезных сдерживающих факторов оказывает пагубное воздействие на несформировавшуюся психику подростков, приводит к утрате нравственных ориентиров и совершению правонарушений, в т.ч. преступлений.

В защиту прав и законных интересов детей органы прокуратуры принимают меры по привлечению виновных лиц к административной и уголовной ответственности, прекращению незаконной фармацевтической деятельности, обращаются в суды с требованием обязать провайдеров ограничить доступ детей к вредной информации, понуждают органы и учреждения системы профилактики провести эффективные мероприятия по искоренению подобных фактов.

Приоритетным направлением деятельности прокуроров является надзор за соблюдением прав самой незащищенной категории детей – оставшихся без попечения родителей, несовершеннолетних сирот. Государство гарантирует таким детям право на получение жилья, что закреплено семейным и жилищным законодательством РФ. Между тем механизм реализации этого права регулируется на региональном уровне. Субъекты РФ ежегодно выделяют из бюджета необходимые денежные средства на указанные цели. На современном этапе в органах прокуратуры налажена комплексная работа по мониторингу законодательства и правоприменительной практики в данной сфере. Объектом прокурорского реагирования становится не только любое противоправное действие или бездействие должностных лиц в отношении ребенка-сироты, но и пробелы регионального законодательства.

Законодатель наделил органы прокуратуры правотворческими полномочиями, в частности, прокуратурами субъектов РФ вносятся поправки и устраняются пробелы в законодательство в сфере защиты прав несовершеннолетних, путем подачи законопроектов в представительные органы. Так, прокурором республики Крым в порядке законодательной инициативы на рассмотрение Государственного Совета Республики Крым был внесен проект закона «О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав в Республике Крым», который 30.07.2014 принят во втором чтении. В основу представленного законопроекта легла идея раннего выявления несовершеннолетних, находящихся в социально-опасном положении, своевременного устранения причин и условий, способствующих их безнадзорности и правонарушениям [8].

В ходе осуществленных в 2015 г. надзорных мероприятий выявлены многочисленные нарушения законодательства о защите детства. Прокуроры реагировали на нарушения жилищных и имущественных прав детей, невыполнение мер по охране жизни и здоровья несовершеннолетних, по

обеспечению доступности образования и информационной безопасности школьников. Всего в ходе проведенных в 2015 г. прокурорских проверок выявлено 2,9 тыс. нарушений законодательства о защите детства, опротестовано 124 незаконных правовых акта, в интересах детей в суды направлено 111 заявлений, внесено 250 представлений, по результатам рассмотрения которых к ответственности привлечено 325 должностных лица, по материалам прокурорских проверок возбуждено 8 уголовных дел.

Таким образом, прокуратура России обеспечивает исполнение законодательства, направленного на охрану прав и законных интересов несовершеннолетних и молодежи, на пресечение и предупреждение детской преступности, в пределах установленной законом компетенции осуществляет надзор за деятельностью органов опеки и попечительства, образования, социальной защиты и здравоохранения, ОВД, органов местного самоуправления, иных органов и учреждений при реализации ими деятельности, связанной с несовершеннолетними.

Комплексный прокурорский надзор обеспечивает гарантированные равные условия оказания квалифицированной медицинской помощи каждому ребенку в любом регионе страны. На постоянной основе проводятся прокурорские проверки исполнения законов об охране здоровья несовершеннолетних, что позволило значительно улучшить состояние законности в области профилактики заболеваний несовершеннолетних, сохранения и укрепления здоровья детей и подростков, оказания им медицинской помощи, обеспечения детского населения лекарствами и т.д.

Генеральная прокуратура РФ конструктивно сотрудничает с Уполномоченным при Президенте РФ по правам ребенка. В рамках заключенного между ними соглашения осуществляется обмен информацией о выявленных нарушениях прав, свобод и охраняемых интересов детей, о мерах, принятых в целях их восстановления, а также по вопросам совершенствования законодательства, направленного на установление, соблюдение и реализацию прав детей, семей с несовершеннолетними, в т.ч. приведения его в соответствие с общепризнанными нормами международного права.

Список литературы:

1. Конституция РФ, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (ред. от 21.07.2014) // Рос. газ. 1993. 25 декабря.
2. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Семейный кодекс РФ от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
4. О прокуратуре РФ: федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-І // Рос. газ. 1992. 18 фев.
5. Об обеспечении участия прокуроров в гражданском процессе: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 26 апр. 2012 г. № 181 // СПС «Консультант-Плюс».

6. Паламарчук А.В., Сеченова Р.Р., Зимин В.П. Деятельность органов прокуратуры России вне уголовно-правовой сферы. М., 2013.

7. Богдашкин Р.А. Защита органами прокуратуры в гражданском процессе прав несовершеннолетних // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 10.

8. URL: <http://www.rkproc.ru/news/prokuraturoy-respubliki-krym-realizovano-pravo-zakonodatelnoy-iniciativy>.

Анкудинова Яна Станиславовна,
Крымский юридический институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Применение мер государственного принуждения при защите прав субъектов финансовых правоотношений

На сегодняшний день регулирование финансовых правоотношений в государстве занимает ведущую позицию. В связи с тем, что существует огромное количество правовых норм, регулирующих данные правоотношения, возникает проблема правоприменения в сфере защиты прав субъектов таких правоотношений. Спорные ситуации в финансовых отношениях могут возникать в различных сферах. Например: в сфере налоговых отношений, пенсионного обеспечения, социального страхования, нарушения прав и законных интересов частных лиц, в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения физическими лицами и организациями требований финансового законодательства и в случае привлечения к финансовой ответственности за нарушения финансово-правовых норм.

Соблюдение прав субъектов финансового права обеспечивается государством, и определяется как соблюдение правил, закрепленных в финансово-правовых нормах.

В этих целях законодатель закрепляет применение в сфере финансовых правоотношений мер государственного принуждения, которые являются неотъемлемым элементом механизма правового регулирования отношений данного вида. Использование мер государственного принуждения необходимо не только в отношении между субъектами финансового права, но и в случаях возникновения необходимости защиты и восстановления нарушенных прав и законных интересов субъектов финансового права. В этих целях возможно применять методы убеждения и принуждения.

Первым рассмотрим метод убеждения. Его можно рассматривать как метод психического воздействия на сознание и поведение граждан, проявляющийся в широком комплексе воспитательных, рекомендательных, разъяснительных мероприятий, применяемых в целях обеспечения правомерности поведения, обеспечения организованности и дисциплинированности людей во всех сферах общественной жизни [1, с. 911].

В финансовом праве метод убеждения определяется как совокупность мер воспитательного характера, осуществляемых для повышения правосознания граждан, недопущения осуществления преступлений и добровольного соблюдения норм финансового законодательства. Исходя из анализа практики применения метода убеждения одной из особенностей данного метода выделено то, что наиболее часто применяемой формой метода убеждения является разъяснительная работа.

Такая форма, как разъяснение позволяет добиться добровольного выполнения требований норм финансового законодательства. В ряде случаев помимо метода убеждения возможно применение такого действенного метода государственного регулирования как метод принуждения.

Государственное принуждение – это осуществляемое на основе закона государственными органами, иными уполномоченными на то организациями, должностными лицами физическое, психическое, имущественное или организационное принуждение в целях соблюдения и исполнения правовых предписаний [2, с. 207]. Метод принуждения подразумевает под собой применение санкций либо запретительных мер и применяется как карательная мера при нарушении установленных и санкционированных государством правил поведения в области образования, распределения и использования государственных и местных фондов денежных средств.

Н.И. Козюбра подчеркивает, что принуждение выступает сдерживающим фактором для всех незаконопослушных граждан и обеспечивает общую обязанность выполнять правовые нормы [3, с. 87].

При анализе данных методов было выявлено, что более проблематичным в применении является метод убеждения, и именно применение данного метода является одной из проблем регулирования финансовых отношений. Основной проблематикой его применения является то, что он ориентирован на высокий уровень правосознания субъектов финансовых правоотношений, на высокие моральные ценности и правовую культуру в целом, что является несвойственным на сегодняшний день для определенной части субъектов данных правоотношений и влечет за собой невозможность в полной мере осуществлять регулирование финансовых отношений по способу метода убеждения. Применение метода убеждения в полной мере, для контроля отношений в сфере финансов, возможно лишь при отсутствии правового нигилизма у субъектов финансового права и наличия у них высокого уровня правовой культуры.

Вместе с тем использование мер государственного принуждения необходимо и в случаях возникновения потребностей в защите либо в восстановлении нарушенных прав и законных интересов субъектов финансового права. В настоящее время для защиты прав и законных интересов субъектов, участвующих в финансовых правоотношениях, применяется административный и судебный порядок. В сфере финансовых правоотношений административный порядок, как и судебный, имеет свои особенности.

Если говорить о таком показателе как частота применения, то необходимо отметить, что до 90-х годов преобладал административный порядок защиты прав субъектов финансового права, сейчас набирает обороты судебный порядок защиты. Особенностью судебного порядка можно выделить то, что он применялся в основном при защите интересов государства в целях взыскания налогов, а вот граждане свои права защищали в административном порядке. На сегодняшний день в судебной практике количество финансовых споров постоянно возрастает за счет обращений граждан. Это обусловлено стремлением субъектов финансового права отстаивать свои конституционные права и законные интересы. А вот намерение органов государственной власти действовать в финансовой сфере методами, соответствующими конституционно значимым стандартам, развивается гораздо медленнее.

Список литературы:

1. Алехин А.П., Кармолицкий А.А., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации: учеб. М.: Зерцало, 2005.
2. Теория государства и права: учеб. / Под ред. В.К. Бабаева. М., 2001.
3. Ветров Н.И. Профилактика правонарушений среди молодежи. М.: Юрид. лит-ра, 1980.

Бойко Александр Валерьевич,

кандидат социологических наук,

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Институциональные средства противодействия пыткам и жестокому обращению: национальный превентивный механизм

Несмотря на то, что Российская Федерация не ратифицировала Факультативный протокол к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Россия является активным участником международного диалога в сфере разработки и внедрения эффективных средств обеспечения прав и свобод человека, в том числе и в сфере недопущения пыток и иных жестоких форм обращения. И тем не менее вышеуказанным документом предлагается имплементация достаточно интересного организационно-правового механизма, основная цель которого реализация некоторых функций социального контроля над деятельностью государства по недопущению нарушения прав граждан со стороны должностных лиц при осуществлении административных функций, особенно связанных с расследованием преступлений.

В соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания страны, которые ратифицировали его, создают систему и механизмы национального контроля, осуществляемого независимыми национальными и международными органами, в местах отбывания наказания; создают глобальную систему регулярных посещений, осуществляемых независимыми международными и национальными органами, мест лишения свободы с целью недопущения пыток [1].

Для этого в системе ООН создан Подкомитет по недопущению пыток, который выступает глобальным координирующим органом.

Итак, национальный превентивный механизм – это независимый национальный орган (или несколько органов), который создается и действует в соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции ООН против пыток, направлен на регулярный мониторинг всех мест несвободы в целях предупреждения в них жестокого обращения с людьми, которые там содержатся.

Создание национальных превентивных механизмов закреплено статьей 3 Факультативного протокола «Каждое государство-участник создает, назначает или поддерживает на национальном уровне один или несколько органов для посещений в целях предупреждения пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (далее – национальные превентивные механизмы)» [2].

Национальный превентивный механизм предполагает организацию регулярных превентивных посещений так называемых мест несвободы, т.е. учреждение, где лицо содержится или может содержаться по приказу любого судебного, административного или иного органа или по его указанию. Визиты выполняются для того, чтобы предупредить пытки и жестокое обращение в местах несвободы. Национальный превентивный механизм является частью общей системы мониторинга соблюдения прав лиц, находящихся в местах несвободы.

Национальный превентивный механизм позволяет осуществлять ряд важных функций социального контроля:

1. Сдерживающая (внешний контроль мест несвободы может иметь сдерживающее влияние на государственные органы).

2. Независимая оценка ситуации (посещение позволяет независимым экспертам непосредственно знакомиться без свидетелей, посредников с тем, как обращаются с задержанными людьми, а также с условиями содержания под стражей).

3. Информационная (НПМ информирует соответствующие государственные органы о нарушениях прав человека в местах несвободы и дает рекомендации по улучшению в них условий содержания).

4. Психологическая поддержка (посещения лицами, не связанными с государственной системой, могут стать важным источником моральной поддержки для лиц, лишенных свободы).

5. Формирование общественного мнения (системные посещения способны «открыть» места лишения свободы для широкой общественности, изменить отношение к людям).

Национальные превентивные механизмы для осуществления возлагаемых на них функций могут обладать достаточно широким кругом полномочий [3]. Так, согласно ст. 19 Факультативного протокола, в полномочия национального превентивного механизма входит следующее:

а) регулярное рассмотрение вопросов об обращении с лицами, лишенными свободы в местах содержания под стражей с целью усиления, при необходимости, их защиты от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания;

б) выработка рекомендаций соответствующим органам с целью улучшения обращения с лицами, лишенными свободы, и условий их содержания, не допущения пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания с учетом соответствующих норм Организации Объединенных Наций;

в) предоставление предложений и замечаний, касающихся действующего законодательства или законопроектов.

Мандат национальных превентивных механизмов, определенный статьей 20 Факультативного протокола, предусматривает:

а) доступ к любой информации о численности лишенных свободы лиц в местах содержания под стражей, а также о количестве таких мест и их местонахождении;

б) доступ к любой информации, касающейся обращения с этими лицами, а также условий их содержания под стражей;

в) доступ к любым местам содержания под стражей, их сооружений и объектов;

г) возможность проводить частные беседы с лицами, лишенными свободы, без свидетелей, лично или, при необходимости, через переводчика, а также с любым другим лицом, которое, по мнению национального превентивного механизма, может предоставить соответствующую информацию;

д) право беспрепятственно выбирать места, которые они хотят посетить, и лиц, с которыми они хотят пообщаться;

е) право устанавливать контакты с Подкомитетом по предупреждению пыток, направлять ему информацию и встречаться с членами подкомитета.

Реализация модели национального превентивного механизма в различных странах имеет свои организационно-правовые особенности.

Так, например, в Болгарии, которая еще не ратифицировала протокол, но готовится к этому, с 2005 года Институт открытого общества и Национальный полицейский директорат реализует проект посещений мест лишения свободы специально обученными волонтерами в соответствии с положениями о национальных превентивных механизмах. Члены болгарского Хельсинкского комитета на основе специального соглашения с министерством юстиции осуществляют независимый мониторинг пенитенциарных учреждений. Они имеют специальные удостоверения, которые предоставляют им право входить в тюрьмы в сопровождении офицера, вести беседы с задержанными, знакомиться с тюремной документацией.

В Словении задачи и полномочия национальных превентивных механизмов реализуются омбудсменом, а также общественными организациями, которые зарегистрированы в Словении.

В Польше в качестве национального превентивного механизма выбран Комиссар по защите гражданских прав.

Финляндия подошла очень взвешенно к ратификации протокола, который подписала еще в 2003 году, была создана межправительственная рабочая группа по ратификации протокола, которая уже на первом заседании пришла к выводу, что парламентский омбудсмен Финляндии является наиболее приемлемым институтом для выполнения функций национального превентивного механизма.

В Румынии посещения мест лишения свободы координируются Координационным комитетом службы гражданских инспекций.

В Великобритании существует более тридцати национальных превентивных механизмов. Один из них – это работа Ассоциации независимых посещений мест лишения свободы, которая действует уже более десяти лет. Ассоциация является неправительственной организацией, которая сотрудничает с полицией, полицейскими советами, местными общинами, органами государственной власти. Цель деятельности ассоциации – улучшение взаимопонимания между полицией и обществом. Независимые посетители мест лишения свободы члены местных общин посещают полицейские участки с целью проверки условий содержания и обращения с задержанными. А организация независимых посещений вменена в обязанность каждого полицейского совета совместно с шеф-констеблями.

Таким образом, очевидным становится то, что каждое государство самостоятельно выбирает форму имплементации модели НПМ путем либо создания нового органа или учреждения, либо возлагая функции НПМ на уже существующие организационные структуры.

Список литературы:

1. Факультативный протокол к конвенции ООН против пыток. Руководство по выполнению // Ассоциация по предотвращению пыток, Межамериканский институт прав человека. 2010. 342 с.

2. Факультативный протокол к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture_prot.shtml (дата обращения: 01.12.2016).

3. Учреждение и назначение национальных превентивных механизмов // Ассоциация по предотвращению пыток. 2006. 134 с.

Болдырев Сергей Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Ростовский юридический институт МВД России

Естественное право в механизме обеспечения прав и свобод человека (технико-юридический аспект)

Личность – не только ценность гражданского общества, но и главная действующая сила в отстаивании собственных прав и свобод. Эта права и свободы обретают практический смысл только в жизнедеятельности человека. Человек и должен постоянно беспокоиться о состоянии системы прав и свобод. В этой связи актуально звучат слова Р. Иеринга: «Кто не чувствует, что в том случае, когда беззастенчиво нарушают и попирают его право, вопрос идет не просто об объекте этого права, но об его собственной личности, кто в подобном положении не испытывает стремления защитить себя и свое право, тот уже человек безнадёжный» [1, с. 3]. Этот вывод звучит сурово в условиях, когда многие члены общества на практике не ощутили себя в качестве той личности, которая вместе со своими правами и свободами представляет социальную ценность.

Особый, требовательный характер подходов личности к оценке правовой действительности основан на понимании того, что только ценностные правовые аспекты, будучи приоритетными, обуславливают результативную реализацию конкретных прав, свобод, интересов, потребностей. В системе правовых ценностей внимание членов общества (субъектов права) акцентируется в первую очередь на содержании, предписаниях правовых законов, отражающих идеи естественного права.

Правовые законы становятся структурирующим элементом модели взаимоотношений личности, гражданского общества, правового государства. Игнорирование требований правовых законов соответствующими институциональными образованиями подрывает основы надежного правового положения личности в иерархии многообразных общественных отношений. Следовательно, заинтересованность в полномочном функционировании правовых законов должна иметь ту же степень важности для гражданского общества и правового государства, что и для подавляющей части членов общества. Как подчеркивает В.Т. Кабышев, «власть в демократическом государстве и гражданском обществе должна быть служанкой общества, а не его госпожой» [2, с. 72–73].

Пользование ценностными благами естественного права, правовых законов со стороны членов развивающегося гражданского общества требует принципиально иного восприятия тех процессов, которые происходят в сферах государственной и правовой жизни. Речь идет о том, что в первую очередь структуры государственной власти, а также институциональные образования гражданского общества должны не с абстрактных, декларативных, а сугубо практических позиций признать ценностный приоритет прав и свобод каждой личности. Ценности права, правовых законов, правовых явлений должны проходить сквозь призму интересов и жизненных установок личности, что соответствует сущности естественного права.

Во взаимоотношениях государства и личности на первый план должны выходить общечеловеческие начала и ценности, а приоритет должен отдаваться правам и свободам личности. Поэтому важным следует признать то обстоятельство, что в научный оборот вводится понятие «правовая личность». Речь идет о таком преимущественном положении личности как субъекта права, когда она воспринимает и оценивает право, его ценностные аспекты и извлекает из этого практическую пользу.

Система права, правовая жизнь общества, конкретные законы и юридические нормы, проявляющие свой потенциал в условиях развития гражданского общества и правовой государственности, призваны учитывать и в определенной мере гарантировать становление необходимых условий для реализации интересов и потребностей членов общества. Это должно найти соответствующее понимание и признание со стороны государства, его властных структур, должностных лиц. Удовлетворение социальных и правовых потребностей личности становится важным звеном в достижении ее политических, социальных, духовно-культурных и иных жизненных интересов и потребностей.

Достижение жизненных притязаний на ценностной основе права определяет достоинство полнокровного существования каждой свободной личности, со знанием дела вступающей в иерархию правовых отношений и оценивающей предоставляемые правовые возможности.

История человечества обогащалась через человека, всегда была связана с его существованием [3, с. 79]. В условиях формирования гражданского общества и правового государства, личность должна возводиться на тот достойный пьедестал существования, который освящен ценностями естественного права и во все большей степени находит воплощение в функционирующих правовых законах. Ценности естественного права, правовые законы, права и свободы человека и гражданина, достойная жизнь личности – основополагающая конструкция правовой жизни гражданского общества, взаимодействующего с правовым государством, но не находящегося под диктатом государственной власти.

Парадигма «право и личность» приобретает действительный смысл только при наличии благоприятных условий для реализации естественных

прав и свобод. Указанные благоприятные условия определяются тем обстоятельством, что юридические предписания позитивного права не исходят из произвола и исключительных интересов государства и его структур, а оставляют простор для тех правовых ценностей, которые адекватны жизненным устремлениям каждой личности, большинства членов общества.

Процесс поиска, восприятия, анализа правовых ценностей не представляет собой упрощенную схему, поскольку эти ценности не лежат на поверхности, не преподносятся в виде какого-то дара, а сложным образом вплетены в ткань жизнедеятельности членов общества. Становление, обнаружение, внедрение ценностей права, формирование благоприятных условий для реализации прав и свобод личности соотносятся со зрелым демократизмом в общественной жизни, с наличием реальной силы принципов свободы, равенства, гуманизма, справедливости в системе общественных отношений.

При восприятии ценностных аспектов права, действующего законодательства, личность в качестве эталона естественно будет отдавать предпочтение правовым законам, поскольку она заинтересована в том, чтобы конструировать свои действия и моделировать достижение определенных жизненных устремлений с наименьшими издержками, соответственно своим интересам.

На процесс восприятия правовых законов и других правовых ценностей, лежащих в основе реализации прав и свобод членов общества, воздействуют объективные и субъективные факторы, факторы коммуникативного свойства, ситуативные факторы, отражающие жизнедеятельность развивающегося гражданского общества и влияющие на становление его правовой основы.

В системе объективных факторов существенную роль играет то обстоятельство, что процесс обновления, совершенствования и развития системы действующего законодательства имеет заметную динамику в количественном отношении, но значительно отстает по эффективности и качественным показателям, что, прежде всего, сказывается на низком удельном весе действительных правовых законов.

В системе регламентируемых нормами позитивного права общественных отношений субъектам права затруднительно отыскивать те юридические предписания, которые исходят от правовых законов. Основную массу функционирующих правовых норм составляют правила поведения тех нормативно-правовых актов, которые не соответствуют параметрам правовых законов. Многие принимаемые законодательные акты не только не повышают качество жизни членов общества, а, напротив, ухудшают их социальный и правовой статус, ставят перед трудным жизненным выбором. В конечном счете, спрос на правовые законы, способствующие повышению уровня достойной жизни человека, не находит должного предложения со стороны законодательной власти.

Такое положение будет оставаться злободневным, если государство, его правотворческие и правоприменительные структуры всерьез не обратятся к идеям и принципам естественного права, не откроют «зеленую улицу» для трансформации его ценностей в систему действующего законодательства. Наглядным примером того, что в этой сфере далеко не все благополучно, является констатация того факта, что в рамках общей теории права сохраняются диаметрально противоположные дискуссии по вопросам дифференциации законов на правовые и неправовые. Разумеется, по мере укрепления основ правовой государственности гражданское общество во все большей степени будет опираться на потенциал правовых законов, а личность получать большие возможности и гарантии для реализации естественных прав и свобод.

Правовая самореализация личности является решающим фактором успешного достижения конкретных прав и свобод, исполнения возложенных обязанностей, она складывается на ряде базовых позиций.

Во-первых, в высокоорганизованном гражданском обществе существенным структурированным элементом для его полнокровного функционирования выступает надежная правовая основа, становым хребтом которой становится система правовых законов, отражающих ценности естественного права и поэтому обращенных к приоритетным жизненным интересам и потребностям членов данного общества.

Во-вторых, система многообразных общественных отношений должна характеризоваться наличием должного правопорядка и общественного порядка, как следствия полновесного проявления регулятивного и охранительного потенциала норм позитивного права и правил поведения, представленных другими видами социальных норм. При этом ведущая роль отводится взаимодействию правовых норм и норм морали (нравственности). В условиях многогранного нормативного воздействия на общественные отношения, наличия в них надежной духовно-нравственной оболочки более активно и зримо раскрывается потенциал ценностей естественного права. Устанавливаемые на этой базе правовые законы придают существенные импульсы процессам реализации прав и свобод человека и гражданина.

В-третьих, успешная реализация жизненно важных прав и свобод личности в решающей степени зависит от ее правовой активности, которая характеризуется социальными и психологическими свойствами данной личности. Речь идет о возрасте, поле, уровне образования, общественном и материальном положении и других социальных данных.

Не менее важное влияние на правовую активность личности оказывают такие ее позитивные психологические качества как широта мышления, склонность к самокритике, толерантность, уважительное отношение к мнению других людей, умение избавляться от предрассудков и устаревших

(вредных) стереотипов, открытость, способность к самоанализу, умение принимать рациональные решения в критических ситуациях и др.

Погрешности в психологическом мире личности могут вносить нежелательные коррективы в оценку правовых ситуаций, в процессы мотивации правового поведения, искажать истинные правовые намерения и в конечном счете отдалять ее от достижения конкретных жизненных интересов и потребностей, реализации соответствующих прав и свобод.

В-четвертых, правовая самореализация личности и ее правовая активность в системе общественных отношений обусловлены наличием должной культурно-правовой и духовно-нравственной среды в недрах развивающегося гражданского общества. Если такой микроклимат не проявляет себя в обществе, то личность в качестве субъекта права противостоит системе сложившихся отношений, чувствует отчуждение со стороны окружающей правовой действительности, находит не понимание со стороны других членов общества и, в конечном счете, не обнаруживает те исходные начала, которые обуславливают полноценную реализацию естественных прав и свобод. Дефицит правового, культурного, нравственного микроклимата в обществе – свидетельство отсутствия в его жизнедеятельности необходимых правовых и нравственных ценностей, которые бы стимулировали правовую активность членов общества.

На формировании должной нравственно-правовой среды в правовой жизни складывающегося гражданского общества сказывается недостаточное влияние потенциала естественного права на законотворческую и правоприменительную деятельность компетентных органов государства. Это подтверждается тем, что в юридических предписаниях и в актах правоприменительного процесса приоритеты личности, ее права и свободы нередко переводятся на второстепенные позиции, уступая место интересам государственных структур и других институциональных образований.

До тех пор пока государство прямо или косвенно будет игнорировать ценности естественного права, исключать производство подлинно правовых законов, члены общества будут испытывать весомый дефицит в возможностях реализации своих интересов, потребностей, прав и свобод. В таких условиях личность как действительный субъект права обнаруживает такое нежелательное состояние своей жизни, как систематическое возложение все новых юридических и общественных обязанностей, отдаляющих ее от конкретного пользования жизненно важными правами и свободами.

Список литературы:

1. Иеринг Р. Борьба за право. М., 1991.
2. Кабышев В.Т. Человек и власть: конституционные признаки взаимоотношений // Личность и власть (конституционные вопросы): Межвуз. сб. науч. работ. Ростов н/Д, Саратов, 1995.
3. Тойнби Д. Постигание истории. М., 1996.

Буткевич Сергей Анатольевич,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник,
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Право граждан на мирные собрания или государственный переворот? (анализ событий ноября 2013 г. – февраля 2014 г. на Украине)

Вопросы соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина в различных сферах были предметом научных исследований А.И. Антонова, Т.А. Аристарховой, А.Ю. Головина, О.В. Гутник, И.М. Даукаева, Н.И. Журавленко, О.Л. Журбы, С.И. Иванова, В.В. Кашоиды, А.А. Коноплевой, Н.В. Нарыкова, Л.П. Рассказова, И.В. Упорова, Ю.Г. Федотовой, С.М. Ховавко, Д.Н. Шурухновой [1–12] и др. Однако события, получившие в Украине гордое название «революция достоинства» (де-факто – действия, направленные на насильственное изменение или свержение конституционного строя либо на захват власти, ст. 109 УК Украины), через призму законности проведения публичных акций протеста и пресечения массовых беспорядков детально не анализировались. Указанные обстоятельства обусловили актуальность выбора темы и цель нашего исследования.

Проблематика организации и проведения массовых акций в последнее время стала и остается злободневной как с теоретической, так и с практической точек зрения. Это связано с тем, что мирные собрания – это не только индикатор уровня демократии в стране, но и эффективный и действенный рычаг влияния общественности на государственные институты. Между тем в умелых руках зарубежных неправительственных организаций, иностранных специальных служб и агентов влияния этот, на первый взгляд, демократический инструмент может превратиться в высокоточное оружие, направленное против легитимных органов власти, а также инструмент проведения «бархатных» революций.

В соответствии со ст. 39 Конституции Украины граждане имеют право собираться мирно, без оружия и проводить собрания, митинги, шествия и демонстрации, о проведении которых заблаговременно уведомляются органы исполнительной власти или органы местного самоуправления. Ограничения реализации этого права могут устанавливаться судом согласно закону и только в интересах национальной безопасности и общественного порядка – с целью предупреждения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья населения или защиты прав и свобод других людей [13]. То есть данное право граждан является неотъемлемым и непреложным, поскольку гарантировано украинским Основным Законом.

Это право – одна из конституционных гарантий права гражданина на свободу своего мировоззрения и вероисповедания, мысли и слова, свободное выражение своих взглядов и убеждений, использование и распространение информации, свободное развитие личности и т.п. Однако при реализации этих прав не должно быть посягательств на права и свободы, честь и достоинство других людей (ст. 68 Конституции Украины [14]).

Вместе с тем конкретный срок, на протяжении которого необходимо уведомить органы публичной власти о проведении указанных акций, действующим законодательством Украины не установлен. Поэтому некоторые организаторы таких акций понятие «заблаговременно» трактуют как предусматривающее «предварительное информирование» соответствующих органов о проведении сборов, митингов, шествий и демонстраций. Не единичны случаи, когда подобная информация направлялась органам исполнительной власти или органам местного самоуправления за сутки до начала массовых акций, а иногда – за несколько часов. Поскольку ч. 2 ст. 39 Конституции Украины предусматривает ограничение судом реализации права граждан на проведение мирных собраний, митингов, шествий и демонстраций, то решение этого вопроса на практике требует определенного времени. В частности, за этот период необходимо выяснить условия проведения массовых акций, их соответствие действующему законодательству и определить необходимость привлечения определенных сил и средств органов безопасности и правопорядка [13]. Именно поэтому МВД Украины настаивало на необходимости определения «предельного срока времени, до которого возможно предоставление уведомлений о намерениях провести указанные мероприятия их организаторами» [14].

Бесспорно, регламентация сроков заблаговременного оповещения должна быть дополнительной гарантией реализации конституционного права граждан. В течение этого срока органам безопасности и правопорядка необходимо провести ряд подготовительных мероприятий, в т.ч. для обеспечения беспрепятственного проведения гражданами сборов, митингов, шествий или демонстраций, охраны общественного порядка, защиты прав и свобод других людей, законных интересов общества и др. В этот период в случае необходимости органы публичной власти могут согласовывать с организаторами массовых акций дату, время, место, маршрут, условия, продолжительность их проведения и т.п. Срок заблаговременного оповещения должен быть достаточным и для того, чтобы органы исполнительной власти или органы местного самоуправления могли определиться насколько проведение таких сборов отвечает закону и, в случае необходимости, согласно ч. 2 ст. 39 Конституции Украины обратиться в суд для решения спорных вопросов.

Учитывая изложенное выше, Конституционный Суд Украины пришел к выводу, что определение конкретных сроков заблаговременного оповещения органов публичной власти с учетом особенностей мирных собраний, их форм, массовости, места и времени проведения и др. является предметом законодательного регулирования. При этом организаторы таких публичных акций должны оповещать указанные органы о проведении этих мероприятий «заранее, т.е. в приемлемые сроки, предшествующие дате их проведения» [14].

Следует указать, что отдельными парламентариями Украины (преимущественно провластными) неоднократно предпринимались попытки устранить пробелы в законодательстве в этой области.

Например, новеллой законопроекта «О собраниях, митингах, шествиях и демонстрациях» (март 2004 г.) было использование термина «публичное мероприятие», под которым понималась открытая, мирная, доступная каждому акция, которая проводится в форме собрания, митинга, шествия, демонстрации или пикетирования либо в различных сочетаниях этих форм, осуществляемая по инициативе граждан Украины, политических партий, общественных организаций, религиозных объединений. Цель акции – свободное выражение и формирование мнений, политической позиции, а также требований по разнообразным вопросам общественной жизни.

Проведение публичного мероприятия должно было основываться на принципах: законности (соблюдение положений Конституции и законов Украины); добровольности участия. А организатором такого мероприятия мог быть гражданин Украины, которому исполнилось 18 лет, политическая партия, ее региональное отделение или другое структурное подразделение, общественная организация или религиозное объединение, взявшее на себя письменное обязательство выполнять функции организатора соответствующего публичного мероприятия. В случае принятия данного законопроекта сообщение о проведении публичного мероприятия (за исключением собраний) должно было подаваться его организатором (организаторами) в письменной форме за 10 календарных дней до начала проведения мероприятия.

Интересным является тот факт, что законодатель пытался установить предельную продолжительность публичного мероприятия, которое проводится одним и тем же организатором, – не более 5 часов подряд. Очевидно, что данная норма была бы неконституционной.

В свою очередь, проект закона «О мирных собраниях» (июнь 2010 г.) разрабатывался с целью урегулирования правовых основ реализации гарантированного Конституцией Украины права на свободу мирных собраний. Последнее определялось как публичное мероприятие, которое проводится по инициативе граждан, заведения, предприятия, учреждения, организации, направленное на обращение общественного внимания и/или выражение личной, гражданской или политической позиции по каким-либо вопросам, которое не имеет противоправных целей и проводится мирно, без оружия в форме собрания, митинга, демонстрации, пикетирования, шествия или в каком-либо другом конгломерате этих форм или других не запрещенных законом формах. В ст. 7 проекта предусматривалось, что организатор мирного собрания в письменной форме сообщает о намерении проведения мирного собрания соответствующий орган исполнительной власти и/или орган местного самоуправления заблаговременно, но не

позднее чем за 4 рабочих дня до его начала. Но в ч. 2 ст. 7 проекта в перечне информируемых субъектов указаны только органы исполнительной власти, а возможность проведения спонтанных мирных собраний (п. 10 ч. 1 ст. 1 и ст. 13) фактически давала право организаторам массовых акций проводить любые мероприятия незапланированно в любом месте и в любое время.

Указанный законопроект предполагал, что в сообщении о проведении мирного собрания должны указываться: дата проведения, время начала и ориентировочная продолжительность мирного собрания; цель, форма и место его проведения; маршрут передвижения демонстрантов или участников шествия, их ожидаемое количество; подробные контактные данные физических и/или юридических лиц – организаторов акции; информация о намерении организатора по установлению на месте проведения мирного собрания временных сооружений, использованию звукоусиливающей техники и т.п.; дата подписания сообщения и подпись организатора (ст. 8).

Как уже подчеркивалось выше, ограничения свободы мирных собраний содержатся в Конституции Украины. При этом проект закона «О свободе мирных собраний» (июль 2012 г.) уточнял, что такая свобода может быть ограничена с учетом принципа пропорциональности, в т.ч. по таким основаниям: цель собрания – ликвидация независимости Украины, смена конституционного строя насильственным путем, пропаганда войны, насилия, разжигание межэтнической, расовой, религиозной вражды, воспрепятствование реализации прав и свобод других лиц; необходимость защиты государственного суверенитета и территориальной целостности Украины от незаконных посягательств; предупреждение реальной опасности применения организаторами и участниками собрания физической силы, оружия и других опасных средств для причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц; ограничения, связанные с введением карантина, военного или чрезвычайного положения.

О намерении проведения мирного собрания его организатор в письменной форме должен был уведомлять соответствующий орган публичной власти в срок не позднее чем за 2 дня до его начала. Предполагалось, что свобода мирных собраний могла быть ограничена путем: ограничения места, времени или продолжительности его проведения; ограничения использования звукоусиливающей аппаратуры или других источников шума; частичного ограничения места установления временных сооружений; запрета на проведение мирного собрания. При этом не могло быть основанием для ограничения свободы мирного собрания количество его участников, проведение одновременно с мирным собранием других публичных акций, в т.ч. контрсобраний, массовых или охраняемых мероприятий (празднований, концертов, визитов высших должностных лиц).

Этот законопроект был самым «либеральным» из всех. В частности, организатором мирных собраний могло быть физическое лицо, которое

было гражданином Украины, иностранцем или лицом без гражданства, юридическое лицо, а также общественное объединение независимо от наличия у него статуса юридического лица. Физическое лицо, которое не достигло 16 лет или является недееспособным, также могло быть организатором мирного собрания, если хотя бы одним из соорганизаторов является физическое лицо, имеющее полную гражданскую дееспособность.

Вместе с тем велась работа по урегулированию полномочий ОВД по обеспечению проведения мирного собрания. Например, в законопроекте «О свободе мирных собраний» (июль 2013 г.) предусматривались такие их задачи:

- определение представителя, ответственного за обеспечение безопасности людей и общественного порядка при проведении мирного собрания, уполномоченного взаимодействовать с организатором последнего, и уведомление о нем организатора;

- обеспечение общественного порядка и безопасности людей от начала и до конца проведения мирного собрания, охраны его организаторов и участников, в т.ч. их имущества, используемого для проведения мирного собрания;

- немедленное информирование органов публичной власти об обстоятельствах, действиях или других публичных проявлениях, указывающих на подготовку или проведение спонтанного мирного собрания;

- сопровождение участников мирного собрания, обеспечение возможности для них перемещаться по проезжей части улицы или дороги по указанному в сообщении о проведении мирного собрания маршруту, в т.ч. путем временного ограничения или изменения маршрутов движения транспорта, установления специальных знаков;

- установление между участниками мирных собраний рубежей (по просьбе организатора одного из одновременных мирных собраний или в случае необходимости во время проведения контрсобраний);

- обеспечение участникам мирного собрания возможности беспрепятственно проходить в места его проведения;

- в случае нарушения общественного порядка во время проведения мирного собрания локализация и пресечение правонарушения без прекращения мирного собрания и т.д.

При этом ОВД не имели бы права: устанавливать временные заграждения или препятствовать другим способом свободному проходу граждан к местам проведения мирного собрания; определять является ли мирное собрание спонтанным; требовать прекращения мирного собрания, даже в случае его проведения без уведомления органов публичной власти; запрещать или ограничивать свободу выбора места, времени или маршрута мирных собраний, разделять мирное собрание на сегменты и каким-либо другим способом препятствовать его проведению; использовать огнестрельное оружие. То есть в данном случае сотрудники ОВД не обеспечивали общественную безопасность, а играли бы, скорее всего, роль наблюдателей.

Тем не менее указанные выше и другие проекты так и остались законодательными инициативами. При этом подчеркнем, что попытки законодательно урегулировать право граждан на мирные собрания, а также механизм их ограничения предпринимались накануне социально-политических взрывов, вызванных массовым недовольством украинскими политическими элитами, а потому не находили достаточной поддержки в парламенте и общественного одобрения. После смены власти о данной проблеме на некоторое время опять забывали. Впрочем, несмотря на «декоммунизацию» всех сфер общественной жизни, частью действующего законодательства Украины остается указ Президиума Верховного Совета СССР от 28.07.1988 № 9306-XI «О порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР».

Итак, до начала «цветной» революции ни один из законодательных актов Украины не определял конкретный механизм реализации конституционного права граждан на мирные собрания, что способствовало биполярным толкованиям конституционной нормы, правоприменительной практики, правозащитной и правоохранительной деятельности, а также судебным решениям. Именно в условиях законодательного вакуума в конце 2013 г. – начале 2014 г. правоохранительные органы должны были пресекать групповые нарушения общественного порядка и ликвидировать массовые беспорядки, спровоцированные радикально настроенными лицами и их объединениями и щедро финансируемые из-за рубежа [15–17].

Несмотря на это, органами безопасности и правопорядка предпринимались меры по нормализации оперативной обстановки в государстве в целом и столице в частности. Так, конфидентам ставились задачи по: распространению среди участников массовых беспорядков информации об их использовании оппозиционными политическими силами для усиления своего авторитета, а также целесообразности постепенного возвращения домой с учетом бесперспективности проведения «Евромайдана»; распространению сведений негативного характера о лидерах политических сил и общественных структур, поддерживающих проведение указанных протестных мероприятий, ввиду их отсутствия в связи с празднованием новогодних праздников дома или за границей; высказыванию неудовлетворенностью организацией и бытовыми условиями проживания в палаточном городке в контексте нецелевого использования его организаторами собранных средств; распространению позитивной информации об органах власти в части выполнения требования «Евромайдана», а также недопущению обострения политического кризиса и наступления экономического дефолта.

Предчувствуя необратимые последствия от тщательно спланированных и высокоорганизованных массовых беспорядков, руководители силовых министерств и ведомств доходят до планирования крайних (провокационных, диверсионно-разведывательных и др.), иногда даже незаконных контрмер. В частности, предусматривались:

– провоцирование физических столкновений между группами участников «Евромайдана» от имени различных оппозиционных сил, другими посторонними лицами во время проведения митинга с участием лидеров оппозиции и гей-парада в центре города;

– имитация пожара (с использованием имитационных пиротехнических изделий – дымовых шашек) в палатках, захваченных зданиях и сооружениях вследствие нарушения правил пожарной безопасности;

– создание предпосылок для конфликтов в среде руководителей политических структур и общественных организаций, активно поддерживающих «Евромайдан» и его участников, путем: отправления СМС-сообщений угрожающего и оскорбительного содержания от имени одного другому лидеру (с использованием соответствующего программного обеспечения); опубликование в СМИ открытых писем от имени ВО «Свобода», ВО «Батьківщина», ПП «УДАР» и др. с критикой других участников объединенной оппозиции; распространение в центре г. Киева аналогичных по содержанию провокационных наклеек и листовок от имени «Демократического альянса»;

– проведение активных мероприятий по отключению от энергоснабжения под видом аварии в сети магазинов «Глобус», к которой подключена сцена майдана;

– создание антисанитарных условий путем постоянного повреждения биотуалетов; распыление в палаточном городке химического вещества с резким стойким неприятным запахом;

– повреждение дизель-генераторов и других автономных устройств питания и освещения, установленных в палаточном городке (в т.ч. путем отпуска митингующим некачественного топлива);

– повреждение звукоусиливающей и осветительной аппаратуры, используемой на сцене, установленной на пл. Независимости;

– прекращение подачи воды в захваченные здания и сооружения путем выведения из строя водопроводов и вентиляных кранов;

– повреждение окон квартир, в которых проживают активисты «Евромайдана», их родственники и близкие, путем вбрасывания камней, обмоченных листовками с изображением указанных лиц с имитацией пулевого отверстия в районе лба;

– повреждение автомобилей, регулярно занимающихся поставками продуктов питания и дров в палаточный городок; кражи государственных номерных знаков с автомобилей с регистрацией в западных областях Украины, припаркованных возле «Евромайдана»;

– разработка и распространение в палаточном городке полиграфической продукции провокационного характера с призывами к прекращению проведения протестных акций или предложением манифестантам возвратиться домой для проведения оппозиционного противостояния на местах;

– организация нарушений общественного порядка, разбрасывание мусора, остатков еды, пустых бутылок из-под алкогольных напитков вблизи подъездов жилых домов в центре города с целью создания негативного имиджа участников акций среди киевлян;

– имитация нападений на граждан из числа жителей центральных улиц города под видом активистов «Евромайдана» (с опознавательными лентами, характерным запахом, соответствующими комментариями и др.) для последующего обращения потерпевших в правоохранительные органы, грабежей путем разбития витрин магазинов, находящихся вблизи пл. Независимости;

– проведение от имени жителей прилегающих домов и других киевлян протестных акций с требованиями расчистки центра столицы от мусора и организации традиционных новогодних праздничных мероприятий;

– проведение от имени ЛГБТ-сообщества гей-парада по поддержке «Евромайдана» с дальнейшим освещением указанного события в СМИ в негативном для оппозиционеров свете.

Далее с целью недопущения перерастания протестных акций в бессрочные планировалось реализовать оперативный замысел по созданию оснований для проведения антитеррористической операции. С этой целью должен был осуществлен ряд анонимных звонков на телефоны специальных линий «101» и «102» от имени лиц, недовольных продолжительным проведением акций протеста, с сообщением о заминировании палаточного городка и зданий, расположенных в центре города. Учитывая эти обстоятельства, силы и средства антитеррористического центра переводились в повышенную степень готовности и усиливали меры безопасности в районе «Евромайдана» путем: установления на основных путях подхода дополнительных рубежей, оборудованных металлодетекторами (рамками), на которых проводилась проверка документов лиц, их пересекающих; привлечения подразделений взрывотехнических и кинологических служб, органов безопасности и правопорядка в непосредственной близости от «Евромайдана»; организации поисковых мероприятий компетентными подразделениями в палаточном городке, зданиях и сооружениях, расположенных в центре города (в связи с продолжающимися анонимными звонками); обеспечения выявления при обследованиях зданий, сооружений и палаток средств поражения, взрывчатых веществ, предметов, которые внешне похожи на самодельные взрывчатые устройства и боеприпасы, с дальнейшим освещением указанных обстоятельств в СМИ.

Необходимо подчеркнуть, что у Президента Украины были все основания для введения чрезвычайного положения (см. пункты 2–5, 7 ч. 2 ст. 4 Закона Украины «О правовом режиме чрезвычайного положения»), но это сделано не было. Благодаря этому правоохранительными органами продолжала фиксироваться общественно опасная деятельность радикально настроенных структур, заключающаяся в сознательном, целенаправленном

применении насилия, поджогов, массовом завладении оружием и боеприпасами, спецсредствами, изготовлении и использовании взрывчатых веществ, запугивании населения и должностных лиц органов власти, а также совершении других посягательств на жизнь и здоровье посторонних людей. Несколько позднее группами радикалов осуществлялся силовой захват зданий органов публичной власти всех уровней, объектов инфраструктуры повышенной опасности, в т.ч. потенциально опасных военных объектов, на которых использовались, изготавливались, перерабатывались, хранились или транспортировались оружие, боеприпасы, радиоактивные, пожароопасные, взрывчатые и химические вещества с целью дальнейшей дестабилизации обстановки в столице и регионах.

Обратим внимание и на то, что групповые нарушения общественного порядка и массовые беспорядки (статьи 293 и 294 УК Украины), прежде всего при проведении публичных акций, всегда приобретают резонансный характер. В таких условиях нарушаются (ограничиваются) права и свободы других граждан, создаются препятствия для функционирования органов власти, предприятий, учреждений, организаций транспорта, связи, социальной инфраструктуры и т.п. Соответственно, ОВД должны оперативно, системно и комплексно реагировать и на такие нарушения общественного порядка, а также на причины и условия, способствующие их возникновению. Штатная численность, уровень подготовки и обеспечения, мобилизационная готовность и боеспособность, отработанная тактика, приемы и способы деятельности личного состава органов безопасности и правопорядка и их общественная поддержка жителями юго-восточных регионов Украины на тот момент позволяли полностью ликвидировать массовые беспорядки в столице и нивелировать угрозы национальной безопасности в стране в течение суток. И все-таки решения о проведении специальных операций «Волна» и «Бумеранг» приняты не были.

В результате событий ноября 2013 г. – февраля 2014 г., отсутствия политической воли высшего руководства Украины на фоне форсированного «экспорта демократии» европейскими и американскими «партнерами», под давлением оппозиционных и радикально настроенных сил и проводившейся информационной войны произошли неконституционная смена власти, потеря украинской государственности, массовые нарушения прав и свобод граждан («мусорные» люстрации чиновников, травля и публичное унижение сотрудников специальных подразделений правоохранительных органов, физическое уничтожение оппонентов и др.) и развязывание гражданской войны против собственного народа. В итоге Украина превратилась из субъекта в объект международного права, по сути, марионеточное государство.

Впрочем, Р.С. Мельник настаивает на том, что в новейшей истории Украины «майданы» – эффективный механизм реализации и обеспечения суверенитета народа, который имеет право определять политическую, эко-

номическую и социальную участь своей страны, используя при этом мирные собрания [18, с. 8–9]. Безусловно, интересная позиция сотрудника вуза МВД Украины, учитывая количество погибших и пострадавших сотрудников органов правопорядка при обеспечении общественной безопасности на «мирных» акциях и сторонников «Антимайдана» за анализируемый период. В контексте данного вопроса дискуссионной выглядит и тезис М.П. Киреева и З.И. Тагирова о том, что «радикализм – это нормальное явление» [19, с. 16]. Сегодняшняя ситуация на Украине наглядно иллюстрирует, что последствия радикализации небольших групп населения, скоординированная опытными западными кукловодами, трясшими «стеклянными бусами демократии», стали необратимыми и крайне отрицательными для всего общества и государства.

Подытоживая, отметим, что мирные собрания в любой из своих форм являются способом реализации конституционных прав и свобод граждан, в т.ч. на свободу мировоззрения и вероисповедания, мысли и слова, свободное выражение своих взглядов и убеждений, использование и распространение информации, свободное развитие личности. Одновременно с этим охрана общественного порядка при реализации этого права – первоочередная задача ОВД, вытекающая из основоположных принципов построения демократического правового государства. Выполнение заданий, возложенных на ОВД, предусматривает реализацию принципов, основанных на утверждении общечеловеческих ценностей, надлежащем отношении к человеку и признании его приоритета в отношениях с государством.

С целью повышения эффективности действий (мероприятий) органов безопасности и правопорядка по обеспечению общественной безопасности необходимо учитывать, что групповые, спонтанные и организованные формы нарушения общественного порядка представляют повышенную общественную опасность, значительно усиливающуюся при проведении различных массовых акций. Для противодействия таким противоправным действиям необходимо педалировать совершенствование законодательства в данной сфере, а также организационных и тактических основ деятельности этих органов.

Список литературы:

1. Антонов И.А., Кондрат И.Н., Васильева Г.М. Сроки производства по уголовным делам в Российской Федерации и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // Мир политики и социологии. 2012. № 1.

2. Головин А.Ю., Аристархова Т.А. Особенности проведения отдельных следственных действий при расследовании экстремистских преступлений против прав и законных интересов человека и гражданина // Известия Тульск. гос. ун-та. Эконом. и юрид. науки. 2016. № 1-2.

3. Журавленко Н.И., Даукаев И.М. Новое в ограничении прав граждан на труд и его толкование // Правовое гос-во: теория и практика. 2013. № 4 (34).

4. Журба О.Л., Гутник О.В. Задержание: вопросы обеспечения прав и свобод // Таврич. научный обозреватель. 2016. № 5-1 (10).
5. Иванов С.И. Нарушение прав и свобод человека и гражданина сотрудниками уголовного розыска в условиях раскрытия неочевидных преступлений // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2015. № 3 (29).
6. Кашоида В.В. Исторические аспекты развития в России института конституционных прав осужденных к лишению свободы // Общество и право. 2014. № 2 (48).
7. Коноплева А.А. Урегулирование межэтнических конфликтов как фактор обеспечения национальной безопасности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7-1 (69).
8. Нарыков Н.В. Права и обязанности человека в системе социальных норм // Общество и право. 2012. № 2 (39).
9. Рассказов Л.П., Упоров И.В. Лишение свободы в России: истоки, развитие, перспективы: монография. Краснодар: КЮИ МВД России, 1999.
10. Федотова Ю.Г. Массовые и грубые нарушения прав и свобод человека и гражданина: теоретические и практические проблемы // Современное право. 2013. № 6.
11. Ховавко С.М. Гарантии соблюдения прав человека и гражданина при проведении оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых на основании судебного решения // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: КрУ МВД России, 2016.
12. Шурухнова Д.Н. Выдача, передача и выдворение лиц в отношениях государств (права, законные интересы и их гарантии): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
13. Конституция Украины от 28 июня. 1996 г. (ред. от 30.09.2016) // ВВР Украины. 1996. № 30. Ст. 141.
14. Дело № 1-30/2001 о своевременном оповещении о мирных собраниях: решение Конституционного Суда Украины от 19 апр. 2001 г. № 4-рп/2001 // Официальный вестн. Украины. 2003. № 28. Ст. 1379.
15. Смолина М.М. Охрана общественного порядка как основная задача милиции Украины // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2013. № 3 (21).
16. Скребец Е.С. Организационные и правовые аспекты ликвидации массовых беспорядков // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2015. № 3 (29).
17. Меркурьев В.В., Соколов Д.А. Противодействие технологиям «цветных революций» // Проблемы теории и практики борьбы с экстремизмом и терроризмом: материалы науч.-практ. конф. Ставрополь: СКФУ, 2015.

18. Мельник Р.С. Право на свободу мирных собраний: теория и практика. Київ: ВАІТЕ, 2015.

19. Киреев М.П., Тагиров З.И. Противодействие радикализации общественных отношений, питающей терроризм // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: материалы Всерос. науч.-практ. конф. [Электронный ресурс]. Симферополь: КФ КрУ МВД России, 2015.

Вавренюк Лидия Олеговна,
Крымский юридический институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Реализация принципа состязательности в досудебном уголовном производстве зарубежных стран

Характеризуя правовую природу приговора, важно вместе с установлением цели уголовного производства сконцентрировать внимание на изучении одного из основополагающих принципов уголовного процесса, который влияет на вынесение справедливого и объективного судебного решения – принцип состязательности сторон.

В этом контексте важным является изучение зарубежного опыта регламентации принципа состязательности сторон, в досудебном уголовном производстве. Таким образом, следует изучить особенности реализации принципа состязательности в англо-американской и романо-германских правовых системах.

Типичными представителями англо-американской правовой системы выступают Англия, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия. Англосаксонскую правовую систему можно охарактеризовать следующими признаками: уголовно-процессуальное право преобладает над материальным; стороны обвинения и защиты с помощью состязательного метода оспаривают позиции друг друга путем предоставления доказательств и их исследования непосредственно перед судом, когда каждая из сторон излагает свою версию событий и пытается опровергнуть версию противоположной стороны, а выбор одной единственно верной версии остается за судом; приоритетом противоправных интересов.

Традиционно считается, что по форме английский уголовный процесс является обвинительным или состязательным, т.е. таким, в котором движение уголовного процесса направляется усилиями обвинителя. Кроме того, он строится на принципах состязательности, состоит в том, что на всех стадиях представляет собой спор, борьбу формально равноправных сторон – обвинителя и обвиняемого, суд же является лишь арбитром в их споре.

Уголовный процесс Англии делится на стадии полицейского (внесудебного) расследования, досудебного исследования обстоятельств дела обвинением и защитой, судебные стадии.

На досудебных стадиях функция обвинения осуществляется путем расследования, которым занимается служба преследования; коронеры; полиция; налоговая служба; таможенная служба; инспекция по вопросам заработной платы и т.д. Кроме того, частного-исковой характер процесса предусматривает возможность для каждого гражданина выступать обвинителем по делу лично или с помощью адвоката. Потерпевший, а также другие лица, которые в соответствии с законом наделены правом осуществления уголовного преследования, могут производить предварительное расследование тремя способами: лично; с помощью приглашенного частного детектива; обратившись в государственный орган. Эти и другие права потерпевших регламентируются хартиями «О правах жертв преступлений» (1990 г., 1996 г.) и документом, который принят МВД, Генеральным прокурором и Лорд Канцлером Великобритании «Пересмотр Хартии о жертве преступления» (2001 г.). Формально против обвиняемого выступает король (королева) обвинитель же, даже если он является потерпевшим от преступления, осуществляет уголовное преследование от имени короны. Специфическим является сам процесс сбора доказательств: их выявление, процессуальное признание и приобщение в дело разорваны во времени. На начальных этапах стороны самостоятельно собирают материалы с целью обвинения и защиты в суд, причем обвинитель собирает исключительно обвинительные данные. Процессуальное приобщение доказательств к делу осуществляется во время предварительного слушания в суде, когда рассматриваются все материалы, которые подаются сторонами, и по ходатайству сторон судом принимаются меры для получения новых доказательств.

Необходимо отметить, что состязательность процесса на ранних этапах производства обеспечивает возможность адвокату, который осуществляет функцию защиты противопоставить обвинителю объективную аргументацию и тем самым облегчает установлению истины по делу.

Гарантии прав, которое привлекается к уголовной ответственности, состоят в обеспечении процессуальных прав задержанного, в частности для тех подозреваемых, которые не в состоянии самостоятельно обеспечить участие адвоката (по материальным и другим причинам), созданы круглосуточно действующие адвокатские бюро, куда обращается полиция в таких случаях.

Уголовный процесс США по своей форме также является состязательным, основным источником уголовно-процессуального права, как и в Англии, является судебная практика. Правило прецедента состоит в том, что решение, которое принял суд, является обязательным для него и для судей нижестоящего уровня в аналогичных делах [1, с. 24]. К органам, которые осуществляют производство по уголовным делам в США, относятся

судебные органы, прокуратура, коронеры, органы предварительного расследования, адвокатура. Стадии уголовного процесса США идентичны стадиям уголовного процесса Англии.

Для стадии полицейского (внесудебного) расследования характерны такие черты: субъектом его проведения, в основном является полиция; содержание ее деятельности составляют разведывательные и поисковые действия; суд играет эпизодическую роль, связанную с применением мер процессуального принуждения; для начала расследования не требуется любого фактического обоснования или формального акта возбуждения дела; подготовку материалов к судебному рассмотрению, аналогичного полицейскому расследованию, вправе проводить потерпевший и обвиняемый, которые выступают сторонами, по результатам полицейского расследования не заявляются судебные доказательства и полицией не принимаются решения по предмету уголовно-правового спора между обвиняемым и государством [1, с. 27].

К.Б. Калиновский отмечает, что полиция больше выполняет административные функции, чем процессуальные, поскольку последние начинаются там, где есть три участника правоотношений: сторона обвинения, сторона защиты и суд. На вышеописанных этапах фактически действует только полиция (подозреваемый не является стороной процесса, а суд только контролирует законность некоторых полицейских действий). Таким образом, полицейское расследование подчиняется розыскному методу регулирования [1, с. 27–33], и принцип состязательности на этой стадии не реализуется.

Стадия досудебного исследования обстоятельств дела обвинением и защитой включает в себя следующие этапы: принятие решение об обвинении, направление обвинительного документа в суд, прокурор проводит предобвинительное определение целесообразности дальнейшего производства по делу. Изучая материалы, собранные в ходе полицейского расследования, а иногда и лично опрашивая подозреваемых или потерпевших, он принимает решение о дальнейшем продвижении дела. На содержание этих решений влияет много факторов. Основной из них – степень доказанности обвинения. Возможна также переквалификация совершенного деяния в сторону смягчения обвинения. В случаях, когда его доказанность спорная, прокурор имеет право учитывать при принятии решения о дальнейшей судьбе дела ряд следующих факторов: размер причиненного преступлением вреда, репутацию подозреваемого и наличие или отсутствие у него судимости в прошлом, вероятность осуждения подозреваемого за более опасные преступления по другому делу, которое передано в суд для рассмотрения по сути [3, с. 241–242].

Как и в Англии, обвинителем по делу может выступать и частное лицо или частный адвокат. Адвокатов в США разделяют на 2 группы. Первые работают в юридических консультациях (агентствах защитников), ко-

торые обеспечивают участие адвокатов в процессе за счет средств штата. Вторые считаются частными (платными) адвокатами и именуются «барристер» [1, с. 26].

Особенностью правовой системы США также является то, что активную роль в расследовании преступлений играют частные детективы и их объединения. На основании контрактов они предоставляют профессиональную помощь физическим и юридическим лицам в сборе доказательств, расследовании уголовных дел [4, с. 69, 70]. Лицо, которое привлекается к уголовной ответственности, имеет гарантии соблюдения своих прав, похожих с Англией. Кроме того, в США существует правило, которое означает, что обвинительный приговор суда может основываться только лишь на допустимых доказательствах, поэтому из сферы судопроизводства исключаются сведения, полученные с нарушением «соответствующей правовой процедуры».

Таким образом, для англо-саксонской правовой системы на стадии досудебного исследования обстоятельств дела характерны такие состязательные элементы как: 1) возможность собирания доказательств, на основании которых принимается решение по делу, имеют как обвинитель, так и обвиняемый; 2) потерпевший – полноправная сторона, он может самостоятельно возбуждать уголовное производство и поддерживать государственное обвинение; 3) возможность адвоката вести параллельное расследование уголовного дела; 4) исследование судьей доказательств, предоставленных сторонами; 5) решение вопроса предъявление обвинения только судом; 6) избрание меры пресечения судом; 7) на этапе раскрытия материалов, которые собраны по уголовному делу возможность обмена обвинителем и защитником всеми доказательными материалами; 8) обжалование в суде отказа обвинителя раскрытия материалов.

Список литературы:

1. Калиновский К.Б. Уголовный процесс современных зарубежных государств: учеб. пособие. Петрозаводск: ПетрГУ, 2000.
2. Головкин Л.В., Гуценко К.Ф., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств: учеб. пособие для юрид. вузов. М.: Зерцало-М, 2002.
3. Головкин Л.В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. М.: Спарк, 1995.
4. Молдован А.В. Уголовный процесс: Украина, ФРГ, Франция, Англия, США: учеб. пособие. К.: Центр учеб. лит-ры, 2010.

Органы местного самоуправления как субъекты обеспечения права на медицинскую помощь

Вопросы обеспечения отдельных прав человека органами местного самоуправления актуализируются в связи с тем, что именно они по своей правовой природе, в отличие от других органов публичной власти, максимально приближены к населению, а, следовательно, лучше знают их потребности. Муниципальная власть выступает одной из основ демократического управления на местном уровне, максимально решает задачи удовлетворения растущих запросов населения [7]. Именно она дает возможность каждому гражданину принять участие в управлении местными делами, и тем самым, реализовать свои права и свободы [5, с. 389]. В процессе проведения в жизнь государственных и муниципальных программ развития здравоохранения, органы местного самоуправления обеспечивают учет интересов малых сообществ, оптимально сочетают права и охраняемые законом интересы личности с охранительной политикой государства в исследуемой области общественных отношений. Кроме того, поскольку на местном уровне реализуется большинство социально-экономических прав человека, то на органы местного самоуправления возложена непосредственная задача по их обеспечению [6].

Представляется, что право на медицинскую помощь производно от права на охрану здоровья гарантированного Конституцией РФ. При этом с юридической точки зрения эти права следует различать. Согласно п. 3 ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ под медицинской помощью понимается комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг [3]. Следовательно, право на медицинскую помощь представляет собой возможность поддерживать и (или) восстанавливать здоровье, а также право получать медицинские услуги в определенном объеме. Не углубляясь в содержание рассматриваемых прав (сложный состав), отметим, что они реализуются в целях диагностики состояния, профилактики и лечения определенных нарушений здоровья. Вместе с тем органы местного самоуправления как субъекты обеспечительной деятельности создают условия для оказания медицинской помощи посредством реализации всего комплекса муниципальных мероприятий, направленных на охрану здоровья граждан.

В юридической литературе вопрос обеспечения прав и свобод человека и гражданина изучен обстоятельно. Н.В. Витрук под обеспечением конституционных прав и свобод понимал систему их обеспечения. «Эта система складывается из общих условий и специальных (юридических)

средств, обеспечивающих их правомерную реализацию, а в необходимых случаях – и охрану». По мнению В.С. Бегуна, обеспечить права человека означает создать условия, при которых права человека уважаются и признаются – как государством, так и лицом, и эффективно реализуются, при необходимости защищаются с помощью права. А. Олейник и В. Заяц считают, что обеспечение прав граждан включает в себя: а) создание условий, способствующих реализации прав; б) охрану прав от нарушений со стороны кого бы то ни было; в) процесс реализации и защиту этих прав от уже совершенного реального их нарушения; г) восстановление нарушенных прав на всех стадиях правореализующего процесса. Эту точку зрения поддерживает Е.Б. Червякова, которая отмечает: «Под обеспечением основных прав понимают, с одной стороны, систему их гарантий, а с другой – деятельность органов государства по созданию условий для реализации прав граждан, их охраны, защиты и восстановления нарушенного права». Как справедливо замечают К.Б. Толкачев и А.Г. Хабибулин, обеспечение прав и свобод нельзя ограничивать только системой правовых гарантий, оно должно дополняться системой четких организационных и других условий, дающих возможность пользоваться правами, надежно их защищать. Под условиями авторы имеют ввиду общие гарантии: экономические, политические, социальные и т.д., которые, образуя целостное единство различных видов общественных отношений, способствуют неуклонной реализации прав человека [1, с. 209–210].

Таким образом, можем сделать вывод, что под обеспечением права на медицинскую помощь понимается деятельность компетентных органов публичной власти по созданию условий для реализации комплекса мероприятий, направленных на получение, поддержание и восстановление здоровья граждан.

Анализ ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» [2] показывает, что создание условий для оказания медицинской помощи населению является вопросом местного значения муниципального района и городского округа. Что касается муниципальных образований – сельских поселений, то полномочия в области создания условий для оказания медицинской помощи у них отсутствуют, что исключает их из перечня субъектов, уполномоченных проводить в жизнь вопросы, связанные с охраной здоровья населения. Данное обстоятельство может негативно сказаться на уровне доступности медицинской помощи на территориях многочисленных сельских муниципальных образований и в конечном итоге вступить в противоречие с положениями ч. 1 ст. 41 Конституции РФ, согласно которой каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь.

Создание условий для оказания медицинской помощи представляет собой комплекс правовых, организационных, экономических, материально- финансовых, информационных мер, принимаемых органами местного

самоуправления и обеспечивающих создание условий для оказания медицинской помощи на территории муниципального образования [4]. Объем и содержание указанного комплекса мер могут устанавливаться на уровне законодательства субъектов РФ и муниципальных правовых актов. Показательны примеры правового регулирования в соответствии с Законом Саратовской области от 06.06.2013 № 98-ЗСО, решением Совета депутатов муниципального образования Александровский район Оренбургской области от 26.06.2013 № 230 и др. Однако для реализации комплекса вышеуказанных мер мало одного правового регулирования, важны фактические материальные и финансовые ресурсы, законность и дисциплина их освоения, гражданские инициативы, комплексный подход органов государственной власти и местного самоуправления для решения вопросов здравоохранения.

В заключении необходимо отметить, что органы местного самоуправления создают условия для оказания медицинской помощи населению, но не являются непосредственными исполнителями предоставления медицинской помощи. На наш взгляд, следует расширить компетентностные возможности органов местного самоуправления сельских поселений в части создания условий для оказания квалифицированной медицинской помощи населению.

Список литературы:

1. Вичева А.А. Обеспечение права на охрану здоровья сотрудников органов внутренних дел // Крымский научный вестн. 2016. № 3 (9).
2. Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ: федер. закон от 06 окт. 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
3. Об основах охраны здоровья граждан в РФ: федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
4. URL: http://www.aleksandrovka56.ru/assets/files/NPA/SovDep/2013/Reshenie_230_26062013.pdf.
5. Русанова С.Ю. Щодо саморегуляції місцевого самоврядування // Учен. зап. Крив. фед. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. «Юрид. науки». 2009. Т. 2. № 22 (61).
6. Сытников Д.О. Особенности органов местного самоуправления как субъекта обеспечения прав и свобод человека // Правозащитник. 2014. № 4.
7. Шайхуллин М.С. К вопросу о необходимости усиления гарантий непосредственного осуществления населением местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 10.

Волков Вячеслав Юрьевич,
кандидат юридических наук,
Крымский филиал Российского государственного
университета правосудия

Отдельные вопросы защиты прав и законных интересов в административном судопроизводстве

Большое положительное значение для защиты прав и законных интересов субъектов административных правоотношений имеет вступивший в силу с 15 сентября 2015 г. Кодекс административного судопроизводства РФ (КАС).

Согласно ст. 4 КАС «каждому заинтересованному лицу гарантируется право на обращение в суд за защитой нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов, в том числе если, по мнению этого лица, созданы препятствия к осуществлению его прав, свобод и реализации законных интересов либо на него незаконно возложена какая-либо обязанность, а также право на обращение в суд в защиту прав других лиц или в защиту публичных интересов в случаях, предусмотренных КАС РФ и другими федеральными законами» [1].

Суд в данном случае проявляет активную позицию, «сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет руководство судебным процессом, разъясняет каждой из сторон их права и обязанности, предупреждает о последствиях совершения или несовершения сторонами процессуальных действий, оказывает им содействие в реализации их прав, создает условия и принимает, предусмотренные КАС, меры для всестороннего и полного установления всех фактических обстоятельств по административному делу, в том числе для выявления и истребования по собственной инициативе доказательств, а не только по ходатайству сторон, а также для правильного применения законов и иных нормативных правовых актов при рассмотрении и разрешении административного дела» [1].

При этом следует учитывать, что путем подачи иска в суд может быть обжаловано далеко не каждое действие органа государственного управления.

Во-первых, в порядке административного судопроизводства может быть обжаловано такое действие органа исполнительной власти, которое каким-либо образом влияет на правовое положение гражданина или организации.

Во-вторых, гражданин или организация могут подать иск только в отношении конкретно определенных, а не абстрактных актов.

В-третьих, следует учитывать, что в концепции административного права различаются действия органов исполнительной власти, обосновывающие права и обязанности и, таким образом, направленные на определен-

ный правовой результат и иные действия органов исполнительной власти, целью которых является лишь фактический результат. В последнем случае целью является изменение фактического, а не правового положения. В качестве примеров таких фактических действий органа исполнительной власти можно привести проведение совещаний, кооперацию органов исполнительной власти при устранении последствий чрезвычайных ситуаций и др.

Статьей 131 КАС РФ регламентированы подача и условия принятия встречного административного искового заявления, которое может быть принято по общим правилам предъявления административных исковых заявлений, если:

- между встречным и первоначальным административными исковыми заявлениями имеется взаимосвязь и их совместное рассмотрение приведет к более быстрому и правильному разрешению спора, возникшего из административных и иных публичных правоотношений;

- удовлетворение встречного административного искового заявления исключает полностью или в части удовлетворение первоначального административного искового заявления;

- встречное требование направлено к зачету первоначального требования [1].

Можно было бы больше не обсуждать вопрос встречного иска в административных и публичных правоотношениях, но существуют точки зрения, что «особенности публичных правоотношений обуславливают невозможность применения к форме защиты, используемой по делам, возникающим из публичных правоотношений, такого института, как встречный иск... институт встречного иска не применим в административном судопроизводстве в силу специфики отношений, из которых возникают соответствующие судебные дела» [2].

Мы можем согласиться с автором данного утверждения, что по определенному роду дел подача встречного административного искового заявления невозможна, но это отнюдь не означает, что по всем другим делам такой возможности не существует. Например, прежде чем возбуждается производство по административным делам о приостановлении деятельности или ликвидации политической партии, ее регионального отделения или иного структурного подразделения, другого общественного объединения, религиозной и иной некоммерческой организации, либо о запрете деятельности общественного объединения или религиозной организации, не являющихся юридическими лицами, либо о прекращении деятельности СМИ, как правило, правоприменительными органами выносятся предупреждения, предписания, отказы и прочие ненормативные индивидуальные акты. Конечно же, при рассмотрении такого рода споров могут быть заявлены встречные административные исковые заявления об оспаривании индивидуальных ненормативных актов.

Равно как при производстве по административным делам о взыскании обязательных платежей и санкций у административного ответчика существует право оспорить незаконность решения государственного органа о доначислении обязательных платежей и санкций путем подачи встречного иска.

До подачи административного искового заявления о помещении иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальное учреждение или о продлении срока пребывания иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, как правило, также принимаются правоприменительные акты, которые могут быть оспорены во встречном административном исковом заявлении. Таким образом, встречное административное исковое заявление в большинстве случаев является действенным способом защиты ответчика и реализует принцип равноправия и состязательности сторон в административном судопроизводстве.

Законодательно до сих пор не решен вопрос о возможности обжалования отказа в принятии встречного административного искового заявления. В настоящее время в судебной практике встречается мнение, при котором, комментируя положения о встречном административном исковом заявлении, фактически воспроизводится прежний подход судов общей юрисдикции об отсутствии такого права [3, с. 37].

Хотелось бы отметить, что подробная регламентация судебного процесса по административным делам, закрепленного в КАС РФ, сокращает использование отсылочных норм и повышает уровень судебной защиты прав и законных интересов субъектов административных правоотношений.

Список литературы:

1. Кодекс административного судопроизводства РФ от 08 мар. 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
2. Рожкова М.А., Глазкова М.Е., Савина М.А. Актуальные проблемы унификации гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства: монография / под общ. ред. М.А. Рожковой. М., 2015.
3. Беспалов Ю.Ф. Комментарий к Кодексу административного судопроизводства РФ (постатейный научно-практический комментарий). М., 2015.

Галиев Рустам Салимжанович,
кандидат юридических наук;
Васильков Константин Александрович,
Барнаульский юридический институт МВД России

Электронная демократия и право на участие граждан в управлении государством

Конституция России закрепляет за гражданами РФ право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей. Учитывая современный уровень информатизации общества, одной из перспективных форм участия граждан в управлении делами государства является электронная демократия.

Демократия заключается как в фундаментальном праве народа выбирать власть, так и в возможности непрерывно влиять на власть и процесс принятия ею решений. А значит, демократия должна иметь механизмы постоянного и прямого действия, эффективные каналы диалога

6 февраля 2012 г. премьер-министр РФ В.В. Путин изложил такое мнение в статье «Демократия и качество государства», опубликованной в газете «Коммерсантъ». Именно эта статья стала поводом к рассмотрению в органах государственной власти вопроса касавшего запуск информационного института демократии в сети Интернет в России в 2012 г. [2].

7 мая 2012 г. В.В. Путиным уже Президентом РФ был издан Указ № 601, в котором, в частности, указывается, что «до 1 сентября 2012 г. необходимо утвердить концепцию российской общественной инициативы».

28 августа 2012 г. Д.А. Медведевым была подписана Концепция формирования механизма публичного представления предложений граждан РФ с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для рассмотрения в Правительстве РФ предложений, получивших поддержку не менее 100 тыс. граждан РФ в течение одного года, в которой содержатся общие принципы и основы действия Российской общественной инициативы (РОИ).

Правила пользования интернет порталом РОИ установлены Указом Президента РФ от 04.03.2013 № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами РФ с использованием Интернет-ресурса “Российская общественная инициатива”».

Следует отметить, что цель данного исследования заключается в анализе работы сайта РОИ и выделении проблем, которые стоят перед законодателем, гражданами и, безусловно, приведение примерных путей решения выделенных проблем.

Во-первых, начать стоит с предварительной экспертизы, в соответствии с Указом Президента № 183 она заключается в предварительной проверке инициативы Фондом информационной демократии (ФИД) и гражданину может быть отказано в размещении инициативы в случаях если:

а) общественная инициатива противоречит Конституции РФ, общепризнанным принципам и нормам международного права, в т.ч. в области прав, свобод и законных интересов граждан;

б) общественная инициатива противоречит статье Федерального конституционного закона от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ;

в) общественная инициатива не содержит описания проблемы, либо в общественной инициативе не предложены варианты решения проблемы, либо предлагаемые варианты не обоснованы.

Например, касаясь первого и второго пункта возникает довольно много вопросов. Как мы знаем проверку на соответствие Конституции РФ может осуществлять только Конституционный Суд РФ, т.к. это нормативно закреплено, таким образом ФИД может дать на этот счет лишь оценочные суждения, которые могут впоследствии привести и к злоупотреблению со стороны сотрудников данной организации.

Третий пункт кроет в себе еще больше сомнений, поскольку на сайте есть раздел для инициатив, поданных с муниципальных образований и необходимых для их развития (или же субъекта), а соответственно сотрудники фонда могут быть не в полной мере осведомлены о проблемах, происходящих на конкретной территории. Более того, данный пункт дает еще больше полномочий фонду в необоснованном отказе в размещении инициативы.

Например, 14 мая 2014 г. стало известно, что инициатива о запрете российским чиновникам пользоваться спецсигналами («мигалками») – отклонена. Это уже третья инициатива, которая, несмотря на то, что набрала необходимые 100 000 голосов на сайте РОИ, была отклонена экспертной рабочей группой. Всего в конце 2015 г. было подано 17 890 инициатив граждан, на сайте <https://www.roi.ru> опубликовано 7 074, т.е. экспертная рабочая группа отклоняет 60,5 % инициатив.

Штатная численность ФИД 9 чел. Помимо этого, в ФИД работают еще 8 сотрудников, специалистов в области информационных технологий.

Следует согласиться с Е.А. Казьминой, которая считает одной из проблем отсутствие нормативного закрепления требований юридической грамотности и уровня квалификации сотрудников ФИД [1, с. 47]. Так, возникает сомнение в компетентности органа, который является ключевым звеном в работе интернет ресурса РОИ.

Для решения данного вопроса мы предлагаем, во-первых, упростить процедуру проверки инициатив, поступающих на сайт РОИ, при этом не стоит ожидать большого захламления интернет ресурса, поскольку полномочия проведения данной проверки необходимо возложить на компетентных сотрудников, которые в первую очередь владеют юридической техникой на должном уровне и обладают определенными познаниями в области управления государством.

Во-вторых, разработать единый нормативно-правовой акт, в котором будет детально изложена работа сайта РОИ, в т.ч. особое внимание стоит уделить проведению предварительной экспертизы на местном уровне.

Кроме того, необходимо закрепить нормы касающиеся ответственности сотрудников по проведению предварительной экспертизы инициативы, на случай вынесения немотивированного отказа или же недостаточно мотивированного, и стоит связать данную ответственность с той, которая указана в Федеральном законе от 02.05.2006 № 59-ФЗ.

Вторая глобальная проблема для реализации проекта РОИ – это низкий уровень осведомленности граждан о таком институте демократии в России.

2 апреля 2013 г. платформа РОИ была представлена общественности и СМИ, но при этом его популяризация в СМИ, в т.ч. и в интернет-СМИ остается на довольно низком уровне. Специального социологического исследования по данному вопросу авторами не проводилось, однако даже поверхностный опрос позволяет сделать вывод о том, что большинство граждан не осведомлены о существовании сайта РОИ.

Но данный инструмент демократии имеет большой потенциал в условиях российской действительности. По данным статистики, в нашей стране к концу 2015 г. доступ к Интернету имели 84 млн чел., что составляет 57,3 % населения РФ (все население РФ на 1 января 2016 г. составляло 146,5 млн чел.) [3].

Для решения данной проблемы необходимо вести более широкую пропаганду в СМИ всех уровней – федеральных, региональных, местных СМИ.

Прибегая к зарубежному опыту, стоит отметить американский проект «We The People». Круг субъектов здесь гораздо шире (отсутствуют ограничения по гражданству, установлен возрастной ценз 13 лет), тематика петиций не ограничивается внутригосударственными вопросами, а ответы на петиции носят личный, авторский характер (исходят не от абстрактной комиссии, а от конкретных представителей президентской администрации или от самого президента). Фактически это средство общения с людьми, площадка для разъяснения позиции президента по наиболее волнующим общество вопросам [4].

Рассматривая проект «Электронная демократия» на примере конкретных регионов, следует отметить опыт работы в Новосибирской области. Проект «электронная демократия» в этом регионе начал действовать с 24 февраля 2014 г. и по сей день успешно развивается. По состоянию на 2015 г. на портале находилось 82 сообщения и 80 из них были рассмотрены, на настоящий момент там находится 198 обращений и 166 рассмотрено. Как можно наблюдать, проект достаточно успешно реализуется.

В Алтайском крае помимо законодательного регулирования больше ничего не представляет интереса в интересующем нас контексте. На сайте РОИ в разделе «муниципальные образования» в Алтайском крае находятся лишь 2 инициативы, которые вряд ли наберут необходимый порог голосов до истечения срока голосования.

В Иркутской области на региональном и муниципальном уровне на сайте размещены всего 4 инициативы. И на сайте законодательного собрания Иркутской области работает интернет приемная. Это, на наш взгляд, также отражает малое развитие вектора электронной непосредственной демократии для граждан в Иркутской области.

Таких примеров, как Алтайский край и Иркутская область по РФ достаточно большое количество. Единственным исключением в Сибирском федеральном округе является Новосибирская область.

Таким образом, на данных примерах мы отчетливо видим, что необходима модификация платформы РОИ на региональном и местном уровнях. И решить первоначально необходимо проблему осведомленности граждан, поскольку основная цель платформы РОИ это повышение уровня политической активности граждан и развитие гражданского общества.

Список литературы:

1. Казьмина Е.А. К вопросу о развитии института общественной инициативы в России // Вестн. Алтай. акад. экономики и права. 2014. С. 46–48.
2. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1866753> (дата обращения: 30.01.2015).
3. Интернет в России и в мире // URL: <http://www.bizhit.ru>.
4. Давыдова М.Л., Гончарова А.А. Проблемы и перспективы реализации проекта «Российская общественная инициатива» // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5. 2015. № 2 (27).

Гилязова Диана Маратовна,

Агентство по науке, образованию, культуре и спорту

Феномен культурного релятивизма в области защиты прав человека

Защита прав человека и гражданина была возведена на международный уровень, потому что она не должна была ограничиваться только национальным правом, т.к. государство само могло стать их нарушителем. Поэтому потребовалась защита на международном уровне, подкрепленная правом.

Однако бывают случаи, когда государство уклоняется от выполнения международных стандартов защиты прав человека, ссылаясь на то, что перечень прав личности, их содержание и механизмы реализации в каждом государстве различны и зависят от экономических, исторических, культурных и других особенностей. Речь пойдет о так называемом «культурном релятивизме». В связи с этим необходимо дать его определение.

Культурный релятивизм – это концепция, подчеркивающая историческое, социальное, экономическое своеобразие культуры, которая может быть оценена и воспринята только на основе ее собственных принципов.

Американский социолог У. Сомнер в 1906 г. впервые выдвинул принцип культурного релятивизма (cultural relativism). Он полагал, что культуру можно познать, только анализируя ее собственные ценности.

Сторонники культурного релятивизма утверждают, что общих ценностей для разных культур не существует, а права человека представляют собой как раз западные ценности. И поэтому универсальные права человека были восприняты многими бывшими колониальными странами как новая форма западного империализма. Таким образом, сторонники культурного релятивизма отрицают универсальность прав человека.

Известны две формы культурного релятивизма:

- вербальный, когда признается, что у каждой культуры существует свой особенный «культурный словарь», поэтому идея прав человека может оказаться неподходящей и не достаточной для защиты человеческого достоинства в определенном обществе;

- грубый, когда навязывание универсальных норм поведения определенной группы лиц иному обществу, пытающемуся их отторгнуть, приводит к нелегитимному культурному империализму [1].

С учетом позиций сторонников релятивизма, универсалисты, т.е. сторонники универсального характера прав человека, выделяют ту небольшую группу универсальных, неотчуждаемых прав, которые не могут быть нарушены даже с учетом военного времени.

Универсалисты считают, что природа человека определяется биологическими, а не культурными факторами, и т.к. у всех эта природа общая, то права человека присущи каждому в равной мере. Человек – это социальная единица, обладающая неотчуждаемыми правами [2].

М.А. Бадерин предлагает различать универсальность прав человека (universality of human rights) и универсализм в области прав человека (universalism of human rights). Универсальность прав человека означает универсальное признание идеи прав человека, а универсализм в области прав человека относится к толкованию и применению идеи прав человека. То есть идея прав человека признается всеми государствами. Что же касается универсализма в области прав человека, то на сегодняшний день он не достигнут. Универсализм предполагает существование всеобщего согласия относительно толкования и применения международного права прав человека [3, с. 23–24].

С целью толкования универсальных прав человека с учетом различных исторических, культурных и религиозных особенностей можно было бы использовать доктрину пределов свободы усмотрения (margin of appreciation doctrine), которая предполагает, что до определенного предела государства должны иметь свободу действий в отношении толкования тех

или иных положений международных договоров в соответствии с моральными ценностями общества [3, с. 231–235]. Многие положения международных договоров сформулированы с высокой степенью абстрагирования, что оставляет возможность для их толкования сквозь призму местных моральных и культурных стандартов [4].

Несомненно, такие права как право жизнь, право на здоровье, право на чувство собственного достоинства являются универсальными правами и являются универсальной основой прав человека в любом государстве и правовой системе. Ведь о развитом правовом государстве можно говорить лишь тогда, когда оно заботится о своих гражданах.

И, как верно отмечает М.М. Утяшев, если исследователь исходит в своем поиске из состояния дел с обеспечением прав человека, он в большинстве случаев сможет убедиться, что индивидуальные права и свободы более всего соблюдаются в правовом государстве с развитым гражданским обществом [5]. Ведь обеспечение прав и свобод граждан – это золотой ключик к сердцам людей, это их позитивное настроение, их отношение к родине, чувство патриотизма и имидж страны, наконец. Истинная цель правления и заключается в обеспечении благополучия граждан, их безопасности и благосостояния [6].

Список литературы:

1. Ижиков М.Ю. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в области защиты прав человека: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
2. URL: <http://www.ssrn.com/abstract=1314288>.
3. Baderin M.A. International Human Rights and Islamic Law. Oxford, 2003.
4. URL: <http://law.edu.ru/script/cntSource.asp?cntID=100120954> (дата обращения: 17.10.2016).
5. Утяшев М.М. Правовое государство, гражданское общество, права человека – триединый путь к цивилизации // Правовое гос-во: теория и практика. 2013. № 2.
6. Утяшев М.М. Реальный конституционализм – верный путь к развитому обществу // Конституция Республики Башкортостан: история и современность. Уфа: ГУП РБ УПК, 2014.

Горелов Станислав Александрович,
кандидат психологических наук;
Жайлов Александр Андреевич,
Санкт-Петербургский университет МВД России

**Проблемы соблюдения прав и свобод человека и гражданина
при задержании сотрудниками патрульно-постовой
службы различных
категорий граждан**

Немногим более пяти лет на территории РФ действует Федеральный закон «О полиции», в котором отражены принципы деятельности полиции, касающиеся работы и сотрудников ППС. Среди них можно выделить принцип: «Соблюдение и уважение прав и свобод человека и гражданина» [1, с. 1]. В нем отражены обязательные действия сотрудников полиции, а также запреты, которые касаются любого полицейского по отношению к человеку и гражданину. В частности, запрет на пытки и иные недопустимые деяния.

В каждом регионе России патрульными и постовыми нарядами ежедневно происходит пресечение административных правонарушений, преступлений, а также задержание граждан по различным основаниям. Любой гражданин вправе зайти на официальный сайт ОВД какого-либо субъекта РФ, где может узнать о работе сотрудников ППС, ознакомиться с их работой по пресечению преступлений, административных правонарушений на примере конкретных фактов, имевших место. Однако не все граждане, которым приходилось сталкиваться с работой патрульных и постовых, полагают, что данные полицейские действовали правомерно. Поэтому немало людей обращаются в прокуратуру, к руководству ОВД с жалобами на неправомерные действия сотрудников полиции. По данным фактам в установленном порядке проводятся проверки и принимаются решения, в т.ч. о наказании сотрудников, вплоть до возбуждения уголовных дел.

С учетом специфики работы сотрудников ППС, анализа бесед с сотрудниками полиции работающих в Санкт-Петербурге, Республике Карелия и других регионах, в т.ч. обучающихся в Санкт-Петербургском университете МВД России, а также официальных сообщений о фактах неправомерных действий сотрудников полиции, по которым приняты процессуальные решения, можно выделить наиболее распространенные проблемы. К ним относятся:

1. Не разъясняются права и обязанности задержанным лицам. Данный факт является наиболее распространенным, поскольку сотрудники недостаточно хорошо изучают действующее законодательство РФ. О том, что, кроме прав, у задержанных лиц появляются определенные обязанности, знают не все сотрудники полиции. Многие сотрудники ППС обязан-

ности задержанным лицам не разъясняют. В связи с чем, полицейские нарушают положения ст. 5 Федерального закона «О полиции», где говорится не только о разъяснении прав задержанному лицу, но и про возникающие при этом обязанности у гражданина. Одной из таких обязанностей является выполнение законного распоряжения или требования сотрудника полиции. В противном случае, к задержанному лицу могут быть применены меры, вплоть до применения физической силы, специальных средств, а лицо может быть привлечено к административной ответственности по ст. 19.3 КоАП, где одним из видов наказания является административный арест. В зависимости от дальнейших действий задержанных лиц, они могут быть привлечены к уголовной ответственности в установленном порядке, например, за применение насилия в отношении полицейского.

2. Не принимаются должные меры по оказанию первой помощи и (или) предоставлению медицинской помощи в возможно короткий срок в необходимых случаях. В практике работы наружных нарядов известны факты, когда сотрудники ППС по разным причинам не вызывают скорую медицинскую помощь на место задержания граждан. В качестве примера можно привести случаи, когда происходила смерть задержанных лиц, в т.ч. при доставлении в территориальные ОВД. Особенно это касается людей, находящихся в общественных местах в состоянии опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке. В нарушении требований приказа МВД РФ от 23.12.2011 № 1298 [2, с. 1], данные лица нередко доставляются в ОВД, без осмотра бригады скорой медицинской помощи. Кроме этого, не всегда сотрудники обладают достаточной подготовкой, чтобы определить, нужно ли срочная медицинская помощь задержанным лицам или нет, а также по оказанию первой помощи.

3. Неправомерное применение физической силы и специальных средств в отношении граждан. Данные случаи касаются не только незаконного их применения, а также ситуаций, когда были основания для их применения, но затем они отпали, а сотрудники продолжают их применять. Такие явления негативного характера еще встречаются и касаются многих служб полиции, в частности сотрудников ДПС. По этим событиям часто возбуждаются уголовные дела, а виновные привлекаются к ответственности, в т.ч. за превышение должностных полномочий.

4. Отказ в предъявлении служебного удостоверения по требованию гражданина. Указанных фактов предостаточно в Интернете, где очевидцы или сами задержанные лица производят видеосъемку общения сотрудников ППС с гражданами, в которой полицейские не предъявляют по требованию данный документ. Эти факты приводят к нарушению права задержанного лица на обжалование действий сотрудников полиции, поскольку не всегда имеется возможность определить, кто из сотрудников ППС [3, с. 63] нарушил, по их мнению, законодательство.

5. Незаконная передача сведений о частной жизни человека в СМИ, сеть Интернет, полученных в результате служебной деятельности сотрудников ППС. Патрульно-постовые наряды не редко фиксируют деяния граждан как на видеорегистраторы, так и на мобильные телефоны и другие технические средства. Дальнейшие действия с полученной информацией зависят от самих сотрудников, которые не всегда соблюдают требования к полученным сведениям, что является нарушением неприкосновенности частной жизни человека [4, с. 82].

6. Слабая подготовка сотрудников по составлению процессуальных документов и сбору возможных доказательств, и иным способам фиксации противоправной деятельности задержанных лиц. Во многих регионах России выявляются факты неправомерного задержания и доставления сотрудниками ППС граждан в ОВД. Причина кроется не только в «палочной системе», но и в недостаточной подготовке сотрудников по действиям при совершении административных правонарушений, преступлений и в других ситуациях. Часто у патрульных и постовых отсутствуют необходимые знания и навыки по составлению протоколов и других процессуальных документов. Особенно это характерно для сотрудников, которые работают в полиции недавно [5, с. 26].

Затронутые выше проблемы не являются исчерпывающими в деятельности патрульных и постовых нарядов, но являются наиболее значимыми и требующими серьезного к ним отношения руководителей территориальных органов МВД России. Следует предложить некоторые пути их разрешения, что позволит повысить работу нарядов и уменьшить количество жалоб на неправомерные действия полиции, а именно:

1. В субъектах РФ заинтересованным органам и подразделениям необходимо решить вопрос о выделении средств на приобретение персональных (носимых) видеорегистраторов, например, «Дозор-77» и других, допущенных к применению в ОВД [6, с. 128].

2. Разработать и принять в установленном порядке документы, касающиеся выдачи, применения, хранения, ремонта используемых носимых видеорегистраторов, выдаваемых на службу сотрудникам наружных служб.

3. На занятиях по правовой и служебной подготовке необходимо акцентировать внимание на разъяснение прав и обязанностей задержанным лицам, а также на осуществление грамотных тактических действий в ситуациях пресечения правонарушений и задержания граждан по различным основаниям, применения в данных случаях физической силы и специальных средств [7, с. 8]. В обучении сотрудников следует уделять достаточно времени на документирование противоправной деятельности граждан, составлению различных документов, в т.ч. рапортов. При необходимости проводить дополнительные занятия по оказанию первой помощи пострадавшим.

Следует сделать вывод, что уровень подготовки сотрудников ППС по различным направлениям серьезно сказывается на их работе и влияет на правомерность их действий по отношению к гражданам, особенно в случаях ограничения их прав и свобод [8, с. 109]. Это, в свою очередь, влияет на отношение и степень доверия граждан к полиции.

Список литературы:

1. О полиции: федер. закон от 7 фев. 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

2. Приказ МВД России от 23 дек. 2011 г. № 1298 // СПС «Консультант-Плюс».

3. Горелов С.А., Обвинцев А.А. Горелов А.А., Перельман А.Б. Самостоятельная двигательная активность как детерминанта личностного профессионального саморазвития офицера управленческого звена силовых ведомств // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. 2014. № 3.

4. Жайлов А.А., Горелов С.А. Социально-педагогическая модель кандидата на службу на должность рядового и младшего начальствующего состава патрульно-постовой службы полиции МВД России // Профессиональный психологический отбор в органах внутренних дел РФ: практика применения: вопросы и проблемы реализации (Васильевские чтения – 2015). С. 82.

5. Киреев М.П., Махаков Б.Д. Научная деятельность кафедры управления органами внутренних дел в особых условиях: итоги и перспективы // Труды Акад. управления МВД России. 2009. № 2.

6. Киреев М.П., Клячин В.М., Кисилев А.А. Некоторые аспекты правового регулирования деятельности правоохранительных органов в период ЧС техногенного характера // Актуальные проблемы обеспечения общественной безопасности в кризисных ситуациях: материалы 14-й междунар. науч.-практ. конф. М.: АУ МВД России, 2012.

7. Киреев М.П. История исследовательского проекта «Экстремальные ситуации, конфликты, согласие» // Экстремальные ситуации, конфликты, согласие в контексте национальной и региональной безопасности: сб. материалов 12-й междунар. науч.-практ. конф. М.: АУ МВД России, 2010.

8. Аветисян С.О., Киреев М.П., Кошелев А.Ю., Юров Н.Н. Организация взаимодействия территориальных органов МВД России с другими субъектами в противодействии терроризму // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов: сб. трудов XXIII Всерос. науч.-практ. конф. М.: АУ МВД России, 2014.

Григорьев Виктор Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
Международный межведомственный центр подготовки сотрудников
оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции
А.Н. Сергеева
Всероссийского института повышения квалификации
сотрудников МВД России

Свежая порция отступлений в УПК от Конституции Российской Федерации

В последнее время уголовно-процессуальное законодательство опускается по своему качеству все ниже и ниже. Оно стало использоваться для упорядочения отношений, не входящих в предмет регулирования УПК. Процессуальная форма низводится к административному регламенту, что не соответствует ни ее природе, ни предназначению. Особенно если учесть сложный, творческий характер деятельности следователя, судьи, прокурора, да и дознавателя. Наблюдается вольное обращение с ней, граничащее с непрофессионализмом. Давно уже не являются редкостью отступления в УПК РФ от конституционных положений. Причем, обзор таких отступлений позволяет утверждать о своеобразном тренде в законотворческом процессе, отражающем тенденции как нынешнего времени, так и недавнего прошлого.

Характерным примером «недавнего прошлого» является эпизод обсуждения в Комитете Совета Федерации Федерального закона «О внесении изменений в УПК РФ», принятого 9 ноября 2007 г.

К обсуждению было подготовлено Экспертное заключение, которое в целом отражало позицию специалистов. Суть этой позиции заключалась в том, что в таком виде закон не может быть принят. В заключении была приведена соответствующая аргументация по каждой норме закона, которая в целом сводилась к тому, что указанный Федеральный закон не может быть одобрен как: не решивший поставленные задачи; не соответствующий ст. 55 Конституции РФ; вступающий в противоречие с другими статьями УПК (п. 38¹ ст. 5, статьи 109, 162); выходящий за предмет регулирования УПК; редакционно позволяющий многозначные, взаимоисключающие толкования; не выдерживающий единого концептуального подхода к обозначению руководителей следственных органов одного и разных уровней; не в полной мере реализовавший обозначенную позицию уйти от казуистичной формы регулирования [1, с. 76–86].

Приведенная аргументация невозможности принятия закона по существу своему не была опровергнута. Однако Федеральный закон был одобрен в принятой редакции и представлен Президенту РФ, который 3 декабря 2007 г. подписал его [2]. В кулуарах обсуждения прозвучало, что

замеченные огрехи обязательно будут исправлены при последующих изменениях и дополнениях УПК. В действительности они продолжают действовать, хотя уже на момент принятия очевидной была их ущербность.

Указанный эпизод «совершенствования» процессуальной формы по сути своей не худший образчик современного законотворчества. В силу этого, а также в силу частного характера он мог бы и не стоять здесь упоминания. Однако он является одним из звеньев в бесконечной цепи подобных, столь же несуразных изменений уголовно-процессуального законодательства, произошедших в последнее время.

В УПК РФ 2001 г. в общей сложности за 15 лет его существования внесены изменения и дополнения 205-ю федеральными законами (по состоянию на 1 ноября 2016 г.). Первое такое изменение было внесено за месяц до введения УПК РФ в действие (1 июля 2002 г.) – Федеральным законом от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ [3], последнее известное на сегодняшний день – Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ [4].

Один из последних законов в этом ряду, являющийся примером отступлений от конституционных положений из «нынешнего времени», – Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» [5]. Указанный Федеральный закон порождает ряд вопросов, связанных с закреплением в нем исключений из конституционных норм о равенстве всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ) и об обязанности государства доказывать виновность обвиняемого в совершении преступления (ст. 49 Конституции РФ).

В связи с неочевидностью достаточности оснований для этих исключений из конституционного правопорядка считаю необходимым обратить внимание на некоторые такие вопросы, в частности: 1) о введении особого порядка признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики (ст. 81.1 УПК РФ) и 2) о введении особого производства по освобождению от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (глава 51.1 УПК РФ).

1. О введении особого порядка признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики (ст. 81.1 УПК РФ).

Общий порядок признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам установлен в ст. 81 УПК РФ. Новая ст. 81.1 УПК РФ, устанавливая особый порядок, по сути воспроизводит весь этот общий порядок, дополняя его при этом двумя элементами: 1) устанавливает конкретные сроки признания предметов и документов вещественными доказательствами либо их возврата лицам, у которых они были изъяты; 2) ограничивает сферу действия содержащихся в ст. 81.1 УПК РФ норм только делами по конкретным непосредственно перечис-

ленным составам преступлений, условно названным «преступления в сфере экономики». Условно – потому что не все составы из этой сферы включены в перечень указанных дел, а включенные – не все из сферы экономики.

Если первый элемент особого порядка принципиальных возражений не вызывает (он вызывает лишь сожаление в связи с обнажением процессов разложения в российском досудебном производстве), то присутствие второго по меньшей мере представляется странным. Потому что по сути своей это нормативное закрепление исключения из конституционной нормы о равенстве всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ): для совершивших уголовные преступления порядок один, а для тех, кто это сделал в сфере экономики – не совсем такой же. По такой логике вскоре следует ожидать введения норм об особом порядке производства по уголовным делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих организациях, затем – в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта, найдется кому пролоббировать и особый порядок производства о преступлениях в сфере компьютерной информации. Между тем, для введения особого порядка производства требуются объективно обусловленные основания, которых в рассматриваемой ситуации не наблюдается.

На самом деле включенные в УПК РФ в ст. 81.1 новые нормы, устанавливающие конкретные сроки признания предметов и документов вещественными доказательствами либо их возврата лицам, у которых они были изъяты, никакими особенностями для преступлений в сфере экономики не обусловлены и вполне приемлемы для любых категорий уголовных дел. К тому же технологически они более чем вписываются в архитектуру действующей ст. 81 УПК РФ.

Поэтому никакого особого порядка признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики в УПК РФ вводить не требовалось, достаточно было лишь указать в нормах об общем порядке производства, установленных в ст. 81 УПК РФ, на конкретные сроки и некоторые дополнительные детали обращения с вещественными доказательствами, распространив их тем самым на уголовные дела обо всех категориях преступлений.

Можно высказать лишь сожаление, что законодатель, принимая позицию предпринимательских кругов о включении в УПК в целом разумных и своевременных дополнений, не сделал это более профессионально, не создавая не нужных поводов для упрека в отступлении от положений Конституции РФ.

2. О введении особого производства по освобождению от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (глава 51.1 УПК РФ).

УПК РФ дополнен главой 51.1, устанавливающей особый порядок производства по освобождению от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Ана-

лиз сущности и содержания правового регулирования этого производства позволяет заключить, что оно представляет собой чрезмерно упрощенную разновидность основного производства по уголовному делу [6, с. 366]. Причем, степень упрощения достигает таких пределов, которые дают основания говорить об изменении качества, при котором правосудие превращается в процедуру, не обладающую свойствами последнего: лицо признается виновным в совершении уголовного преступления и подвергается уголовному наказанию вне судебной процедуры, без достаточных гарантий установления истины и без обеспечения участникам производства права на судебную защиту, в отсутствие достаточных гарантий от злоупотреблений. Если в отношении лица прекращено уголовное преследование в порядке, предусмотренном главой 51.1 УПК РФ, в информационных центрах органов МВД остаются сведения, что он подвергался уголовному преследованию. Такой статус весьма ощутимо проявляется в различных сферах жизни гражданского общества, где он воспринимается негативно и является препятствием для реализации прав в выборе профессии и сферы занятий, места жительства и свободы передвижения, получения почетных званий и других государственных наград. Причем, многие такие ограничения действуют если не бессрочно, то, по крайней мере, значительное время после прекращения уголовного преследования.

Все это позволяет сделать вывод о том, что производство по назначению меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, представляя исключение из конституционной нормы об обязанности государства доказывать виновность обвиняемого в совершении преступления (ст. 49 Конституции РФ), введено без достаточной ясности представления о его целях и при очевидном отсутствии необходимого уровня предварительной проработки его нормативно-правовой модели.

Подобная позиция нашла подтверждение в исследованиях многих авторов (В.В. Кальницкий, А.П. Рыжаков, Т.В. Трубникова и др.) [6; 7; 8]. Доложенная на Международной научно-практической конференции «Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования», проводившейся 20–21 октября 2016 г. в ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, она получила одобрение и поддержку как работников вузов и НИИ, так и практических работников органов прокуратуры, следствия и дознания, участвовавших в работе конференции.

Современная процессуальная форма уголовного судопроизводства требует более квалифицированного и бережного подхода, исключения из этой работы суеты, конъюнктуры, непрофессионализма. В этой связи не обосновательной является постановка в юридической среде вопроса о применении радикального способа устранения кардинальных недостатков действующего УПК, выражающихся в его внутренней противоречивости, несогласованности его предписаний с другими нормативными правовыми

актами, прежде всего с Конституцией РФ и УК РФ, – разработка нового УПК на базе отечественных системообразующих оснований и компонентов уголовно-процессуальной деятельности, с учетом особенностей менталитета и мировоззрения российского народа [9].

Список литературы:

1. Григорьев В.Н. О бережном, профессиональном отношении к уголовно-процессуальной форме и некоторых современных тенденциях в ее развитии // Право и жизнь. 2010. № 143 (5).

2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ: федер. закон от 3 декабря 2007 г. № 323-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 50. Ст. 6236.

3. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ: федер. закон от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 22. Ст. 2027.

4. О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федер. закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 28. Ст. 4559.

5. О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: федер. закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4256.

6. Трубникова Т.В. Производство о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: сущность и гарантии от злоупотребления правом // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования»: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Орел: ОрЮИ МВД России им. В.В. Лукьянова, 2016.

7. Кальницкий В.В. Порядок прекращения уголовного дела (преследования) в связи с назначением судебного штрафа // URL: <http://www.iaaj.net/node/2101>.

8. Рыжаков А.П. Комментарий к Федеральному закону от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // СПС «Консультант-Плюс».

9. Адаменко И.Е. Уголовно-процессуальная деятельность: системообразующие основания и компоненты: монография под науч. ред. В.Н. Григорьева. М.: Юрлитинформ, 2016.

Гусев Николай Николаевич,
кандидат философских наук, доцент,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Проблема состава и содержания прав человека в концепции гуманитарного права: методологический аспект

Права человека в идейном генезисе восходят к либеральным ценностям. В социологической классификации это означает, что они соотносятся с индустриальным обществом в его капиталистическом формате. Имея ввиду служебную роль права, прежде всего его регулятивную функцию, следует подчеркнуть зависимость права от социума. При этом закономерно, что право по своим нравственным основаниям не может быть выше самого общества и, выступая в качестве инструментария системы управления, является прагматически ориентированным, фиксирующим реалии данного социума на конкретной ступени его развития. Кроме того, эта зависимость сказывается как на структуре самого института, так и на содержании характерных для него норм. Это накладывает определенные ограничения на состав и содержание норм права, в т.ч. гуманитарного. Применительно к правам человека это ставит проблему степени полноты официально признанных и зафиксированных прав и свобод. Это необходимо, т.к. уже выработаны определенные международные стандарты в области прав человека, определившие общее понятие прав человека и основных свобод, а также их перечень [1, с. 9]. Вместе с тем всегда следует исходить из того, что «права человека не есть нечто даруемое, а наоборот то, что пытаются не дать реализовать в полной мере, либо вообще отнять» [2, с. 117].

Методологически важно выделить проблему человека в концептуальных основаниях гуманитарного права. Здесь важнейшим исходным пунктом выступает понимание человека как диалектического единства его системных качеств. При этом следует отметить, что в понятийном плане основополагающие документы международного права, посвященные правам человека, в отличие от социально-гуманитарных наук не различают человека, индивида и личность, и исходят из обобщенного понимания человека, как единства его биологических, социальных и духовных качеств. С точки зрения методологии это означает соединение идей теории естественного права с концептуальными представлениями о качествах, делающих человека человеком.

Следующим шагом в разработке проблемы выступает выделение экзистенциальных потребностей человека и угроз его существованию как такового, т.е. как личности и индивиду в единстве телесности и духовности. Соответственно в концептуальном выражении прав человека являются ожидаемыми нормы и гарантии, обеспечивающие его биологическое, социальное и духовное бытие.

Соотнесение системных качеств человека, обеспечивающих его качественную определенность, с документально зафиксированными его правами позволяет определить, чему было отказано во включении в состав основных прав человека и, по факту, в признании в качестве его неотъемлемых прав.

При этом ясно, что любая правовая норма является результатом не только интеллектуального труда юристов, но и реализацией определенного социального заказа. Поэтому важно разобраться с социальным механизмом ее формирования.

В свое время К. Маркс вслед за Г.В.Ф. Гегелем, критикуя его философию права и одновременно развивая ее идеи, отмечал, что бытие человека в правовом пространстве является его инобытием [3, с. 405–406]. В нем он предстает не как индивид и человек общественный, а как участник правовых отношений, т.е. включенным в систему, созданную инициативным объединением людей, принявших на себя общественную доминанту и использовавших ее для создания правовой нормы. Эти субъекты правоотношений являются одновременно социальными субъектами, обладающими собственными интересами. Правомерно возникает вопрос о том, насколько созданная норма соответствует декларируемым всеобщим или групповым и частным интересам. Но это проблема не собственно правовой теории, а, скорее всего, правовой политики и правовой идеологии. При этом политика в области права устанавливает основные параметры для правовой идеологии, которой впоследствии сама же и руководствуется. Определенную роль здесь играют научные знания, которые представляются с позиций всеобщего блага, а интерпретируются и реализуются с позиций группового интереса. Основой для определения состава и содержания прав человека, фиксируемых в нормативных актах международного права, и выступает правовая идеология. Это достаточно четко проявляется, например, в Преамбуле Всеобщей декларации прав человека, где говорится, что «...создание такого мира, в котором люди будут иметь свободу слова и убеждений и будут свободны от страха и нужды, провозглашено как высокое стремление людей...» [3, с. 135]. Получилось, что создание нового, справедливого общества – всего лишь «высокое стремление людей», но не цель. А на мечтах и стремлениях невозможно ни построение нового мира, ни правовых документов.

Логико-семантический анализ основополагающих документов международного права по правам человека показывает, что они включают фундаментальные личные права человека, состав и содержание которых в целом соответствует концептуальным установкам. Вместе с тем в них, во-первых, раскрываются основные права человека, что, очевидно, предполагает наличие и неких неосновных прав. Во-вторых, в них используются также термины, относящиеся к вспомогательному понятийно-категориальному аппарату права, более широко ставящие проблему прав

человека. Прежде всего, это, например, понятие «эксплуатация» и ряд понятий, описывающих духовную жизнь людей. Так, в отдельных документах употребляется термин «эксплуатация детского труда», а об экономической и социальной эксплуатации говорится в ч. 3 ст. 10, III части Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах [3, с. 25]. При этом документ соотносит их только с защитой детей и подростков. Аналогичным образом эксплуатация как явление связывается с сексуальной эксплуатацией детей и женщин в Конвенции о борьбе с торговлей людьми и эксплуатации проституции третьими лицами, Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений и др. Таким образом, явление эксплуатации признается в качестве факта социальной жизни, но негативно-запретительное отношение к нему с точки зрения прав человека применяется ограниченно. Показательно, что экономическая и социальная эксплуатация предполагают нанесение некоего ущерба человеку несовершеннолетнему, но замалчивается ответ на возникающий вопрос, не наносит ли она ущерб и человеку взрослому. Следуя логике авторов текстов приведенных выше документов, важно зафиксировать, что даже добровольное согласие человека на эксплуатацию его труда, является вынужденным и определяется под давлением непреодолимых обстоятельств социально-экономического устройства общества, основывающегося на эксплуатации человека. Это одновременно означает и несвободу человека, которая приобретает превращенную форму свободы, некий ее суррогат – свободы выбирать того, кто будет подвергать его эксплуатации.

Важную сторону человеческой сущности составляет разум, обеспечиваемый нормальным функционированием психики. Соответственно в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах ч. 1 ст. 12 части III этого документа признается «право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья» [3, с. 26]. В приводимом в Декларации о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания определении пытки говорится о причиняемых умственных страданиях, а в комментарии к ст. 5 п. «с» Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка указывается на необходимость защиты «от злоупотреблений как физического, так и психологического характера» [3, с. 147]. Термин «нравственное страдание» используется п. 1 ч. 1 ст. 1 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания [4, с. 226]. Из контекста этих и других документов ясно, что речь идет о праве человека на духовную жизнь и нормальную психику, а также о свободе от психологического (психического) насилия и манипулирования сознанием и подсознательными процессами.

Однако эти право и свобода, как и свобода от эксплуатации, не зафиксированы документально. Конечно, с позиций реального гуманизма это не означает, что человек ими не обладает. Но отсутствие соответствующей легитимной для системы права их фиксации приводит к исключению возможности апеллировать к ним в правовом континууме международного права.

Официально незафиксированные свобода от эксплуатации, а также свобода от психологического (психического) насилия могут означать признание де-факто как права на экономическую и социальную эксплуатацию, так и права на применение насилия по отношению к психике человека, манипулирование его сознанием и поведением. Собственно говоря, в реальной жизни так и происходит. Исторически – это «право» силы во всех формах ее проявления от первобытного и традиционного общества до наших дней, что позволяет поставить вопрос о всеобщих, говоря современным языком, «тоталитарных» началах социума, когда управление большинством предполагает применение более или менее легитимного насилия. Поэтому отказ от насилия – необходимая составляющая в самодвижении общества от тоталитарной несвободы к свободе. Конечно, понимание данного процесса не должно доводиться до абсурда и отрицания роли насилия как исключительного средства в обеспечении системных параметров самого общества. «Кто не карает зла, тот способствует, чтобы оно совершилось». Эта глубокая мысль приписывается Леонардо да Винчи [5]. И действительно, зло должно быть наказуемо, а его корни уничтожены. В первой части, касательно наказания, проблема эксплуатации частично решается национальными законодательствами, ограничивающими и устанавливающими для нее определенные рамки, и национальными уголовными законодательствами, предусматривающими ответственность за психическое насилие. При этом следственная и судебная практика испытывают трудности при определении характера и степени опасности психического насилия в связи с неоднозначной трактовкой термина. Что же касается искоренения условий и факторов, способствующих существованию зл эксплуатации и психического насилия, эта проблема должна решаться целенаправленной социальной практикой.

Список литературы:

1. Лукин В.П. Всеобщая декларация прав человека и ее значение в гуманизации положения человека в мире // Всеобщая декларация прав человека: великая хартия прав и свобод человечества: материалы междунар. конф. М.: МосУ МВД России: Щит-М, 2009.
2. Фомиченко Т.М. Права человека. Необходимость выделения самостоятельной науки и учебной дисциплины // Новое в российском и международном праве. Вып. 5. М.: НИЦ «Инженер», 2005.
3. Маркс К., Энгельс Ф. К еврейскому вопросу. Соч. 2-е изд. М: Гос. издат. полит. лит-ры, 1955. Т. 1.

3. Права человека. Основные международные документы: сб. док. М: Междунар. отношения, 1989.

4. Международные акты о правах человека: сб. док. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999.

5. URL: <http://www.wisdoms.ru/pavt/p125.html>.

Гутник Оксана Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
Крымский филиал Российского государственного
университета правосудия

Конституционно-правовые гарантии независимости суда в уголовном судопроизводстве

История возникновения и развития современного российского суда имеет давние корни. Документом, в котором впервые прослеживается упоминание слова «суд», является «Устав князя Владимира Святославовича», датированный началом XI в., где речь идет о церковном суде и говорится: «Князю и боярам и судьям их в эти суды не вмешиваться» [1]. Далее, судебная система последовательно развивалась. И одной из самых значимых этапов исторического развития национального правосудия считается судебная реформа Александра II, утвердившего Судебные Уставы 1864 г., в которых утверждаются основные принципы судебного процесса, одним из которых стал принцип независимости суда [2].

По бесспорному мнению ученых, судебная реформа 1864 г. была самой важной, самой удачной, самой подготовленной и самой последовательной из всех реформ, проводившихся в нашем государстве [3]. В ходе этой реформы было реорганизовано судоустройство и судопроизводство, создана новая судебная система с введением института мировых судей и суда с участием присяжных заседателей, обновлена система прокурорских органов, преобразована адвокатура, существенно изменена система подготовки юридических кадров [4, с. 6].

Значимым вложением в развитие института независимости судей являются труды известного русского ученого И.Я. Фойницкого, который писал, что судебная власть призывается к осуществлению в государственной жизни начал законности. Но для авторитетного применения закона судебной власти необходимо положение независимое, самостоятельное, одному лишь закону подчиненное и свободное от подчинения представителям интересов, ожидающим судебного разрешения, будь-то интересы частные или публичные [5].

Основные положения формирования и функционирования судебной власти имеют четкое конституционное закрепление, предусматривают об-

щие полномочия суда, закрепляя отдельно правовую гарантию независимости судей провозглашая в ст. 120 ч. 1 Конституции РФ, что судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону.

Роль и значение независимости суда в процессе построения и развития правового демократического государства, институциональная ценность независимой судебной власти является безусловной. Без независимой судебной власти, ее игнорированию общество обречено на массовое нарушение прав и свобод человека. В связи с чем, конституционная гарантия независимости судей имеет свое правовое закрепление в ряде общеизвестных международных и отечественных нормативно-правовых актах.

К общепризнанным гарантиям независимости суда относятся следующие: независимость судебных органов гарантируется государством и закрепляется в конституции или законах страны. Все государственные и другие учреждения обязаны уважать и соблюдать независимость судебных органов; правосудие осуществляется исключительно судами; обеспечение независимости судебной власти, комплексное введение института независимости судей с целью обеспечения независимости судебной власти, порядок наделения судей полномочиями, требования к кандидатам на должность судьи, порядок отбора, привлечения судьи к ответственности, освобождения судьи от должности; судебный контроль, тайна совещания судей, материальное обеспечение судей, обеспечение их безопасности и др.

Несмотря на это, в современном российском обществе вряд ли можно однозначно утверждать о безоговорочном соблюдении указанных положений независимости суда, т.к. различного рода посягательства на судебную независимость приобретают новые формы вместе с социально-экономическим развитием и преобразованием нашего государства.

Давление на судей и их запугивание, вынуждающее «забыть» о своей независимости, имеет ужасающие проявления. Речь идет об убийствах судей, а также членов их семьи. Так, особый общественный резонанс приобрело убийство федерального судьи Шамильского района Республики Дагестан У. Магомедова. 10 августа 2016 г. во дворе дома на окраине села Ассаб Шамильского района неустановленным следствием лицо из огнестрельного оружия произвело выстрелы в указанного выше судью, причинив ему 9 огнестрельных ранений, в результате чего судья скончался на месте. Согласно информации, опубликованной на официальном сайте прокуратуры Республики Дагестан, прокурором республики взят на личный контроль ход расследования уголовного дела по ч. 1 ст. 222 и ст. 295 УК РФ [6].

В апреле 2010 г. в г. Москва в подъезде своего дома был убит федеральный судья Э. Чувашов, который входил в судебную коллегию Московского городского суда по уголовным делам и вел в Московском городском суде громкий процесс по делу группировки скинхедов «Белые волки» [7]. Мы видим, что давление на судей и их независимость имеют жесткие преступные формы.

Считаем, что действия, направленные на ограничения независимости суда, связаны с внутренними государственными процессами, а также взаимообусловлены воспитанием людей в культурном, дипломатическом, религиозном, «человеческом» аспектах. Вряд ли можно говорить о необходимости и, в связи с этим, попытках ограничения независимости рядового федерального либо мирового судьи со стороны сил иного государства. Ведь независимость суда является важным фактором для тех лиц, которые непосредственно обращаются в суд за защитой своих прав и свобод, либо лиц, имеющих процессуальную заинтересованность в исходе дела. В связи с этим, наше государство должно активней разрабатывать и внедрять правовые гарантии, направленные на защиту независимости суда и судей в связи с отличительными чертами и проявлениями нашего менталитета, особенностей правовой культуры, необходимо сказать о недопустимости снижения уровня гарантий независимости судей при внесении изменений в действующие законы.

Об особой важности суда в нашем обществе, деятельность которого направлена на защиту всех без исключения, установлении справедливости и правопорядка, об особой значимости и необходимости постоянного уважения к их независимости должны не только понимать, но и строго соблюдать представители всех без исключения ветвей власти, адвокаты, люди. А соответствующая правовая культура в виде уважительного отношения должна зарождаться еще с азов школьного образования и развиваться на протяжении всей жизни.

Список литературы:

1. Устав святого князя Володимира, крестившаго Русьскую землю, о церковных судех // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. / Под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит-ра, 1984.
2. Зорькин В. Суд скорый, правый и равный для всех. Судебная реформа Александра II: уроки для правового развития России // Рос. газ. 2014. 26 сен.
3. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России. История. Документы: Т. 3. М.: Мысль, 2003.
4. Загорский Г.И., Зюбанов Ю.А. У истоков российского уголовного судопроизводства (к 1000-летию Русской Правды): монография. М.: Проспект, 2016.
5. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: Т. 1. СПб., 1996.
6. URL: <http://dagproc.ru>.
7. URL: https://ria.ru/trend/murder_judge_12042010/.

Доборез Игорь Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
Крымский юридический институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Актуальные проблемы участия прокурора в арбитражном процессе

Участие прокурора в арбитражном процессе является важным инструментом в защите интересов государства при рассмотрении дел арбитражными судами.

Так, в соответствии с данными статистического отчета об основных результатах прокурорской деятельности, в 2015 г. рассмотрено арбитражных дел с участием прокурора во всех судебных инстанциях – 18738 (за 2014 г. – 20 887), т.е. наблюдается снижение на 10,3 %. Из указанного количества непосредственно по искам (заявлениям) прокурора в 2015 г. – 18 254 (97,4 % от общего количества рассмотренных с участием прокурора, тогда как в 2014 г. – 19 870 (95,1 % от рассмотренных), и также снижение на 8,1 %.

При этом обращает на себя внимание статистика апелляционного и кассационного обжалования прокурором решений арбитражных судов: в 2015 г. подано таких жалоб 774 (в 2014 г. – 739), рассмотрено 588 (в 2014 г. – 593), удовлетворено в 2015 г. – 167, или 28,4 % от поданных (в 2014 г. – 185 или 31,2 %). Эти данные свидетельствуют, с одной стороны, о правомерности заявленных прокурором исковых требований, подтвержденных положительными судебными решениями. А с другой стороны, даже с учетом небольшого количества поданных прокурором апелляционных и кассационных жалоб, менее трети от них были удовлетворены судами [1].

Таким образом, ряд актуальных проблем участия прокурора требуют решения на законодательном уровне, а также путем принятия соответствующих разъяснений Верховным Судом РФ и Генеральной прокуратурой РФ, с учетом крайне противоречивой судебной практики и ранее данных разъяснений [2–4].

Исходя из смысла статей 40, 52 АПК, прокурор обладает особым статусом и полномочиями, что позволяет сделать вывод о том, что он является самостоятельной процессуальной фигурой. В тоже время закон ограничивает категории дел, которые прокурор вправе инициировать (собственно, эта тенденция последовательно прослеживается в принятии изменений в АПК и иные законы, в частности о несостоятельности (банкротстве), с принятием КАС и пр.) [5].

Прежде всего, основанием для участия прокурора в деле, которое рассматривается арбитражным судом, является защита интересов РФ, субъектов РФ, органов местного самоуправления и т.д. В связи с этим требуют законодательного урегулирования либо разъяснения (как минимум, на уровне Верховного Суда РФ) следующие актуальные проблемы.

Если считать основанием для участия прокурора в деле защиту указанных выше интересов, то прокурор может и должен участвовать во всех делах, рассматриваемых арбитражными судами, где такой интерес присутствует (например, о несостоятельности предприятий с долей государства). В случае, если такой интерес нарушен, право участия прокурора должно быть безусловным (в частности, не зависеть от воли и правовой позиции субъекта, уполномоченного на защиту такого интереса, однако же им пренебрегшего по тем или иным причинам). Таким образом, в ст. 52 АПК целесообразно сделать соответствующую оговорку.

Актуален вопрос о возможности вступления прокурора в дело, рассматриваемое арбитражным судом, и о его полномочиях в таких случаях. Так, ч. 5 ст. 52 АПК предусматривает право прокурора вступить в дело (категория таких дел указана в ч. 1 ст. 52), рассматриваемое арбитражным судом, на любой стадии арбитражного процесса с процессуальными правами и обязанностями лица, участвующего в деле, в целях обеспечения законности. Закон при этом не раскрывает полномочий прокурора, что является, на наш взгляд, пробелом, требующим нормативного заполнения. По аналогии с полномочиями прокурора в гражданском процессе, предусмотренными ст. 45 ГПК РФ, на наш взгляд, необходимо законодательно закрепить за прокурором возможность давать заключение по таким делам (при этом, кстати, остается открытым вопрос о форме, – устной или письменной, – и содержании такого заключения, что также необходимо урегулировать в ведомственных актах Генеральной прокуратуры).

На наш взгляд, в процессуальном законе было бы целесообразно отдельной нормой закрепить права и обязанности прокурора, либо же сделать оговорку о том, что его права тождественны с правами стороны в процессе. В настоящее время ч. 3 ст. 52 АПК РФ предусматривает, что прокурор, обратившийся в арбитражный суд, пользуется процессуальными правами и несет процессуальные обязанности истца.

Безусловно, с учетом современных реалий (принятие КАС, реорганизация арбитражных судов, в т.ч. ликвидация ВАС и пр.), требует существенной переработки приказ Генерального прокурора РФ от 25.05.2012 № 223. Необходимо и принятие разъяснений Верховным Судом РФ взамен Постановления Пленума ВАС РФ от 23.03.2012 № 15 (ред. от 25.01.2013) [6; 7]. Требуют законодательного закрепления и иные актуальные положения.

Кроме того, целесообразно предложить такую редакцию ст. 52 АПК РФ. Участие в деле прокурора.

1. Прокурор вправе обратиться в арбитражный суд в защиту интересов РФ, субъектов РФ, муниципальных образований, прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц.

2. По делам, указанным в ч. 1 настоящей статьи, прокурор вправе вступить в дело, рассматриваемое арбитражным судом, на любой стадии арбитражного процесса, с целью обеспечения законности и дачи соответствующего заключения.

3. Прокурор, обратившийся в арбитражный суд, вступивший в дело, рассматриваемое арбитражным судом, пользуется всеми правами, предоставленными сторонам в арбитражном процессе.

4. Прокурор освобожден от обязанности по уплате судебных расходов.

5. Генеральный прокурор РФ и заместитель Генерального прокурора РФ вправе обратиться в Верховный Суд РФ и арбитражные суды округов (арбитражные кассационные суды); прокурор субъекта РФ, заместитель прокурора субъекта РФ и приравненные к ним прокуроры и их заместители – в арбитражные апелляционные суды, арбитражные суды первой инстанции в республиках, краях, областях, городах федерального значения, автономной области, автономных округах.

Изложенные автором предложения являются приглашением к научной дискуссии, призванной найти ответы на актуальные вопросы участия прокурора в арбитражном процессе.

Список литературы:

1. URL: <http://genproc.gov.ru/stat/>.
2. Постановление Пленума ВАС РФ от 28 мая 2009 г. № 36 // СПС «Консультант-Плюс».
3. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 22 дек. 2005 г. № 99 // СПС «Консультант-Плюс».
4. Информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ от 22 авг. 2002 г. № 38-15-02 // СПС «Консультант-Плюс».
5. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июл. 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 22.11.2016) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
6. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 25 мая 2012 г. № 223 // СПС «Консультант-Плюс».
7. Постановление Пленума ВАС РФ от 23 мар. 2012 г. № 15 (ред. от 25.01.2013) // СПС «Консультант-Плюс».

Доросинская Анна Михайловна,

кандидат юридических наук,

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Некоторые проблемы обеспечения следователем соблюдения прав обвиняемого

Права обвиняемого занимают главное место в его правовом статусе. Кроме прав, которые ему присущи как обвиняемому, он также наделен всеми конституционными правами, которыми наделен каждый человек, гражданин, за исключением некоторых ограничений, предусмотренных законом.

В связи с этим целесообразно рассмотреть именно вопрос соблюдения, обеспечения прав обвиняемого, которые входят в систему его правового статуса, следователем. Ведь именно от следователя в первую очередь зависит будут ли соблюдаться права обвиняемого или нет, а также будет ли обеспечиваться режим законности во время предварительного расследования преступления или нет.

Необходимо отметить, что именно обвиняемый наделен широким кругом прав, в сравнении с другими участниками процесса, в связи с тем, что его привлекают к ответственности, применяют меры уголовно-процессуального принуждения, ограничивают права и т.д. Права обвиняемого не закреплены в отдельной статье уголовно-процессуального закона. Общепризнанные права обвиняемого предусмотрены в ст. 47 УПК РФ, а те, которые касаются непосредственно предъявления обвинения, – в ст. 172, при применении мер пресечения – статьи 101–109, при производстве следственных действий – 179, 184, 185, 186, 186.1, 198 [2].

К конкретным правам, требующим защиты в процессе расследования преступлений, относится право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 23 Конституции РФ [1]).

Сущность тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений состоит в том, что ни должностные, ни частные лица не имеют права знакомиться с содержанием, адресованной не им корреспонденции, контролировать и записывать переговоры, а также получать информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, кроме случаев, предусмотренных в законе и исключительно по решению суда. При проведении таких следственных действий как наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка, контроль и запись переговоров и получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, неминуемо фиксируется информация, которая не касается расследуемого события. Поэтому, необходимо предусмотреть процедуру изъятия такой информации из уголовного дела, четко детализировать процедуру законного ограничения права лица на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также порядка обжалования действий соответствующих органов. Это необходимо для того, чтобы следователь при ознакомлении с материалами уголовного дела имел законные основания не знакомить заинтересованных лиц с полученной информацией, не имеющей отношение к делу. То есть, при проведении следственного действия следователь должен помнить про нарушение права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, в т.ч. и тех лиц, которые не имеют отношение к уголовному делу.

Охране и защите также подлежит право обвиняемого на неприкосновенность жилища, которое закреплено в ст. 25 Конституции РФ и должно обеспечиваться при расследовании уголовного дела. Вместе с тем необходимо сказать о специфичности гарантий осуществления данного права при расследовании преступлений.

Чаще всего встречаются такие формы ограничения права на неприкосновенность жилища как обыск, выемка и осмотр. Закон регламентирует мотив, основания и процедуру проведения данных следственных действий. Так, в соответствии со ст. 12 УПК РФ осмотр, обыск и выемка в жилище могут проводиться только на основании и в порядке, предусмотренном УПК РФ.

Закон защищает права обвиняемых при осуществлении в жилище данных следственных действий. В любом случае происходит вмешательство в личную жизнь, ограничиваются права лица и все это дает право утверждать, что в ходе подобных мероприятий, собирается информация не только об обвиняемом. И главное в этой проблеме то, что данные лица не причастны к преступлению. Поэтому следователь должен принять меры к тому, чтобы не были разглашены выявленные обстоятельства личной жизни обвиняемого и других лиц, которые проживают или временно находятся в данном помещении.

Расследуя уголовное дело, следователь использует весь арсенал средств и методов для установления объективной истины. Какие же средства психологического влияния допустимы и не нарушают права обвиняемого? На наш взгляд, допустимость, целесообразность любого психологического приема определяется требованием соблюдения закона, которому должны соответствовать все действия и решения следователя. Поэтому, оценивая тот или иной прием, следует убедиться, что он не нарушает не чьих прав и законных интересов, соответствует нормам морали и направлен на обеспечение правового статуса обвиняемого.

В любом случае не возникает сомнений, что обязанностью следователя является обеспечение и соблюдение прав граждан, независимо от их должностного и уголовно-процессуального положения. Такое правило должно стать аксиомой при расследовании преступлений.

Список литературы:

1. Конституция РФ, принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (ред. от 21.07.2014) // Рос. газ. 1993. 25 дек.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 22.11.2016) // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
3. Журба О.Л., Гутник О.В. Задержание: вопросы обеспечения прав и свобод // Таврический научный обозреватель. 2016. № 5 (10).

Дорошин Анатолий Алексеевич,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Информационная безопасность как средство обеспечения прав человека

Задача построения гражданского общества в России как общества информационного, возрастание роли информации, информационных ресурсов и технологий в развитии личности, общества и государства в XXI в., выводят вопросы информационной безопасности на первый план не только в системе обеспечения национальной безопасности в целом, но и в сфере гарантирования фундаментальных прав и свобод человека как важнейшего составляющего элемента указанной системы.

Стратегическим документом для решения вопросов информационной безопасности является утвержденная Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646 Доктрина информационной безопасности РФ (Доктрина), а также другие документы стратегического планирования в указанной сфере [1].

Информационная безопасность РФ – это состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие РФ, оборона и безопасность государства. В свою очередь под обеспечением информационной безопасности понимается осуществление взаимоувязанных правовых, организационных, оперативно-розыскных, разведывательных, контрразведывательных, научно-технических, информационно-аналитических, кадровых, экономических и иных мер по прогнозированию, обнаружению, сдерживанию, предотвращению, отражению информационных угроз и ликвидации последствий их проявления.

Информационную инфраструктуру составляет совокупность объектов информатизации, информационных систем, сайтов в сети «Интернет» и сетей связи, расположенных на территории РФ, а также на территориях, находящихся под юрисдикцией РФ или используемых на основании международных договоров РФ.

В Доктрине на основе анализа основных информационных угроз и оценки состояния информационной безопасности определены стратегические цели и основные направления обеспечения информационной безопасности личности, общества и государства с учетом стратегических национальных приоритетов РФ. Ее правовую основу составляют Конституция РФ (ст. 84), общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры РФ, федеральные конституционные законы, федеральные законы, а также нормативные правовые акты Президента РФ и Правительства РФ.

Стратегической целью обеспечения информационной безопасности в области обороны страны является защита жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, связанных с применением информационных технологий в военно-политических целях, противоречащих международному праву, в том числе в целях осуществления враждебных действий и актов агрессии, направленных на подрыв суверенитета, нарушение территориальной целостности государств и представляющих угрозу международному миру, безопасности и стратегической стабильности. Основными задачами обеспечения информационной безопасности в области государственной и общественной безопасности выступают защита суверенитета, поддержание политической и социальной стабильности, территориальной целостности РФ, обеспечение основных прав и свобод человека и гражданина, а также защита критической информационной инфраструктуры.

Ведущими направлениями обеспечения прав человека в информационной сфере являются обеспечение и защита конституционных прав и свобод личности в части, касающейся получения и использования информации, гарантии неприкосновенности частной жизни при использовании информационных технологий, обеспечение информационной поддержки демократических институтов, механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, а также применение информационных технологий в интересах сохранения культурных, исторических и духовно-нравственных ценностей многонационального народа РФ.

Реализация мероприятий по обеспечению прав человека в информационной сфере направлена на формирование безопасной среды оборота достоверной информации и устойчивой к различным видам воздействия информационной инфраструктуры в целях обеспечения личных конституционных прав и свобод, стабильного социально-экономического развития страны, а также национальной безопасности РФ.

Деятельность государственных органов по обеспечению информационной безопасности основывается на следующих принципах:

а) законность общественных отношений в информационной сфере и правовое равенство всех участников таких отношений, основанные на конституционном праве граждан свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом;

б) конструктивное взаимодействие государственных органов, организаций и граждан при решении задач по обеспечению информационной безопасности;

в) соблюдение баланса между потребностью граждан в свободном обмене информацией и ограничениями, связанными с необходимостью обеспечения национальной безопасности, в том числе в информационной сфере.

В настоящий момент масштабы компьютерной преступности, связанной с нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина, в том числе в части, касающейся неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, возрастают, при этом методы, способы и средства совершения таких преступлений становятся все изощреннее. Поэтому в целях реализации прав человека в информационной сфере, охватывающих сферу соблюдения конституционных прав и свобод граждан на поиск, получение, передачу, производство и распространение объективной информации, реализацию права граждан на неприкосновенность своей частной жизни, обеспечение права граждан на защиту своего здоровья от «вредной» информации, а также защиту права на объекты интеллектуальной собственности, необходимо осуществить с использованием отечественных информационных технологий и отечественной продукции в информационной сфере комплекс мероприятий по обеспечению безопасности информационной инфраструктуры российского общества, нацеленных на обеспечение ее целостности, доступности и устойчивости, повысить эффективность научных исследований, направленных на создание перспективных информационных технологий, способствовать формированию компетентности граждан в вопросах обеспечения личной информационной безопасности.

Как подчеркнул в своем послании Федеральному Собранию РФ 1 декабря 2016 г. Президент России В.В. Путин, «необходимо сосредоточиться на направлениях, где накапливается мощный технологический потенциал будущего, а это цифровые, другие, так называемые сквозные технологии, которые сегодня определяют облик всех сфер жизни. Страны, которые смогут их генерировать, будут иметь долгосрочное преимущество, возможность получать громадную технологическую ренту. Те, кто этого не сделает, окажутся в зависимом, уязвимом положении... Нужно также учитывать, что в цифровых технологиях, например, кроются и риски, конечно. Необходимо укреплять защиту от киберугроз, должна быть значительно повышена устойчивость всех элементов инфраструктуры, финансовой системы, государственного управления» [2].

Список литературы:

1. Об утверждении Доктрины информационной безопасности РФ: Указ Президента РФ от 5 дек. 2016 г. № 646.
2. URL: http://blackseafleet-21.com/news/2-12-2016_poslanie-prezidenta-federalnomu-sobraniju-odinnadtsat-glavnyh-tezisov.

Евсикова Елена Витальевна,
кандидат юридических наук,
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

**Проблемы обеспечения прав человека в контексте принятия
Федерального закона «Об основах системы профилактики
правонарушений в Российской Федерации»**

Принятие 23 июня 2016 г. Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ» (ФЗ № 182-ФЗ) [2] создало благоприятные условия для приведения в единый порядок общественных отношений, связанных с профилактикой правонарушений в РФ. Однако вопрос построения эффективной и качественной системы профилактики правонарушений, ориентированной не просто на предупреждение, а и устранение причин и условий совершения правонарушений, остается открытым в силу ряда веских причин, в т.ч. в силу нерешенности и неурегулированности вопроса надлежащего обеспечения прав человека при реализации положений ФЗ № 182-ФЗ.

Несомненно, ФЗ № 182-ФЗ был принят с целью реализации таких важных конституционных принципов, как законность и приоритет прав и законных интересов человека и гражданина при осуществлении профилактики правонарушений, а также ответственность субъектов профилактики правонарушений и их должностных лиц за обеспечение прав и законных интересов человека и гражданина.

В тоже время остается до конца непонятным, что подразумевал законодатель под такими принципами профилактики правонарушений, как обеспечение системности и единства подходов при осуществлении профилактики правонарушений; открытость, непрерывность, последовательность, своевременность, объективность, достаточность и научная обоснованность принимаемых мер профилактики правонарушений; компетентность при осуществлении профилактики правонарушений, что относится, скорее, не к принципам профилактики правонарушений, а к требованиям, которые предъявляются к такой деятельности, которая, кстати сказать, выступает в ФЗ № 182-ФЗ как совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения.

По нашему мнению, к не менее важным конституционным принципам, которые должны быть закреплены и предусмотрены ФЗ № 182-ФЗ, относятся принцип гласности, единства прав и обязанностей, гуманности, неприкосновенности частной жизни, что позволит обеспечить права человека в контексте его реализации.

Кроме того, прописывая полномочия федеральных органов исполнительной власти, органов прокуратуры, следственных органов Следственного комитета РФ, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления в сфере профилактики правонарушений, права лиц, участвующих в профилактике правонарушений, в ФЗ № 182-ФЗ законодатель уделяет правам лиц, в отношении которых проводится профилактика правонарушений, всего одну ст. 28, которая предусматривает, что лица, в отношении которых применяются меры индивидуальной профилактики правонарушений, имеют право на:

1) получение информации об основаниях и причинах применения в отношении их мер индивидуальной профилактики правонарушений, а также об условиях и характере применяемых в отношении их мер индивидуальной профилактики правонарушений;

2) ознакомление с материалами, собранными субъектами профилактики правонарушений в связи с применением в отношении указанных лиц мер индивидуальной профилактики правонарушений и непосредственно затрагивающими права и свободы указанных лиц, если иное не установлено федеральным законом;

3) обжалование действий (бездействия) и решений субъектов профилактики правонарушений и их должностных лиц, а также лиц, участвующих в профилактике правонарушений, в порядке, установленном законодательством РФ.

Однако, кроме индивидуальной профилактики правонарушений, ФЗ № 182-ФЗ предусмотрена также общая профилактика, которая направлена на выявление и устранение причин, порождающих правонарушения, и условий, способствующих совершению правонарушений или облегчающих их совершение, а также на повышение уровня правовой грамотности и развитие правосознания граждан, а также специальная профилактика правонарушений, которую в пределах установленной компетенции уполномочены применять должностные лица органов прокуратуры РФ, следственных органов Следственного комитета, ОВД, органов ФСБ, органов УИС и иных государственных органов.

В силу чего, более правильно было бы закрепить на законодательном уровне не только права лиц, в отношении которых применяются меры индивидуальной профилактики правонарушений, но и меры общей и специальной профилактики.

Также, следует согласиться с мнением О.П. Арзамасцева [3, с. 51–52], что в данном законе обязательно должны быть статья о гарантиях прав граждан при осуществлении мер по профилактике правонарушений и статья об обжаловании решений и действий (бездействия) субъектов системы профилактики правонарушений, а именно:

1. При осуществлении мер по профилактике правонарушений не допускается ограничение прав и свобод человека и гражданина, в т.ч. жестокое или унижающее человеческое достоинство обращение, нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и

иных сообщений, свободного передвижения и выбора места пребывания и жительства, а также неприкосновенности личности, жилища, за исключением случаев, предусмотренных законодательством РФ.

2. Лица, в отношении которых осуществляются меры профилактики правонарушений, вправе обжаловать действия субъектов профилактики правонарушений в порядке, предусмотренном законодательством РФ.

Обжалование решений и действий (бездействия) субъектов системы профилактики правонарушений: действия должностных лиц субъектов системы профилактики правонарушений, нарушающие права, свободы и законные интересы личности при применении мер профилактики правонарушений, могут быть обжалованы в соответствующие органы государственной власти. Те же действия и решения субъектов системы профилактики правонарушений или их должностных лиц могут быть обжалованы в суд.

Таким образом, проблема обеспечения прав человека в контексте принятия ФЗ № 182-ФЗ остается открытой на законодательном уровне, что может привести к значительным нарушениям прав человека при осуществлении мер профилактики правонарушений в контексте реализации ФЗ № 182-ФЗ, в силу чего указанный закон требует доработки и усовершенствования путем внесения соответствующих изменений, основанных на научном подходе и учитывающих достижения практики.

Список литературы:

1. Конституция РФ, принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (ред. от 21.07.2014) // Рос. газ. 1993. 25 дек.

2. Об основах системы профилактики правонарушений в РФ: федер. закон от 23 июня. 2016 г. № 182-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 26. Ст. 3851 (ч. I).

3. Арзамасцев О.П. Анализ проекта Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Вестн. Пенз. гос. ун-та. 2015. № 2 (10).

Евтушенко Инна Ивановна,

кандидат юридических наук,

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Гуманизация условий отбывания лишения свободы как гарантия права осужденного на гуманное обращение

Совершенно очевидно для большинства криминологов, что лишение свободы как исправительная мера себя не оправдывает, т.к. условия, в которых живут осужденные, не способствуют их успешному включению в общество и в определенной степени являются школой формирования преступных кадров, оттачивания преступного мастерства.

Согласно опубликованному в мае 2016 г. Советом Европы отчету о состоянии тюрем в европейских странах за 2015 г., «Россия лидирует по числу заключенных, опережая Литву, Латвию и Азербайджан, а также по доле женщин среди заключенных (8,2 % при среднем показателе 5 %) и по уровню преступности. В 2014 г. в российских тюрьмах было 671 тыс. заключенных – 467 чел. на 100 тыс. населения, что на 20 % меньше, чем в 2005 г., но в четыре раза больше, чем в среднем по Европе. Средний возраст заключенных составляет 34 года. 36,8 % заключенных в РФ отбывают срок 5–10 лет. В 2013 г. смертность в российских тюрьмах была на уровне 61,6 случая на 10 тыс. заключенных (461 из 4,2 тыс. случаев – самоубийства), более чем в два раза выше, чем в среднем в Европе (28). Общий бюджет тюремной администрации РФ в 2013 году составил €6,4 млрд – это самая крупная сумма в Европе. Средние расходы на одного заключенного в день – €25,87» [1, с. 3].

Задача государства – свести к минимуму вред от принудительной изоляции человека и создать условия для успешной адаптации бывших осужденных к жизни в обществе. Лишение свободы и так является достаточным наказанием, которое не должно сопровождаться дополнительными правоограничениями [2, с. 30–31].

Особый интерес в этом смысле имеет опыт скандинавских государств в реформировании всей системы наказаний и условий их отбывания.

Многие государства западной Европы и США в послевоенные годы столкнулись с довольно сильным ростом числа заключенных. Так, в США с 1975 по 2009 г. доля заключенных в составе населения выросла на 350 %. Сходные процессы произошли во всех странах с англо-саксонской моделью права. К маю 2012 г. Россия стояла на 2-м месте после США по числу заключенных. А в Скандинавских странах этот показатель был ниже в 100 раз. Исследуя эти процессы в различных государствах, Тапио Лаппи-Сеппала задается вопросом: «Являются ли эти данные естественным и неизбежным отражением уровней преступности? Мой ответ, подкрепленный результатами исследований, – решительное «нет». Число заключенных, их доля в составе населения не может объясняться состоянием дел с преступностью. Это результат политических процессов, но на них тоже можно влиять» [3, с. 13–16].

Гуманизация условий содержания лиц, заключенных под стражу, и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов в Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года устанавливается в качестве одного из направлений развития уголовно-исполнительного законодательства [4].

Необходимость тратить огромные средства на содержание осужденных в колониях и тюрьмах ограничивает возможности государства в реализации программ по предупреждению преступности и ресоциализации

осужденных [5, с. 7–8]. Этот аргумент всегда можно выдвинуть критикам программ гуманизации и ресоциализации осужденных, справедливо утверждающих, что в нашей стране всегда найдутся те законопослушные сильно нуждающиеся люди, которым помощь от государства и институтов гражданского общества срочно необходима, и они ее заслуживают. Только эти критики не понимают, что сэкономленные на программах гуманизации и ресоциализации преступников средства уже привели нашу страну к росту рецидива среди осужденных. И чем дольше мы будем стремиться отомстить преступнику за вред, причиненный потерпевшему, ужесточая условия отбывания наказания и не поддерживая его после освобождения из исправительной колонии, тем стремительнее будет увеличиваться в обществе доля лиц, совершающих преступления.

Последние годы Россия столкнулась с устойчивой тенденцией роста рецидивной преступности. А поскольку в большинстве случаев опасный и особо опасный рецидив образуется при совершении нового преступления лицом, ранее реально отбывавшим лишение свободы, то это напрямую свидетельствует о вредности данного вида наказания и условий его отбывания для снижения уровня рецидива, специальной превенции как цели назначения уголовного наказания и цели его исполнения. Следовательно, необходимо предпринимать более серьезные усилия по сокращению количества приговоров с лишением свободы и смягчать условия отбывания наказания в сторону сокращения разницы между жизнью на свободе и в колонии (тюрьме), оставив только те из требований, которые обеспечивают необходимую безопасность содержания осужденных.

В этой связи необходимо сказать о прогрессивной системе отбывания наказания и действующей системе «социальных лифтов».

Российскую прогрессивную систему исполнения уголовных наказаний можно определить как «регламентированное уголовным и уголовно-исполнительным законодательством изменение условий исполнения уголовных наказаний, вида исправительного учреждения в сторону их улучшения или ухудшения, в зависимости от положительного или отрицательного поведения осужденного, а также замену лишения свободы более мягким наказанием. Система социальных лифтов – это система стимулов для законопослушных осужденных как отбывающих наказание, так и досрочно освобожденных. Она представляет собой механизм изменения условий отбывания наказания, изменений вида исправительного учреждения, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, условно-досрочного освобождения посредством оценки комиссией исправительного учреждения поведения осужденных с помощью определенных критериев» [6, с. 169–171].

Она включает в себя не только меры поощрения и взыскания осужденных, переводы из одних условий в другие, из одного исправительного учреждения – в другое, замену неотбытой части наказания другим более

мягким, но и условно-досрочное освобождение осужденных, получение ими дополнительных привилегий в местах лишения свободы, оказание помощи после отбытия наказания, их трудоустройство, возможность получить образование и новую профессию, совершать религиозные обряды, участвовать в культурной жизни исправительного учреждения. Все названные элементы позволяют осужденному самому выбрать свою собственную линию поведения во время отбывания наказания, и, исходя из этого, перемещаться в «социальном лифте» либо вниз, либо вверх, ограничивая свои возможности и привилегии, или расширяя их.

Таким образом, условия отбывания наказания являются составным элементом и прогрессивной системы отбывания наказания, и системы «социальных лифтов». И сотрудниками УИС они используются как инструмент психологического влияния на поведение осужденного, стимулирование его правопослушного поведения. Соответственно, персонал исправительных учреждений не заинтересован в сокращении данных инструментов – правоограничений осужденных. И те усилия законодателя, предпринятые в данном направлении последние годы, выглядят явно недостаточными [7].

Возвращаясь к очень успешному финскому опыту, финский криминолог П. Торнудд отмечает, что «возможность осуществить целый ряд реформ, нацеленных на снижение уровня репрессивности, стала реальностью только благодаря тому обстоятельству, что небольшие группы экспертов, ответственных за планирование реформ или занимавшихся системой контроля над преступностью в исследовательских институтах и университетах, были почти единодушны в убеждении: высокая по сравнению с другими странами доля заключенных в составе населения Финляндии является позором; можно значительно сократить число приговоров к лишению свободы и сократить его сроки без ухудшения положения дел с преступностью» [8, с. 5]. И что даже еще более важно, на наш взгляд, эти идеи разделяли и политики, и сотрудники органов юстиции, и тюремные служащие, и судейский корпус. И сама реформа была ориентирована исключительно на экспертов, а политики, в свою очередь, не допускали популистских высказываний о необходимости решать все внутренние социально-экономические проблемы в обществе и государстве исключительно мерами уголовно-правового характера. А финские СМИ придерживались взвешенной позиции по вопросам уголовной политики, исключая низкопробный популизм [3, с. 35–37].

Но готово ли общество и практические сотрудники к реализации идеи гуманизации условий отбывания лишения свободы в России? Полагаем что нет, т.к. опросы общественного мнения, беседы с практическими работниками ФСИН России, слушателями курсов повышения квалификации сотрудников ОВД свидетельствуют, что смягчение условий отбывания наказания воспринимается ими как несправедливость, а значит в правосо-

знании как рядовых членов общества, так и профессиональной его части сущность и цель наказания отождествляется только с карой. И чем больше порядок отбывания лишения свободы содержит элементов кары, тем справедливее, с точки зрения обывателя, это наказание. А значит процесс гуманизации условий отбывания лишения свободы и условий содержания под стражей нужно начинать с изменения правосознания на государственном уровне, руководству страны и профильных ведомств говорить об этом не только на служебных совещаниях, а проводить разъяснительную работу через СМИ с населением, так сказать «готовить общественное мнение» к реальной гуманизации условий отбывания наказания.

Список литературы:

1. Пушкарская А. Россия впереди Европы по тюремным показателям // Газ. «Коммерсантъ». 2016. № 38.
2. Головки Л.В. Пенитенциарная политика, гуманизм и экономика // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2011. № 5.
3. Лаппи-Сеппала Т. Контроль за численностью заключенных: опыт Финляндии // От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли: финский опыт сокращения числа заключенных / Сост. И.Г. Ясавеев. Хельсинки, 2012.
4. Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 14 окт. 2010 г. № 1772-р // СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.
5. Анисимков В.М. Лишение свободы как крайняя мера уголовного наказания // Современные проблемы правоприменительной деятельности органов УИС в РФ: сб. статей по материалам регион. науч.-практ. конф. Саратов, 2002.
6. Евтушенко И.И. Прогрессивная система исполнения наказаний: новый взгляд // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2015. № 9.
7. О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс РФ: федер. закон от 3 апр. 2006 г. № 46-ФЗ // Рос. газ. 2016. 6 апр. № 4036.
8. Tornudd P. Fifteen years of decreasing prisoner rates in Finland. Helsinki: National Research Institute of Legal Policy, 1993.

Еремеев Денис Викторович,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник,
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Современное состояние реализации норм Конституции Российской Федерации при осуществлении административного задержания

Конституция РФ гарантирует каждому лицу право на свободу и личную неприкосновенность, а также определяет, что арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению, а до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов (ст. 22) [1].

Надлежащее обеспечение провозглашенного в ст. 22 Конституции РФ и ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [2] права на свободу и личную неприкосновенность подразумевает эффективную защиту от задержания, ареста, заключения под стражу или лишения свободы в иных формах без предусмотренных законом оснований и сверх установленных временных пределов; любые принудительные меры, применяемые в целях ограничения личной свободы и неприкосновенности, должны осуществляться только с соблюдением конституционных и конвенционных требований; до судебного решения граждане (иностранцы, лица без гражданства) могут быть при необходимости принудительно подвергнуты задержанию или иному лишению свободы на срок не свыше 48 часов; судебное решение призвано гарантировать лицу защиту не только от произвольного продления срока задержания сверх 48 часов, но и от неправомерного задержания как такового посредством беспристрастной оценки законности и обоснованности его применения; задержание на неопределенный срок не может рассматриваться как допустимое ограничение права каждого на свободу и личную неприкосновенность и, по сути, является умалением этого права. ЕСПЧ в своем толковании ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод исходит из того, что лишение физической свободы в реальности может приобретать разнообразные формы, не всегда адекватные классическому тюремному заключению; различие между лишением свободы и ограничением свободы состоит лишь в степени или интенсивности, а не в самом характере или сути; их восприятие должно базироваться не на формальных, а на сущностных признаках, таких как принудительное пребывание в ограниченном пространстве, изоляция человека от общества и семьи, невозможность свободного передвижения и общения с неограниченным кругом лиц; любое лишение свободы должно отвечать конвенционным критериям, защищающим человека от произвола властей, а основания его законности нельзя трактовать расширительно, поскольку они являются исключениями из фундаментальных гарантий свободы человека.

Таким образом, положения ст. 22 Конституции РФ и ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод вкупе с выявляющими их смысл правовыми позициями Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ определяют основания и пределы допустимых законодательных ограничений – независимо от их отраслевых юридических характеристик и целевого предназначения – права на свободу и личную неприкосновенность, если фактическим следствием их применения является лишение (ограничение) свободы [3].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что административное задержание, как мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении, закрепленная в главе 27 КоАП [4] и представляющая из себя кратковременное ограничение свободы физического лица, должно осуществляться в точном соответствии с нормами Конституции РФ и международными договорами РФ.

Административное задержание применяется в исключительных случаях, когда без применения данной меры невозможно установление личности правонарушителя, выявление обстоятельств совершенного административного правонарушения, правильное и своевременное рассмотрение дела об административном правонарушении и исполнение принятого по его результатам решения (постановления).

Сроки административного задержания, предусмотренные частями 1-3 ст. 27.5 КоАП, соответствуют конституционной норме и не превышают 48 часов, однако ч. 4 указанной статьи предусматривает, что срок административного задержания лица, находящегося в состоянии опьянения исчисляется со времени его вызревания.

Несомненно, что состояние опьянения, тем более средней или тяжелой степени, оказывает влияние на способность лица, подвергнутого административному задержанию, адекватно воспринимать и оценивать как собственное поведение, так и действия осуществляющих административное задержание должностных лиц, что существенно затрудняет осознанное использование им процессуальных прав, гарантированных законом участникам производства по делу об административном правонарушении, а в некоторых случаях вовсе делает их реализацию невозможной.

С учетом этого ст. 27.12.1 КоАП предусматривает, что лица, совершившие административные правонарушения (за исключением лиц, указанных в частях 1 и 1.1 ст. 27.12 данного Кодекса), в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что они находятся в состоянии опьянения, подлежат направлению на медицинское освидетельствование на состояние опьянения (ч. 1); направление на медицинское освидетельствование на состояние опьянения производится в порядке, установленном Правительством РФ, должностными лицами, уполномоченными составлять протоколы об административных правонарушениях (ч. 2); о направлении на медицинское освидетельствование на состояние опьянения со-

ставляется соответствующий протокол, копия которого вручается лицу, в отношении которого применена данная мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении (ч. 3); критерии, при наличии которых имеются достаточные основания полагать, что лицо находится в состоянии опьянения и подлежит направлению на медицинское освидетельствование, и порядок проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения устанавливаются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения (ч. 6); акт медицинского освидетельствования на состояние опьянения прилагается к соответствующему протоколу, а его копия вручается лицу, в отношении которого он был составлен (ч. 7).

Правилами направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения [5], установлено, что медицинское освидетельствование таких лиц может проводиться только в медицинских организациях, имеющих лицензию на осуществление медицинской деятельности по оказанию соответствующих услуг, выполнению работ (п. 8); перед направлением задержанного лица на медицинское освидетельствование уполномоченное должностное лицо обязано принять меры к установлению его личности; при отсутствии у направляемого на медицинское освидетельствование лица документов в протоколе о направлении на медицинское освидетельствование должны содержаться соответствующая отметка, а также сведения об официальном источнике информации, с помощью которого была определена его личность (п. 6).

В совокупности со статьями 1.2, 1.4, 1.6, 24.1, 27.1, 27.3 и 27.5 КоАП такое правовое регулирование медицинского освидетельствования на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения, предполагает обязанность должностных лиц, производящих административное задержание, во всех случаях, когда имеются достаточные основания полагать, что привлекаемое к административной ответственности лицо находится в состоянии опьянения, направить его на медицинское освидетельствование. Если по итогам медицинского освидетельствования будет установлено, что лицо, подвергнутое административному задержанию, находится в состоянии опьянения, составление протокола об административном правонарушении, равно как и иные совершаемые в рамках производства по делу об административном правонарушении действия должны быть отложены до вытрезвления такого лица, поскольку в противном случае не будут соблюдены условия, позволяющие ему надлежащим образом, своевременно и полно уяснить мотивы (причины) административного задержания, а также характер и объем предъявляемых претензий в нарушении действующего законодательства, без чего немыслима эффективная реализация права на защиту от административно-деликтного преследования.

Именно на обеспечение этих условий и направлена ч. 4 ст. 27.5 КоАП, закрепляющая правило об исчислении срока административного задержания лица, находящегося в состоянии опьянения, со времени его вытрезвления, подразумевающее, что соответствующие процессуальные действия в рамках производства по делу об административном правонарушении (опрос нарушителя, составление протокола об административном правонарушении и т.п.) в отношении такого лица могут осуществляться только после его вытрезвления. Введение в правовое регулирование подобной нормы не расходится с конституционными целями защиты прав и свобод человека и гражданина, отвечает правомерному решению задач производства по делам об административных правонарушениях и не выходит за рамки дискреционных полномочий федерального законодателя [3].

Вместе с тем указание в ч. 4 ст. 27.5 КоАП на исчисление срока административного задержания лица, находящегося в состоянии опьянения, со времени его вытрезвления не предполагает каких-либо других изъятий из правового режима применения административного задержания, предусмотренного положениями статей 27.1–27.4 и 27.6 КоАП, а потому при подтверждении в установленном законом порядке состояния опьянения лица, подвергнутого административному задержанию, уполномоченные должностные лица продолжают осуществлять его принудительное удержание до вытрезвления, причем, как правило, в помещениях, предназначенных для содержания лиц, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении. В результате чего подвергнутые административному задержанию лица, которые находятся в состоянии опьянения, что установлено посредством соответствующего медицинского освидетельствования, претерпевают в рамках производства по делу об административном правонарушении принудительное ограничение личной свободы не только со времени вытрезвления, когда в соответствии с ч. 4 ст. 27.5 КоАП начинается течение срока административного задержания, но и в предшествующий вытрезвлению период. На практике – принимая во внимание, что оговоренный ч. 3 данной статьи срок административного задержания не дифференцирован в зависимости от момента, с которого начинается его исчисление, – это приводит к тому, что общая продолжительность внесудебного принудительного ограничения свободы граждан, находящихся в состоянии опьянения, может превышать 48 часов [3].

Именно такая ситуация и возникла 1 апреля 2013 г. у гражданина Е.С. Сизикова, который был задержан на 59 часов в связи с нахождением в состоянии опьянения, хотя можно не сомневаться, что подобные ситуации возникали нередко. Именно этот случай и подтолкнул гражданина Е.С. Сизикова к обращению с жалобой в Конституционный Суд РФ о признании незаконными действий, связанных с применением к нему административного задержания на срок свыше 48 часов без судебного решения.

Рассмотрев данную жалобу, Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 17.11.2016 № 25-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 27.5 КоАП в связи с жалобой гражданина Е.С. Сизикова» [3] постановил признать положение ч. 4 ст. 27.5 КоАП, согласно которому срок административного задержания лица, находящегося в состоянии опьянения, исчисляется со времени его вытрезвления, не соответствующим Конституции РФ, ее статьям 17 (ч. 1), 19 (части 1 и 2) и 22 (ч. 2), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования производства по делам об административных правонарушениях, влекущих в качестве одной из мер административного наказания административный арест, оно допускает ограничение свободы такого лица до судебного решения на срок более 48 часов.

В целом, соглашаясь с решением Конституционного Суда РФ, хотелось бы указать на то, что проблема привлечения к административной ответственности лиц находящихся в состоянии опьянения остается до конца не решенной и исключение ч. 4 из ст. 27.5 КоАП создаст дополнительные трудности правоохранительным органам в документировании правонарушений со стороны вышеуказанных лиц.

По моему мнению, одним из способов решения данной проблемы могло бы являться восстановление работы медицинских вытрезвителей и соответственно не включения срока нахождения в них в срок административного задержания.

Список литературы:

1. Конституция РФ, принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (ред. от 21.07.2014) // Рос. газ. 1993. 25 дек.
2. URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 нояб. 2016 г. № 25-П // СПС «Консультант-Плюс».
4. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 05.12.2016) // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.
5. Правила направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения: постановление Правительства РФ от 23 янв. 2015 г. № 37 // СЗ РФ. 2008. № 27. Ст. 3280.

Ерыгина Виктория Ивановна,
кандидат исторических наук, доцент;
Проскуряков Анатолий Дмитриевич,
Юридический институт

Белгородского национального исследовательского университета

Современное состояние и перспективы развития правозащитной деятельности в России

Права и свободы граждан могут соблюдаться только в демократическом открытом обществе. По словам М.Н. Марченко, в таком обществе «каждый дееспособный член общества – гражданин является одновременно не только объектом, но и субъектом власти и управления» [1, с. 264]. Согласно теории правового государства и гражданского общества, они являются гарантом соблюдения прав и свобод человека, сферой самопроявления свободных граждан. Для гражданского общества характерны правовая защита прав и свобод граждан, высокий уровень культуры граждан, свобода общественного мнения, плюрализм, сильная политика государства в социальной сфере и т.д. Гражданское общество не может существовать при авторитарном или тоталитарном режимах. Его становление напрямую связано с развитием права и установлением демократического государства. Развитое гражданское общество является важнейшей предпосылкой построения правового государства и его равноправным партнером.

Правовое государство подразумевает следующие принципы: верховенство закона, незыблемость прав и свобод человека, разделение властей. В ст. 2 Конституции РФ закреплено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод гражданина – обязанность государства. Однако можно согласиться с мнением М.Н. Марченко, который считает, что рассматриваемые теории правового государства и гражданского общества являются теориями не настоящего государственного и общественного образования, а идеализированного будущего [1, с. 5]. В связи с этим представляется актуальным вопрос о соблюдении прав и свобод граждан в современном российском государстве.

Можно привести огромное множество примеров нарушения естественных, социальных прав, прав на свободу вероисповедания, права на свободу слова, нарушения избирательного права, экономических прав человека и т.д. В 2014 г. количество жалоб, поступивших к Уполномоченному по правам человека в России, резко возросло – на 43,6 % по сравнению с 2013 г. В 2014 г. к Уполномоченному поступило 59 100 обращений граждан, государственных и общественных организаций. Из них 32 382 жалобы и обращения граждан. В 2015 г. к Уполномоченному поступило 64 189 обращений граждан, государственных и общественных организаций и иных документов, что на 18 % больше, чем в 2014 г. Из них непосредственно жалоб физических и юридических лиц – 38 093 [2].

Это свидетельствует об обострении ситуации с правами человека в России, т.к. к омбудсмену обращают обычно после того как безуспешно пытались обжаловать решение государственного органа.

В 2015 г. Россия признана ЕСПЧ главным нарушителем международной конвенции по правам человека за истекший год [3].

Например, не является секретом положение заключенных в местах отбывания наказания. По официальным данным только в 2015 г. в местах лишения свободы умерло 3 977 чел., причем большинство из них по причине ненадлежащего качества медицинской помощи [4]. Данный факт является прямым нарушением прав человека на оказание медицинской помощи. В 2016 г. правительство отказалось от индексации пенсий, что является нарушением социальных прав человека, а точнее социального обеспечения [3].

Статья 28 Конституции РФ гласит: «каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними». Однако, на практике встречалось много случаев, когда людей оскорбляли и наносили физические повреждения в связи с их религиозными взглядами. Относительно свободы слова, то существуют законодательные акты, ограничивающие ее. Примером может послужить уголовное преследование за клевету в отношении государственных чиновников [5]. Также законом пресекается распространение, хранение и изготовление экстремистских материалов [6]. Что касается нарушения избирательного права, то ярким примером этого является то, что по Конституции РФ права голоса на выборах лишены все осужденные к лишению свободы (вне зависимости от тяжести совершенного преступления и от срока наказания). Вопрос о расширении избирательных прав граждан был неоднократно рассмотрен на заседаниях Конституционного Суда РФ [7].

В XX в. социальные права стали рассматриваться не как права той части общества, которая либо находится в состоянии нищеты, либо близка к ней. Влияние политических, социальных, демографических и иных факторов на экономику (особенно острое в военные годы и годы кризисов) привело к тому, что социально незащищенными оказалось большинство граждан. Социальные права утратили характер правовых средств компенсации рисков для узких групп населения в силу двух факторов. Во-первых, изменились сами риски, они стали более разнообразными и менее прогнозируемыми, а во-вторых, каждый человек мог оказаться подверженным этим рискам вне зависимости от социального статуса, материального положения, профессии и т.п. [8].

В связи с перечисленными выше примерами, становится актуальной деятельность правозащитных организаций, главными целями которых являются способствование становлению и развитию правового государства, защита прав и свобод граждан, правовое просвещение граждан.

Следует различать правозащитную и правоохранительную деятельность. Правоохранительная деятельность – это деятельность государственных и общественных организаций, которая осуществляется с целью охраны права специально на то уполномоченными органами и общественными формированиями путем применения мер юридической ответственности, в соответствии с законом и с соблюдением установленных процедур [9]. Следовательно, к правоохранительным органам относятся органы, которые реализуют в специфических правовых формах охранительную функцию государства. Признаками правоохранительных органов является то, что они уполномочены законом, их деятельность процессуально регламентирована и осуществляется на основе соответствующих правил и процедур, решения этих органов обязательны для исполнения должностными лицами и гражданами при условии их законности и обоснованности.

В отличие от правоохранительной, правозащитная деятельность осуществляется неправительственными правозащитными организациями. В эту категорию входят самые различные общественные объединения – от небольших групп неформалов, до крупных общественных объединений. На территории РФ наиболее влиятельной правозащитной организацией является Московская Хельсинская группа. Спектр задач правозащитной деятельности достаточно широк: от сбора данных о нарушении прав и свобод человека до подготовки необходимых законопроектов и организации различных митингов, пикетов и т.д. Примером могут послужить ежегодные митинги в защиту свободы собраний в России и соблюдение ст. 31 Конституции РФ, которая закрепляет право собираться мирно, без оружия, проводить, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование, которые получили название «Стратегия-31». Право на проведение публичных мероприятий является одним из основных прав граждан в определении индивидуальной и коллективной свободы и одной из форм прямой и первичной демократии. В тоже время существует значительное количество вопросов в правовом регулировании этого права. Ряд ученых предлагает принять соответствующие законы, в котором необходимо описать каждую из форм общественного события, уточнить порядок процедуры уведомления, разграничить ответственность за нарушение правил [10].

Также немаловажным отличием правоохранительной и правозащитной деятельности заключается в их объектах. Объектом первой является создание максимально благоприятных условий для беспрепятственной и качественной реализации права в целом, субъективных прав и юридических обязанностей; действия по борьбе с конкретными, уже совершенными правонарушениями и устранению их последствий, в то время как объектом второй является защита прав и свобод личности и наблюдение за соблюдением этих прав.

Чтобы усовершенствовать российскую систему права, необходим научный анализ опыта зарубежных стран в области защиты прав человека, особенно США и развитых стран Западной Европы, имеющих многовековой опыт в данной сфере. Западная цивилизация базируется на «священ-

ном» праве индивида на частную собственность, семейной этике труда, его рационалистической культуре и активном воздействии через посредство гражданского общества на государство. Наличие гражданского общества в этих государствах способствует реализации гарантий прав и свобод человека и гражданина. Например, согласно Закону Германии о собраниях и шествиях допускается возможность проведения публичных мероприятий без подачи предварительной заявки властям. Такие мероприятия возможны в исключительных случаях по вопросам последних событий или ожидаемых в будущем решений. К таким событиям относятся политические решения, массовые мероприятия, демонстрации. Однако если такие мероприятия подготовлены заранее, т.е. организаторы раздают листовки, несут плакаты, то полиция пресекает их проведение.

Согласно французскому законодательству предусмотрена ответственность за скопление людей в общественных местах. УК Франции предусматривает ответственность за любые скопления людей, которые могут иметь опасные для общественности последствия. Подобные скопления граждан разгоняются правоохранительными органами после двух требований разойтись.

В США вопросами публичных собраний занимаются власти штатов и органы на местах. Для проведения публичных мероприятий требуется получение специального разрешения, бланк которого доступен на специальных веб-сайтах. Следует отметить, что власти США могут в любое время приостановить или прекратить мероприятие с применением специальных средств задержания. Законность действий полиции может быть обжалована специальными юристами, приглашенными из национальной гильдии юристов.

Анализируя вышеизложенное, М.Н. Прудников и Р.С. Власян делают вывод о том, что на современном этапе развитые демократические государства придерживаются разрешительного метода участия в публичных мероприятиях. Тем самым государство в лице своих представителей страхует себя от спонтанных собраний, насильственного изменения политического строя [10].

На данный момент существует большое количество законов, закрепляющих верховенство прав человека. Создается все больше и больше некоммерческих организаций, главной целью которых является защита этих прав. Одной из особенностей этих организаций заключается в том, что они охватывают достаточно широкий круг вопросов и, следовательно, могут оказывать значительное влияние на общественную жизнь в разных сферах.

Для дальнейшего развития правозащитной деятельности нужно, на наш взгляд, предпринять следующие меры: 1. Граждане должны быть просвещены в правовой сфере. Должны проводиться действия для повышения правовой культуры граждан. Примером могут быть классные часы для старшеклассников в школе, главной темой которых будет обсуждение правовой тематики. Также в образовательных учреждениях могут создаваться различные кружки или объединения, которые будут просвещать учеников.

2. Государство должно поощрять деятельность правозащитных организаций, а не пресекать их действие, как это было в СССР. 3. Создание правозащитных организаций должно осуществляться посредством волеизъявления людей, по инициативе самих граждан. Только тогда правозащитная деятельность обретет всеобщий характер, будет иметь поддержку среди населения государства.

Список литературы:

1. Марченко М.Н. Правовое государство и гражданское общество (теоретико-правовое исследование): учеб. пособие. М.: Проспект, 2015.
2. URL: // <https://rg.ru/2016/03/24/ombudsman-doklad-dok.html>.
3. Паспорт проекта Федерального закона № 1177914-6 «О единовременной выплате гражданам, получающим пенсию» (внесен Правительством РФ) // СПС «Консультант-Плюс».
4. Права человека в России // URL:<http://ru.wikipedia.org/wiki/>.
5. Уголовный кодекс РФ от 13 июня. 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
6. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 05.12.2016) // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.
7. Макарецев А.А. Публичное и личное в электоральной демократии России: доктрина Конституционного Суда РФ // Гос. власть и местное самоуправление. 2016. № 8.
8. Путило Н.В. Юридические критерии социального государства: новые подходы // Журнал рос. права. 2016. № 10.
9. URL:
http://www.nnre.ru/shpargalki/shpargalka_po_pravoohranitelnym_organam/p2.php.
10. Прудников М.Н., Власян А.Р. Проблемы реализации конституционных прав граждан на мирные собрания // Современное право. 2016. № 8.

Журавленко Николай Иванович,

кандидат юридических наук, доцент,

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Защита права на неприкосновенность частной жизни

Право на личную жизнь – это право человека и гражданина вести свою жизнь по собственному усмотрению при минимальном постороннем вмешательстве в нее. Оно касается личной, семейной и домашней жизни, физической неприкосновенности и духовной свободы человека, его чести и достоинства, сохранения в тайне не наносящих ущерба обществу нелицеприятных фактов его биографии, защиты от незаконного проникновения в частную переписку, телефонные переговоры и т.п.

За рубежом уже давно практикуется защита подобных сведений. Поэтому данное право каждого цивилизованного человека должно быть надежно защищено и в нашей стране. В п. 1 ст. 2 ч. II Международного пакта о гражданских и политических правах говорится, что «каждое участвующее в настоящем Пакте государство обязуется уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в настоящем Пакте, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иных обстоятельств».

В пунктах 1 и 2 ст. 17 ч. III этого же документа закреплено право на неприкосновенность частной жизни. «Никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции или незаконным посягательствам на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств».

Гарантии соблюдения прав и свобод человека и гражданина в условиях демократического общества нашли отражение и в Конституции РФ. Ее нормы гласят: «каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения» (ст. 23); «сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются. Органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом» (ст. 24); «жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения» (ст. 25).

Часть 8 ст. 9 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» относит сведения о частной жизни лица к информации ограниченного доступа и запрещает требовать от гражданина (физического лица) предоставления информации, составляющей личную или семейную тайну, и получать такую информацию помимо его воли, если иное не предусмотрено федеральными законами.

Упоминание о правовом регулировании права на частную жизнь содержится и в одном из подзаконных нормативных правовых актов – Указе Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188. Однако здесь фигурирует более узкое понятие информации, относящейся к частной жизни граждан. Под

ней подразумеваются лишь сведения о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни гражданина, позволяющей идентифицировать его личность (персональные данные) [1, с. 12].

Упоминание о сведениях, связанных с тайной частной жизни, можно встретить во многих подзаконных нормативных правовых актах. Примером может служить приказ Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ, МВД РФ, ФСБ РФ от 25.07.2006 № 375/584/352. Здесь подчеркивается, что возможность ознакомления с находящимися в делах документами личного характера связана с соблюдением режима конфиденциальности в отношении информации, ставшей известной ее пользователю (пункты 7, 17 Положения).

В данной связи, прежде всего, необходимо выразить сомнение по поводу того, что информацию о частной жизни физического лица следует относить к категории конфиденциальных сведений. К последним обычно относят служебную, профессиональную, промышленную, коммерческую или иную информацию, правовой режим которой устанавливается ее собственником на основе законов о коммерческой, профессиональной тайне, государственной службе и других законодательных актов, если таковые имеются. Кроме того, предполагается, что конфиденциальные сведения по своей сути являются достоянием более или менее широкого круга различного рода корпоративных субъектов.

Сведения же, касающиеся частной жизни физического лица (как и данные, относящиеся к деятельности юридических лиц, которые на момент их правовой оценки в силу различных причин не были приданы гласности), следует относить к так называемой внутренней информации. Статус ее действующим российским законодательством пока не определен. Однако из анализа сущности данной категории сведений усматривается, что они должны принадлежать конкретному лицу, и никто кроме него ими владеть не должен.

Как только внутренняя информация по тем или иным причинам выходит за пределы, контролируемые ее собственником, она может превращаться в иные виды информации с ограниченным доступом, в т.ч. конфиденциальную, включающую в себя такие виды тайн, как, например, профессиональная, служебная или коммерческая. В отдельных случаях она может трансформироваться даже в сведения, составляющие государственную тайну. Так, частная информация о заболевании, доверенная пациентом врачу, становятся профессиональной тайной. Сведения личного характера о размере годового дохода, представленные налогоплательщиком в налоговую инспекцию, становятся налоговой тайной – одной из разновидностей служебной тайны. Сведения о результатах проведения ОРМ некоторыми оперативными подразделениями ОВД (например, информация личного характера, полученная в ходе прослушивания телефонных переговоров), относятся к категории государственной тайны и т.д.

Таким образом, в качестве объекта защиты права на неприкосновенность частной жизни рассматриваются факты, явления, события, составляющие личную тайну человека в исходном ее состоянии – до выхода за пределы, контролируемые первоначальным собственником, а в качестве ее первичных субъектов (доверителей) фигурируют конкретные физические лица либо их семьи.

В качестве вторичных субъектов, приобретающих статус владельцев (держателей) этого вида тайны после того, как она выйдет из-под единого личного контроля ее собственника, рассматриваются специализированные субъекты, реализующие свои полномочия в области правоохранительной, частной детективной и журналистской деятельности.

Анализ практики использования нормативно-правовой базы, связанной с защитой права на неприкосновенность частной жизни, показывает, что декларированные в нормативно-правовых актах гарантии в ряде случаев нарушаются либо вовсе не действуют [2, с. 56–57]. Вызвано это, в первую очередь, неэффективностью самих механизмов защиты права на неприкосновенность частной жизни. Речь идет о следующих моментах: праве каждого обжаловать неправомерные действия должностных лиц; праве каждого на получение информации, собранной в отношении него, если не доказано судом преступление, задуманное или совершенное этим лицом, и обязанность должностных лиц предоставлять такую информацию; обязанности должностных лиц структур, уполномоченных на осуществление ОРД, их вышестоящих органов, а также судов и прокуратуры принимать меры по восстановлению конституционных прав граждан в случае незаконного вмешательства в их частную жизнь [3, с. 26]; правовых механизмах возмещения причиненного вреда; запрете отдельным частным лицам и коммерческим предприятиям, занимающимся частным сыском, а также органам, осуществляющим ОРД, разглашать сведения, затрагивающие неприкосновенность личной жизни, которые стали им известны в процессе проведения соответствующих мероприятий, без согласия граждан, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами, и т.д.

Во многом такая ситуация объясняется структурными проблемами правовой системы России, низким уровнем правовой грамотности населения, отсутствием у граждан информации о своих правах и механизмах их защиты, а также финансовыми трудностями большей части населения, что ограничивает доступ к квалифицированной юридической помощи.

Список литературы:

1. Федосин А.С. Защита конституционного права человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни при автоматизированной обработке персональных данных в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2009.

2. Борзунов К.К., Журавленко Н.И., Кадулин В.Е. Основы информационной безопасности: учеб. пособие / Под общ. ред. А.С. Овчинского. М.: МосУ МВД России, 2007.

3. Тямкин А.В., Занин К.А. Защита персональных данных в оперативно-розыскной деятельности. Воронеж, 2008.

Журба Оксана Леонидовна,
кандидат юридических наук,

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Соблюдение сроков в досудебных стадиях как один из механизмов защиты прав участников уголовного судопроизводства

Одно из важных условий успешной борьбы с преступностью – это оперативность предварительного расследования, которая выражается в соблюдении установленных сроков для осуществления тех или иных действий при расследовании по уголовным делам. Заслуживающей внимания является практика признания процессуального срока как промежутка времени, в течение которого должны совершаться уголовно-процессуальные действия или требуется воздержаться от их совершения.

В целях защиты конституционных прав и законных интересов граждан уголовные и гражданские дела должны рассматриваться в строгом соответствии с правилами судопроизводства, важной составляющей которых являются установленные законом сроки выполнения отдельных процессуальных действий. Кроме того, следует иметь в виду, что правосудие осуществляется в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами РФ, являющимися составной частью ее правовой системы (ч. 4 ст. 15 Конституции [1]). В частности, п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод закрепляет право каждого при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении уголовного обвинения на справедливое публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона [2]. С учетом требований этой нормы и положений Международного пакта о гражданских и политических правах судопроизводство по уголовным и гражданским делам должно осуществляться без неоправданной задержки, в сроки, позволяющие оптимально обеспечить право граждан на судебную защиту.

Таким образом, наличие процессуальных сроков дисциплинирует всех участников процесса, обязывает их своевременно осуществлять определенные действия. Нарушение сроков может повлечь для лиц, обязанных их соблюдать, соответствующие последствия.

Процессуальные сроки согласно действующего уголовно-процессуального законодательства исчисляются часами, сутками, месяцами (ст. 128 УПК) [3], однако закон иногда предписывает и немедленное выполнение процессуального действия. Например, обвиняемый, содержащийся под стражей, подлежит немедленному освобождению по истечении сроков содержания под стражей (ст. 109 УПК), в соответствии со ст. 121 УПК РФ ходатайство подлежит рассмотрению и разрешению непосредственно после его заявления, подсудимый, находящийся под стражей, подлежит немедленному освобождению в зале суда в случаях, указанных в ст. 311 УПК.

Некоторые сроки, установленные законодателем, продлению не подлежат, например, окончательный срок рассмотрения сообщения о преступлении (ст. 144 УПК), задержания подозреваемого (статьи 92, 94 УПК) и ряд других, а некоторые сроки (в основном регулирующие подачу жалоб, заявлений, ходатайств, представления дополнительных материалов), если они пропущены по уважительной причине могут быть восстановлены.

Наличие и соблюдение установленных уголовно-процессуальным законом процессуальных сроков обеспечивает быстроту и эффективность расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, гарантирует своевременную защиту прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Полагаем, что одним из условий для реализации участниками уголовного судопроизводства своих прав является четкое законодательное определение начала исчисления тех или иных сроков, а также неукоснительное их соблюдение. Наличие определенных законом временных границ и позволяет участникам своевременно реализовывать свои права или инициировать включение механизма защиты своих интересов.

Законодатель неоднократно обращал свою деятельность на совершенствование норм, касающихся и сроков в том числе, однако до настоящего времени выявляются некоторые пробелы, неточности и не соотношение отдельных норм между собой.

Одним из принципов, закрепленных в УПК РФ, является осуществление уголовного судопроизводства в разумный срок (ст. 6.1 УПК), при этом срок предварительного расследования, определенный в 2 месяца, может соответствующим должностным лицом устанавливаться срок до одного месяца независимо от того сколько раз до этого оно возобновлялось, прекращалось или возвращалось для дополнительного следствия, и вне зависимости от общей продолжительности срока предварительного следствия. Таким образом, законодатель закреплен механизм искусственного увеличения срока следствия, который никак, на наш взгляд, не соотносится с понятием «разумные сроки». Практика показывает, что участники уголовного процесса недовольны как раз волокитой и длительностью предварительного следствия, которая возможна как раз в рамках закона.

При этом нововведение, касающееся права подозреваемого на телефонный разговор в кратчайший срок не позднее 3-х часов с момента его доставления в орган дознания или к следователю, невозможно реализовать до задержания и составления соответствующего протокола, а момент с какого можно исчислять вышеуказанный срок никакого отражения согласно действующего законодательства ни в каких процессуальных документах не имеет. Указанные обстоятельства требую доработки, т.к. напрямую влияют на права подозреваемого и тесно связаны с моментом составления протокола задержания.

Кроме этого, статьи 146, 148 УПК РФ регламентируют порядок возбуждения и отказа в возбуждении уголовного дела и ст. 123 УПК право обжалования решений, но при этом отсутствует норма, регламентирующая в какой срок и с какого момента возможно обжалование вышеуказанных решений должностных лиц, т.е. право есть, а срок реализации данного права законодательно не нашел своего отражения.

Список литературы:

1. Конституция РФ, принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (ред. от 21.07.2014) // Рос. газ. 1993. 25 дек.
2. URL: www.echr.coe.int/documents/convention_rus.pdf.
3. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 22.11.2016) // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

Заброда Дмитрий Григорьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Проактивный подход к предупреждению полицией нарушений прав и свобод человека

Защита прав и свобод человека относится к одному из приоритетных направлений деятельности полиции. Рассматривая нарушение прав и свобод человека как правонарушение, необходимо обратить внимание на существование нескольких подходов к организации превентивной деятельности правоохранительных органов по недопущению посягательств на права, свободы и законные интересы человека и гражданина, оперативное вмешательство в инциденты и препятствование их перерастанию в административные правонарушения или преступления.

При формировании этих подходов к устранению факторов, детерминирующих нарушение прав и свобод человека, учитывались: признание обществом прав и свобод человека наивысшей социальной ценностью, а обеспечение их реализации и защиту – целью существования государства;

понимание сервисного предназначения полиции и определение защиты прав и свобод человека и гражданина – ее функцией; ориентирование работы правоохранительных органов на ранее выявление таких причин и условий как гарантии их обеспечения прав и свобод человека; необходимость расширения круга субъектов правоохранительной деятельности за счет общественности, ориентирования правоохранительных органов на социально активные слои населения; приближение к потребностям конкретного сообщества, сформировавшегося под воздействием социально-политических, экономических и географических условий; возможности современной техники и информационных технологий; зависимость между выявлением и предупреждением незначительных нарушений и профилактикой формирования установок преступного поведения; адекватность финансирования и материально-технического обеспечения полицейской деятельности как залога ее эффективности; результаты научных исследований, определяющих перспективы совершенствования форм и методов защитной деятельности полиции, в т.ч. и проведение социальных экспериментов по проверке инновационных методов воздействия на деликтную ситуацию.

Обобщая существующие представления о полиции как социальном институте можно говорить о дуалистическом понимании ее предназначения в современном обществе: во-первых, как специализированной милитаризированной, преимущественно государственной, структуре, реализующей публичную правоохранительную функцию; во-вторых, как субъекта организация, основным заданием которой является защита прав и свобод личности, ограничивающей вмешательство в частную жизнь.

Изучение моделей противодействия нарушениям прав и свобод человека, преимущественно в контексте их понимания как правонарушений, сформировавшихся в России и других государствах, позволяет выделить реактивный и проактивный подходы к организации деятельности органов, на которых возложены функции по их предупреждению.

Следует обратить внимание на то, что в полицистике эти модели изучены еще недостаточно. Поэтому для уяснения их сущности могут быть использованы наработки, касающиеся управленческих стратегий, сформировавшихся в экономике, менеджменте и маркетинге.

Так, при характеристике реактивной и проактивной концепций поведения предприятия экономисты указывают на то, что целями последней являются: выявление и идентификация сигналов на этапе латентного (скрытого) кризиса, а также формирование дальнейшей модели поведения с учетом антикризисных мер [1, с. 374]. Можно согласиться и с позицией Н.В. Картохиной, которая определяет проактивное управление маркетинговыми действиями как «...процесс, основанный на упреждающих управленческих действиях, учитывающих возникновение негативных результатов маркетинговой деятельности» [2, с. 198].

Ими также охарактеризован механизм проактивного управления как совокупности проактивного анализа, проактивного диагноза, проактивного прогноза и проактивного совершенствования [3].

В тоже время необходимо разграничить цели проактивной и реактивной управленческих стратегий в экономике и организации предупреждения нарушений прав и свобод человека. В первом случае – получение предприятием максимально возможной прибыли при минимальных затратах; во-втором – недопущение соответствующих нарушений, ориентирование на общественные потребности.

Сравнительный анализ научных публикаций, практики деятельности российской и зарубежной полиции в области предупреждения нарушений прав и свобод человека позволяет сделать вывод о том, что наибольший профилактический эффект дает использование проактивной модели, основу которой составляют: аналитическая деятельность ОВД по установлению социальных индикаторов нарушений, их активная поисковая работа по установлению факторов (угроз, рисков) нарушения прав и свобод человека; оперативное устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений; широкое использование средств пропаганды правомерного поведения, освещение негативных последствия совершения правонарушений, стимулирование законопослушности граждан; ориентирование на общественные механизмы воздействия на лиц, склонных к совершению таких нарушений, среду их существования и окружение; внедрение комплексных мер воздействия, в т.ч. психологических и психотерапевтических, на лиц, склонных к агрессивным формам общения, зависимостям, влекущим за собой формирование установок противоправного поведения; использование достижений науки и техники для создания необходимых условий предупреждения нарушений, прогнозирования деликтной ситуации, влияния на правосознание населения.

Интерпретируя положения различных научных концепций к сущности проактивного подхода как основы деятельности полиции по предупреждению нарушения прав и свобод человека, предлагается рассматривать следующие элементы механизма его реализации:

1) проактивный анализ – факториальный анализ социальной среды с целью поиска информации (маркеров, индикаторов), свидетельствующей о возможном нарушении прав и свобод человека. Объектом этого анализа выступают индикаторы (потенциальные факторы, риски, угрозы) нарушения прав и свобод человека.

Соглашаясь с Н.И. Мельником относительно сущности социальных индикаторов коррупции, в контексте тематики этой публикации под социальными индикаторами нарушения прав и свобод человека можно понимать количественные или качественные показатели, характеризующие ситуацию в определенной сфере социальной жизни и которые прямо или косвенно позволяют определить их распространенность, характер проявлений, закономерности развития, влияние социальных, политических, экономических и иных процессов [4].

Реализация этого элемента предусматривает концентрацию усилий полиции на повышении качества информационного обеспечения процессов управления системой профилактики правонарушений, повышение эффективности контрольных и надзорных полномочий;

2) проактивный диагноз – направлен на выявление каузальных связей между идентифицированными факторами (угрозами, рисками) и результатам деятельности полиции в этой сфере. На этом этапе определяются зависимости между маркерами потенциальных угроз и будущими показателями состояния нарушения прав и свобод человека, воздействуя на которые полиция не допускает их нарушения, оперативно пресекает посягательства в отношении конкретного права или свободы, минимизирует негативные последствия и создает условия для незамедлительного их восстановления;

3) проактивный прогноз – направлен на моделирование деятельности полиции на основе выработки рационального сценария (сценариев) реагирования на изменения в состоянии соблюдения прав и свобод человека для минимизации возможных их нарушений;

4) проактивное совершенствование – предусматривает проведение конкретных мероприятий по предупреждению нарушения прав и свобод человека на основе сценария, выработанного на предыдущем этапе.

Таким образом, при организации деятельности полиции в области предупреждения нарушения прав и свобод человека целесообразно ориентироваться на проактивный подход. При этом переход от реактивной (активной) формы реагирования полиции на такие нарушения требует поэтапного реформирования профилактической деятельности как ОВД в целом, так и отдельных служб и подразделений, для которых эта функция является основной.

Список литературы:

1. Иванов А.В. Стратегическое управление промышленным предприятием в контексте его вхождения в состав регионального производственного кластера // Инженерный вестн. Дона. 2010. № 4.
2. Картохина Н.В. Проактивное управление в системе антикризисного управления предприятием // Эконом. вестн. 2008. Вып. 5.
3. Гуржий Н.Н. Механизм проактивного управления стратегической маркетинговой устойчивостью // Вестн. ОНУ им. И.И. Мечникова. 2013. Т. 18. Вып. 2.
4. Мельник Н.И. Криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия коррупции: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. К., 2002.

Экологическая экспертиза в области недропользования как средство обеспечения права на благоприятную окружающую среду

Эффективность раскрытия, расследования преступлений против окружающей среды и предотвращение их зависит от использования достижений науки и техники, возможностей судебных экспертиз. Результаты исследования материалов следственной и судебной практики указывают, что расследование нарушений правил охраны и использования недр невозможно без использования следователем специальных знаний в ходе предварительного расследования при проведении следственных и других мероприятий.

Н.С. Карпов справедливо указал, что «применение научно-технических средств в следственной деятельности является одним из путей достижения объективной истины, повышает видимость и уверенность доказательств, которые рассматриваются, способствует правильному пониманию и оценке, расширяет возможности исследования доказательственного материала, увеличивает точность фиксации всего потока отдельных следственных действий, повышает культуру раскрытия и расследования преступлений [5, с. 94]. А.В. Ищенко подчеркнул: «Чем больше используются достижения современной науки и техники, тем эффективнее их применение и обеспечение оптимизации разрешения задач борьбы с преступностью, которые постоянно усложняются» [4, с. 4].

Одной из форм использования специальных знаний в расследовании преступных нарушений правил охраны и использования недр является проведение значительного количества экспертиз, что обуславливает сложностью и множеством правил осуществления экологически безопасной деятельности, обязательности изучения причинно-следственной связи между допущенными нарушениями и последствиями, разнообразием объектов, для исследования которых требуются специальные знания. Разнообразие экспертиз определяется характером задач, которые следователю необходимо выяснить, и видом экологического преступления. Судебные экспертизы проводились при расследовании всех изученных уголовных производств нарушений правил охраны и использования недр.

Правильно отметили С.П. Дидковская, Н.И. Клименко, В.К. Лисиченко, что следователь при подготовке к проведению судебной экспертизы должен определить обстоятельства уголовного преступления, которые являются предметом изучения, определить задачи и вид экспертизы; собрать необходимые материалы для исследования; выбрать экспертное учреждение или эксперта; процессуально оформить назначение экспертизы и отправить постановление эксперту [3, с. 32].

Решая вопрос о назначении экспертизы, следователь должен убедиться, что именно эти обстоятельства уголовного судопроизводства или объекты нуждаются в экспертном исследовании, четко определить задачи исследования, отрасль специальных знаний и вид экспертизы. Материалы следственно-судебной практики показывают, что при рассмотрении этих вопросов возникают трудности в связи с этим следователю целесообразно привлечение специалистов.

Анализ материалов следственной практики показывает, что при расследовании нарушений правил охраны и использования недр, которые причинили ущерб природной среде, у следователя возникает необходимость использования специальных знаний, которые принадлежат к нескольким областям. В таких случаях следователю целесообразно назначить комплексные экспертизы: санитарную и техническую, ветеринарную и биологическую, медицинскую, экологическую и экспертизу веществ и материалов, гидротехническую и химическую и др. Комплексные экспертизы по сравнению с однородными открывают перед органом следствия большие возможности, потому что с позиции двух или более наук объекты экспертного исследования могут быть изучены более глубоко и всесторонне.

Признаки нанесения ущерба здоровью человека в результате нарушения правил охраны и использования недр устанавливаются заключением медицинских учреждений путем назначения судебно-медицинской экспертизы потерпевшим. Наличие значительного ущерба в результате правонарушения устанавливается на основании учета признаков, которые дают основания для определения степени тяжести заболевания и решения вопроса об инвалидности. В этих случаях выявляются признаки, которые указывают на присутствие в организме некоторых вредных веществ в той или иной дозе, которые оказались в нем через органы дыхания и пищеварения, кожу. Следует отметить, что обнаружение этих следов на практике находят значительные трудности. Они связаны с установлением причинно-следственных связей. Травмы могут быть связаны с деятельностью не одного, а нескольких источников загрязнения. Кроме того, как мы уже отмечали ранее, затрудняет, а иногда делает невозможным установить причинно-следственную связь времени и пространственное расстояние от вредных последствий.

В медицинской литературе рассматриваются проблемы установления причинно-следственной связи не во всех, а только специфических заболеваний, т.е. тех, которые имеют источник происхождения, который можно распознать, и отмечается, что типичные (популярные) заболевания (сердечно-сосудистые, респираторные вирусные инфекции и др.) имеют смешанный механизм возникновения и часть окружающей природной среды составляет от 20 до 30 % [2, с. 30].

Считаем, что для установления причинно-следственной связи события преступления с конкретными специфическими заболеваниями необхо-

димо решить следующие вопросы: установить вредные вещества, вызвавшие болезнь, медицинские аспекты их действия, определить возможные пути и момент их попадания в организм, определить принадлежность этих веществ определенному источнику выбросов.

Установление причинно-следственных связей должно основываться на следующей информации: данные экологического мониторинга за превышение предельно допустимых концентраций вредных веществ и других норм; ведомости о количестве и качестве выбросов (сбросов) загрязняющих веществ предприятиями; медицинские заключения о характере заболевания или другое расстройство здоровья, время и возможные причины его возникновения.

Следователь при расследовании нарушений правил охраны и использования недр с целью получения информации о причинах создания экологического ущерба, определения отклонения от проекта в строительстве объектов и других вопросов должен ознакомиться с материалами государственной экологической экспертизы. В соответствии с требованиями Федерального закона «Об экологической экспертизе» государственная экологическая экспертиза направлена на реализацию конституционного права граждан РФ на благоприятную окружающую среду посредством предупреждения негативных воздействий хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, проводится с целью определения степени экологической безопасности хозяйственной деятельности и экологической ситуации на отдельных территориях и объектах [1, с. 1]. Закон обязывает проведение государственной экологической экспертизы для тех видов деятельности и объектов, которые составляют повышенную экологическую опасность.

Выводы экспертов, которые проводят государственную экологическую экспертизу, имеют определенные особенности. Они являются обязательными для предприятий-заказчиков и принадлежат к мерам по охране окружающей среды. Однако государственная экологическая экспертиза не заменяет необходимость назначения определенных видов судебных экспертиз. Государственная экологическая экспертиза является обязательным средством защиты и охраны окружающей среды, которая предшествует принятию хозяйственных решений, осуществление которых может повлиять на окружающую среду.

Экологическая экспертиза осуществляется в форме первоочередной проверки соответствия хозяйственных решений предприятий, их деятельности и их результатов требованиям охраны окружающей среды, рациональному использованию природных ресурсов, экологической безопасности общества. Целью экологической экспертизы является обеспечение предупреждения пагубных последствий хозяйственной деятельности для охраны окружающей среды, здоровья человека, экологической безопасности общества.

Экологическая экспертиза выполняет функцию предупредительного экологического контроля. Экспертиза также является инструментом для поддержки природоохранного законодательства в законотворческом процессе, в хозяйственной, управленческой и другой деятельности, обеспечения соблюдения и защиты права каждого человека на благоприятную окружающую среду, источником разнообразной экологически значимой информации, средством доказательства в разрешении споров.

Судебно-экологическая экспертиза по своей сути является исследованием, связанным с оценкой негативных последствий на окружающую среду. Оценка воздействия на окружающую среду взаимосвязана с проведением экологической экспертизы. На самом деле при проведении экологической экспертизы оценивается возможное воздействие конкретного объекта на природу и соответствует ли экологическим требованиям степень этого влияния, которое происходит и в процессе оценки воздействия на окружающую среду.

Считаем, что объект судебно-экологической экспертизы более широкий, чем объект государственной экологической экспертизы.

Следует отметить, что судебно-экологическая экспертиза, обычно носит комплексный характер и проводится экологами, химиками, физиками, биологами, агротехниками, судебными врачами и другими специалистами. Судебно-экологическая экспертиза решает следующие вопросы:

1. Какой вред причинен природной среде? Нарушены ли при этом правила ее? Какие?

2. Какова максимально допустимая концентрация вредных веществ в выбросах этого производства? Какова максимально допустимая концентрация вредных веществ в воздухе, воде, почве? Какова максимально допустимая концентрация вредных веществ для лиц, работающих на данном производстве, населения в целом?

3. Каковы максимально допустимые дозы излучения (рентгеновского, гамма-излучения и др.) для данного объекта, территории, категории лиц, непосредственно работающих на установках; которые находятся в соседних помещениях и работа которых не связана непосредственно с излучением; лица, проживающие на территории, где дозы облучения населения потенциально могут превысить установленные пределы для него; населения в целом?

4. Соответствует ли организация производства требованиям радиационной безопасности не только для сотрудников, но и для окружающей среды?

5. Была ли возможность предотвратить загрязнение окружающей среды? Какие условия способствовали нарушению установленных норм охраны окружающей среды?

Изучение практики расследования нарушений правил охраны и использования недр показало, что следователи испытывают трудности, свя-

занные с привлечением специалиста и с оплатой его исследования. Своевременность и эффективность проведения экспертных исследований оставляет желать лучшего. Так срок проведения экспертизы составляет в среднем более чем 2 месяца. Это приводит к прекращению уголовного производства из-за невозможности своевременного проведения дорогостоящих экспертиз.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что растущее внимание к охране окружающей среды приводит к необходимости экспертного анализа как отдельных объектов живой и неживой природы, так и экологической обстановки в целом. Экологическая экспертиза рассматривается в качестве важного правового инструмента, который предотвращает нанесение ущерба окружающей природной среде. Оценивая фактическую роль государственной экологической экспертизы в области защиты окружающей среды и обеспечения рационального использования природы, можно утверждать, что она, как и любая другая правовая мера экологического права, является весьма эффективной и реализует свой потенциал средств построения правового государства и обеспечения права на благоприятную окружающую среду.

Таким образом, целью экологической экспертизы является обеспечение предупреждения пагубных последствий хозяйственной деятельности для охраны окружающей среды, здоровья человека, экологической безопасности общества.

Список литературы:

1. Об экологической экспертизе: федер. закон от 23 нояб. 1995 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2015) // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4556.
2. Васильев М. Возмещение вреда, причиненного здоровью граждан неблагоприятным воздействием природной среды // Законность. 1994. № 7.
3. Дидковская С.П., Клименко Н.И., Лисиченко В.К. Подготовка и проведение отдельных видов судебной экспертизы: учеб. пособие. К., 1997.
4. Ищенко А.В. Проблемы развития научных исследований в области судебной экспертизы: монография. К.: Укр. акад. внутр. дел, 1995.
5. Карпов Н.С. Теоретические основы и практика использования передового опыта органов внутренних дел в противодействии преступной деятельности: монография / Под науч. ред. В.П. Бахина. К., 2000.

Иванов Святослав Игоревич,
кандидат юридических наук,
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Отдельные аспекты соблюдения прав и свобод человека и гражданина при документировании взяточничества

Вопросы борьбы с взяточничеством в России не утрачивают своей актуальности на протяжении многих лет. ОВД ориентированы на выявление, предупреждение и пресечение этого пагубного явления. Конечно же, что решение обозначенных задач невозможно без осуществления ОРД.

Соблюдение прав и свобод человека и гражданина является одним из основополагающих принципов, а их защита является целью ОРД. В тоже время нельзя не отметить, что выявление, предупреждение и пресечение фактов взяточничества, с точки зрения соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина, имеет ряд довольно острых углов. Первоочередная сложность заключается в том, что взяточничество является окончательным составом преступления с момента передачи-получения предмета взятки. Отказ от намерения передать-получить взятку до момента осуществления этих действий исключает преступность деяния. Таким образом, документирование получения взятки при помощи ОРМ, ограничивающих конституционные права и свободы фигуранта, не всегда оканчивается привлечением лица к уголовной ответственности. В дальнейшем такое лицо согласно ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (ФЗ «Об ОРД») имеет право обжаловать действия оперативных сотрудников в вышестоящий орган, осуществляющий ОРД, прокуратуру или суд [1].

Несмотря на процедурное соблюдение требований ФЗ «Об ОРД», регламентирующих основания и условия проведения ОРМ, которые ограничивают конституционные права и свободы человека и гражданина, т.е. получения санкции суда на проведение таких ОРМ, все равно остается открытым вопрос, что такие мероприятия проводились в отношении лица, чья вина в подготовке или совершении преступления в установленном законом порядке не доказана и его конституционные права были ограничены. Данное лицо имеет право потребовать от оперативного подразделения предоставить собранную в отношении него информацию, а посчитав, что сбор такой информации причинил ему ущерб, может потребовать восстановления нарушенных прав и возмещение причиненного вреда. Если рассмотрение данной проблемы с точки зрения защиты прав человека, который готовился к совершению преступления, но в последующем отказался от этого, имеет довольно-таки однозначную позицию: «сам виноват», то ситуация, когда по ошибке правоохранительных органов или в силу злого умысла отдельных сотрудников такие действия были совершены в отно-

шении лица действительно законопослушного, имеет оценку полностью противоположную. Кто согласится с тем, чтобы его конституционные права ограничивались по ошибке или в силу злого умысла недобросовестных сотрудников оперативного подразделения? Кто с уверенностью может сказать, что способен, изучая материалы проведенных ОРМ, однозначно дать оценку с каким из приведенных примеров мы столкнулись? Другая крайность, это отказ от проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права и свободы человека и гражданина при документировании фактов взяточничества или использование какой-то особой, более сложной системы оснований и условий их проведения. Это уже будет затрагивать вопрос достижения целей ОРД, а именно – защиты прав и свобод человека и гражданина, ущерб которым причиняется противоправными действиями преступника.

Невозможность задокументировать преступление ставит под удар и делает незащищенным жертву преступления. Таким образом, становится очевидным необходимость балансирования на грани между двумя острыми углами: соблюдением прав и свобод лица, в отношении которого проводятся ОРМ, и защиты при помощи проведения ОРМ прав и свобод лица, на которое посягает преступник. Эта ситуация хотя и имеет свое практическое решение в жизни, но едва ли это решение можно назвать четко выверенным и комфортным для всех участников описанной ситуации. Полагая, что описанный круг вопросов подлежит более детальному урегулированию с точки зрения определения как обозначения допустимых, так и обозначения не допустимых действий при документировании взяточничества. Острой продолжает оставаться проблема провокации взятки и предусмотренной УК ответственностью за провокацию взятки, поскольку это оказывает значительное влияние как на соблюдение прав и свобод человека и гражданина, так и на успешность выявления и документирования фактов взяточничества. Одним из ключевых признаков наличия либо отсутствия провокации в действиях оперативных сотрудников считается отсутствие или наличие умысла на получение взятки у документируемого лица до начала проведения ОРМ в отношении него. Если умысел возник в результате действий оперативных сотрудников и его возникновение напрямую с этим связано, то в их действиях присутствует провокация и это является нарушением Закона. Если умысел возник до начала осуществления ОРД и действия оперативных сотрудников не подстрекали и не подталкивали документируемое лицо к совершению преступления, то провокации нет. Безусловно, что если документируемое лицо не скрывает своих преступных намерений получения взятки и открыто это обсуждает с лицом, от которого намеревается получить взятку, то оценка его действий и действий сотрудников оперативного подразделения достаточно очевидна. Однако таких ситуаций в практике работы оперативных подразделений бывает не так много. Чаще преступник, осознавая возможность быть изобличенным и задокументированным со стороны правоохранительных органов, тщатель-

но скрывает свои преступные планы, маскирует свои преступные действия, вовлекает в свою преступную деятельность соучастников и вынуждает на совершение противоправных действий то лицо, от которого намеревается получить взятку.

Закрепленная на законодательном уровне возможность проведения комплекса ОРМ, в т.ч. и тех, которые ограничивают конституционные права и свободы документируемого, с активным участием внедренного с целью документирования фактов взяточничества конфиденнта, освобожденного от угрозы привлечения к уголовной ответственности за провокацию взятки, с четко выверенной и регламентированной нормативными документами системой действий и контрдействий, а также изначально определенной системой оценивания возможных действий фигуранта и правовых последствий этих действий, видится нам достаточно перспективной с точки зрения решения обозначенных проблем.

Список литературы:

1. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

Иванцов Сергей Вячеславович,

доктор юридических наук, профессор;

Ивасюк Ольга Николаевна,

кандидат юридических наук,

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Международно-правовые аспекты предупреждения должностной преступности и коррупции

Коррупция в органах государственной власти и, прежде всего, в правоохранительных структурах создает негативный имидж России на международной арене, порождает в обществе недовольство и недоверие к действующей системе управления, нивелирует правоохранительную систему и правосудие, правомерно рассматривается как одна из угроз безопасности РФ. Современные российские реалии таковы, что должностная преступность и коррупция по-прежнему серьезно затрудняют нормальное функционирование всех социальных институтов. Уровень распространения коррупции в структурах государственной власти и правоохранительных органах причиняет значительный ущерб социальному и экономическому развитию.

Не случайно в Указе Президента РФ от 31.12.2015 № 683 именно коррупция названа в качестве одной из главных угроз государственной и общественной безопасности. Опасность современной российской коррупции – в ее массовости, проникновении во все сферы жизни общества,

быстрой приспособляемости к новым условиям, в связи с чем доверие граждан РФ к институтам государственной власти находится на низком уровне. Коррупционированность властных структур является фактором, затрудняющим реализацию основных прав и свобод человека и гражданина, гарантированных международными нормативными правовыми актами и Конституцией РФ [1].

Коррупция в той или иной форме существует во многих зарубежных государствах, общепризнан и ее международный характер. Коррупция в международно-правовых актах определяется как одна из глобальных проблем в сфере обеспечения международного правопорядка. Большинство стран выражают глубокую обеспокоенность ростом масштабов коррупции и ее негативного влияния на развитие экономики на национальном и мировом уровнях, подчеркивают необходимость расширения международного сотрудничества в сфере противодействия коррупционным преступлениям, что требует формирования правовой основы, полностью соответствующей современным условиям [2].

Правовое понимание коррупции сформулировано в докладе Генерального секретаря ООН «Воздействие организованной преступной деятельности на общество в целом» на II сессии Комитета по предотвращению преступлений и уголовному правосудию Экономического и Социального совета ООН. Там говорилось о том, что «...коррупция государственных должностных лиц всегда являлась одним из предпочтительных средств организованных преступных группировок, составной частью их стратегии и тактики, которой отдавалось предпочтение перед использованием открытого насилия. Выплачиваемые в виде взяток деньги считаются боссами организованной преступности хорошим их инвестированием, своего рода накладными расходами, оправданными с точки зрения «дела», поскольку это в значительной степени увеличивает шансы на успех и вероятную безнаказанность, снижает или даже сводит на нет опасность обнаружения преступления со всеми потерями, к которым это может привести» [3].

Генеральная Ассамблея ООН 21 ноября 2003 г. на 58-й сессии приняла Конвенцию ООН против коррупции, в которой отразила основные положения, меры по предупреждению коррупции и механизмы борьбы с ней. В преамбуле Конвенции говорится о том, что коррупция уже не представляет собой локальную проблему, а превратилась в транснациональное явление, затрагивающее общество и экономику всех стран, что обуславливает исключительность международного сотрудничества в области предупреждения коррупции и борьбы с ней. Также подчеркивается, что предупреждение и искоренение коррупции является обязанностью всех государств и что для обеспечения эффективности своих усилий в данной области они должны сотрудничать друг с другом при поддержке и участии отдельных лиц и групп за пределами публичного сектора, таких как гражданское общество, неправительственные организации и организации, функционирующие на базе общин.

Следует сказать, что не все международно-правовые аспекты предупреждения должностной преступности и коррупции нашли свое отражение в отечественном законодательстве. Вне правового поля остается принятие должностным лицом какого-либо неправомерного преимущества для него самого или иного физического или юридического лица, с тем, чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей. Так, ратифицировав Конвенцию, наша страна отказалась от имплементации в свою систему права (в уголовное законодательство) положений ст. 20 Конвенции о признании уголовно наказуемым незаконного обогащения, поскольку это вошло бы в противоречие с конституционным принципом презумпции невиновности [4]. Само положение о незаконном обогащении является дискуссионным среди правоведов, поскольку вопрос заключается в том, переносится ли бремя доказывания на обвиняемого, в случае, если он должен объяснять законность своего обогащения. Между тем должностные лица на основании закона «О противодействии коррупции» должны отчитываться о своих доходах и собственности (включая доходы своей семьи). На практике же существует много «хитростей», позволяющих в той или иной мере уклониться от этой процедуры. Остро стоит вопрос и об изъятии незаконно нажитых активов, которое широко применяется в США и Европе. Более того, по официальному мнению Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН), презумпция невиновности в ст. 20 Конвенции не нарушается, т.к. на стороне обвинения по-прежнему лежит бремя доказывания того факта, что масштабы обогащения превышают законные доходы лица [5].

Констатируя эти положения, авторы справочного документа по организованной транснациональной преступности отмечают, что коррупция направлена на создание условий, благоприятствующих безнаказанности криминальных организаций при реализации ими своих операций. Коррупция может использоваться для нейтрализации как отдельных лиц, так и целых учреждений и иметь самые пагубные последствия для сферы политики и социальной структуры общества. При этом коррупция всегда является одним из предпочтительных средств организованных преступных группировок, составной частью их деятельности, которой отдавалось предпочтение перед использованием насильственных методов [6].

Проблема коррупционной деятельности как угроза устойчивого развития человечества подчеркнута на 13-м Конгрессе ООН по предупреждению преступности (Катар, 12-19 апреля 2015 г.)

В ст. 9 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности указываются и такие меры противодействия коррупции, как всестороннее содействие добросовестности, предупреждению и выявлению коррупции среди публичных должностных лиц и наказанию за нее, в т.ч. путем предоставления государственным органам достаточной незави-

симости для воспрепятствования неправомерному влиянию на их действия. В рассматриваемой Конвенции также обращается внимание государств-участников на целесообразность решения вопроса об установлении уголовной ответственности юридических лиц с учетом существующих в таких государствах правовых принципов и без нанесения ущерба уголовной ответственности физических лиц, совершивших соответствующие преступления.

Анализ Конвенций и иных нормативных правовых актов в сфере предупреждения коррупционной деятельности позволяет утверждать, что понятие коррупции трактуется в них достаточно широко. К коррупционной деятельности (кроме взяточничества и иных проявления подкупа), например, относится продажность и подкуп должностных лиц государственного и частного сектора. Это и должностные хищения, а равно иные формы неправомерного использования своих полномочий, статуса и вытекающих из него возможностей в целях извлечения для себя и других лиц различного рода выгод, льгот, преимуществ [7].

При этом международные нормативные правовые акты подходят к вопросу определения коррупции дифференцированно, что во многом объясняется спецификой предмета их регулирования. Например, в комментариях к ст. 7 Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка указано, что «...понятие коррупции должно определяться национальным правом». Одновременно в Кодексе приводится и примерное определение коррупции – «выполнение должностным лицом каких-либо действий или бездействия в сфере его должностных полномочий за вознаграждение в любой форме, в интересах дающего такое вознаграждение, как с нарушением должностных интересов, так и без их нарушения» [8]. Учитывая особенности правового статуса должностных лиц, регламентацию деятельности которых затрагивает этот Кодекс, можно признать правильным существующий в нем подход, ограничивающий понимание коррупции продажностью, поскольку иные формы коррупционного поведения должностным лицам правоохранительных органов, как правило, не свойственны. Однако необходимо учитывать, что в реальной действительности существует великое множество форм коррупции, выходящих за рамки указанного определения [9].

Следует сказать и о том, что международные нормативные правовые акты не содержат точного и исчерпывающего определения коррупции, а равно мер по противодействию таковой. В данных документах преимущественно приводится перечень коррупционных правонарушений, часть из которых подлежат криминализации, т.е. в них находит свое определение не содержание, а объем соответствующего понятия, а меры противодействия в основном сводятся именно к установлению уголовной или иной ответственности за те или иные деяния. Иными словами, существующая международно-правовая основа противодействия коррупции продолжит свое развитие, направленное на повышение эффективности международного сотрудничества в данной сфере [10].

Хотелось бы отметить, что современная коррупция оказывает разрушительное воздействие на основы государственного устройства и конституционные основы правового регулирования общественных отношений. В первую очередь это обусловлено тем, что деятельность коррумпированных государственных и муниципальных чиновников меняет свою направленность со службы на благо государству и обществу на незаконное получение различных личных благ, как правило, имеющих имущественный характер, что неизбежно обуславливает снижение эффективности правовой системы, нарушает нормальное функционирование государства, регионов и муниципальных образований [11].

Имплементация в российское законодательство норм международных антикоррупционных конвенций и зарубежного законодательства зачастую имеет дефицит правового обеспечения, т.е. не учитывает потребности практики предупреждения коррупции и уровень правосознания лиц, которые их применяют или в отношении которых они должны действовать. Это касается, например, урегулирования конфликта интересов, коррупциогенности нормотворчества, гражданско-правовой ответственности за коррупционные правонарушения и т.д. Это приводит к тому, что отечественное законодательство не охватывает многих форм и видов социально опасной и реальной коррупции. Так, не предусмотрена ответственность за коррупционный лоббизм; коррупционный фаворитизм; коррупционный протекционизм; nepотизм (кумовство, покровительство родственникам); взносы на политические цели; взносы на выборы с последующей расплатой государственными должностями или лоббированием интересов вносодателя; предоставление налоговых и таможенных льгот; переход государственных должностных лиц (сразу после отставки) на должности президентов банков и корпораций и т.д. [12].

Все это говорит о том, что перед органами власти и, прежде всего, ОВД стоит сложная задача по реализации на практике Национального плана по противодействию коррупции в части правоохранительной и предупредительной антикоррупционной деятельности. Несмотря на всевозможные препятствия геополитического характера, продолжает развиваться международное сотрудничество МВД с Интерполом, Европолом, полицейскими ведомствами зарубежных стран, постоянно действующими рабочими группами с органами полиции различных государств. Такое сотрудничество направлено и на выявление и пресечение коррупционных преступлений и правонарушений [13].

На этом фоне совершенствование правовых средств противодействия коррупции, внедрение в практику работы современных юридических технологий (антикоррупционной экспертизы, мониторинга правоприменения и др.) требуют от всех без исключения органов власти и управления усиления методического обеспечения антикоррупционной работы. Так, противодействие коррупции является одним из основных направлений опера-

тивно-служебной деятельности МВД России. Именно поэтому вопросам борьбы с коррупцией в собственных рядах уделяется особое внимание. При этом в основу противодействия коррупции заложено повышение адресности ведомственного реагирования на любые факты неправомерных действий сотрудников ОВД, а также индивидуальный подход к любому сообщению о таких фактах. Поэтому повышение уровня ведомственного контроля, эффективность обеспечения собственной безопасности в системе ОВД, а также адресные меры профилактического характера, применяемые к должностным лицам – нарушителям антикоррупционного законодательства, и относятся к числу приоритетных.

Список литературы:

1. Иванцов С.В., Домников А.С. Криминологическая оценка социальных последствий коррупционной деятельности // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2013. № 4.
2. Иванцов С.В. Международно-правовая основа противодействия коррупции // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб. трудов по итогам Всерос. науч. конф. М., 2014.
3. Основы борьбы с организованной преступностью. М., 1996.
4. Правовые механизмы имплементации антикоррупционных конвенций: монография / Хабриева Т.Я., Тиунов О.И., Кашепов В.П. и др. М.: ИД «Юриспруденция», 2012.
5. УНП ООН. Руководство для законодательных органов по осуществлению Конвенции ООН против коррупции. 2-е изд., испр. и доп. Нью-Йорк: ООН, 2012.
6. Иванцов С.В. Обеспечение органами внутренних дел системного подхода в изучении и предупреждении организованной преступности. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012.
7. Денисов С.А. Международные инструменты борьбы с коррупцией // Чиновник. Информационно-аналитический вестн. Урал. акад. гос. службы. 2004. № 2.
8. Резолюция 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17.12.1979.
9. Иванцов С.В. Коррупция в системе организованной преступности и правовые средства ее предупреждения // Организованная преступность в XXI веке: проблемы теории практики: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. М.: Междунар. юрид. ин-т, 2011.
10. Иванцов С.В., Ивасюк О.Н. и др. Предупреждение коррупции в органах внутренних дел и формирование антикоррупционного поведения сотрудников и работников органов внутренних дел: учеб. пособие. М., 2015.
11. Иванцов С.В. Транснационализация коррупции и международно-правовые средства ее предупреждения // Закон и право. 2015. № 5.

12. Лунеев В.В. Наука криминального цикла и криминологические реалии // Криминол. журнал Байкал. гос. ун-та экономики и права. Иркутск. 2007.

13. Иванцов С.В., Ивасюк О.Н. и др. Предупреждение коррупции в органах внутренних дел и формирование антикоррупционного поведения сотрудников и работников органов внутренних дел: учеб. пособие. М., 2015.

Игнатов Александр Николаевич,
доктор юридических наук, старший научный сотрудник,
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Меры по укреплению законности и противодействию нарушению прав человека в деятельности органов внутренних дел

Россия – правовое государство, а это значит, что права и свободы человека являются высшей ценностью, что и утверждается в ст. 2 Конституции РФ. Важную роль в защите человека, его прав и свобод от противоправных посягательств играют правоохранительные органы.

Именно поэтому совершение правонарушений и преступлений лицами, на которых возложены функции обеспечения безопасности и защиты других людей, не только подрывают основы демократического правового государства, препятствуют построению гражданского общества, наносят ущерб авторитету государственной власти, препятствуют нормальному функционированию органов власти и управления, ухудшают имидж правоохранительных органов, но и содействуют деформации правосознания граждан, морально развращают общество, приучая его к мысли, что несправедливость и насилие со стороны власти допустимы и естественны; выступают весомым катализатором правового нигилизма в обществе, что крайне отрицательно сказывается на эффективности деятельности по снижению уровня преступности. Общественная опасность противоправного поведения сотрудников правоохранительных органов обусловлена и тем, что совершаемые ими правонарушения и преступления не только увеличивают общее количество противоправных деяний, совершенных в стране, но и детерминирует совершение преступлений другими лицами (в т.ч. и потерпевшими от преступных посягательств, провоцируя активное развитие теневой юстиции) [14, с. 7; 9, с. 63–73].

Из инструмента силовой поддержки государственной власти система ОВД должна полностью трансформироваться в социальный институт, который будет обеспечивать надлежащий уровень правопорядка в государстве. ОВД должны быть сервисной службой, обеспечивающей потребность населения в защите от криминальных угроз. Рассматривая общие меры совершенствования деятельности ОВД и повышения уровня

соблюдения законности в их деятельности, следует учитывать, что одной из наиболее важных задач совершенствования деятельности ОВД является поиск оптимальной модели материального стимулирования работы сотрудников ОВД. Одним из вариантов ее решения является повышение материального обеспечения путем сокращения численности сотрудников ОВД за счет оптимальной реорганизации организационной структуры, а также рационального сокращения управленческого персонала за счет повышения эффективности управленческой деятельности и направление сэкономленных средств на материальное обеспечение сотрудников ОВД.

Необходим развитый и технически обеспеченный информационно-пропагандистский аппарат влияния на личный состав, призванный формировать у сотрудников соответствующую морально-правовую ориентацию на недопущение нарушения прав человека в деятельности ОВД. Главная его цель – формирование адекватного сознательного отношения сотрудников к социальной роли ОВД, к исполнению служебных обязанностей, нетерпимости к правонарушениям и другим антиобщественным проявлениям [1, с. 222–223].

Учитывая, что конфликтно-смысловой характер служебной деятельности сотрудников ОВД, в т.ч. обусловленный негативным отношением к ним со стороны населения, является одним из весомых факторов детерминации нарушения прав человека в деятельности ОВД, эффективной превентивной мерой является достижение высокого уровня положительных взаимоотношений «полиция – население».

Важным шагом в становлении социально-ориентированной стратегии деятельности ОВД является создание положительного имиджа сотрудника ОВД, что возможно только при условии поддержки со стороны государства и активного взаимодействия ОВД со СМИ. Значение, которое приобретают отношения «полиция – население» в современной полицейской стратегии, обязывает ОВД активно взаимодействовать с масс-медиа, учитывать их возможность моделировать общественное мнение и влиять на представления населения относительно полиции [6, с. 117–118]. При этом одним из способов взаимодействия СМИ и ОВД является предупреждение виктимного поведения населения относительно разного рода нарушений прав человека со стороны сотрудников ОВД.

Совершенствование критериев оценки эффективности деятельности ОВД. Основной целью деятельности ОВД должна быть не бесперспективная «борьба с преступностью» и тем более не обеспечение мифических показателей раскрываемости преступлений, а поддержание правопорядка и предупреждения преступности, направленное на изменение ее структуры и минимизацию ее уровня [15, с. 116–122].

Что касается непосредственно системы объективных критериев оценки эффективности деятельности ОВД, то такими должны быть: нагрузка (напряженность деятельности), качество деятельности и соблюдения законности.

Нагрузка (напряженность деятельности) должна рассчитываться на одного сотрудника с учетом специфики выполняемых им служебных функций. Причем должен учитываться реальный уровень возможной продуктивной нагрузки. Данные о нагрузке на личный состав, а также переработку (сверх нормированного времени, работа в выходные и праздничные дни) должны предоставлять кадровые подразделения. За счет этого, с одной стороны, руководитель подразделения не будет заинтересован скрывать продолжительность сверхурочных работ, с другой – сотрудникам ОВД будет оплачиваться сверхурочное время. Тем самым обеспечивается соблюдение принципов трудового права, которые сейчас нарушаются [21, с. 100–109].

Качество деятельности также должно определяться исходя из специфики служебных функций, которые выполняет сотрудник. Например, качество работы следователя должно определяться с учетом вынесения судом оправдательного или обвинительного приговора, наличия дел, возвращенных судом на доследование, наличия указаний суда на определенные недостатки проведенного следствия. Качество работы оперативного сотрудника должно учитываться с наличием материалов, разработкой которых он непосредственно занимался, возвращенных следственным органом в связи с неэффективностью проведенных оперативных мероприятий и пр.

Информацию о качестве работы той или иной службы или подразделения целесообразно сосредотачивать не только в самих службах или подразделениях, с целью предотвращения попыток сокрытия определенных фактов, но и аккумулировать ее в контрольных органах, например, прокуратуре. В оценке качества деятельности различных служб и подразделений ОВД весомую роль должны играть органы местного самоуправления. В органах местного самоуправления целесообразно создать орган по координации деятельности ОВД на местном уровне. Первоочередной задачей такого органа должен стать мониторинг общественного мнения об уровне удовлетворенности населения деятельностью ОВД посредством: приема и рассмотрения жалоб и заявлений населения, касающихся как деятельности ОВД в общем, так и действий конкретных сотрудников (прием граждан, писем, телефона доверия и т.п.); регулярный, систематический опрос населения (интервью, анкетирование и пр.).

Соблюдение законности является важным критерием оценки эффективности деятельности ОВД, который должен рассматриваться в двух аспектах. Во-первых, должны учитываться все нарушения закона сотрудниками того или иного подразделения непосредственно в связи с выполнением служебных функций. Сюда стоит отнести такие нарушения законности, как нарушения процессуальных сроков, фальсификация доказательств, превышение власти или служебных полномочий, злоупотребление властью или служебным положением, пытки и т.п. Во-вторых, должны учитываться

все случаи совершения сотрудниками ОВД дисциплинарных проступков, административных правонарушений, а также общеуголовных преступлений с использованием служебного положения (в широком смысле) [10, с. 52–56].

Информация о соблюдении законности должна находиться у: руководителя ОВД (который должен информировать подразделения собственной безопасности о совершении сотрудниками дисциплинарных и административных правонарушений); сотрудников инспекции по личному составу; сотрудников подразделений собственной безопасности (которые должны сообщать прокурору о фактах совершения сотрудниками ОВД преступлений); судьи (который должен уведомлять прокурора о результатах рассмотрения уголовного дела в отношении сотрудника ОВД); в органе координации соответствующего органа местного самоуправления и прокурора в связи с обращениями граждан [21, с. 103–116]. Таким образом, схема взаимодействия «население – органы местного самоуправления – прокуратура – суд – ОВД» предусматривает эффективный многоуровневый контроль деятельности ОВД, в т.ч. в сфере соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Говоря об оценке эффективности деятельности ОВД, необходимо акцентировать внимание на том, что, в конечном итоге, должна оцениваться деятельность руководителя соответствующего подразделения. Прежде всего, его управленческие решения (их эффективность, адекватность сложившейся обстановки), а также организация работы, кадровая политика, расстановка сил и средств, уровень законности и т.п. [21, с. 102–103]. В то же время руководителя должна быть снята ответственность за структуру и динамику преступности, поскольку задача начальника подразделения ОВД – организовать работу по поддержанию правопорядка, включая выполнение сервисных функций и функций по противодействию преступности.

Минимизация нарушений прав человека в деятельности ОВД обуславливает необходимость совершенствования механизма отбора кандидатов на службу в ОВД. Усовершенствования требует механизм и методика отбора кандидатов на службу, причем это касается как отбора кандидатов на службу в конкретных службах и подразделениях, так и укомплектования абитуриентами образовательных организаций МВД России [16, с. 215–221].

Традиционным для отечественной системы ОВД является подход, согласно которому при принятии на службу в процессе профотбора необходимо использовать набор психодиагностических тестов, с помощью которых можно определить определенные психологические особенности личности, которые отыгрывают ключевую роль при определении пригодности кандидата на службу ОВД. Но универсальная роль тестов при отборе кандидатов на службу в ОВД возможно завышена. Например, тестовый опрос мало подходит для выявления способностей к организационной, управленческой деятельности, он дает недостаточно устойчивый диагноз личности [2, с. 169].

Заслуживает внимания предложение о введении института поручительства за кандидатов. Поручителями должны выступать не менее двух сотрудников ОВД, которые знают кандидата и рекомендуют его на службу. Поручительство, с одной стороны, ограничит прием лиц, непригодных по моральным качествам для службы, а с другой – обяжет кандидата уже в ходе его службы вести себя согласно закону, чтобы не подвести своих поручителей [4, с. 150; 5, с. 210; 20, с. 142].

Повышение уровня профессионального образования и подготовки кадров также является весомым фактором превенции нарушения прав человека в деятельности ОВД. Прерогативными направлениями повышения уровня профессионального образования и подготовки сотрудников ОВД с целью формирования профессионалов, специалистов с соответствующим правовым сознанием и правовой и профессиональной культурой, служебной дисциплиной и правомерным поведением являются: развитие деонтологического правосознания сотрудников; расширение кругозора, совершенствование системы культурных ценностей, формирование правового мировоззрения; широкое внедрение в обучение принципа приоритетности общечеловеческих ценностей, связанных с правами и свободами человека и гражданина (например, введение в учебные программы образовательных учреждений МВД учебных курсов и лекций по служебной этике, правам человека, предупреждению правонарушений в служебной деятельности [17, с. 77] и т.д.); обеспечение высокого уровня правовых знаний, формирование соответствующих правовых убеждений и правовых чувств, выработка необходимого правового мышления, воли, умелого реагирования в экстремальных ситуациях, содействие закреплению в сознании правовых установок, правовых навыков и умений; развитие коммуникативных умений сотрудников, формирование у сотрудников социально активной позиции, ориентации на сотрудничество, коллективизм, ответственность за выполнение служебного долга в любой ситуации и пр.

Общей целью воспитания в ОВД должна быть всесторонняя и гармонично развитая личность сотрудника. Оно должно воплощать требования и соответствовать запросам общества относительно личности сотрудника правоохранительного органа. В то же время требует повышения эффективности воспитательная работа как среди практических сотрудников ОВД, так и повышение ее эффективности на стадии профессионального обучения.

Психологическим службам подразделений ОВД рекомендуется осуществлять мероприятия по психологическому обеспечению служебной деятельности сотрудников ОВД, в частности в периоды: пребывания будущего сотрудника полиции в статусе стажера и в течение первого года служебной деятельности; профессиональной адаптации не только при поступлении на службу, но и при переходе на новую должность; личностных и профессиональных нормативных кризисов; пребывания в экстремальных

условиях; личностных и профессиональных ненормативных кризисов, вызванных, например, вынужденным, нежелательным для сотрудника ОВД перепрофилированием и переходом в другую службу. Вместе с этим рекомендуется осуществлять в первую очередь психологическое сопровождение сотрудников, которые, согласно данным диагностики, характеризуются как интровертированные, склонные к реакциям тревоги в ситуациях повышенного риска, характеризуются тенденцией к чрезмерному самоконтролю, отмечаются сомнения в принятии решений и незначительной мотивацией в избегании неудачи. Эта рекомендация особенно важна в отношении тех сотрудников, которые по роду службы постоянно находятся в нестабильных и экстремальных профессиональных ситуациях [3, с. 164–165].

Учитывая специфику служебной деятельности сотрудников ОВД, психологическая поддержка специалистов должна распространяться не только на самих сотрудников, но и на членов их семей. Целесообразным является создание специализированных кризисно-консультативных центров по проблемам семей сотрудников ОВД.

К непосредственным мерам по повышению уровня законности и предупреждению нарушений прав человека в деятельности ОВД следует отнести меры по совершенствованию контроля за состоянием дисциплины и законности в подразделениях ОВД. С целью совершенствования дисциплинарной практики руководители всех уровней должны: добиваться единства и согласованности в применении дисциплинарной практики различными категориями начальствующего состава; установить систему учета количества и характера дисциплинарных и иных правонарушений, их распространенности среди различных категорий сотрудников; добиваться соблюдения начальниками соответствующих правовых норм и требований по оценке тяжести совершенных проступков; в каждом случае нарушения законности проводить тщательную служебную проверку, своевременно выявлять и устранять причины и условия, способствующие их совершению; добиваться от всех начальников твердого знания ими прав и обязанностей по применению мер поощрения и взыскания; учить начальников практике применения дисциплинарной власти (обоснованию мер дисциплинарного воздействия, его соразмерности совершенной вине; своевременности применения мер воздействия; учету личностных качеств при определении мер поощрения и взыскания); добиваться оптимального сочетания правовых мер с организационно-кадровыми и воспитательными [19, с. 162].

Одной из основных особенностей наиболее тяжких случаев нарушения прав человека в деятельности ОВД (применение пыток, совершение других насильственных преступлений), совершаемых сотрудниками ОВД, является их групповой характер (при численности членов групп, которые в большинстве случаев состоят из сотрудников одной службы или подразделения) [11, с. 92–97; 8, с. 39–48; 12, с. 156–161; 13, с. 120–124; 7, с. 97–102].

Именно эта особенность обуславливает специфичность направлений и мер предупреждения такого рода правонарушений и преступлений. Благополучный социально-психологический климат создает предпосылки для высокой морально-психологической устойчивости коллектива ОВД, т.е. его способности противостоять влиянию деструктивных факторов при сохранении своих социальных функций.

С целью обеспечения положительного морально-психологического климата в коллективах и формирования положительной субкультуры сотрудников, руководитель ОВД обязан: 1) уважать честь и достоинство подчиненных сотрудников; 2) обеспечивать установление отношений между подчиненными на основе здоровой конкуренции – не допускать протекционизма в работе с подчиненными, обеспечивать гласность и объективность в оценке служебной деятельности подчиненных; 3) не допускать преследования сотрудников по личным мотивам или за критику недостатков деятельности руководителя (ОВД вообще), поддерживать открытое профессиональное общение подчиненных с руководителем, открытое обсуждение внутренних (внешних – ведомственных) проблем; 4) способствовать воспитанию у подчиненных высокого правосознания, необходимости неукоснительного соблюдения законности, воспитывать у подчиненных чувство ответственности за выполнение служебных обязанностей; 5) проявлять высокую требовательность к подчиненным, остро реагировать на факты грубости, пренебрежительного отношения к гражданам, строго оценивать нарушения закона подчиненными; 6) создавать необходимые условия для труда, отдыха, повышения квалификации и карьерного роста подчиненных.

Среди мер укрепления законности и оперативной превенции преступлений и правонарушений особое значение приобретают меры по выявлению сотрудников ОВД, склонных к нарушению прав человека и противоправному поведению в целом.

Следует учитывать, что преступления и правонарушения, прежде всего насильственные, совершаются в основном сотрудниками, которые от начала службы ориентированы на криминальное поведение (статус сотрудника ОВД служит для них одним из средств достижения преступной цели и избегания наказания) и в силу недостатков системы кадрового отбора персонала ОВД попадают на службу. Поэтому огромную роль в предупреждении нарушения прав человека в деятельности ОВД имеет деятельность руководителей подразделений и сотрудников соответствующих кадровых и психологических служб по выявлению лиц, поведение которых свидетельствует о реальной возможности совершения ими правонарушений и преступлений.

Для выявления такой «группы риска» среди сотрудников ОВД необходимо выделить определенные криминогенные черты личности сотрудника, которые имеют высокое прогностическое значение для определения

потенциальных правонарушителей. Разнообразие индивидуальных проявлений противоправного поведения обуславливает подвижность круга соответствующих криминогенных особенностей (признаков). Однако возможно определить определенные объективные и субъективные признаки, позволяющие с высокой степенью вероятности определить возможность совершения насильственного преступления конкретным лицом [18, с. 344].

К объективным признакам относятся: 1) обнаруженная склонность к действиям, которые нарушают общественный порядок, в т.ч. участие в драках, выражение пренебрежительного отношения к другим людям (с особенно свойственным некоторым сотрудникам ОВД распределением людей в зависимости от ведомственной принадлежности на «своих» и «чужих»), оскорбительное приставание к гражданам, демонстрация циничного отношения к женщинам; 2) устоявшиеся повторяющиеся конфликты с теми же лицами с тенденцией к насильственному решению; 3) угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, избиения соседей, родственников и т.д.; 4) иррациональное стремление к риску; 5) систематическое пьянство, употребление наркотиков, других одурманивающих веществ в сочетании с агрессивным поведением; 6) праздность, паразитизм, промедление; 7) привлечение к ответственности за злостное нарушение дисциплины; мелкое хулиганство, драки и т.п.

К субъективным признакам относятся: 1) такие характерологические черты личности, как грубость, дерзость, агрессивность, болезненное самолюбие, завышенная самооценка, гиперэмоциональность, склонность к вспышкам гнева и аффектам, озлобленность, мстительность, циничность; 2) порочные нужды (пьянство, наркотизм, сексуальные девиации и др.) и неразборчивость в способах их удовлетворения; 3) специфические болезненные состояния (алкоголизм, наркомания, психопатия, нарушение сексуальных влечений и т.д.).

Для выявления лиц с соответствующими признаками важное значение имеет индивидуальное прогнозирование противоправного поведения сотрудников ОВД, в частности метод экспертных оценок. Этот метод представляет собой специфическую форму прогностического опроса лиц (родителей, соседей по месту жительства, представителей общественных организаций, товарищей по работе или учебе и т.д.), которые фактически знают деловые, психологические и моральные качества исследуемого сотрудника [17, с. 110]. Информативным является изучение личных дел сотрудников, в которые, помимо прочих сведений, должны систематически заноситься результаты плановых и внеплановых медицинских, а особенно психологических осмотров сотрудника. Целесообразно также проводить оперативные мероприятия по определению и изучению круга лиц, часто контактирующих с исследуемым сотрудником, с целью установления характера, формы, возможных целей общения с указанными лицами.

Список литературы:

1. Балалаева М.В. Обстоятельства, исключаящие преступность действий сотрудников органов внутренних дел, совершаемых в сфере их профессиональной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. НН, 2001.
2. Бандурка А.М., Соболев В.О. Теория и методы работы с персоналом в органах внутренних дел: учеб. Харьков: УВД, 2000.
3. Борисова С.Е. Профессиональная деформация сотрудников милиции и ее личностные детерминанты: дис. ... канд. псих. наук. М., 1998.
4. Брайцева Е.А. Преступления, совершаемые следователями и дознавателями в системе органов внутренних дел: криминологический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
5. Варыгин А.Н. Преступность сотрудников органов внутренних дел и воздействие на нее / Под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов: Сарат. ун-т, 2003.
6. Горшенева И.А. Полиция в механизме современного демократического государства: учеб. пособие. М.: ЮНИТА-ДАНА, Закон и право, 2004.
7. Игнатов А.Н. Проявления организованной преступности сотрудников правоохранительных органов // Европейские перспективы. 2011. № 1.
8. Игнатов А.Н. Виды и мотивация незаконного насилия в органах внутренних дел // Следователь. 2012. № 8.
9. Игнатов А.Н. Криминологическая характеристика насилия в правоохранительных органах (по материалам ОВД Украины) // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2012. Вып. 2/32.
10. Игнатов А.Н. Преступность сотрудников правоохранительных органов и уголовная ответственность // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 8-й Междунар. науч.-практ. конф. М.: Проспект, 2011.
11. Игнатов А.Н. Типология сотрудников правоохранительных органов, совершающих насильственные преступления // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 20.
12. Игнатов А.Н. Классификация пыток и других проявлений незаконного насилия в ОВД по критерию мотивации // Наше право. 2011. № 4. Ч. 2.
13. Игнатов А.Н. Классификация пыток, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов на основании способа их совершения // Государство и регионы. Сер. «Право». 2011. № 4.
14. Игнатов А.Н. Насильственные преступления, совершаемые сотрудниками органов внутренних дел Украины: криминологическая характеристика, детерминация и предупреждение: монография. Харьков, 2008.
15. Игнатов А.Н. Организационно-управленческие факторы сокрытия преступлений от учета // Государство и регионы. Сер. «Право». 2012. № 3.
16. Игнатов А.Н. Недостатки кадрового отбора как фактор детерминации преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД и пути противодействия // Форум права. 2009. № 1.

17. Кондаков А.В. Предупреждение нарушений законности в правоохранительной деятельности милиции: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.
18. Криминология: учеб. / [Гуров А.И. и др.]. М., 2005.
19. Куманеев В.В. Правонарушения сотрудников органов внутренних дел в современной России. Проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. НН, 2000.
20. Прохоров К.А. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых сотрудниками милиции против жизни и здоровья: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
21. Скоморохов Р.В. Криминологическая характеристика и специальное предупреждение должностных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел (по материалам Иркутской области): дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2004.

Карнаушенко Леонид Владимирович,
доктор исторических наук, профессор,
Краснодарский университет МВД России

Социокультурные проблемы интеграции человека в правовую среду

Атрибутивной характеристикой социума выступает стремление к упорядочиванию своего функционирования в пространственно-временной, цивилизационной системе координат. Вместе с тем сложные социальные системы, как правило, испытывают воздействие со стороны негативно маркированных факторов, которые угрожают целостности, усиливают риски дезорганизации ключевых структурных элементов. Учитывая контуры проблемной ситуации, целесообразно принимать во внимание тот факт, что социальная система испытывает устойчивую потребность в стабильности, выражающейся, прежде всего, в преодолении последствий действий деструктивных сил, стремящихся к разрушению социальной системы. Локализация деятельности этих сил происходит как на межличностном, так и групповом и массовом уровнях, вследствие чего сложно сформировать общую стратегию противодействия деструктивным силам.

В данном случае первоочередными выступают цели и задачи стабилизации функционирования социальной системы посредством достижения стабильности, предсказуемости, прогнозирования деятельности социальных акторов. Такая ситуация предполагает наличие в социуме подавляющего большинства людей, прошедших успешную социализацию, воспитание, инкультурацию, социальное развитие. Данный социальный эффект достигается несколькими способами, продуктивность которых зависит от эпохи, особенностей социально-политической и социально-экономической организации, прежде всего.

По мнению П.А. Сорокина, главной причиной внутреннего социального мира является именно существование в обществе целостной, твердо вошедшей в жизнь системы основных ценностей и соответственных норм поведения. Столь пристальное внимание к нормам, включение их в социальные теории закономерно, поскольку вся социальная жизнь в той или иной мере ими пронизывается и регулируется [5, с. 97–98].

Одним из выигрышных инструментов достижения стабильности в условиях современного трансформирующегося общества начала XXI в. выступает интеграция человека в правовую сферу. По мнению исследователей, правовая сфера – это часть социальной реальности, для которой в действующих правовых нормах определена модель правопорядка, т.е. необходимое и желаемое состояние социальной среды, обусловленное социальными ценностями и представлениями о справедливости [2, с. 8–9].

Процесс интеграции человека в правовую сферу начинается в детстве и продолжается на протяжении всей жизни. В ходе этого процесса наблюдается достижение ряда последовательных эффектов, в своей совокупности образующих фундамент социальной системы, его защиту от разнообразных угроз и рисков, связанных как с внешними, так и внутренними факторами. Здесь стоит обратить внимание на: усвоение правовой информации и правовых знаний; формирование ценностей и идеалов правомерного поведения, «жизни по закону», воспитания чувства долга, ответственности, моральных принципов и т.п. (как следствие – генезис правовой культуры и правового сознания; формирование правовой идеологии); появление устойчивых социальных практик, соответствующих правомерному поведению; формирование устойчивого негативного отношения к девиантному и делинквентному поведению.

Стоит отметить, что специфическая характеристика правовой сферы является основой научного подхода к системе культуры и ее подсистемам, что позволяет выявить формы нормативной регуляции, обозначить их социальные основания, содержательные аспекты ценностно-нормативной системы. Понимание сущности правовой среды основывается на деятельности социальных институтов и культурных феноменов, которые включают в себя определенные образцы, нормы, правила поведения. Поведение индивидов в современном обществе формируется под воздействием ценностно-нормативной регуляции, что составляет основу конституирования правового государства и гражданского общества.

Необходимо также принимать во внимание тот факт, что регулирование общественных отношений осуществляется не только нормами права, а совокупностью различных социальных норм, образующих контуры соционормативной системы, каждый элемент которой характеризуется как собственной сферой применения, так и уровнем регламентации и санкций в случае нарушения требований норм. Наименьшей жесткостью обладают моральные нормы, действие которых значительно осложняется в случае,

если их объектом выступают лица с рецидивирующим девиантным и/или делинквентным поведением. Аналогичная ситуация резкого снижения эффективности норм морали наблюдается и в случае глубокого духовно-нравственного кризиса общества (в терминологии Э. Дюркгейма и Р. Мертон – «аномии») [3; 4]. В такой ситуации имеется очень ограниченный круг инструментов воздействия на поведение людей, главным образом, насильственного принуждения, что само по себе далеко не оптимально, т.к. не весь спектр поведенческих реакций регулируется подобным образом.

Как отмечают исследователи, ситуация социального исключения нормативной системы несет в себе опасные социальные последствия. Нормативная регламентация и регуляция распространяется на все остальные виды деятельности, свойства личности и проявления психической деятельности и активности человека [1, с. 68].

Соционормативная система призвана оперативно реагировать на возникающие угрозы и вызовы, прежде всего, внешнего контекста существования социума, сглаживать возникающие противоречия посредством гибкости социальных норм, адаптированности к возникающим «социальным напряжениям». Соционормативная система – весьма условный термин, объединяющий в себе различные виды и уровни норм, отличающихся разным потенциалом воздействия на сознание и поведение людей. При этом вариативность соционормативной системы остается весьма низкой, что создает ряд угроз и рисков, связанных с высокими скоростями социальных изменений, за которыми система элементарно не успевает.

Одним из негативных эффектов такого положения выступает исключение из системы регуляции поведением социокультурной составляющей. Следствием выступает духовно-нравственное отторжение норм права, они воспринимаются как нечто чуждое, инородное. Данное положение особенно опасно в молодежном возрасте, когда человек только вступает во взрослую жизнь. Наблюдается дисбаланс его физического и духовного развития, в результате чего дееспособность и деликтоспособность молодого человека формально наступают, однако необходимого развития духовно-нравственного облика не происходит, что превращает его в потенциальную девиантную и делинквентную личность. В этом случае критическая нагрузка выпадает на нормы права, опирающиеся на силу принуждения государства и носящие общеобязательный характер. Однако возникает вопрос: каковы пределы такого принудительного соционормативного регулирования? Становится очевидным, что данная разновидность социальных норм носит ограниченный характер и существенно зависит от социально-экономической и социально-политической ситуации.

Обращаясь к отечественной истории, целесообразно заметить, что режим императора Николая II, столкнувшись с широким социальным запросом на реформирование, модернизацию государства, сделал ставку

именно на репрессивные, принудительные возможности норм права как инструмент «консервации» ситуации, недопущения революционных изменений. Это особенно ярко проявилось после «третьеиюньского переворота» (3 июня 1907 г.) и нашло свое выражение в репрессивной политике против революционно настроенных граждан, включая получившие широкий резонанс расстрелы мирных демонстраций населения («ленский расстрел» 1912 г., а также события 26 февраля 1917 г.). Результатом опоры по преимуществу на возможности полиции и армии оказалось не только запоздалое осознание правящей элитой ограниченности возможностей норм права, инструментов государственного принуждения, но и падение монархии. Именно поэтому стабильность государства и общества обеспечивается добровольным и осознанным взаимодействием с людьми, на основе взаимного осознания важности норм права.

Социокультурная интеграция человека в правовую сферу во многом зависит от общей ситуации в системе культуры. В этой связи опасность представляют даже относительно краткосрочные дисфункции социокультурной системы, т.к. они сказываются на процессах социализации, воспитания подрастающего поколения.

Как отмечают исследователи, в современном российском обществе черты общественного сознания и поведения проявляются в виде широкого спектра противоречивых мировоззрений, многообразия идеологий, различных точек зрения и соответственно разных вариантов возможного поведения людей. Образовавшийся раскол олицетворяют также специфически новые черты, как травма и антиномия, влияние и значение которых ранее не проявлялось столь явственно и наглядно, как это происходит в современной России [7, с. 14].

Кризисные явления в системе культуры приводят к расколу ее доктринального ядра, к фрагментации, что также негативно сказывается на процессе преемственности и смены поколений, наблюдается разрыв между взрослым обществом и молодежью (непонимание, конфликтность в отношениях и т.п.).

При этом необходимо учитывать и следующее обстоятельство: если в системе культуры имеет место «культурная оппозиция» в виде, например, субкультур и контркультур, то в правовой сфере такого рода отклонения от доктринального ядра можно рассматривать как деструктивно-дезорганизационное явление (например, криминальная, «блатная» контркультура). Объясняется это тем, что несогласие с ценностями, мировоззрением большинства членов общества не несет в себе таких негативных последствий, как в правовой сфере (правовой нигилизм, радикализм, негативное отношение к праву, законам, государству, их олицетворяющему).

Исследователи не случайно видят в качестве основной причины распространения в России правового нигилизма именно низкую культуру — как общую, так и правовую. Следствие этого — отсутствие одной из важ-

нейших предпосылок реального функционирования правового государства. Именно поэтому важной задачей современной России является преодоление правового безразличия и безграмотности, незащищенности человека и его прав [6, с. 15].

В настоящее время мы наблюдаем общее падение культурного и образовательного уровня на фоне возросшей активности криминальных структур. Это приводит к сочетанию социально опасных факторов, грозящих отклоняющейся правовой социализацией подрастающего поколения и, как следствие, вхождением во взрослую жизнь миллионов россиян с деформированным правосознанием, правовым нигилизмом, толерантным отношением к криминалу. Ситуация осложняется негативным трендом «внешнего» социокультурного воздействия стандартизированных образцов массовой культуры потребления, детерминирующих агрессивные, низменные социал-дарвинистские установки, характерные для криминального мира, экстремистов, радикалов. Опасность воздействия стандартов массовой культуры заключается в ее манипулятивном, скрытом характере, когда социально-опасное содержание «маскируется» под вполне благовидными формами: сериалами, художественными фильмами, телевизионными шоу и т.п. Однако эти формы учат, воспитывают, формируют идеалы.

В начале XXI в. проблема социокультурной интеграции человека в правовую сферу неразрывно связана с последствиями прогресса информационно-компьютерных технологий. Развитие Интернета, виртуализация социума приводят к все большей относительности правовых норм, ослабляют силу их действия в физической реальности. Появление «параллельных» форм социальной реальности – физической и виртуальной, – актуализируют ряд проблемных аспектов, связанных не только с процессами социализации, воспитания, инкультурации в новых условиях, но и обостряют противоречия, связанные с деятельностью механизмов социального контроля, действием негативных социальных санкций, прежде всего. Утрата обществом начала XXI в. действенных, эффективных форм социального контроля также непосредственно связано с проблемами «интернетизации» и «виртуализации» социума.

В большей мере под воздействие интернет-коммуникации попадает молодежь, отличающаяся, с одной стороны, тягой к инновациям, с другой стороны, лабильным, противоречивым сознанием, склонностью к эмоционально-чувственным реакциям. Именно поэтому значительная часть социальных отклонений молодежи, связанных с последствиями глубокой интеграции в интернет-среду, практически не актуальны для взрослого общества. Данное обстоятельство также необходимо учитывать при анализе проблемы интеграции человека в правовую среду, т.к. виртуальные инструменты в настоящее время получают все большее распространение.

Таким образом, интеграция человека в правовую сферу во многом детерминирована именно социокультурными факторами и обстоятель-

ствами. Правовая сфера является эффективным регулятивным инструментом только в такой социальной ситуации, когда система духовной культуры, ее основные структурные элементы (ценности, идеалы, мировоззрение, идеология и т.д.) направлены на достижение осознания людьми целей и задач развития социума, важности права в обеспечении стабильности, преемственности социальных действий и взаимодействий. Необходимо отметить, что полноценная интеграция человека в правовую сферу происходит в подростковом, юношеском возрасте, когда в ходе процесса социализации личности имеет место осознание правовой информации, являющейся основой для становления правового сознания, правовой культуры, правовой идеологии. Всякие попытки принудительного, насильственного «насаждения» социально одобряемых представлений о праве, правовой сфере обречены на провал, т.к. необходимо именно социокультурное принятие данных конструкторов как важных, необходимых для конкретного человека. Безусловно, людей можно принудить к интеграции в правовую сферу, но такие недобровольные действия чреваты лишь видимостью правомерного поведения. Такая ситуация видится нам потенциально опасной, грозящей рядом негативных последствий. Главным образом, возникает эффект симуляционной реальности, где формально люди декларируют свою приверженность нормам права (в т.ч. в ходе многочисленных социологических исследований общественного мнения), а в реальности – при любом удобном случае будут игнорировать или сознательно противостоять нормам права как чуждому, инородному, репрессивному элементу их жизни. В молодежной среде такая ситуация весьма опасна. Учитывая социально-психологические и социально-возрастные характеристики подрастающего поколения, целесообразно обратить внимание на усиливающуюся тенденцию неискренности в общении молодежи со старшим поколением, так называемым «миром взрослых» (в роли которых выступают родители, учителя, соседи, прохожие, сотрудники правоохранительных органов, администраций различных уровней и т.д.). Эта неискренность хорошо заметна в ходе социологических опросов, когда молодежь стремится казаться лучше, чем на самом деле, произвести впечатление, «выделиться» из среды себе подобных. В результате взрослое общество пребывает в уверенности в том, что молодежь успешно осваивает правовую информацию, интегрируется в правовую среду, а на самом деле среди молодежи существует значительный по численности сегмент людей с откровенно криминализированным сознанием, испытывающий тягу к криминальному миру, соответствующему стилю жизни и практикам. Опасность современной ситуации в том, что многие представители провинциальной российской молодежи ощущают закрытость каналов вертикальной мобильности, у них возникает ощущение отсутствия жизненных перспектив. В этих условиях криминальный мир, с его идеологией отрицания норм права, выступает не только в роли инструмента самоидентификации, самореализации, но и элементарного средства улучшения собственного финансового положения.

Учитывая остроту проблемы, становится очевидной необходимость продуманной организации государственной политики в отношении процесса полноценной интеграции молодежи во взрослую жизнь, в т.ч. в правовую сферу. При этом необходимо избегать эффектов формализации и бюрократизации, что нередко проявляется в современной России, когда стандартные мероприятия в отношении молодежи начинают «тиражироваться» из региона в регион без соответствующего анализа ситуации, без проведения исследований мнений самой молодежи (либо такие исследования носят формальный, поверхностный характер). В современных условиях необходимо разворачивать сеть общероссийских мониторинговых исследований молодежи, значительно увеличивать бюджеты подобных проектов, широко привлекать независимые научные центры, чтобы избежать ангажированности получаемых данных. Полноценная социокультурная интеграция молодежи во взрослое общество, в т.ч. и в правовую сферу, невозможна без тщательного, глубокого анализа духовного мира подрастающего поколения, его системы социокультурных координат, аксиологической, морально-нравственной, ментальной специфики. Только таким образом можно обнаружить те необходимые коммуникативные маркеры в сознании молодежи, которые позволят осуществить эффективную трансляцию правовой информации, дадут возможность убедить молодежь в важности следования нормам права, соответствии поведенческой стратегии их личным интересам и потребностям.

Список литературы:

1. Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляции поведения. М.: Наука, 1978.
2. Васильева Н.В. Юридические и неюридические средства в системе правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2014.
3. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., сост., послесл. и прим. А.Б. Гофмана. М., 1995.
4. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
5. Смирнова Е.Э., Курлов В.Ф., Матюшкина М.Д. Социальная норма и возможности ее измерения // Социс. 1999. № 1.
6. Шубина О.Б. Правовая культура как элемент культуры общества: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004.
7. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.

**Обеспечение права на личную неприкосновенность и свободу
при избрании меры пресечения в виде залога**

Путь становления и развития современного общества и права неразрывно связан с обеспечением и защитой прав и свобод человека со стороны государства. Конституция РФ и ратифицированные Всеобщая декларация прав человека, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания определяют именно такие приоритеты для развития общества в России. Конституция РФ в ст. 2 провозглашает высшей ценностью человека, его права и свободы. Среди всего многообразие прав и свобод человека хотелось бы остановиться на закрепленных в ст. 22 Конституции праве каждого на личную неприкосновенность и свободу. Для обеспечения этих прав созданы механизмы государственного регулирования и правоохранительные органы. Однако в угоду достижения сиюминутных и промежуточных целей государственный аппарат и правоохранительные органы зачастую отступают от задекларированной ценности – прав и свобод человека. Своими действиями существенно ограничивают его права и свободы.

Уместным будет привести слова немецкого ученого и процессуалиста Г. Кюне: «Каждый гражданин потенциально является лицом, которого может коснуться уголовный процесс. Его общегражданская обязанность состоит в том, что он должен переносить такие обременения, которые в ходе дальнейшего процесса могут оказаться не необходимыми. Эта обязанность вообще исключает какое-либо возмещение за применение принудительных мер и их последствий» [1].

Анализ правоприменительной практики избрания мер пресечения на основании судебного решения свидетельствует о том, что на досудебной стадии уголовного судопроизводства следователи и дознаватели разительно в большей степени применяют меру пресечения, связанную с ограничением личной свободы и неприкосновенности личности, в виде заключения под стражу на определенный срок, нежели применяют иные меры пресечения на основании судебного решения, в т.ч. залог. Данная тенденция наблюдается несмотря на потенциальную эффективность других мер пресечения, таких как залог. В настоящее время мы можем констатировать, залог как мера пресечения не получил широкого распространения в правоприменительной практике и часто избирается судами по собственной инициативе при отказе в продлении или избрании мер пресечения в виде домашнего ареста и заключения под стражу. О данной тенденции убедительно свидетельствуют сведения судебной статистики, согласно которым в

2014 г. судами в 253 случаях удовлетворены ходатайства о применении меры пресечения в виде залога и почти в два раза больше судами заменены ранее избранные меры пресечения на залог – 557 случаев. Соответствующие статистические показатели 2015 г. по избранию меры пресечения в виде залога составили – 190 случаев и 169 – при замене судом ранее избранной меры пресечения на залог. В первом полугодии 2016 г. залог был избран 81 раз, а в случае изменения меры пресечения на залог или применение судом залога на судебных стадиях – 723 раза [2]. Для сравнения заключение под стражу избиралось на основании судебных решений в 2015 г. в отношении 230 599 подозреваемых и обвиняемых, а домашний арест – в 4 780 случаях [2]. Указанная тенденция характерна и для федеральных судов общей юрисдикции, расположенный на территории Республики Крым. За 2015 год в Киевский районный суд г. Симферополя поступило от органов предварительного следствия и дознания 275 постановлений о возбуждении ходатайства перед судом о разрешении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, в виде домашнего ареста – 35 и залога – 18. За первое полугодие 2016 г. ходатайств от органов предварительного следствия и дознания об избрании меры пресечения в виде залога не поступало [3].

Статья 106 УПК РФ предусматривает, что залог как мера пресечения вносится в целях обеспечения явки подозреваемого либо обвиняемого к следователю, дознавателю, в суд и предупреждения совершения им новых преступлений. Действующая редакция данной нормы не предусматривает наложение каких-либо обязанностей на лицо, подвергнутое мере пресечения в виде залога. Таким образом, лицо, подвергнутое мере пресечения в виде залога, в минимальной степени подвергнуто воздействию со стороны государственного механизма, который обеспечивает осуществление уголовного судопроизводства. Залог не лишает права свободно передвигаться и выбирать место пребывания и проживания. Избрание такой меры пресечения как залог в значительной степени способствует обеспечению на прежнем уровне, т.е. до начала уголовно-процессуальных отношений, прав и свобод лиц, подвергнутых данной мере пресечения. Однако имеется и «оборотная сторона медали» при избрании меры пресечения в виде залога. Действующая норма УПК РФ, регламентирующая применение меры пресечения в виде залога, не является совершенной и требует доработки с целью повышения степени защищенности прав и свобод участников уголовного судопроизводства кроме лица, подвергнутого данной мере пресечения. При применении залога не накладываются какие-либо ограничения и запреты на подозреваемого и обвиняемого. К примеру, при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста по решению суда на подозреваемого, обвиняемого могут налагаться дополнительные запреты или ограничения, в т.ч. на общение с определенными лицами. Достаточно ярким примером, иллюстрирующим каким образом данным пробелом законодательства мо-

жет воспользоваться лицо, подвергнутое мере пресечения в виде залога, является следующая ситуация из следственно-судейской практики. Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 апреля 2009 г. избранная ранее М. мера пресечения в виде заключения под стражу была изменена на залог. В ходе рассмотрения уголовного дела судом государственный обвинитель заявил ходатайство об изменении меры пресечения в отношении М. на домашний арест. Свою правовую позицию прокурор мотивировал тем, что, начиная с апреля 2009 г., М. систематически нарушал регламент судебного заседания и установленный судом запрет о распространении в СМИ сведений об обстоятельствах рассмотрения дела. Постановлением Томского областного суда от 14 апреля 2010 г. мера пресечения в отношении него изменена с залога в сумме 4 млн руб. на домашний арест сроком на 3 месяца. Сам М. в судебном заседании не отрицал того, что соответствующие высказывания в СМИ, в т.ч. на радио и телевидении, как это указано в исследованных документах, с его стороны имели место. Вердиктом коллегии присяжных заседателей М. признан виновным в совершении инкриминированных ему преступлений, в отношении него постановлен обвинительный приговор [4].

Интересным с точки зрения права на обеспечение личной свободы и неприкосновенности является практика применение меры пресечения, согласно УПК Украины. Так, согласно требований уголовно-процессуального закона Украины, а именно ст. 183, следственный судья или суд при вынесении постановления о применении меры пресечения в виде содержания под стражей обязан определить размер залога, достаточного для обеспечения выполнения подозреваемым, обвиняемым обязанностей, предусмотренных УПК, кроме случаев, когда уголовное производство ведется относительно преступления, совершенного с применением насилия или угрозой его применения, относительно преступления, которое повлекло гибель человека, в отношении лица, относительно которого в этом производстве уже избиралась мера пресечения в виде залога, которая была нарушена. Таким образом, лицо, подвергнутое мере пресечения в виде заключения под стражу, автоматически имеет возможность изменить меру пресечения на залог при наличии материальной средств оплатить установленный его размер.

В постановлении следственного судьи, суда указываются, какие обязанности из предусмотренных УПК Украины будут возложены на подозреваемого, обвиняемого в случае внесения залога, последствия их невыполнения, указывается избранный размер залога, а также возможность ее применения.

Рассматривая положения УПК Украины касательно применения меры пресечения в виде залога, интересным является возможность наложения на основании решения суда запретов и ограничений на подозреваемого и обвиняемого. В частности, положительным, по нашему мнению, является

возможность наложения запретов и ограничений, которые выражаются в уведомлении следователя, прокурора или суда об изменении места жительства и места работы, воздержании от общения с любым лицом, определенным следственным судьей, судом, или общаться с ним с соблюдением условий, определенных следственным судьей, судом; не посещать места, определенные следственным судьей или судом; обязанность сдать на хранение в соответствующие органы государственной власти свой паспорт для выезда за границу и т.д.

Таким образом, отсутствие в норме, регламентирующей применение меры пресечения в виде залога, возможности установления запрета общения с определенными лицами существенно снижает возможности правоохранительной системы и суда по обеспечению прав и свобод участников уголовного судопроизводства, направленные на охрану от влияния со стороны подозреваемого и обвиняемого либо попыток иным способом воспрепятствовать производству по уголовному делу. Факторы неэффективности применения меры пресечения в виде залога, которые во многом обусловлены недоработанностью законодательных механизмов, во многом побуждают органы предварительного следствия и дознания прибегать к более суровым мерам пресечения, существенно ограничивая права и свободы подозреваемого, обвиняемого. Для решения данной проблемы необходим комплексный подход, который бы включал в себя внесение изменений в уголовно-процессуальный закон, направленных на повышение эффективности применения меры пресечения в виде залога. Как следствие данных преобразований, они должны привести к повышению степени применения меры пресечения в виде залога в следственно-судебной практике и более эффективному обеспечению прав на личную неприкосновенность и свободу для лиц, подвергнутых мерам пресечения.

Список литературы:

1. Кондрат И.Н. Обеспечение прав личности в досудебном производстве по уголовным делам: законодательное регулирование и правоприменительная практика: монография. М.: Юстицинформ, 2015.
2. URL: <http://cdep.ru> (дата обращения: 28.11.2016).
3. Архив Киевского районного суда г. Симферополя, Республика Крым.
4. Давыдов В.А., Дорошков В.В., Колоколов Н.А., Степалин В.П., Червоткин А.С. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса РФ. 7-е изд., перераб. и доп. Т. 1. М.: Юрайт, 2016.

Кашкаров Алексей Александрович,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник,
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

**Определение «цены» предупреждения должностной преступности
как элемент защиты прав, свобод и законных интересов
человека и гражданина**

Обеспечение и охрана прав, свобод и законных интересов человека и гражданина – это одна из основных задач органов публичной власти государства. Проявления должностной преступности в органах публичной власти существенно снижают качество управленческих услуг, которые обязаны предоставлять органы публичной власти с целью реализации законных прав и свобод граждан, повышает криминогенные и коррупционные риски, подрывают демократические устои общества и государства в целом.

Понятия «цена» и «стоимость» являются базовыми для экономической науки понятиями, в то время как для криминологии они заимствованные. Экономисты, как представители точных наук, апеллируют цифрами, под которыми чаще всего понимаются денежные средства. Экономический взгляд на преступность, в основе которого лежат методы анализа затраты – выгоды и затраты – эффективность, вынуждает прибегнуть к тотальной монетизации всех сторон жизни. Использование стоимостных оценок как универсальных соизмерителей всех благ (в т.ч. и человеческой жизни) привело к появлению принципиально новых антикриминальных концепций [1, с. 20].

Следует согласиться с В.Е. Квашисом в том, что, определяя во что обществу обходится преступность, исследователи сталкиваются с множеством неизвестных, что, в свою очередь, выражается в методологических и методических трудностях учета масштабов ущерба преступности [2, с. 183; 3, с. 185]. Как справедливо отмечает М.М. Бабаев, современная статистическая отчетность не отражает конкретной картины преступности, уголовная статистика является источником криминологических фикций, которые приобрели паталогический характер [4, с. 186]. Аналогичную точку зрения разделяют Д.А. Шестаков [5, с. 131–134], А.Н. Игнатов [6, с. 49] и большинство других исследователей. Индикаторы эффективности государственной политики в сфере предупреждения преступности в целом и должностной в частности сводятся лишь к анализу статистических данных по количеству зарегистрированных (выявленных) преступлений, окончанных и переданных уголовных дел в суд, вынесенных обвинительных приговоров или оправдательных вердиктов в изучаемом периоде и в сравнении с предыдущим.

«Цена» преступности имеет своей целью продемонстрировать государству и обществу эффективность/неэффективность государственной антикриминальной политики, указывать сильные и слабые стороны деятельности правоохранительных органов.

Представляется, что система государственных индикаторов преступности должна быть пересмотрена, определены новые системы учета эффективности правоохранительной деятельности, которые должны в первую очередь оцениваться на основании доверия населения органам публичной власти в целом и правоохранительным органам в частности.

Целью публикации является определение цены предупреждения должностной преступности. Так как наказание есть реакция государства на совершенное преступление, наказание является производным от преступления. Преступление есть причина, а наказание – следствие, преступление лишь акт вызвавший наказание [7, с. 208–209].

Определяя «цену» должностной преступности, следует исходить из того, что кроме прямых финансовых потерь, которые претерпевает консолидированный бюджет РФ в результате должностных превышений, злоупотреблений, халатности и иных должностных преступлений, в учет необходимо брать и те затраты, которые направлены на формирование антикоррупционного поведения как чиновников, так и населения государства посредством пропаганды антикоррупционного поведения. Кроме того, в расчет необходимо брать себестоимость нормо-часа представителей правоохранительных органов и судов. Такого рода определение себестоимости деятельности правоохранительных органов будет аналогично по всем отдельным видам преступности.

«Цена» должностной преступности существенно отличается от «стоимости» иных видов преступности, т.к. основной ущерб должностная преступность наносит авторитету органов публичной власти. Он не имеет явного материального выражения, репутационные риски и угрозы должностной преступности гораздо выше, чем материальные потери, которые отражаются в статистических показателях выявленных должностных преступлений и вынесенных приговоров чиновникам, и прочих прямых материальных затрат.

Список литературы:

1. Долотов Р.О. Цена преступности как показатель общественной опасности // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 4.
2. Квашис В.Е. Уголовно-правовые и криминологические перспективы борьбы с преступностью // Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1967–2014 гг.). СПб.: Юрид. центр, 2015.
3. Квашис В.Е. «Цена» преступности как криминологическая проблема // Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1967–2014 гг.). СПб.: Юрид. центр, 2015.
4. Бабаев М.М. Заметки о современной уголовной статистике и не только // Рос. ежегодник уголовного права. 2006. № 1.
5. Шестаков Д.А. Латентность преступности, вопросы теории // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009. № 1 (16).

6. Игнатов А.Н. Об уровне преступности и деятельности правоохранительных органов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 4 (27).

7. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали // Вступ. статья сост. и примеч. В.В. Сапова. М.: Астерель, 2006.

Киричек Евгений Владимирович,
доктор юридических наук, доцент,
Академия управления МВД России

Гарантии прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: некоторые теоретико-методологические основы

Важное место в структуре правового положения (правового статуса) человека и гражданина занимают гарантии прав и свобод, которые призваны обеспечить благоприятную обстановку для возможно полного претворения в жизнь прав и свобод.

Толковый словарь В.И. Даля определяет гарантию (франц. *garantie*, от *garantir* – обеспечить, охранять) как ручательство, обеспечение, заверение, безопасенье [3, с. 283]. Е.Н. Хазов пишет, что «гарантии прав человека в РФ представляют собой совокупность социально-экономических, политических, юридических, нравственных, организационных предпосылок, условий, средств и способов, создающих равные возможности личности для осуществления своих прав, свобод и интересов» [10, с. 27].

Представляется, что под гарантиями прав и свобод человека и гражданина необходимо понимать общие условия и специальные (юридические) средства, обеспечивающие каждому человеку и гражданину фактическую реализацию прав и свобод, их надежную охрану и защиту.

Общие условия в данном случае включают в себя систему экономических, политических, социальных, культурно-духовных и иных отношений, декларируемых Конституцией РФ, без которых притязания личности к обществу носили бы формальный характер. Так, в ч. 1 ст. 17 Конституции закреплено, что «в РФ признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией».

Специальные (юридические) средства – это закрепленные в нормативном правовом акте способы, непосредственно обеспечивающие возможность правомерной реализации, охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина в РФ. Без них правовые нормы сами по себе бессильны и не могут быть применены и реализованы на практике.

При всей значимости правового закрепления гарантий прав и свобод для их претворения в жизнь требуются многие условия, в т.ч. выходящие за рамки права: экономические, политические и др.

Принято выделять общие и юридические гарантии. Такое деление можно считать общепризнанным, хотя многие исследователи выделяют еще один вид гарантий – организационные, которые характеризуют организационную деятельность государственных органов, общественных организаций по обеспечению реализации прав и свобод человека и гражданина.

Общие гарантии представляют собой систему различных видов общественных отношений, условий и факторов, способствующих наиболее эффективной реализации прав и свобод человека и гражданина. Как правило, в юридической литературе система общих гарантий прав и свобод человека и гражданина представлена тремя видами: социально-экономическими, политическими и идеологическими (духовными) гарантиями [9, с. 25; 11, с. 69]. Это действительно те основы, которые раскрывают сущность общественного строя. Некоторые ученые характеризуют такие гарантии, как «материальные гарантии прав» [19, с. 225].

Социально-экономические гарантии предполагают наличие у общества, коллектива, к которому принадлежит лицо, у государства, наконец, у самой личности необходимой материальной базы для осуществления прав и свобод и выполнения обязанностей. Эффективность реализации этих гарантий зависит также от успешно развивающейся экономики, достаточных средств у государства, необходимых государственных (в т.ч. силовых) рычагов, социальной стабильности в обществе. Социально-экономическая обстановка, сложившаяся в современной России, свидетельствует о недостаточности материальных гарантий для полного осуществления прав и свобод и выполнения конституционных обязанностей (например, Российское государство не может в полной мере гарантировать необходимый уровень собираемости налогов, выполнения одной из важнейших конституционных обязанностей, особенно важных для подъема экономики).

Политические гарантии характеризуются, в первую очередь, направленностью политики государства на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, борьбу с бюрократизмом государственного аппарата, коррупцией и т.д.; высокой степенью стабильности функционирования политических институтов и их стремлением к достижению гражданского согласия, исключающего всякую дестабилизацию в обществе; должным уровнем политической культуры и политического сознания граждан и др. [4, с. 17].

Идеологические гарантии включают в себя систему ценностно-ориентированных идей, взглядов, установок, основанных на вере в добро и справедливость. Речь в данном случае идет об общественной сознательности и образованности человека и гражданина. К числу этих гарантий относятся: идеологическое многообразие, общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования, свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, запреты на монополизацию идеологии, разжига-

ние социальной, расовой, национальной и религиозной розни, и т.д. Их реализация ведет к повышению уровня культуры и сознательности человека и гражданина, росту доверия и уважения друг к другу, осознанию своей истинной ценности для общества и государства, а также тому, что реализация основных прав и свобод возможна лишь при надлежащем исполнении возложенных на гражданина обязанностей. Особое место здесь занимает правосознание, одной из функций которого является создание атмосферы безоговорочного порицания всяких нарушений основных прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, для основных прав и свобод человека и гражданина общие гарантии имеют следующее значение: чем совершеннее система экономических, политических и культурно-духовных (идеологических) отношений в обществе, тем меньше совершается в нем правонарушений, в т.ч. и тех, которые посягают на личность, ее права и свободы.

Наличие общих гарантий является необходимым, но недостаточным условием реализации любого основного права человека и гражданина. Для этого требуются специальные, т.е. юридические гарантии, представляющие собой закрепленные в нормативных правовых актах средства, непосредственно обеспечивающие правомерную реализацию, охрану и защиту основных прав и свобод человека и гражданина. Юридические гарантии со стороны общества и государства нужны как для того, чтобы основные права и свободы не нарушались, так и для того, чтобы они осуществлялись (реализовывались).

В системе гарантий основных прав и свобод человека и гражданина юридические гарантии занимают ведущее место, что обусловлено их формально-определенным характером и наличием санкций за их неисполнение. Юридические гарантии охватывают все стороны обеспечения основных прав и свобод человека и гражданина, поэтому построение системы этих гарантий дает возможность увидеть недостатки, противоречия, пробелы в правовом регулировании сферы отношений, связанных с тем социальным благом, которое предоставляет это право. В Конституции РФ эти гарантии закреплены в статьях 45–54 [6, с. 128–135; 7, с. 140–148].

В юридической литературе в зависимости от критерия, положенного в основу классификации, выделяют различные виды юридических гарантий прав и свобод человека и гражданина:

1. В зависимости от источника их закрепления – закрепленные в Конституции РФ или в иных нормативных правовых актах.

2. По степени определенности: а) общие гарантии, относящиеся ко всем правам и свободам; б) специальные гарантии, обеспечивающие реализацию конкретных прав и свобод.

3. По функциям: а) гарантии реализации, гарантии охраны и гарантии защиты прав и свобод; б) стимулирующие, правообеспечительные и превентивно-охранительные.

4. По отраслевому признаку: гражданско-правовые, административно-правовые, уголовно-правовые, уголовно-процессуальные.

Неодинаковы и субъекты юридических гарантий. Прежде всего таким субъектом выступает государство. Оно создает условия для осуществления прав и свобод и выполнения обязанностей (например, ОВД обеспечивают правопорядок в период выборов или проведения санкционированного митинга в целях недопущения нападений оппозиции или преступных элементов, а с другой стороны, государственные органы проводят призыв в армию, обеспечивая исполнение конституционной обязанности граждан). Государство вправе применять к человеку и гражданину, коллективу (например, религиозной секте), юридическому лицу, своему органу или должностному лицу меры принуждения, если эти субъекты препятствуют кому-либо в осуществлении конституционных прав и свобод или исполнении обязанности (например, нарушают свободу передвижения граждан).

В ст. 45 Конституции России закреплено, что «государственная защита прав и свобод человека и гражданина в РФ гарантируется». Роль государства как главного гаранта прав и свобод вытекает и из содержания статей 2, 17, 19 и др. Конституции. Она осуществляется через систему государственных органов. В ст. 18 установлено, что «права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием».

Субъектом гарантий может стать общественное объединение или коллектив, в котором лицо трудится. Коллектив может, например, защищать (на общественных началах) своего члена в суде, если нарушены его права и свободы, может морально побуждать выполнять свои обязанности (например, заботиться о нетрудоспособных родителях).

Юридические гарантии прав и свобод и меры воздействия для исполнения обязанностей по отношению к самому себе или иным субъектам может использовать сама личность, ссылаясь на ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, которая гласит: «Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом» (например, человек может обратиться в суд, а может использовать нормы УК РФ о необходимой обороне при посягательствах на него и т.д.).

Общие и юридические гарантии тесно взаимосвязаны между собой. Так, нельзя рассматривать юридические гарантии в отрыве от идеологических гарантий. Их взаимная связь проявляется в следующем. Чем выше уровень духовной культуры граждан, их идейность, тем нетерпимее они относятся к нарушению прав и свобод человека и гражданина [2, с. 166; 5, с. 95–107]. Более того, юридические гарантии направлены на свободное и поступательное развитие человека и гражданина. Социально-нравственное направление реализации правовых норм приобретает в обществе все большее значение, отражая процесс постепенного преобразования правовых норм в нормы общественного саморегулирования [8, с. 241].

Таким образом: 1) особенность применения юридических гарантий – это и есть гарантированность прав и свобод человека и гражданина в их взаимосвязи, единстве, равенстве, без чего не возможна подлинная реальная свобода индивида в обществе и государстве; 2) не все правовые нормы являются юридическими гарантиями прав и свобод человека и гражданина, а лишь те из них, которые содержат определенные средства и способы, с помощью которых достигается беспрепятственное пользование правами и свободами их надежная охрана и защита.

Список литературы:

1. Баглай М.В., Габричидзе Б.Н. Конституционное право РФ. М., 1996.
2. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1955.
4. Зарицкий А.В. Гарантии прав личности при реализации юридической ответственности (вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Коломна, 1999.
5. Каламкарян Р.А. Юридические гарантии прав личности в Российской Федерации (по материалам «круглого стола») // Гос-во и право. 2000. № 11.
6. Киричек Е.В. Конституционные права и свободы человека и гражданина в России: теория и практика, история и современность, проблемы и перспективы: монография. Изд. 2-е, перераб. и доп. Тюмень, 2014.
7. Киричек Е.В. Особенности конституционно-правового закрепления прав и свобод человека и гражданина в сфере правосудия // Судебная практика в Западной Сибири. 2011. № 3(7).
8. Тихомиров Ю.А. Теория закона. М., 1982.
9. Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы советского конституционного права. Вып. 1. Саратов, 1967.
10. Хазов Е.Н. Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина в России: теоретические основы и проблемы реализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.
11. Эбзеев Б.С. Советское государство и права человека. Саратов, 1986.

Киян Марина Шарифовна,
кандидат юридических наук, доцент,
Крымский филиал Российского государственного
университета правосудия

**Суд присяжных – демократический институт судебной системы,
обеспечивающий гарантии защиты прав и свобод граждан:
историко-правовой обзор**

В демократическом правовом государстве РФ наивысшей ценностью является человек, его права и свободы, а обязанностью – признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина; права и свободы человека и гражданина обеспечиваются правосудием [1, ст. 1, 2, с. 18]. Одним из инструментов справедливого правосудия и механизма соблюдения Конституции РФ, обеспечения прав и свобод человека, гарантом защиты от неправомерного и необъективного судопроизводства в России выступает суд присяжных заседателей. В большинстве стран зарубежной демократии он является социальным институтом, обеспечивающим возможность граждан осуществлять правосудие. Как надежный механизм судебной защиты прав человека он функционирует во Франции, Германии, Испании, Португалии, России. В Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 г. поставлена стратегическая задача повышения независимости и объективности судебного процесса, укрепления в нем роли института присяжных заседателей. Для реализации поставленных задач историко-правовое исследование института суда присяжных достаточно актуально.

Знаменитый американский государственный политический деятель, идеолог буржуазных прав и свобод, автор «Декларации независимости США» Томас Джефферсон, характеризуя институт присяжных заседателей, в XVIII в. сформулировал его как «единственный якорь демократии и свободы в современных реалиях политической и правовой жизни» [6]. А выдающийся российский ученый юрист XIX в. И.В. Фойницкий рассматривал его как учреждение политическое и юридическое: «Как всякий институт, в государстве существующий и цели его преследующий, суд присяжных имеет, бесспорно, и политическую сторону. Она выступала даже на первый план для деятелей западных континентальных государств, где вопрос о суде присяжных шел наряду с либеральными движениями... институт присяжных, для целей правосудия созданный, кроме политической стороны имеет... сторону – юридическую. Установление присяжных не может не отражаться на общей политической физиономии страны, но само оно преследует задачи правосудия... если оно дает государству возможность поддерживать равновесие между обвинением и защитой, ограждать безопасность общественную..., то суд присяжных следует признать исполнявшим высокую миссию, которая на нем лежит» [8, с. 125].

Суд присяжных как институт уголовного судопроизводства, в котором оценку доказательств производит не государственный чиновник, уполномоченный осуществлять судебную власть, а представители народа, имеет давнюю историю. Возникший на заре человеческой цивилизации, он прошел ряд качественных ступеней: от неотъемлемой части социальной организации политической демократии до одной из основных составляющих судебной власти; от процессуальной процедуры до выражения конституционного права граждан на судебную защиту. Первоначально он являл «отправление суда всею совокупностью свободных граждан, ведавших юстицией во имя своего политического права» [8, с. 129]. Учрежденный Солоном в Древней Греции, институт эволюционировал в коллегию гелиастов и суд постоянных комиссий (квестий) Древней Греции и Древнего Рима [7, с. 133].

Суд Гелиоса (название от «helyos» – греч. «солнце»: члены суда сходились с восходом солнца и заканчивали работу с заходом солнца) в Древней Греции представлял коллегию 6 000 присяжных (5 тыс. постоянных и 1 тыс. запасных): 501, 1001, 1501, 2001 судей, состав которой в процессе зависел от категории рассматриваемых дел и определялся только в день суда жеребьевкой. Никто из присяжных заранее не знал, когда будет призываться в заседание, и, таким образом, государственная власть исключала возможность подкупа судей или их предварительного сговора между собой, т.е. боролась с коррупцией. Установленный порядок отбора присяжных в судебное заседание служил гарантом объективности рассмотрения дела и справедливости решения суда. Процесс был открытым и гласным. По окончании судебного разбирательства присяжные принимали решение посредством тайного голосования камушками. Белые и цельные камушки определяли невиновность подсудимого, черные или просверленные свидетельствовали о виновности. После публичного подсчета камушков объявлялись результаты голосования [3, с. 6–7]. Таким образом, голосование присяжных в Древней Греции являло сумму отдельных решений и было основанием для определения меры наказания виновному.

В Древнем Риме, также как и в Древней Греции, основной функцией правосудия оставалась охрана общественной жизни путем защиты частных и публичных интересов. Суд присяжных в Древнем Риме возник во II–I веках до н.э. в форме суда постоянных комиссий. Его компетенцию составляли дела по должностным обвинениям и тяжким уголовным преступлениям (например, такие составы преступлений как взятка, выступления против публичного правопорядка). Это новая коллегиальная форма судебного процесса осуществлялась постоянными комиссиями – квестиями (название от *quaestio* – исследование, рассмотрение), особенностью которой было необязательное присутствие всех присяжных на момент голосования. Процедура голосования регламентировалась защитой открытым порядком жеребьевкой. Со II в. голосование стало тайным посредством таб-

личек, на которых присяжный оставлял запись: освобождаю, осуждаю (или приговариваю), истина не установлена. Претор подсчитывал число одинаковых надписей (голосов) и объявлял результаты. Обвиняемый считался оправданным в случае, если в его пользу подавалось более 50 % голосов или их равенстве. При вынесении обвинительного приговора, осужденный передавался исполнителям наказания, а в случае осуждения к смертной казни – ликторам [3, с.7–10]. Приговор обжалованию не подлежал.

Во Франции суд присяжных впервые возник вследствие судебной реформы 829 г. короля Людовика Благочестивого [9, с. 4]. После норманнского вторжения 1066 г. был перенесен в Англию, где трансформировался в важную составляющую английского судопроизводства. Юридически закреплён в 1215 г. Великой Хартией Вольностей, которая относится к действующим конституционным актам Великобритании. Статья 39 Хартии установила: «Ни один свободный человек не будет задержан или заключен в тюрьму, или лишен имущества, или объявлен вне закона, или изгнан, или как-нибудь иначе обездолен, и мы (король) не пойдем на него и не пошлем на него иначе как по законному приговору равных ему и по законам страны» [10, с. 136].

Институт присяжных стал средством привлечения английских подданных к исполнению правосудия по уголовным и гражданским делам. По старинным британским обычаям он рассматривался как право на защиту обвиняемого, отрицавшего свою вину. В 1400 г. в английском праве сформулировалось правило, которое действует и соблюдается в XXI в.: присяжные остаются пассивными во время слушания дела и выносят решение непосредственно на основании фактов, оглашенных в судебном разбирательстве. С 1670 г. установилась независимость суда присяжных от монарха и от королевских судов. С 1700 г. в работе суда присяжных сформировалось правило, не утратившее юридической силы в наши дни: выносимое по делу решение принимается только на основании сведений, полученных судом, и представленных в судебном заседании. Окончательно суд присяжных эволюционировал в современный институт – в «суд факта» в конце XVIII в. [4, с. 6–8], когда присяжные получили право рассматривать вопросы виновности подсудимого в полном объеме.

Континентальная Европа внедрение основных принципов производства суда присяжных начала с конца XVII – начала XVIII в. Пионером стала Франция, которая существенно изменила английскую модель судопроизводства, и получила собственную модель суда присяжных. Декрет 1790 г. «О судебной организации» заложил основы нового демократического правосудия, в котором учреждались основы судопроизводства при помощи народа и для народа (ассизы). Эта модель суда присяжных закрепилась в Европе вследствие успешных наполеоновских войн. По мере завоеваний Наполеона I «суд присяжных был воспринят почти повсюду в странах континентальной Европы» в Бельгии, Швейцарии, Голландии, Италии, Испании, Пруссии, закреплён в УПК Германии 1877 г. [5, с. 31].

В России институт присяжных был создан в 1864 г. Судебными уставами. За основу была взята французская модель суда ассизов. В результате октябрьского государственного переворота институт суда присяжных был ликвидирован до 1993 г.

Анализ эволюции суда присяжных в Европе свидетельствует, что он начал формироваться вместе с формированием государства, развитием в нем судебной власти; основная его функция – предоставление обвиняемому права быть судимым себе равными, чтобы, приговор суда представлялся «как бы его собственным приговором над самим собой» [2, с. 106]. Суд присяжных явился разновидностью модели суда с участием представителей общественности, в котором порядок формирования коллегии заседателей, ее состав, категория дел, порядок их разрешения, принятие решения (вердикта) направлены на соблюдение прав человека, обеспечение справедливого решения – как с точки зрения обвиняемого, так и общества.

Список литературы:

1. Конституция РФ, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (ред. от 21.07.2014) // Рос. газ. 1993. 25 декабря.
2. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: ИНФРА-М, 2004.
3. Боботов С.В., Чистяков Н.Ф. Суд присяжных: история и современность. М., 1992.
4. Бурый А., Таратула Р., Тополевский Р., Тополевская Л. Международный опыт деятельности институтов мирового судьи, суда присяжных, народных заседателей и предложения к его правоприменению в Украине. Львов: Право и демократия, 2009.
5. Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. М.: Зерцало-М, 2002.
6. Ковалев Н. В поисках независимого и беспристрастного суда присяжных в Казахстане // Юрист. 2005. № 2.
7. Кондратчик А.Л. Английский суд присяжных: исторические корни и эволюция // Сов. государство и право. 1991. № 6.
8. Курс уголовного судопроизводства права И.В. Фойницкого. Т. 1. СПб, 1884.
9. Ларин А.М. Из истории суда присяжных в России. М., 1994.
10. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: учеб. пособие / сост. В.Н. Садиков. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2007.

**Клименко Екатерина Петровна,
Мовсисян Анна Маратовна,**
Таврическая академия
Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского

Международно-правовая регламентация прав больных ВИЧ/СПИДом

Актуальность исследования обуславливается высоким распространением ВИЧ/СПИДа на сегодняшний день и необходимостью предпринять меры для защиты прав больных СПИДом, а также тех, кто еще не знает свой ВИЧ-статус, но находится в группе риска.

Правовым фундаментом в сфере регулирования прав лиц, живущих с ВИЧ/СПИДом, стали международно-правовые акты, принятые еще в XX в. Итак, обратимся к ним.

27–30 ноября 1989 г. в Париже Международной конференцией о последствиях СПИДа для здоровья матерей и детей была принята Парижская декларация «Женщины, дети и синдром приобретенного иммунодефицита (СПИД)». Участники декларации обратились с призывом ко всем правительствам обеспечивать такое положение, при котором тестирование на ВИЧ предлагалось бы женщинам и детям как неотъемлемая, но добровольная часть программ здравоохранения, включая консультационные услуги и другую психологическую помощь, при должном соблюдении конфиденциальности. Кроме того, была определена необходимость содействовать безопасному материнству для всех женщин и обеспечивать предоставление женщинам, инфицированным ВИЧ, надлежащей информации, а также доступа к службам здравоохранения, включая службы планирования семьи, консультационное обслуживание и другую психологическую помощь, с тем, чтобы они могли принимать осознанные решения относительно деторождения. Помимо вышеуказанных рекомендаций, в декларации отмечалась необходимость предоставления и доступности медико-санитарной помощи, включая лечение, а также других социальных и вспомогательных служб для женщин и детей, инфицированных ВИЧ, включая рекомендуемые прививки [1].

Еще одним немаловажным документом является Декларация прав ВИЧ-инфицированных и больных СПИДом людей, принятая в Великобритании, в 1991 г. Данный документ направлен на обеспечение следующих прав ВИЧ-инфицированных и больных СПИДом людей: свобода и безопасность; частная жизнь; свобода передвижения; трудоустройство; жилье, питание, социальная защита, медицинская помощь и социальное обеспечение; право вступать в брак и создавать семью; образование [2].

Следующий нормативно-правовой акт, посвященный проблематике нашего исследования, именуется Австралийская декларация прав людей, инфицированных ВИЧ и больных СПИДом. Она была подписана Нацио-

нальной ассоциацией лиц, инфицированных ВИЧ и больных СПИДом в 1991 г. Этот документ устанавливает ответственность правительства, международных агентств, сервисных служб, частных предприятий, профсоюзов, СМИ, медицинских учреждений, школ, религиозных учреждений, чтобы гарантировать, что права людей, живущих с ВИЧ, находятся под защитой. Австралийская декларация определяет права, которые должны предоставляться людям с ВИЧ/СПИДом: право на свободу и личную безопасность; право на неприкосновенность частной жизни; право на жилище, питание, социальное обеспечение, медицинскую помощь и социальное благосостояние; право на полную и доставляющую удовлетворение сексуальную жизнь; право на защиту закона и защиту от дискриминации; право на свободу передвижения; право на труд; право на выбор семьи; право на образование. Документ устанавливает обязанность правительств разработать кодекс прав ВИЧ-позитивных людей и определяет принципы, которые должны войти в него [3].

Перейдем к еще одному документу, регламентирующему права ВИЧ-положительных пациентов. Во всемирный день борьбы со СПИДом, 1 декабря 1992 г., была принята Хартия прав лиц с ВИЧ-инфекцией и СПИДом южноафриканской Ассоциации по борьбе со СПИДом. В ней изложены те основные права, которыми все граждане пользуются или должны пользоваться, и в которых не должно быть отказано лицам, больным ВИЧ-инфекцией или СПИДом, а также некоторые обязанности. Такими правами являются: свобода, независимость, личная безопасность и свобода передвижения; конфиденциальность и приватность; тестирование; образование по вопросам ВИЧ и СПИД; занятость; медицинские и вспомогательные услуги; доступ к СМИ; страхование; наличие гендерных и сексуальных партнеров; защита заключенных [4, с. 79–82].

Одним из источников закрепления прав лиц, имеющих положительный статус ВИЧ, являются рекомендации Комитета министров Совета Европы. Например, Рекомендация № R (93) 6 Комитета министров Совета Европы государствам-членам относительно тюремных и криминологических аспектов борьбы с инфекционными заболеваниями, включая СПИД и связанными с ним проблемами со здоровьем в тюрьме, принята 18 октября 1993 г. на 500-м совещании заместителей министров. Документ содержит перечень прав и гарантий для людей, заболевших СПИДом в местах лишения свободы или до помещения туда, а также после освобождения.

Совет Европы рекомендует, чтобы на каждом этапе ВИЧ/СПИД-инфекции, заключенным предлагалось то же медицинское и психологическое лечение, как и другим членам общества. В целом, содержащиеся под стражей должны иметь доступ к медицинским услугам, которые эквивалентны другим членам общества. Кроме того, поскольку обособление, изоляция и ограничения по роду занятий, спорту или отдыху не считаются необходимыми для ВИЧ-позитивных людей в обществе, такой же подход должен быть применен по отношению к ВИЧ-позитивным заключенным.

Рекомендация коснулась и права на защиту информации. Так, отмечается, что предоставление сведений о ВИЧ / СПИД статусе, как правило, не считается необходимым. Информация о здоровье заключенных является конфиденциальной. Раскрытие информации должно следовать тем же принципам, что и те, которые применяются в обществе в целом. Насколько это возможно, заключенным с заболеванием ВИЧ на последней стадии должна быть предоставлена возможность досрочного освобождения и надлежащего лечения вне тюрьмы.

Выделяется особая группа прав и привилегий, которая распространяется на беременных женщин. Так, ВИЧ-положительные беременные заключенные должны получать уход и эквивалентную помощь, какая предоставляется женщинам за пределами тюрьмы. Они должны иметь как можно больше информации, насколько это возможно о рисках заражения будущего ребенка и, если это предусмотрено национальным законодательством, иметь возможность добровольного прерывания беременности [5].

Заключительным актом, к которому мы обратимся в ходе нашего исследования, является Малайзийская хартия борьбы со СПИДом: равные права, равные обязанности, 1995 г. В данном документе закрепляются права и обязанности ВИЧ-инфицированных лиц. Устанавливается, что все лица, затронутые ВИЧ/СПИДом, имеют право на лечение, заботу, внимание, уважение и достоинство без какой-либо дискриминации. Люди, живущие с ВИЧ, имеют право вступать в брак при условии, что до брака, о ВИЧ статусе известно партнеру и для пары проведено добрачное консультирование, направленное на рассмотрение специальных вопросов. В свою очередь, согласно Хартии одной из обязанностей является сообщить супругу или сексуальному партнеру о своем ВИЧ статусе. Предлагается сделать доступным надлежащее и эффективное консультирование, чтобы позволить таким парам сделать осознанный выбор в отношении их репродуктивной роли. Все люди, живущие с ВИЧ, имеют такое же право на жилье, как и любой другой человек. Аренда не должна быть прекращена на основании ВИЧ-статуса человека или ВИЧ-статуса члена его семьи. Не должно быть никаких ограничений в возможности передвижения человека исключительно на основе его ВИЧ-статуса.

Раздел 3 Хартии устанавливает права и обязанности медицинских работников. Они имеют право оставить свой ВИЧ-статус конфиденциальным. Раздел 4 документа закрепляет права и обязанности в отношении занятости. Так, никто не должен быть обязан проходить тест на ВИЧ или обязан раскрыть свой ВИЧ-статус в качестве предварительного условия для трудоустройства. Раздел 5 Малайзийской хартии очерчивает круг прав и обязанностей в отношении образования. Все лица, пострадавшие в результате ВИЧ/СПИДа, должны иметь равный доступ к школам и образовательным учреждениям. Раздел 6 посвящен правам и обязанностям в тюрьмах и центрах содержания под стражей – тестирование на ВИЧ должно быть доступно для всех заключенных. Оно должно быть добровольным и только с информированного письменного согласия после предварительно-

го тестирования. В разделе 7 «Другие действия» отмечена необходимо принять законодательство против выселения арендодателем арендатора исключительно на основе ВИЧ-статус [6].

Проведенные исследования позволяют сделать вывод о том, что регламентация прав больных ВИЧ/СПИДом осуществлялась в ходе принятия различных международно-правовых актов, например: Парижской декларации 1989 г., Декларации прав ВИЧ-инфицированных и больных СПИДом людей 1991 г., Австралийской декларации прав людей, инфицированных ВИЧ и больных СПИДом 1991 г., Хартии прав лиц с ВИЧ-инфекцией и СПИДом 1992 г. и др. Данные международные нормативно-правовые акты закрепляли такие права больных СПИДом, как право на свободу, независимость и личную безопасность, свободу передвижения, медицинские и вспомогательные услуги, конфиденциальность и приватность, тестирование, обучение и образование, брак и создание семьи, доступ к СМИ, страхование, защиту в случае помещения в места лишения свободы и др.

Список литературы:

1. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/parisdec.shtml (дата обращения: 11.12.2016).
2. URL: <http://www.likar.info/...> (дата обращения: 11.12.2016).
3. URL: <http://aep.lib.rochester.edu/node/42488> (дата обращения: 11.12.2016).
4. The AIDS Consortium. Critic Health. 1992. № 40.
5. URL: https://bip.ms.gov.pl/Data/Files/_public/bip/prawa_czlowieka/zalecenia/936.pdf (дата обращения: 11.12.2016).
6. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---ilo_aids/documents/legaldocument/wcms_117355.pdf (дата обращения: 11.12.2016).

Колюка Николай Николаевич,

кандидат юридических наук,

Крымский юридический институт (филиал)

Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Некоторые аспекты участия прокурора в административном судопроизводстве

Положения Конституции РФ, которые признают высшей социальной ценностью человека, его права и свободы определяют направления современных процессов развития России как демократического, правового и социально-ориентированного государства.

В современных условиях идет активная работа по разработке и принятию новых современных нормативных правовых актов, совершенствованию законодательства, приведению его в соответствие с международными стандартами, разработке и внедрению соответствующих механизмов взаимодействия государства, его органов с гражданами. Тем менее, сегодня одной из важнейших является проблема совершенствования юридических гарантий обеспечения и реализации прав и свобод граждан в их взаимоотношениях с субъектами, осуществляющими государственные или иные публичные полномочия.

С принятием КАС РФ конституционный тезис о том, что государство обязано признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ) практически начал выполняться путем осуществления административного судопроизводства по рассмотрению и разрешению административных дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений в новом, современном формате.

Эффективность реализации механизма осуществления правосудия по данной категории споров, безусловно, зависит от уровня правовой регламентации прав и обязанностей участников административного судопроизводства, соблюдения баланса между интересами конкретного гражданина и государства.

Важное место в юридическом механизме обеспечения прав и свобод граждан в административном судопроизводстве занимают органы прокуратуры. Анализ правоприменительной практики показывает, что прокуратура была и остается «действенным рычагом» обеспечения законности в деятельности органов исполнительной власти, должностных лиц всех уровней, обеспечения правовой защищенности граждан и надлежащего функционирования всех звеньев государственного механизма.

Практика показывает, что сегодня нарушения прав и свобод граждан в сфере взаимоотношений с органами государственной власти достаточно распространенное явление. При этом одним из эффективных средств предупреждения и пресечения таких нарушений является деятельность органов прокуратуры. В значительной степени указанное обуславливает актуальность вопросов, связанных с определением теоретических, правовых и организационных основ участия прокурора в административном судопроизводстве, реализации его полномочий в нем.

Отметим, что полномочия прокурора в административном судопроизводстве предусмотрены ст. 39 КАС [1]. Прокурор вправе обратиться в суд с административным иском в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов РФ, субъектов РФ, муниципальных образований, а также в других случаях, предусмотренных федеральными законами. Административное исковое заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина, являющегося субъектом административных и иных публичных правоотношений,

может быть подано прокурором только в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд.

Прокурор в административном судопроизводстве пользуется процессуальными правами и несет процессуальные обязанности административного истца (за исключением права на заключение соглашения о примирении и обязанности по уплате судебных расходов), а также обязанность по уведомлению гражданина или его законного представителя о своем отказе от поданного им в интересах гражданина административного иска.

Частями 5, 6 ст. 39 КАС предусмотрены последствия отказа прокурора от заявленного административного иска в интересах неопределенного круга лиц и в интересах гражданина. Защита прав, свобод и интересов неопределенного круга лиц гарантирована также в случае отказа прокурора от заявления, производство по делу в таком случае продолжается и подлежит прекращению только в случае добровольного исполнения требований ответчиком.

Список литературы:

1. Кодекс административного судопроизводства РФ от 08 мар. 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

Коноплева Анна Алексеевна,
кандидат философских наук,

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Свобода творчества человека в контексте современных проблем антропологии

В своем послании Федеральному Собранию (1 декабря 2016 г.) Президент РФ В.В. Путин наметил приоритетные задачи и перспективные направления работы. Примечательно, что среди вопросов в области экономики, медицины, международных отношений, особое место было отведено развитию духовной сферы. Повышенное внимание к проблеме развития человека, становление его как личности, осознающей важность соблюдения норм морали, уважение другого – вопросы, которые уже долгое время не теряют своей актуальности. Внимание главы государства было обращено на «особенность нашей культуры», которой свойственно остро реагировать на несправедливость и неправду [1].

Именно в контексте осмысления категории справедливости и принципа правдолюбия принято анализировать национальный характер полиэтнического народа России. Другим важнейшим принципом, востребованность которого обусловлена скорее историческими процессами, является

стремление к свободе. Учитывая утопичность идеи абсолютной свободы личности, данная ценность не перестает быть актуальной. Однако на сегодняшний день в условиях девальвации духовных ценностей и падения морали ни одно из проявлений свободы не должно рассматриваться вне контекста, подразумевающего необходимость осознания ответственности [2]. Данный тезис касается в том числе и конституционного принципа свободы творчества.

Статья 44 Конституции РФ закрепляет, что «каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания» [3]. В свою очередь, под творческой деятельностью понимается «создание культурных ценностей и их интерпретация» [4].

Современный человек отдает приоритет свободе, которая в обыденном сознании воспринимается как независимость от всего, кроме собственного желания, в т.ч. и морали, религии, потребностей, чужого мнения и т.д. Однако, опираясь на идеи Г. Гегеля, следует отметить обусловленность свободы необходимостью, которая основывается на действии разума [5]. И в наши дни творчество относится к интеллектуальной деятельности. Наличие в творчестве интеллектуального элемента подчеркивает неотъемлемость и необходимость рефлексии.

Творчество в контексте современных проблем антропологии, с одной стороны – путь обретения свободы, с другой – как раз и есть ее проявление. Однако само понятие творчества в юридической практике сводится лишь к продукции или репродукции культурных паттернов. В классическом философском контексте творчество – это и процесс, и результат создания чего-то нового, уникального. Идея о возможности репродуктивного творчества появилась лишь у мыслителей постмодерна. В итоге человек может не только созидать, но и интерпретировать уже созданное ранее. В этом заключается особая опасность. Современный человек перестает быть «человеком творческим» и превращается в «человека интерпретативного». Яркое подтверждение этому – создание, т.н. ремейков классических произведений, съемки «сиквелов», пользующиеся особой популярностью.

Кроме этого, так называемая эпоха «пост-постмодернизма» неразрывно связана с эпатажем, коммерциализацией всех сфер жизни, что заставляет задуматься о подлинном смысле творчества. Массовая культура сегодня не заставляет человека развиваться, а скорее наоборот – стремится к доступности для каждого, тем самым опуская свой уровень [6]. В этом контексте нельзя не согласиться с утверждением Президента РФ, что «и в культуре, и в политике, в СМИ и в общественной жизни, в полемике по экономическим вопросам никто не может запретить свободно мыслить и открыто высказывать свою позицию» [1]. Однако нельзя забывать и о принципе ответственности. Это предусмотрено в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ: «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены феде-

ральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [3].

Будучи государством, в котором на конституционном уровне запрещена цензура [3], в РФ должен осуществляться поиск других механизмов, способных обеспечить духовное развитие граждан, и в тоже время создать рамки для творчества.

Анализируя ментальные особенности и исторический опыт, с одной стороны, «аналогом цензуры на обыденном уровне можно считать общественное мнение, в основе которого авторитет и традиции» [7, с. 89], с другой – грамотная и глубокая критика, лишенная субъективности. Это обеспечит развитие личности, повысит уровень понимания, научит человека правильно интерпретировать информацию, при этом, в отличие от цензуры, не замедляя социокультурное развитие, а наоборот – осуществляя поиск новых форм.

С позиции юриспруденции, исследователями предлагается уточнить на законодательном уровне понятие творчества [8], однако с точки зрения современных проблем антропологии и разносторонности человеческой активности, идея создания исчерпывающего перечня того, что является творчеством, вряд ли воплотима в полной мере. Более того, международное законодательство также не предоставляет исчерпывающего перечня творческих проявлений. В любом случае, лишь государство способно легитимно ограничить творческую свободу, исходя из контекста и социальной значимости.

Учитывая глубокий философский смысл рассматриваемой проблемы, решение ее средствами одной лишь юриспруденции невозможно. Творчество является эффективным индикатором нравственного состояния общества и личности. Именно в творчестве человек ощущает себя свободным.

В свободном от цензуры обществе единственный способ обеспечить контроль над творческой сферой – сформировать вкус у зрителя, а это возможно лишь в том случае, когда искусство создает идеал, к которому зритель должен стремиться.

Список литературы:

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.12.2016.
2. Буткевич С.А. Организационно-правовые аспекты охраны общественного порядка (по материалам Республики Крым) // Вестн. Белгород. юрид. ин-та МВД России. 2015. № 1.
3. Конституция РФ, принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (ред. от 21.07.2014) // Рос. газ. 1993. 25 дек.
4. Основы законодательства РФ о культуре: Закон от 9 окт. 1992 г. № 3612-I (ред. от 28.11.2015) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 46. Ст. 2615.

5. Чудина-Шмидт Н.В., Пономарев С.А. Правовая культура как регулятор экстремального поведения // Развитие государственности и права в Республике Крым: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: КрУ МВД России, 2016. С. 147–149.

6. Коноплева А.А. Коммуникативное пространство современного искусства // Учен. зап. Кривск. фед. ун-та им. В.И. Вернадского, 2013. Т. 26. № 4 (65). С. 233–238.

7. Левченко И.Е. Цензура как социокультурный феномен // Социологические исследования. 1996. № 8.

8. Дубровин Ю.Д. Конституционное право на свободу творчества // Культура: управление, экономика, право. 2014. № 1.

Коноплев Вячеслав Вячеславович,
доктор юридических наук, профессор,
Таврическая академия
Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского

Некоторые аспекты правового регулирования гарантий социальной защиты граждан, принимающих участие в охране общественного порядка (на материалах Республики Крым)

Бесконтрольное распространение, начиная с ноября 2013 г., политического кризиса на Украине привело к историческому событию, которое связано с вхождением Республики Крым в состав РФ. Этому событию предшествовали масштабные общественно-политические изменения в регионе, в ходе которых местные органы власти поддерживали решение премьер-министра Украины о приостановлении процесса евроинтеграции и призывали жителей Крыма укреплять связи с РФ. Неконституционное отстранение Президента Украины и дальнейшие действия оппозиции вызвали резкую активность политических сил в Крыму. Благодаря поддержке России и, несмотря на попытки внешнего противодействия, в сжатые сроки был проведен общекрымский референдум о статусе Республики Крым, по итогам которого 97 % населения полуострова высказались за вхождение Крыма в состав РФ.

Начиная с февраля 2014 г., криминогенная обстановка в Республике Крым значительно ухудшилась. Это, прежде всего, было вызвано несколькими обстоятельствами, в частности: продолжавшимися несколько месяцев массовыми беспорядками в г. Киеве, возникшей реальной опасностью «перемещения» радикально и националистически настроенных групп граждан на территорию полуострова, которые действовали дерзко и решительно, развернувшейся кампанией захватов административных зданий в ряде регионов Украины, полной деморализацией личного состава правоохранительных органов.

Данная ситуация обусловила создание народного ополчения (Самообороны Крыма), в состав которого вошли представители партии «Русское единство», «Русская община Крыма», казачества и организаций ветеранов-афганцев. Данное объединение приняло активное участие в мартовских событиях и стало общественным объединением по содействию ОВД в охране общественного порядка.

После присоединения Крыма к РФ одним из вопросов, который требовал быстрого решения, был связан с узаконением деятельности данного общественного формирования. В этой связи Государственным Советом Республики Крым 17 июня 2014 г. был принят Закон Республики Крым № 22-ЗРК «О Народном ополчении – народной дружине Республики Крым», который устанавливает правовые основы и принципы деятельности Народного ополчения – народной дружины Республики Крым, определяет ее организационную структуру и систему управления, обязанности, права и ответственность народных ополченцев – народных дружинников, а также гарантии их правовой и социальной защиты [1].

Отметим, что основные положения указанного нормативного правового акта были основаны на положениях Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка». Данный Федеральный закон закрепляет основы социальной защиты народных дружинников и внештатных сотрудников полиции. Установлено, что органы государственной власти и органы местного самоуправления за счет средств соответствующих бюджетов могут осуществлять материальное стимулирование деятельности народных дружинников. Органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления могут предоставлять народным дружинникам во время исполнения обязанностей народного дружинника проездные билеты на все виды общественного транспорта городского, пригородного и местного сообщения (за исключением такси) в пределах территории муниципального образования.

Народным дружинникам и внештатным сотрудникам полиции по месту работы предоставляется ежегодный дополнительный отпуск без сохранения заработной платы продолжительностью до десяти календарных дней. Кроме того, данной категории граждан может выплачиваться вознаграждение за помощь в раскрытии преступлений и задержании лиц, их совершивших.

Органы государственной власти и органы местного самоуправления Республики Крым как субъекта РФ могут осуществлять личное страхование народных дружинников на период их участия в проводимых ОВД (полицией) или иными правоохранительными органами мероприятиях по охране общественного порядка, устанавливать дополнительные льготы и компенсации для народных дружинников, гарантии правовой и социальной защиты членов семей народных дружинников в случае гибели народного дружинника в период участия в проводимых ОВД (полицией) или

иными правоохранительными органами мероприятиях по охране общественного порядка, а также использовать иные формы их материальной заинтересованности и социальной защиты, не противоречащие законодательству РФ [2].

В свою очередь, ст. 13 Закона Республики Крым «О Народном ополчении – народной дружине Республики Крым» закрепляет, что гарантии социальной защиты народных ополченцев – народных дружинников устанавливаются Советом министров Республики Крым [1].

Как мы видим, данная норма является бланкетной, т.е. отсылает к иным нормативным правовым актам. Такой способ нормотворческой техники может быть использован, но, по нашему мнению, – не при определении гарантий социальной защиты. В связи с указанным, предлагаем внести дополнения в Закон Республики Крым «О Народном ополчении – народной дружине Республики Крым» в части конкретизации положений относительно определения гарантий социальной защиты народных ополченцев – народных дружинников, а именно: определения порядка материального стимулирования, порядка предоставления дополнительного отпуска, дополнительных льгот и различных компенсаций.

Список литературы:

1. О Народном ополчении – народной дружине Республики Крым: Закон Республики Крым от 17 июня 2014 г. № 22-ЗРК // Газ. «Крымские известия» от 19 июня 2014 г. № 123.
2. Об участии граждан в охране общественного порядка: фед. закон от 02 апр. 2014 г. № 44-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 14. Ст. 1536.

Королькова Олеся Сергеевна,
Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ

Экологическая справедливость как один из принципов обеспечения прав и свобод человека и гражданина

Термин «экологическая справедливость» возник как понятие в США в начале 1980-х годов. Этот термин имеет два различных применения. Первый и более общий описывает общественное движение в США, в центре внимания которого на справедливое распределение экологических благ и возможностей. Во-вторых, это наука, которая включает в себя (но не ограничивается) теорию окружающей среды, теорию справедливости, экологическое право и управление, экологическую политику и планирование, развитие, устойчивость и политическую экологию [5].

Для того чтобы определиться с термином «экологическая справедливость» в России, необходимо определить сущность понятия справедливости с точки зрения экономики, права, политики и т.д. Если, например, обратиться к данному определению, которое дано в экономическом словаре, то мы увидим, что справедливость характеризуется как – распространение на экономические отношения принципов морали, чести, права, закона, а также соблюдение общечеловеческих ценностей [10]. При определении понятия справедливости с правовой точки зрения, необходимо сказать о том, что данный термин не закреплён ни в одном нормативно-правовом акте, но изучается многими учеными, которые в качестве предложений по устранению пробелов в законодательстве предлагают ввести его как один из главных принципов в сфере экологии [6, с. 85–88].

Раскрывая сущность категории справедливости, И.Б. Глушкова [3, с. 7–11] приходит к выводу, что понятие справедливости шире понятия права, т.к. представления о справедливости формируются на всех уровнях сознания и присутствует во всех его формах и касается различных явлений жизни общества, которое в свою очередь много оформляется в виде чувств, идей и т.д. А также даёт формулировку такого понятия как «юридическая справедливость», характеризуя его в виде инструмента распределения прав и обязанностей субъектов процессуального права. На наш взгляд, можно согласиться с мнением указанного автора, ведь действительно понятие справедливости пронизывает все сферы общественных отношений человека и гражданина. Н.Н. Вопленко также в своём научном труде даёт определение юридической справедливости, раскрывает это понятие и характеризует его виды (компенсационная, процедурная справедливость и др.) [2, с. 7–17]. Н.Н. Вопленко и И.Б. Глушкова приходят к единому мнению о том, что юридическая справедливость должна ассоциироваться в первую очередь с правоприменительной деятельностью.

Справедливость выступает фундаментальной правовой ценностью, само название юриспруденции образовано от латинского «*jus*» или «*iūs*», что означает справедливость. В России с древнейших времен правда-справедливость выступала важнейшей морально-нравственной и правовой ценностью [4, с. 9–12].

Говоря о политической составляющей понятия справедливости, безусловно, можем сказать о том, что любые отношения распространяют свое действие на политические отношения, политический процесс государства, что в свою очередь может повлечь неблагоприятные последствия как для нашей, так и для другой политической системы. Ученые рассматривают справедливость как объект познания в политической науке, т.е. политическая справедливость, политического режима, государственной власти и т.д. [7, с. 75–80].

Таким образом, можем сделать вывод, что категория «справедливость» рассматривается многими учеными различных сфер жизнедеятель-

ности – права, экономики, политики и т.д. И именно поэтому дать общее и единое определение справедливости, которое бы пользовалось успехом и признавалось учеными разных сфер, в настоящее время не представляется возможным.

Наиболее актуальная из всех проблем, которые стоят перед человечеством, – проблема экологии и создание гармоничной среды обитания в органическом мире. Поэтому далее необходимо разобраться что же такое «экологическая справедливость» и рассмотреть указанный термин в качестве одного из принципов обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

А.В. Прокофьев, например, рассматривает социальную справедливость и окружающую среду, рассуждает в своих трудах о том, что справедливость в экологической сфере может рассматриваться как распределение экологических благ между гражданами, т.е. каждый имеет возможность, например, оплатить собственную экологическую безопасность, покупая, скажем, экологически чистую продукцию, или потратить деньги на переезд в экологически благоприятный район, но что могут сделать такие социальные слои, которые не в состоянии приобрести такую продукцию, поскольку материально мало обеспечены и устраиваются на экологически вредную работу за отсутствием выбора. А.В. Прокофьев также приходит к выводу: «...государству, претендующему на моральную оправданность своей политики, необходимо гарантировать не только оптимальный средний уровень обеспеченности экологическими благами, но и реализацию второго аспекта экологической справедливости – честного распределения экологических благ, экологического риска и неизбежного экологического ущерба между группами граждан. Оно не должно допускать необоснованных диспропорций между любыми локальными сообществами, но в особенности между сообществами, которые не равны по своему экономическому богатству и политическому влиянию» [9, с. 64–78].

Еще одним немаловажным вопросом, а лучше сказать проблемой, остается антиэкологическая обстановка в городах, которая связана с тем, что в них вырубаются зеленые насаждения, дома «растут как грибы», что люди уже заглядывают друг друга в окна, архитектурные здания «занавешивают» рекламными щитами и т.д. О такой «городской справедливости» в своем научном труде Е.В. Карчагин выразился так: «...высокое качество городской среды сегодня заключается в развитии не только экономической и экологической составляющих, но и эстетической, культурной и социальной. Многие проблемные элементы современной ситуации в области городской жизнедеятельности в той или иной степени затрагивают проблему справедливости» [8, с. 84–91].

И.В. Богданова считает, что на сегодняшний день проблема обращения с отходами одна из важнейших экологических проблем больших и малых городов. Система обращения с отходами в сельской местности сво-

дится к самостоятельному вывозу отходов по мере их накопления за черту поселения на местные свалки и т.о. схема обращения с отходами обрывается еще на этапе сбора отходов. И это влечет за собой вопрос об экологической справедливости решений по размещению полигонов: почему жители города должны делить рекреационные территории со свалками, а жители сельских поселений и вовсе лишены системы обращения с отходами? Так экологическая справедливость должна проявляться не только на уровне условий равномерного распределения экологических выгод и потерь в глобальном масштабе, но и в смысле признания значения экологической составляющей прав человека на уровне отдельных сообществ [1].

Экологическую справедливость можно рассматривать не только в контексте теоретического ее осмысления, но и с точки зрения норм процессуального (правоприменительного) права. Здесь речь идет о том, что к лицу, совершившему экологическое преступление, меры уголовно-правового характера должны быть справедливыми, т.е. соответствовать характеру и степени общественной опасности, также обстоятельствам его совершения и личности виновного. Следовательно, можно сказать о справедливости применения наказания.

Изучив некоторые труды указанных выше ученых, можно прийти к выводу, что понятие справедливости тесно связано с равенством прав и обязанностей человека и гражданина в определенных сферах его жизнедеятельности. Тем не менее, не следует жестко увязывать справедливость с равенством прав и свобод, основаниями ответственности, равенством перед законом и судом. Ведь в правовой системе любого современного государства имеется дифференциация регулирования по многим социально значимым вопросам (например: уязвимые категории граждан). Такая дифференциация отражает ценность справедливости [4, с. 9–12].

Экологическая справедливость – это своего рода обеспечение высокого качества жизни для всех людей на Земле и включает в себя обязанность соблюдения интересов конкретных лиц и их групп при принятии экологически значимых решений, достижение баланса интересов, а также недопущение решения существующих экологических проблем на социально незащищенных лиц, компенсацию ущерба и т.д.

Таким образом, экологическая справедливость, как один из основополагающих принципов обеспечения прав и свобод человека и гражданина, должен найти свое отражение в нормативно-правовых актах, регулирующих общественные отношения в сфере экологии, например, в Федеральном законе «Об охране окружающей среды».

Список литературы:

1. Богданова И.В. Экологическая справедливость в регионах и роль биопластиков в ее становлении // Региональное развитие. 2015. № 5 (9).
2. Вопленко Н.Н. Понятие и виды юридической справедливости // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруд. 2011. № 2 (15).

3. Глушкова И.Б. Сущность категории справедливости в современном правоведении // Юрид. науки. 2010. № 1.
4. Елисеев С.Г. Баланс реализации правовых ценностей равенства и справедливости как социальная и экологическая задача // Аграрное и земельное право. 2014. № 10 (118).
5. URL: <http://green-evolution.ru/enc/wiki/ekologicheskayaspravedlivost> (дата обращения: 15.11.2016).
6. Зуев В.А. Правовое регулирование становления и реализации принципа экологической справедливости в сфере обращения с отходами // Вестн. БДУ. Сер. 3. 2014. № 3.
7. Иванов В.А., Гроздилов С.В. Справедливость как объект познания политических наук // Вестн. АПК Верхневолжья. 2012. № 1 (17).
8. Карчагин Е.В. Справедливость в городе: контуры концепции городской справедливости // Социология города. 2016. № 1.
9. Прокофьев А.В. Социальная справедливость и окружающая среда // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2012. № 3.
10. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2011.

Корчагина Ксения Александровна,
кандидат юридических наук,
Ростовский юридический институт МВД России;
Туровская Виктория Александровна,
Департамент лесного хозяйства по
Дальневосточному федеральному округу

**К вопросу об обеспечении баланса конституционных ценностей
при реализации государственной политики по реформированию
системы надзора и контроля, направленной на сокращение
административного давления на бизнес-сообщество**

На протяжении нескольких лет в России реализуется государственная правовая политика по реформированию системы надзора и контроля, в т.ч. направленная на сокращение административного давления на субъекты предпринимательства. Она осуществляется посредством повышения гарантий защиты прав хозяйствующих субъектов при осуществлении государственного надзора и контроля, муниципального контроля и сокращения количества проверок. В данном докладе обозначенная политика будет рассмотрена на примере федерального государственного надзора в области защиты прав потребителей в сфере торговли.

Согласно статистическим данным Минэкономразвития России [1], с 2011 г. сохраняется тенденция последовательного сокращения масштабов

надзорной и контрольной деятельности на федеральном уровне. Так, по данным ведомства, «количество проверок, проведенных в отчетном 2015 г. федеральными органами государственного контроля (надзора), сократилось на 11,6 %» [1, с. 25]. По словам Генерального прокурора РФ Ю.Я. Чайки, «за счет последовательной реализации госполитики, принципиальной позиции прокуратуры по снижению давления на бизнес, число предложений о проверках хозяйствующих субъектов ежегодно снижается в среднем на 200 тыс. Но и из этого количества почти половина отклоняются прокурорами. Только в 2015 г. более 310 тыс. организаций, таким образом, избавлены от избыточного надзора чиновников» [2].

Вместе с тем за последние 5 лет общее количество проверок Роспотребнадзора при осуществлении им федерального государственного надзора в области защиты прав потребителей в сфере торговли также сократилось более чем на 11 %, а число плановых проверок – более чем на 35 % [1, с. 29].

Проиллюстрированная тенденция сокращения административной нагрузки на юридических лиц и индивидуальных предпринимателей гармонично согласуется с такой конституционной ценностью как свобода экономической деятельности, закрепленной в ст. 8 Конституции РФ [3]. Именно на принципе экономической свободы выстроена конституционно-правовая модель взаимодействия государственной власти и бизнес-сообщества. Разумеется, речь не идет об абсолютной свободе. Данный принцип заключается в: регламентации и возможности реализации прав граждан действовать в экономической сфере согласно своим интересам, но в рамках правового поля; понимании публичной властью недопущения излишнего государственного воздействия на хозяйствующие субъекты, в частности посредством надзора.

Авторами данного доклада ранее отмечалось [4], что в подтверждение важности вопроса сокращения административных ограничений предпринимательской деятельности, на протяжении нескольких лет ему систематически уделяется внимание в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию [5, 6] – в важнейших документах, в которых определяются основные направления внутренней и внешней политики государства.

По нашему мнению, рассматриваемая государственная правовая политика весьма оправдана. Излишнее государственное воздействие в результате надзорной деятельности, а равно и другие административные барьеры, могут стать ограничениями для входа предприятий и допуска товаров на рынок, что будет затормаживать экономический рост страны и оказывать негативное влияние на население страны, поскольку главная цель обозначенного процесса – рост благосостояния, увеличение национального богатства, уровня и качества жизни людей. Как справедливо отмечает Минэкономразвитие России, «побочным эффектом практики осуществления контрольно-надзорной деятельности являются оказание административного давления, издержки бизнеса, препятствия для развития деловой среды» [1, с. 80].

Однако в погоне за усилением прав субъектов предпринимательства важно не допустить неоправданное сужение сферы федерального государственного надзора и контроля, что может негативно отразиться на населении страны, его здоровье. В частности, сокращение количества проверок может способствовать созданию почвы для недобросовестных поведенческих практик со стороны хозяйствующих субъектов и привести к повышенным рискам для потребителей.

Конституция РФ [3] закрепляет основные права и свободы человека и гражданина, переплетающиеся с основными правами потребителей, установленными в федеральном законе «О защите прав потребителей» [7]. Например, такие конституционные права, как право на жизнь, охрану здоровья, благоприятную окружающую среду, право частной собственности тесно связаны с правом потребителей на безопасность товара для жизни, здоровья, имущества потребителя и окружающей среды; конституционное право на получение информации – с правом потребителей на получение информации о товарах и об их изготовителях (продавцах). Кроме того, ст. 45 Конституции закрепляет правовые гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина, а также государственную форму их защиты. Данной форме защиты прав потребителей посвящена глава IV Федерального закона «О защите прав потребителей».

Защита прав потребителей товаров, охрана здоровья населения посредством обеспечения безопасности реализуемой продукции занимает важное место в системе социальной и экономической политики современного государства. Исходя из положений главы IV закона о защите прав потребителей [7], одним из средств обеспечения защиты таких прав является федеральный государственный надзор в области защиты прав потребителей.

Таким образом, в настоящее время при реализации государственной политики по реформированию системы надзора и контроля, направленной на сокращение административного давления на бизнес-сообщество, наблюдается конкуренция между такими конституционно защищаемыми ценностями как: защита прав человека и гражданина (в т.ч. право на охрану здоровья) и свобода экономической деятельности. При этом такая конкуренция понимается некоторыми учеными «как столкновение (конфликт) в рамках конкретного правоотношения конституционных ценностей, регулирующих различные сферы общественных отношений» [8].

Ввиду изложенного, назрела необходимость в разрешении конкуренции между конституционными ценностями, что является нелегкой задачей. Данный вопрос – одна из важнейших и острых проблем конституционного права. Как точно подчеркивали современные исследователи, «зачастую конституционные ценности в своей практической реализации вступают между собой в конкуренцию, что подтверждается многочисленными примерами из правоприменительной практики» [8].

Исходя из норм Конституции РФ [3], можно сделать вывод о том, что среди конституционных ценностей все же существует некая иерархия. Об этом свидетельствует, в частности ст. 16, провозгласившая главенство положений главы 1 Конституции РФ – «Основы конституционного строя».

Рассматриваемые конституционно защищаемые ценности – защита прав человека и гражданина, свобода экономической деятельности, справедливо закреплены в основах конституционного строя. Ввиду отмеченного возникает вопрос: каким образом разрешать конкуренцию ценностей в данном случае? С первого взгляда, ответ прост и он содержится в ст. 2 Конституции РФ [3], в соответствии с которой «человек, его права и свободы являются высшей ценностью». С другой же стороны, основной закон страны не содержит каких-либо положений о том, что одни нормы основ конституционного строя выше по юридической силе других его норм. Более того, в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ [3] содержится следующая оговорка: «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц». Вместе с этим авторы данного доклада поддерживают ученых [9] о том, что «...при реализации Конституции является поддержание баланса и соразмерности конституционно защищаемых ценностей, целей и интересов. При этом недопустима подмена одной ценности другой или ее умаление за счет другой ценности».

Таким образом, единственный выход из сложившейся ситуации – поиск правильного баланса, тонкой грани между рассматриваемыми конституционными ценностями, а, следовательно, и поиск оптимального баланса между обеспечением прав потребителей и недопущением излишнего государственного воздействия на хозяйствующие субъекты.

Список литературы:

1. URL:<http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depgosregulirineconomy/201606070> (дата обращения: 05.09.2016).
2. URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/news-1078221/> (дата обращения: 05.05.2016).
3. Конституция РФ, принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (ред. от 21.07.2014) // Рос. газ. 1993. 25 дек.
4. Туровская В.А., Корчагина К.А. Исполнение посланий Президента РФ к Парламенту как способ зарождения новых гарантий защиты прав хозяйствующих субъектов при осуществлении государственного контроля и надзора // Рос. юстиция. 2016. № 1.
5. Послание Президента Федеральному Собранию на 2015 год. М., 2014.
6. URL: <http://importozamechenie.ru/poslanie-prezidenta-federalnomu-sobraniyu-polnyj-tekst/> (дата обращения: 15.10.2016).
7. О защите прав потребителей: Закон от 7 фев. 1992 г. № 2300-I (ред. от 03.07.2016) // Рос. газ. 1992. 7 апр.

8. Карасева И.А. Злоупотребление правом как одна из причин мнимой конкуренции конституционных ценностей // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 7.

9. Суханова А.А. Конституционные ценности современной России: иерархия и конкуренция // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2015. № 23 (378).

Костюченко Николай Иванович,
доктор юридических наук, доцент,
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

**Особенности соблюдения прав и свобод человека,
связанные с проблемами теории и практики управления
социальными системами**

Как известно важнейшими задачами социальной политики РФ являются задачи по обеспечению прав и свобод граждан, благосостояния человека и общества, равных и справедливых возможностей для развития личности. Эти задачи определены основным законом государства – Конституцией РФ. Однако их решение, с точки зрения правоприменения конституционных норм в ряде случаев желает лучшего.

Наличие этих проблем неоднократно озвучивалось на разных форумах, при этом отмечалось что, эти задачи решаются медленно и в ряде случаев недостаточно эффективно.

Основная причина такой ситуации обусловлена тем, что проблемы правоприменения конституционного права не рассматривались с точки зрения теории и практики государственного управления с использованием системно-функционального подхода. Вместе с тем эти проблемы, прежде всего, являются проблемами государства, как разновидности социальной системы. По этой причине эффективность их решения зависит не только от принятых правовых норм, но и от состояния деятельности государственных органов в разных сферах государственной деятельности.

Например, нерешенные проблемы экономических реформ привели к ситуации, когда цены на товары обще потребительского спроса близки к мировым, а оплата труда намного ниже мирового уровня. Это, безусловно, сказывается и на правоприменении норм конституционного права в части обеспечения прав граждан.

Для подтверждения этого тезиса рассмотрим конкретные примеры порядка реализации правовых норм, на основе двух статей Конституции РФ.

Так, ст. 37 Конституции РФ гласит: (1) труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию; (2) принудительный труд запрещается; (3) каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям без-

опасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы.

В ст. 41 Конституции РФ определено: каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений.

Выбор этих статей не случаен, поскольку в свете рассматриваемых проблем они наиболее рельефно отражают суть проблем взаимосвязи социального и государственного управления и проблем нормативно правового применения конституционного права.

В философском энциклопедическом словаре социальное управление определяется как: «Воздействие на общество с целью его упорядочения, сохранения качеств, специфики, совершенствования и развития есть свойство любого общества, вытекающее из его системной природы, обществ, характера труда, необходимости общения людей в процессе труда и жизни, обмена продуктами их материальной и духовной деятельности» [2].

В связи с этим для обеспечения прав граждан, закрепленных приведенными статьями конституции, необходимо воздействие государства, которое в науке управления определяется как процесс реализации функций.

В.Д. Первалов, говоря о функциях государства, отмечал, что: «Функции государства – основные направления его деятельности, выражающие сущность, социальное назначение, цели и задачи государства по управлению обществом в присущих ему формах и свойственными ему методами» К внутренним функциям государства относятся: «экономическая, социальная, обеспечения прав и свобод человека и гражданина, охраны правопорядка, стимулирование научно-технического прогресса и, информационная ...» [3].

Таким образом, права, закрепленные в указанных статьях, должны подкрепляться процессами реализации одноименных функций, обеспечивающих «право на труд», «защиту от безработицы», «охрану здоровья и медицинскую помощь».

Значение функций для государственной деятельности трудно переоценить, что отмечено многими учеными, в т.ч. и В.Д. Перваловым: «Функции государства за своей сутью объективны. Они, по общему правилу, предопределяются жизненными нуждами общества, которые и задают основные направления внутренней и внешней деятельности государства. Поэтому государство не имеет выбора, выполнять их или не выполнять. Невыполнение государством той или другой функции неизбежно вызывает цепную реакцию негативных (кризисных) последствий в общественной жизни. Если, например, государство прекратит выполнять функцию обеспечения правопорядка, то рано или поздно общество будет дестабилизировано, наступит анархия, хаос, которые ведут к его разрушению» [4].

Из этого следует, что для предотвращения нежелательных последствий, на которые указывает В.Д. Перевалов, государственным органам необходимо обеспечить оптимальную реализацию функций государства, в т.ч. и функций, которые призваны обеспечивать права граждан, закрепленных в указанных и других статьях конституции. В тоже время вопрос эффективности их реализации, с точки зрения теории и практики управления, вызывает серьезные сомнения.

Как известно достижение целей любой социальной системы, в т.ч. и государства, происходит в соответствии с детерминацией их элементов: «цели – задачи – функции – структура», однако эта общепринятая наукой управления детерминация игнорируется как в науке, так и практике управления последних лет.

Это неоднократно отмечалось учеными. Например, Н.И. Глазунова указывала, что «цели (задачи) организации обуславливают функции, а функции определяют структуру органа: «Цели – функции – структуры». Обусловленность структуры функциями, а не наоборот, как это порой бывает: создаем структурную единицу – должность, а то и целое министерство, а потом «придумываем» виды занятий» [5].

Наглядным подтверждением этого тезиса служит ситуация связанная с реализацией функции здравоохранения в части сельской медицины, которая в настоящее время практически отсутствует и вопросы о ее восстановлении подняты на уровне Президента и Правительства РФ.

В течение ряда лет основное внимание в сфере здравоохранения было сосредоточено на создании специализированных медицинских центров и клиник. Это задача здравоохранения была, безусловно, важна. Однако в силу этого было свернуто финансирование сельской медицины. При этом она была практически полностью ликвидирована.

С точки зрения теории и практики управления была сделана глобальная ошибка – нарушен порядок реализации элементов системы в соответствии с общепринятой детерминацией. Структура здравоохранения как социальной системы была реформирована без учета ее функций. При этом из поля зрения организаторов здравоохранения выпала функция медицинского обеспечения, которая была призвана обеспечить территориальный принцип реализации функции здравоохранения для малых районов и населенных пунктов. В результате значительная часть сельского населения осталась без медицинского обеспечения. Этого могло не быть, если бы система здравоохранения рассматривалась на основе «системно-функционального подхода» [6], как подсистема государства, т.е. системное явление.

Аналогичная ситуация имеет место и с «правом на труд» закрепленным ст. 37 Конституции РФ. Если мы обратимся к структуре государственных органов РФ, то мы не найдем органа, который призван обеспечить реализацию функции, призванной реализовать положения конституции относительно права граждан на труд.

Таким образом, на основе приведенных примеров и рассмотрения взаимосвязи конституционных норм и теории управления можно сделать следующие выводы: проблема теории и практики государственного управления и проблемы реализации норм конституционного права неразрывно связаны; нарушение детерминации элементов государства, как вида социальных систем, приводит к проблемам правоприменения и реализации норм конституционного права; решение этих проблем возможно на основе системно-функционального подхода, при одновременном решении взаимосвязанных проблем: оптимизации структуры государственных органов и правоприменения положений конституционного права.

Список литературы:

1. Конституция РФ, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (ред. от 21.07.2014) // Рос. газ. 1993. 25 декабря.
2. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панса. М.: Советская энциклопедия, 1983.
3. Перевалов В.Д. Теория государства и права: учеб. для бакалавров. 3-е изд. исп. и доп. М.: Юрайт, 2013.
4. Теория государства и права: учеб. / отв. ред. В.Д. Перевалов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008.
5. Глазунова Н.И. Государственное управление: учеб. для вузов. М.: Муниципальный мир, 2004.
6. Костюченко Н.И. Классификация функций социальных систем: теоретические и правовые основы: монография. Краснодар, 2016.

**Коченогов Олег Аркадьевич,
Фатыхова Кристина Рустамовна,
Кузьмин Евгений Андреевич,
Санкт-Петербургский университет МВД России**

Проблемные вопросы соблюдения прав и свобод человека и практические пути их решения

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что человек, его права и свободы, провозглашаются Конституцией РФ высшей ценностью. Однако, несмотря на закрепление на конституционном уровне приоритета прав и свобод человека и гражданина, данное положение носит, по сути, декларационный характер, поскольку государство оказалось практически не готовым обеспечить и гарантировать их полную защиту [1, с. 11].

В действительности же права и свободы человека не заняли достойного места в общественной жизни, а их нарушение носит массовый характер. Возникло взаимное отчуждение государственных структур и гражданского об-

щества. В итоге ресурсы доверия граждан к государству, его органам и должностным лицам на сегодняшний день оказались практически исчерпанными [6, с. 21].

В настоящее время российское общество постепенно приходит к пониманию важности проблем, связанных с обеспечением прав и свобод человека, поскольку именно обеспечение прав и свобод личности является основой правового государства, которое Россия стремится построить.

Права и свободы человека и гражданина, закрепленные в нормативно-правовых актах РФ, а также соответствующих международных договорах, представляют собой результат продолжительного исторического развития общественно-политической мысли. Возникновение самой идеи прав человека произошло еще в древние времена. На каждом историческом этапе развития общества и государства генезис прав человека представлял собой одну из актуальнейших проблем. При этом с каждым новым витком развития государства и общества, безусловно, происходило увеличение объема прав граждан, а также их содержательная часть.

В настоящее время права человека выступают едва ли не основной и наиболее распространенной причиной взаимодействия национальных правовых систем, унификации порядков в рамках общемирового или регионального международного правового пространства. Их принято рассматривать в качестве важнейших цивилизационных ценностно-правовых ориентиров взаимодействия государств, составляющих фундаментальную основу развития межгосударственной интеграции, в конечном счете представляющих собой принципиальные требования, распространяющиеся на государства и от выполнения которых зависит их статус и значение в соответствующем межгосударственном интеграционном процессе.

В международном сообществе особым уважением пользуются государства, способные обеспечивать права человека за счет собственного внутригосударственного механизма. Поэтому осознание на уровне мирового сообщества сущности и роли прав человека как общечеловеческой ценности определяют необходимость поиска методов и путей их надежной защиты во всех государствах. Вместе с тем следует признать, что ни одно современное государство не обладает в настоящее время механизмом, позволяющим гарантировать и защитить права и свободы человека на 100 % от всех возможных посягательств. Различные проблемы и противоречия как сохранившиеся с прежних времен, так и возникающие вновь в различных регионах мира, создают значительные преграды и трудности на пути утверждения и реализации прав человека [2, с. 34].

Говоря о соблюдении прав и свобод человека в России, следует отметить, что, занимая значительное место в деятельности всех государственных органов и являясь их конституционной обязанностью, обеспечение прав и свобод человека и гражданина, тем не менее, не представляет собой содержание деятельности большинства из них, поскольку они выполняют иные, поставленные перед ними главные задачи.

К числу важнейших органов государственной власти как субъектов обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина следует отнести Президента РФ, органы законодательной власти (Федеральное Собрание РФ), органы исполнительной власти (Правительство РФ, министерства, ведомства, службы и т.д.), органы судебной власти и прокуратуры, органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления.

Ни в коем случае не умоляя роли перечисленных выше субъектов обеспечения прав человека, остановимся несколько подробнее на некоторых проблемах и перспективах обеспечения и защиты прав человека.

Так, одной из существующих проблем с момента создания Конституционного Суда РФ является проблема неразвитости конституционного правосудия в субъектах РФ. Также существуют сложности в доступности обращения граждан в Конституционный Суд РФ, в т.ч. из-за территориальной удаленности, правовой неосведомленности, опасения обращения в суд, что влечет недостаточное обеспечение защиты прав и свобод граждан. Поэтому видится необходимым создание в каждом субъекте РФ Конституционного (уставного) Суда [1, с. 11].

Кроме того, Конституция РФ ограничивает право лиц, не являющихся российскими гражданами, на обращение в Конституционный Суд РФ, что недопустимо. Так как Россия провозглашена социальным, демократическим и правовым государством, в Конституции в качестве высшей ценности закрепляются права и свободы человека, и их признание, соблюдение и защита прав являются обязанностью государства, внесение изменения в Конституцию РФ и федеральный конституционный закон и устранение данных недостатков являются необходимым.

Не менее важной проблемой в сфере конституционного правосудия, в т.ч. в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина, является вопрос исполнения решений Конституционного Суда РФ [6, с. 23]. Во многом проблема механизма исполнения его решений имеет из-за незавершенности нормативной регламентации этой стадии конституционного правосудия; отсутствия предусмотренной ответственности за неисполнение либо воспрепятствование исполнению решения Конституционного Суда РФ; недооценкой социальной значимости его решений в обеспечении правовой стабильности и упрочении конституционного строя. В этой связи считаем целесообразным создать условия, при которых любая судебная инстанция, будь-то мировая юстиция или федеральный суд, при вынесении решений исходили не только из закона, но и из решений Конституционного Суда РФ.

И, наконец, отдельное место в правозащитном механизме отводится деятельности Президента РФ. Однако ни сама Конституция РФ, ни производимые Конституционным Судом РФ толкования ее положений, ни федеральное конституционное законодательство не формируют обстоятельного

определения понятию «президентская гарантия прав и свобод человека и гражданина». Не разработаны также и конкретные механизмы обеспечения прав и свобод человека в деятельности президента РФ [8, с. 24].

Вынуждены подтвердить и тот факт, что содержание конституционно-правовой функции Президента РФ, выступающего в качестве гаранта прав и свобод человека и гражданина, до сих пор является недостаточно раскрытой, не отражающей своего истинного содержания. По сути единственным институтом, хоть и не обладающим чрезмерным влиянием, доказывающим наличие данной функции, выступает Совет при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека [10, с. 33]. В этой связи полагаем необходимым разработать и закрепить в действующем законодательстве содержание конституционно-правовой функции Президента РФ, выступающего как гарант прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, изложенное убедительно свидетельствует о том, что в настоящее время существенный разрыв между декларируемым на уровне Конституции РФ приоритетом и фактическим положением состояния защищенности прав и свобод граждан. Вместе с тем в современном обществе должен функционировать эффективно действующий государственный механизм, который подчеркивает приоритет прав и свобод человека перед другими ценностями.

Список литературы:

1. Агарков К.Н., Агаркова Н.А. Проблемы и тенденции обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина Конституционным Судом Российской Федерации // Права и свободы человека и гражданина: актуальные проблемы науки и практики: сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. Орел: ОФ РАНХиГС при Президенте РФ, 2014.
2. Артюхов Э.Э. Правозащитная деятельность органов прокуратуры г. Санкт-Петербурга // Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение: сб. научных трудов II Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: САУ, 2016.
3. Байкин И.М. Прокуратура и Уполномоченный по правам человека в РФ // Омбудсмен. 2012. № 2.
4. Борисова Ю.А. Законодательная инициатива Уполномоченного по правам человека как способ защиты прав граждан // Органы государственной власти в системе правозащитной деятельности на современном этапе: сб. научных трудов Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2016.
5. Будаев К.А. Защита прав и свобод человека и гражданина – одна из главных задач конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 5.
6. Войде Е.Г. Деятельность государства по обеспечению прав человека и проблемы ее совершенствования // Гражданское общество в России и за рубежом. 2014. № 3.

7. Дешко Л.Н. Уполномоченный по правам человека в системе организационно-правовых гарантий прав и свобод человека и гражданина // Вестн. Моск. городского пед. ун-та. Сер.: Юрид. науки. 2015. № 1 (17).

8. Джамбулатов С.И. Участие органов президентской власти в защите прав и свобод человека и гражданина // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 3.

9. Долгих Е.А. Уполномоченный по правам человека: власть безвластного органа // Вестн. междунар. науч. конф. 2015. № 9 (13).

10. Крючкова Е.А. К вопросу о реализации статуса Президента РФ как гаранта Конституции Российской Федерации // Конституция РФ: 20 лет спустя: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 2014.

11. Синцов Г.В. Ежегодный доклад уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации как инструмент защиты прав и свобод неопределенного круга лиц // Юрид. мир. 2014. № 5.

Лебедев Семен Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ,
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Криминологические гарантии обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина

Юристам, да и вообще, большинству граждан хорошо известно, что конституция является основным законом любого государства, имеющим высшую юридическую силу. Обладая таковой, Конституция РФ провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защиту – обязанностью государства (ст. 2). Потому все мы принимаем, часто без каких-либо сомнений, тезис о том, что права человека и гражданина в нашей стране г а р а н т и р о в а н ы Конституцией России, поскольку многие ее положения прямо о том повествуют. При этом граждане и даже юристы довольно редко задумываются о том, что представляют собой именно к о н с т и т у ц и о н н ы е гарантии и можно ли их оценивать, в прямом смысле, как таковые. Между тем, внимательное прочтение текста основного закона дает повод для сомнений. Обращение к одному из основных словесных авторитетов – Толковому словарю живого великорусского языка В. Даля – дает нам понимание того, что «гарантия», в переводе с французского («garantie»), – есть «...обеспечение, ... заверение, ... безопасенье» [1]. Заметим, что словом «гарантия» одновременно обозначается и обеспечение, и безопасность. Это представляется весьма важным для последующей аргументации предмета, заявленного автором в названии статьи.

Однако вернемся к Конституции России. Специалистами в этой области конституционные гарантии рассматриваются, в основном, также в качестве предусмотренных конституцией государства условий и средств, «...обеспечивающих (выделено мной, С.Л.) беспрепятственное пользование конституционными правами и свободами и их охрану» [2]. Кстати, охрана в этом случае вполне синонимична безопасности. В тоже время изучение текста Конституции РФ с безусловным учетом этимологического и, вместе с ним, юридического смысла гарантий, как раз приводит к выводу о том, что собственно гарантий прав и свобод человека и гражданина в основном законе России нет. Так, закрепленные Конституцией РФ права и свободы человека и гражданина (глава 2) в одних случаях просто декларируются (право на жизнь – ст. 20, право на неприкосновенность частной жизни и тайну личного общения – ст. 23, право на неприкосновенность жилищ – ст. 25, право на национальную принадлежность – ст. 26, право на свободное передвижение – ст. 27, право на получение и использование информации – ч. 4 ст. 29, право на объединение – ст. 30, право на собрание – ст. 31, право участия в управлении делами государства и избирательное право – ст. 32, право на свободное обращение в госорганы – ст. 33, право на свободу своих способностей – ст. 34, право иметь в собственности землю – ст. 36, право на свободу труда и профессию, право на отдых – ст. 37, право на жилище – ст. 40, право на благоприятную окружающую среду – ст. 42, право на участие в культурной жизни – ч. 2 ст. 44, право на защиту своих прав и свобод – ч. 2 ст. 45, презумпция невиновности – ст. 49, право на возмещение вреда, причиненного государством – ст. 53, право на гражданство иностранного государства – ст. 62), в других только обозначается, что они гарантированы государством (статьи 17, 19, 28, части 1–3, 5 ст. 29, ч. 4 ст. 35, 39, 43, ч. 1 ст. 44, ч. 1 ст. 45, 46, 48), в третьих, отчасти, кратко упоминается об обеспечивающих эти права и свободы некоторых принимаемых на себя государством обязательствах и условиях (статьи 21, 22, 24, части 1–3 ст. 35, 38, 41, 47, 50, 51, 52, 54, 55, 56, 60, 61).

То есть, как таковой с и с т е м ы условий и средств, обеспечивающих соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина, Конституция России, по сути, не содержит. То же касается безопасности. Правда, безопасность все же упоминается в основном законе, однако не в связи с правами и свободами человека и гражданина, а лишь при обозначении функций государства, находящихся в федеральном ведении, причем вместе с обороной (п. «м» ст. 71), а также при упоминании об обеспечении общественной (п. «б» ст. 72) и экологической (п. «д» ст. 72) безопасности, каковые находятся в совместном ведении РФ и ее субъектов. Еще повествуется в Конституции об обеспечении государственной безопасности, инициатива разработки мер которой принадлежит Правительству РФ (п. «д» ст. 114). Справедливости ради, с определенной натяжкой, можно предположить, что относящиеся к ведению Правительства РФ и обозна-

ченные Конституцией «меры по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью» (п. «е» ст. 114) тоже должны обеспечивать безопасность, однако о ней самой в этом случае прямо не упоминается. Это же, отчасти, касается конституционной регламентации обеспечения охраны общественного порядка применительно к органам местного самоуправления (ч. 1 ст. 132). Однако и здесь о безопасности ни слова. Не находим мы упоминания о необходимости ее обеспечения даже в той части Конституции РФ, положения которой, как представляется прямо связаны с обозначенным предметом, а именно, – в главе 7, регламентирующей осуществление судебной власти.

Таким образом, с формальной юридической позиции Конституции РФ ее граждане конституционного права на безопасность не имеют. Видимо, предполагается, что оно должно быть обеспечено в рамках гарантии защиты государством всех прав и свобод человека и гражданина (ст. 46), а также реализации права человека на судебную защиту (ст. 47). Однако, как уже было отмечено ранее, содержание таких гарантий Конституция не раскрывает. Между тем, думается, что обеспечение социальной безопасности и есть, в известном смысле, главное условие соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Да и вообще, опять-таки, с точки зрения гарантий, именно обеспечение прав и свобод человека – суть обеспечение их безопасности от всяких угроз, в т.ч. криминального характера. А это уже имеет прямой криминологический смысл. Ведь, как известно специалистам-правоведам, именно криминологическое знание и, кстати, большей частью, именно оно, аккумулирует в себе систему поистине неисчерпаемой по своим масштабам научной и практической информации о лежащих в основе обеспечения безопасности прав и свобод человека и гражданина от преступных посягательств закономерностях преступности, ее причинах и условиях, личностных особенностях преступников и жертв преступлений, специфике предупреждения уголовно наказуемых деяний. Без знания таких закономерностей невозможно профессионально и квалифицированно защищать права и свободы человека и гражданина от преступлений. Тем самым криминология создает свои собственные научные гарантии соблюдения конституционных прав и свобод.

Именно безопасность во все времена и у всех народов была, есть и, видимо, еще долго будет оставаться главной проблемой, поскольку ее источником является присущий любому живому организму природный инстинкт самосохранения. Этот инстинкт естественно и всегда тревожно реагирует на возникающие вокруг него угрозы, вырабатывает собственные ответные реакции защиты, нуждающиеся в постоянной внешней поддержке. Отсюда острая тревога миллиардов людей за свое спокойное будущее заставляет государства создавать эффективные механизмы нейтрализации многочисленных социальных угроз. В этом, собственно, и состоит сущ-

ность безопасности, представляющей собой состояние защищенности жизненно важных прав, свобод, интересов людей от всяческих потенциальных и реальных угроз, в ряду которых преступность обоснованно занимает одну из лидирующих позиций. Она обладающая, не только повышенной опасностью, но и некоей универсальностью, способной проявлять себя как самостоятельно, так и в ряду других отрицательных факторов. Более того, именно она выступает объединяющей силой большинства «частных» угроз, которые нередко лежат в ее основе: конфликты, социальная напряженность, политическая нестабильность, экономические кризисы, нищета, безработица и др.

Совокупность криминальных (уголовно наказуемых) угроз безопасности людей (фактически, безопасности реализации их конституционных прав и свобод), объединяемых общим понятием «преступность», содержит в себе довольно емкий по составу набор потенциально опасных для широкого круга общественных отношений деяний. Для познания индивидуальных особенностей, сущности, закономерностей, тенденций таких разных по характеру и масштабам своего проявления, однако общих по своей губительности для прав и свобод человека и гражданина преступных посягательств криминология объединяет их в отдельные виды преступности: ювенальная преступность (преступления несовершеннолетних и молодежи); преступность в сфере незаконного оборота оружия и наркотиков; насильственная и корыстная преступность; преступность экстремистской и террористической направленности; киберпреступность; финансовая преступность; преступность в сфере незаконной миграции (включая торговлю людьми); рецидивная преступность и др. Все эти «преступности» определяются сегодня мировым сообществом в качестве приоритетных угроз международной безопасности. Между тем, у всех их – свои национальные источники, свои национальные объемы проявления, свои национальные последствия, свои ответные и предупредительные национальные реакции.

Познание криминологией всех подобных криминальных угроз безопасности личности, общества, государства в целях разработки научно обоснованных мер социально-правовой антикриминальной превенции и защиты стало предпосылкой формирования в рамках этой науки, а также в системе всего научного знания о безопасности идеи криминологической безопасности. Такая идея предопределяет перспективу развития в нашем государстве специфического правового поля безопасности с регламентацией ее криминологических аспектов, нацеленной на обеспечение государственного и общественного контроля над преступностью, процессами и явлениями, ее детерминирующими и сдерживающими. При этом, разумеется, необходимо законодательное закрепление объектов и субъектов обеспечения криминологической безопасности, их задач и функций, прав и обязанностей, ответственности за необеспечение безопасности государства, общества, личности от преступности. Такая законодательная регла-

ментация призвана создать правовую основу криминологического обеспечения безопасности России. Убежден, что начинать эту работу необходимо с создания надежной правовой основы обеспечения права каждого россиянина на безопасность от преступности, поскольку защита конституционных прав и свобод человека и гражданина, в т.ч. от преступных посягательств, выступает, в известном смысле, гарантией национальной безопасности любого государства.

Криминологическое обеспечение национальной безопасности России на единичном уровне, как защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина от преступлений, предполагает, во-первых, создание надежных криминологических гарантий недопущения (предупреждения) подобных деяний и, во-вторых, гарантий адекватного возмещения ущерба человеку, право которого на защиту от преступности нарушено преступлением. В комплексе таких криминологических по своей сути гарантий безопасности необходимо использовать любые легальные механизмы социально-правового контроля.

Широкий смысл криминологической безопасности заключается в конечном счете в недопущении проявления криминогенных (стимулирующих преступность) и собственно криминальных (проявлений преступности в конкретных уголовно наказуемых деяниях) угроз национальному спокойствию. Собственно, этим и обеспечивается криминологическая безопасность в системе национальной безопасности. Одновременно это создает надежные криминологические гарантии соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Список литературы:

1. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/гарантия>.
2. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Гарантия>.

Лощаков Дмитрий Георгиевич,
кандидат философских наук, доцент,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Правоохранительная деятельность: социально-правовой подход

Проблема различных подходов к пониманию права обсуждается в нашей литературе уже не первый год. Еще недавно, в советский период истории, однозначность связи правоохранительной деятельности с государственными интересами представлялась очевидной и неоспоримой. Однако с тех пор в жизни российского общества произошли значительные изменения. Процессы становления правового государства и гражданского общества потребовали усиления социальной направленности всей системы по-

литического управления и правового регулирования, а также нового понимания приоритетов законодательной, правоприменительной и правоохранительной деятельности.

В современной научной литературе существуют различные трактовки понятий «охрана правопорядка» и «правоохранительная деятельность», которые условно можно разделить на два подхода.

«Государственно-правовой» подход делает главный акцент на действующей системе законодательства и соответствующих государственных структурах, призванных охранять существующий правопорядок.

«Социально-правовой» подход, характерный для общественной, прежде всего, социологической науки, пытается выйти за формальные рамки сферы деятельности государственных правоохранительных органов и взглянуть на охрану правопорядка и правоохранительную деятельность с более широких социальных позиций.

Понимание деятельности по охране правопорядка как деятельности государственных структур (полиции, прокуратуры, суда, системы исполнения наказаний и др.) имеет свои глубокие причины, которые лежат в российской истории – в многовековых авторитарных традициях политического управления (самодержавие, «диктатура пролетариата», административно-командная система).

Доминирование государства над обществом, а исполнительной власти над всеми другими ее видами является характерной особенностью российской истории. Это доминирование достигло своего апогея в советское время, когда главной задачей правоохранительных органов считалась защита государственных интересов от различного рода посягательств со стороны правонарушителей. Государственные интересы при этом отождествлялись с общенародными и всегда позиционировались выше интересов отдельных граждан. Из истории мы знаем, что охрана государственных интересов в советский период периодически перерастала в войну с собственным населением – в массовые репрессии.

Сегодня мы живем уже в другом обществе, которое в своей Конституции провозгласило человека, гражданина, его права и свободы высшей ценностью, а в обязанность государства вменило признание, соблюдение и защиту этих прав и свобод. Однако прошлое не ушло безвозвратно: оно продолжает жить в сфере правоприменения в виде безусловного приоритета интересов государственного чиновника, привычного акцента на запретительные меры и столь же привычного настороженного отношения населения к сотрудникам правоохранительных органов.

Эти рудименты прошлой эпохи, безусловно, тормозят процесс модернизации российского общества, однако их нельзя ликвидировать привычными методами – применением административных мер к государственным служащим, – во всяком случае, этого будет недостаточно. Здесь требуется подход, связанный с иным уровнем взаимодействия всех участников социально-правовых отношений.

«Социально-правовой» подход к пониманию правоохранительной деятельности опирается на ряд базовых принципов, и первый из них состоит в том, что права граждан не менее значимы, чем интересы (права) государства.

Идеологи современной либеральной демократии настаивают на более жесткой формулировке – на абсолютном приоритете прав человека (гражданина, личности) по отношению к правам государства, – однако на практике мы вряд ли найдем «демократию», в которой этот принцип соблюдается неукоснительно.

Общество представляет собой сложную, иерархически выстроенную, состоящую из большого числа уровней систему, которую нельзя свести к взаимоотношениям отдельных граждан с государством. Государство во все времена выполняло общесистемные управленческие функции и в обозримом будущем никакой замены этим функциям не предвидится. Другое дело, что государственные интересы носят двойственный характер. С одной стороны, в них заложены общесистемные общественные потребности, но с другой – в них присутствуют также и узко корпоративные интересы государственных чиновников с неизбежной коррупционной составляющей.

Однако и права граждан не так просты и однозначны: помимо широко декларируемых гражданских прав и свобод отдельных граждан, они включают в себя интересы и соответствующие права многочисленных социальных общностей (профессиональных, территориальных, этнических и т.п.), а также и создаваемых ими организаций, многие из которых не чужды группового эгоизма, и даже антисоциальной направленности.

Таким образом, картина вырисовывается достаточно сложная. Сегодня даже в самых развитых западных демократиях мы имеем некоторый, постоянно воспроизводимый и нарушаемый баланс системных интересов (общественных, государственных, институциональных), корпоративных групповых интересов и интересов отдельных граждан. Современное демократическое общество постоянно ищет оптимальное сочетание, консенсус, компромисс названных групп интересов. Поиск этого консенсуса трансформируется в сфере правоохранительной деятельности в поиск оптимального сочетания, меры в реализации (охране) прав отдельных граждан, сообществ граждан и представляющих их организаций, с одной стороны, и прав государственных, системно-общественных – с другой.

Второе исходное положение «социально-правового» понимания правоохранительной деятельности состоит в том, что эта деятельность не может ограничиваться сферой государственного регулирования правовых отношений, а должна затрагивать все сферы жизни общества.

Предназначение и социальный смысл и закона и права находятся вне их самих – в тех отношениях, регулятором которых они выступают. Точно также и правовая норма не может быть реализована одними лишь государственно-правовыми (административными, регламентирующими, наказа-

тельными, ограничительными, запретительными и т.п.) средствами помимо ее экономического, социально-культурного, нравственного и т.п. обеспечения.

Эффективность действия правовых норм, безусловно, имеет свое юридическое измерение, т.е. зависит от степени проработанности действующих законов, их взаимной согласованности, от обеспеченности законов подзаконными нормативными актами, разграничения полномочий правоохранительных органов и ряда других моментов. Но в не меньшей, а иногда и большей степени, эффективность действия правовых норм определяется теми общественными отношениями, которые им сопутствуют.

Примером негативного влияния социальной реальности на действенность правовых норм может служить ситуация, имевшая место в российском обществе в первой половине 1990-х годов, когда введение новой прогрессивной шкалы налогообложения вызвало к жизни новый массовый вид правонарушений – уклонение от уплаты налогов, охватившее целые слои населения.

Конечно, можно сказать, что в приведенном примере сам закон о налогообложении страдал несовершенством и не соответствовал экономической и социальной реальности того времени. Но как быть в тех случаях, когда нужные и важные для общества законы, (например, о борьбе с коррупцией, охране окружающей среды и т.п.), реально уже существуют, но не дают ожидаемого от них эффекта? Видимо одной законодательной деятельности недостаточно, для того, чтобы эти законы начали действовать в полном объеме, – необходима политическая воля «сверху» и готовность к соблюдению этих законов «снизу», со стороны населения, что предполагает, помимо обеспеченности материальными и организационными ресурсами, и соответствующую нравственно-идеологическую атмосферу в обществе.

Недостаточная правовая эффективность названных выше законов создает прямую угрозу соблюдению широкого спектра фундаментальных прав и свобод российских граждан – права на жизнь, охрану здоровья, благоприятную окружающую среду, равенство всех перед законом и судом и др. Обозначенная проблема явно относится к разряду правоохранительных, хотя ее решение уже далеко выходит за рамки чисто административных правовых мер воздействия, которыми располагают правоохранительные органы.

В современном обществе даже охрана существующего правопорядка не может быть обеспечена чисто правовыми средствами, без экономической, социальной и другой поддержки. Согласно некоторым подсчетам состояние преступности в обществе определяется совокупностью 230–250 различных факторов, в то время как правоохранительные органы имеют дело всего лишь с 30–40 из них.

Реализация фундаментальных гражданских прав и свобод в современном обществе представляет собой комплексную многоплановую зада-

чу, затрагивающую все важнейшие сферы общественной жизни. Столь же комплексной и многосторонней должна быть и правоохранительная деятельность, главной задачей которой становится уже не только проведение традиционных ограничительно-запретительных мероприятий и наказание правонарушителей, но и постоянный контроль развития всей системы общественных отношений, направленный на предотвращение ситуаций, способных привести к нарушению гражданских прав и свобод населения.

Сюда относится и «грамотное» распределение производственных ресурсов по территории страны, с учетом потребностей регионов, страдающих от безработицы; и взвешенная миграционная политика, обеспечивающая баланс прав и свобод как «приезжих», так и коренного населения; и компетентный подход к решению межнациональных, межконфессиональных проблем – и многое другое, не имеющее прямого отношения к деятельности государственных правоохранительных структур, но, тем не менее, оказывающее самое непосредственное воздействие на характер обеспечения гражданских прав и свобод населения.

Третий принцип «социально-правового» подхода к пониманию правоохранительной деятельности прямо вытекает из предыдущего и предполагает, что охрана гражданских прав и свобод в современном обществе не может быть обеспечена силами одного государства и его правоохранительной системы без координации их усилий с действиями других институтов и организаций, которые так или иначе сосредоточены на обеспечении гражданских прав и свобод.

Правоохранительной, правозащитной деятельностью занимаются адвокатура, СМИ, политические партии и неполитические объединения граждан. На выполнении контрольно-надзорной функции в отношении соблюдения государственными органами власти важнейших прав и свобод человека и гражданина специализируются правозащитные организации. Все эти структуры, казалось бы, заняты общим делом, но на данный момент координация их взаимодействия, в т.ч. с правоохранительными органами, осуществляется лишь в локальном масштабе и эпизодически.

Лягушкин Игорь Владимирович,
кандидат философских наук, доцент,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Философские и методологические аспекты обеспечения прав человека в ходе информационной войны

Правовое регулирование вооруженных конфликтов является важной составляющей международного права. Однако современное право войны фактически не распространяется на такую важную составную часть современного политического процесса, как информационная война. Более того,

существует ряд философских и методологических проблем, обуславливающих возможность создания общей теории права информационной войны. Особую роль в данном контексте приобретает проблема соблюдения фундаментальных прав человека и гражданских свобод.

В рамках современного международного права запрещены агрессивные войны. Однако не являются запрещенными оборонительные войны в порядке осуществления права на индивидуальную или коллективную самооборону от агрессии в соответствии со ст. 51 Устава ООН, национально-освободительные войны, операции войск ООН или национальных (многонациональных) вооруженных сил в соответствии с решением Совета Безопасности ООН на основании ст. 42 Устава ООН, а также войны с целью выполнения договорных обязательств. Информационные войны в настоящий момент не запрещены. Более того, ученые и политики ряда стран старательно избегают употребления самого понятия информационной войны, используя, к примеру, термин «стратегические коммуникации».

Вместе с тем замалчивание проблемы не является наилучшим способом ее разрешения. Под информационной войной автор понимает организованное и управляемое столкновение групп аналитического обеспечения деятельности субъектов политического процесса, прежде всего, групп давления. Группы аналитиков являются субъектами информационной войны, поскольку имеют интересы, отличные от интересов обслуживаемых ими групп давления. Важными философскими и научными проблемами, перспективными темами исследований могут стать системы ценностей и мотивации бойцов информационного фронта, а также компенсаторные механизмы, обеспечивающие лояльность групп аналитического обеспечения и их членов интересам обслуживаемых ими групп давления.

Информационная война открывает ряд возможностей, которые не были доступны ранее. Специалисты в области информационного противоборства, понимая, что социальные институты сильнее личностей, сосредоточились на работе с индивидуальным сознанием. Человеческий индивид во всех случаях оказывается объектом воздействия информационного оружия. Бойцы информационного фронта направляют усилия на то, чтобы нейтрализовать действие социальных институтов, а также политических и религиозных идеологий. Информационное оружие обеспечивает такое первичное воздействие, которое приводит сознание индивида в неустойчивое состояние, ситуацию выбора и переоценки ценностей, смены предпочтений или политической ориентации помимо желания человеческого индивида и его исходных установок.

Результатом ведения информационной войны может быть разрушение социальных групп (религиозных организаций, политических партий, воинских коллективов, политических клубов, групп давления и др.). При этом возникает моральная проблема: насколько нравственным является побуждение индивида к смене ценностей и установок? Информационное

оружие действует на индивидуальное сознание, но сам индивид при этом, как правило, не замечает постороннего воздействия, что само по себе тоже является моральной проблемой.

Под информационным оружием в настоящей работе понимается специальное информационное мероприятие. Данная категория является исходной, ключевой категорией теории информационной войны.

Под специальной информационной операцией или операцией в ходе информационной войны понимается совокупность специальных информационных мероприятий, проводимых одной группой аналитического обеспечения деятельности одного из субъектов политики в рамках одной кампании в рамках единой стратегии. Специальная информационная операция является результатом выработанной стратегии ведения информационной войны, ее характеризует логически, методологически, организационно и технически оформленное единство последовательных и взаимосвязанных специальных информационных мероприятий в рамках одного проекта.

Специальное информационное мероприятие рассматривается в широком и в узком смысле. В узком смысле специальное информационное мероприятие – это публикация или передача, а также любое сообщение, включающее взламывающий блок, блок отсечения нецелевых аудиторий, блок захвата целевой аудитории и закрепляющий блок. Оно может быть единичным или продолженным, в виде сериала.

Взламывающий блок предназначен для привлечения внимания реципиента и приведения его сознания в неустойчивое состояние. Неустойчивое состояние сознания человеческого индивида является необходимым условием для создания ситуации выбора, анализа предпочтений и, в конечном счете, для изменения его точки зрения. Взламывающий блок позволяет преодолевать эмоциональную отстраненность и безразличие представителей исходных целевых аудиторий, нарушает целостность границ исходных целевых аудиторий и референтных групп, подвергнутого информационному воздействию индивида.

Блок отсечения нецелевых аудиторий переключает внимание представителей нецелевых аудиторий на несущественные для проведения специального информационного мероприятия цели. Он играет важную роль в процессе концентрации информационного воздействия на неустойчивой, неопределившейся части реципиентов. Именно благодаря наличию этого блока происходит переключение внимания так называемых активных читателей, зрителей и слушателей. Последние, как правило, чаще других устанавливают контакты со СМИ, устанавливают контакты с авторами и редакциями, чтобы высказать свое мнение по привлечшему их внимание сюжету или информационному поводу.

Данные блоки, как правило, рассчитаны на эпатаж всей аудитории, включая специалистов групп информационного и аналитического обеспечения деятельности организаций противника. Они побуждают многих ак-

тивных читателей, слушателей и зрителей начинать устанавливать контакт со СМИ, даже не составив целостного представления обо всем специальном информационном мероприятии, зачастую даже не дочитав, не досмотрев и не дослушав его до конца.

Поспешная реакция на блок отсечения нецелевых аудиторий должна отвлекать ресурсы противника, приводить к самозарождению мелких конфликтов между незаинтересованными сторонами и обуславливать определенную эмоциональную напряженность в обществе. Таким образом, оказывается возможным обеспечивать эффективное информационное сопровождение деятельности организаций, бесплатно привлекая ресурсы как независимых граждан, так и специалистов групп информационного и аналитического обеспечения организаций противника, государственных органов и независимых СМИ.

Следующий блок – блок захвата целевой аудитории. Он должен содержать положительное знание, которое должно быть доведено до сознания реципиента и, по возможности, усвоено последним. Воздействие данного блока формирует границы значимой целевой аудитории, вводит заданные концепцией специального информационного мероприятия элементы в референтные группы подвергшегося информационному воздействию индивида и определяет границы его референтных групп.

Закрепляющий блок должен обеспечить усвоение подвергшимся воздействию информационного оружия индивидом основных элементов содержания блока захвата целевой аудитории, а также инициировать его действие. Воздействие данного блока закрепляет границы результирующих целевых аудиторий и референтных групп подвергшегося информационному воздействию индивида.

Понимание сущности информационного оружия порождает вопрос о манипуляциях сознанием человека и пределах допустимости таких манипуляций.

Механизм воздействия специальных информационных мероприятий на индивидуальное сознание адекватно описывается с помощью теории автокоммуникации, элементы которой разрабатывались в 1960-е годы Ю.М. Лотманом [1, с. 159–165]. Так как для осуществления процесса коммуникации необходимо наличие двух нетождественных сторон, то автокоммуникация, характеризующаяся совпадением адресанта и адресата, возможна только в том случае, когда личность находится в состоянии неустойчивого динамического равновесия. Обычная коммуникация разворачивается в пространстве, автокоммуникация – во времени. При этом индивид может оценить какие личностные предпочтения для него более приемлемы – те, которые были до момента автокоммуникации, или же приобретенные совсем недавно, еще нуждающиеся в становлении и закреплении.

Запуск механизма автокоммуникации – это и есть результат первичного воздействия информационного оружия на сознание воспринимающе-

го информацию индивида. Таким образом, сущность автокоммуникации заключается в закономерном изменении личностных предпочтений вследствие осуществления выбора форм поведения, религиозных и политических убеждений, ориентаций, социальных идеалов, музыкальных, бытовых и других пристрастий.

Важная особенность воздействия на личность в ходе информационной войны заключается в том, что процесс автокоммуникации запускается внешними силами с помощью внешнего раздражителя и безотносительно к воле самого индивида, подвергшегося информационному воздействию. Более того, инициальным моментом автокоммуникации может стать любой синтагматически организованный текст. На начальном этапе процесс автокоммуникации обратим. В случае продолжения воздействия процесс реструктуризации референтных групп уже невозможно остановить.

Наглядно автокоммуникация показана в фильме режиссеров Ж. Дювивье, В. Флеминга и Й. Штернберга «Большой вальс» (1938 г.). Легко заметить влияние синтагматически организованного текста (стук копыт лошади Розы, звуки рожков, щебетание птиц) и момент, когда два человека начинают мыслить и сознавать как один человек. Показана в фильме и возникающая при этом сильная эмоциональная индукция. Она и обеспечивает эффект совместной автокоммуникации, когда два и более человека чувствуют себя единым целым, чувствуют, мыслят и действуют как один человек. Именно эмоциональная индукция обуславливает эффект резонанса, составляющего основу преимущества информационной войны перед агитацией, пропагандой, рекламой и связями с общественностью.

Социологический аспект поражающего воздействия информационного оружия эффективнее всего может быть раскрыт с помощью теории референтных групп. Действие информационного оружия влечет смену идеальной, компаративной и нормативной референтных групп индивида, подвергшегося его воздействию. В результате действия специального информационного мероприятия возможна смена референтной группы присутствия.

Помимо моральных проблем, относящихся к предмету этики, в данном случае возникают правовые проблемы. Прежде всего – это проблема законности манипулирования общественным сознанием, проблема права на личную безопасность, а также права на получение информации. Специалисты в области информационного противоборства могут возразить, что явление автокоммуникации возникает и в процессе получения образования, в результате знакомства с произведениями искусства, в процессе воспитания и случайно. Последствия в описанных выше случаях могут быть сопоставимыми с последствиями применения информационного оружия. Еще одно обстоятельство, на которое могут сослаться критики действий бойцов информационного фронта, – брак в работе специалистов в области информационного противоборства, причем вполне предсказуемый и неиз-

бежный. Автокоммуникация приводит в неустойчивое состояние системы референтных групп человеческого индивида, способствует выпадению отдельных элементов референтных групп и замене их новыми.

Смена отдельных элементов референтных групп иногда заходит далее, нежели планировалось специалистами в области информационного противоборства. Референтные группы меняются радикально, и человеческий индивид выпадает из целевой аудитории, на которую было рассчитано воздействие примененных специальных информационных мероприятий. Необходимо помнить, что смена элементов референтных групп происходит не обязательно на элементы, предложенные субъектами информационной войны. Одни и те же элементы, внедряемые в референтные группы индивидов из разных целевых аудиторий, работают по-разному. Проведение информационной войны с целью мобилизации сторонников обязательно приводит к активизации ранее нейтральных индивидов, которых автокоммуникация может привести в лагерь политических противников мобилизуемых.

Подводя итог, следует отметить, что проблема обеспечения соблюдения прав человека в ходе информационной войны требует объединения усилий ученых и координации действий юристов, философов, социологов и политических технологов. В настоящее время открытых вопросов все еще больше, чем ответов на них. Тем более эффективными должны быть скоординированные усилия отечественных специалистов в данной области.

Список литературы:

1. Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Семиосфера. СПб: Искусство-СПб., 2000.

Максименко Анастасия Андреевна,
Железнодорожный районный суд города Симферополя

Правовая защищенность лиц при рассмотрении районными судами дел об административных правонарушениях

Количество рассматриваемых судами дел об административных правонарушениях ежегодно возрастает. Согласно статистическим данным Верховного Суда Республики Крым за первое полугодие 2016 г. судами общей юрисдикции, в т.ч. и районными судами, было рассмотрено 22 400 дел об административных правонарушениях, что на 14 % больше чем в аналогичный период 2015 г. [2].

В связи с этим повышается потребность в эффективном, четко регламентированном, непротиворечивом и логически выверенном процессу-

альном механизме рассмотрения указанной категории дел. При этом изучение законодательного регулирования административного процесса в рассматриваемой сфере и анализ складывающейся практики применения законодательных норм показывает отсутствие упорядоченного единого механизма, позволяющего обеспечить должный и ожидаемый уровень защиты таких конституционно значимых ценностей, как права и интересы граждан, правопорядок и законность в обществе.

Суды при рассмотрении дел об административных правонарушениях осуществляют административно-юрисдикционный процесс в форме административного судопроизводства. Судьями районных судов рассматриваются дела об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 5.38, 7.13-7.16, 14.57, 19.3, части 18 и 19 ст. 19.5, статьи 20.1–20.3, 20.18, 20.29 КоАП. Подобная юрисдикция обусловлена с одной стороны – наиболее сложными делами, в частности нарушением законодательства о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании, нарушение требований сохранения, использования и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ и с другой, санкцией наказания – административный арест, дисквалификация, административное приостановление деятельности.

Стадия рассмотрения дела об административном правонарушении является ключевой и самой значимой стадией производства по делам об административных правонарушениях, в которой суд решает основные вопросы: о наличии или отсутствии события административного правонарушения, о виновности лица, привлекаемого к административной ответственности, о содержании обстоятельств, характеризующих противоправность и степень общественной опасности содеянного, а также личности лица, привлекаемого к административной и др., в т.ч. размер и вид наказания. Она включает в себя: подготовку дела к разбирательству, собственно рассмотрение дела, вынесение решения по делу и доведение его до сведения заинтересованных лиц.

Чтобы устранить выявленные проблемы, возникающие на стадии рассмотрения дела об административном правонарушении, необходимо, во-первых, конкретизировать положения ст. 28.7 КоАП, дав определение административному расследованию и указав перечень оснований его проведения. Во-вторых, необходимо в ст. 25.1 КоАП разъяснить, что является надлежащим извещением лица о времени и месте рассмотрения дела.

В связи с чем, необходимо признать надлежащим извещением такое извещение, которое: 1) получено лицом, привлекаемым к ответственности, лично под роспись; 2) получено законным представителем лица, привлекаемого к ответственности, лично под роспись; 3) направлено заказным письмом по месту жительства и(или) регистрации лица, привлекаемого к ответственности. Такое письмо следует считать полученным на шестой день с момента отправки. Также следует повысить качество работы должностных лиц при подготовке материалов дела к рассмотрению.

Особое внимание следует обратить на установление надлежащего субъекта ответственности. Для чего в необходимых случаях следует использовать меры принуждения, предусмотренные законодательством об административных правонарушениях, а именно доставление.

В целях формирования единой практики применения норм, содержащихся в ст. 29.1 КоАП, следует внести в нее изменения или дать соответствующее толкование в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, уточняющее какие недостатки протокола об административном правонарушении носят существенный характер, влекут возврат протокола органу, должностному лицу, составившему протокол, а какие недостатки протокола таковыми не являются. Такие изменения очень важны, поскольку в настоящий момент законодатель связывает возможность реализовать право на возвращение протокола для устранения недостатков только со стадией подготовки дела к рассмотрению. Если же недостатки протокола будут выявлены при непосредственном рассмотрении дела, то судья обязан их оценить и принять решение по существу.

Представляется, что главу 29 КоАП РФ следует дополнить статьей, предусматривающей требования, предъявляемые к содержанию определений по делу об административном правонарушении, выносимых на различных этапах стадии рассмотрения дела.

В связи с тем, что: 1) вопрос о достаточности доказательств не должен разрешаться при подготовке дела к рассмотрению; 2) судья не должен в нарушение принципов производства по делу об административном правонарушении вмешиваться в деятельность административных органов по сбору доказательств по делу; 3) недостаточность доказательств по делу является одним из оснований для прекращения производства по делу – в соответствии с п. 2 ст. 24.5 КоАП за отсутствием состава административного правонарушения – п. 5 ст. 29.1 подлежит исключению из КоАП.

Для восполнения обнаруженного пробела относительно того, когда протокол об административном правонарушении составляется должностным лицом, которое впоследствии избирается или назначается на должность судьи, и когда такое дело поступает для рассмотрения этому же судье, то формальных оснований для отвода (самоотвода) не имеется, но вместе с тем рассмотрение этим судьей дела не вполне корректно – необходимо внести изменения в ст. 29.2 КоАП, дополнив ее п. 3 следующего содержания: «3) если судья участвовал в ходе производства по делу об административном правонарушении в качестве лица, уполномоченного на составление протокола об административном правонарушении».

В целях детального урегулирования случаев разрешения председателем суда самоотводов, в интересах быстроты и экономичности производства по делам об административных правонарушениях следует внести уточнение в ч. 1 ст. 29.3 КоАП о возложении на председателя суда обязанности в случае удовлетворения заявления о самоотводе определить дальнейшую судьбу дела, т.е. указать конкретного судью, которому будет передано дело для рассмотрения по существу.

Рационально внести дополнения в п. 2 ст. 29.3 КоАП, а именно законодательно закрепить письменную форму заявления об отводе.

С целью устранения коллизии в формулировке ст. 29.5 КоАП, которая не позволяет отнести эту норму к юридическим лицам, поскольку к ним неприменимо понятие «место жительства», в указанную норму необходимо внести изменения, которые позволили бы распространить ее на юридическое лицо, например, изложив ее в следующей редакции: «1. Дело об административном правонарушении рассматривается по месту его совершения. По ходатайству лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, дело может быть рассмотрено по его месту жительства (для физического лица) или месту нахождения (для юридического лица)».

Следует исключить п. 3 ч. 1 ст. 29.4 КоАП, поскольку отложение рассмотрения дела возможно только тогда, когда рассмотрение дела уже было начато. Следовательно, отложение рассмотрения дела возможно лишь на этапе рассмотрения его по существу. Кроме того, п. 7 ч. 1 ст. 29.7 КоАП также предусматривает возможность отложения дела слушанием, но законодатель относит эту возможность уже конкретно к этапу непосредственного рассмотрения дела об административном правонарушении, что следует из названия ст. 29.7 КоАП. А слова «либо вынесено определение об отводе судьи» следует исключить из п. 5 ч. 1 ст. 29.4.

Считаем, что формулировка подпункта «а» п. 7 ч. 1 ст. 29.7 КоАП об отложении дела «в случае поступления заявления об отводе судьи, рассматривающего дело» представляется некорректной, поскольку в случае поступления заявления об отводе судьи данный вопрос подлежит немедленному разрешению и смысла в отложении дела слушанием не усматривается, данная норма подлежит исключению из КоАП РФ.

Решение проблем в указанной области позволит не только улучшить качество применения законодательства об административной ответственности, но и повысит уровень правовой защищенности лиц, привлекаемых к ответственности.

Список литературы:

1. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 05.12.2016) // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.
2. URL: http://vs.krm.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=39.

**Повышение эффективности взаимодействия международных
и национальных механизмов защиты прав и свобод
человека и гражданина**

В современном обществе существует большое количество международных и национальных институтов защиты прав человека. Основная мысль данного тезиса заключается в освещении недостаточности взаимодействия международных и национальных механизмов защиты прав человека. Данная проблема уже рассматривалась в работах Игнатенко Г.В., Епифанова А.Е., Малаевой Н.А, Карастелева В.А. и др. Однако ключевой позицией в данной публикации будет исследование проблемных моментов взаимодействия международных и национальных механизмов защиты прав человека и гражданина.

Необходимо отметить роль ООН в непосредственной разработке и становлении положений, концепций, а также иных документов правового характера, которые в своей совокупности являются основным источником права в области международной кооперации в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина [3].

В последнее время в РФ заметно улучшилось качество взаимодействия институтов защиты прав человека и гражданина. В частности, был ратифицирован и принят ряд программных документов в этой сфере. Нормы отдельных международных деклараций и пактов нашли отражение в Конституции, а также в федеральных законах, в т.ч. Федеральном законе «О полиции» [5].

С учетом того, что на данный момент существуют разногласия между государствами, в частности между США и РФ в политических и социально-экономических сферах, дальнейшее развитие связей в отношении прав человека затруднены. Однако в последнее время наблюдается рост заинтересованности к решению накопившихся проблем с обеих сторон. Со стороны США интерес к взаимодействию просматривается незначительно, но мы можем отметить стабильный рост в этом направлении.

На данный момент роль ООН увеличивается, и как один из способов повышения эффективности взаимодействия механизмов можно отнести: обновление концепции развития механизмов защиты прав и свобод с учетом последних событий в странах Ближнего Востока, а также обострения там гуманитарной ситуации; объединение институтов, занимающихся проблемами беженцев в единый орган с централизованным аппаратом управления; проведение межнациональных переговоров в различных форматах под эгидой международных организаций (ООН, Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца и др.), а также региональных организаций (СНГ, ЕС, ШОС, БРИКС и др.).

Если говорить о внутригосударственных способах и средствах защиты прав и свобод, то к ним относятся:

1. Судебная защита (ч. 1 и 2 ст. 46 Конституции РФ), включая право на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48) [6].

2. Институт Уполномоченного по правам человека, к которому могут обращаться все, кто считает себя ущемленным в конституционных правах, а также с жалобами на решения или действия (бездействие) органов государственной власти и их должностных лиц. Сам Уполномоченный не может применить методы принуждения, но он вправе обратиться в суд с заявлением в защиту нарушенных прав и свобод либо в компетентные органы, в т.ч. в прокуратуру и Конституционный Суд РФ. Должность Уполномоченного учреждена в России в 1994 г., а Федеральный конституционный закон, регулирующий его деятельность, принят в 1997 г. [7].

3. Конституционный Суд РФ.

В рамках национального законодательства можем констатировать тот факт, что существуют следующие проблемы в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина: недостаточная юридическая образованность населения; недостаточная координация согласованности действий различных органов по обеспечению прав и свобод человека и гражданина в РФ; доступность судов различных юрисдикций для российских граждан не в полной мере отвечает международным стандартам в правозащитной сфере.

Исходя из вышеизложенного, тема повышения эффективности взаимодействия международных и национальных механизмов защиты прав человека и гражданина особо актуальна в современном динамично развивающемся мире и обществе. Перед деятелями науки, государства и права стоят серьезные задачи, которые требуют четких, взвешенных и сбалансированных решений. Несмотря на развитие национальных механизмов защиты прав и свобод, нам предстоит еще многое сделать, например, постоянно повышать юридическую образованность среди населения, а также совместно работать над установлением конструктивного контакта между всеми органами государственной власти, иными организациями, целями которых является защита прав и свобод человека и гражданина. В конечном итоге нас всех объединяет одна миссия – это соблюдение прав и свобод человека и гражданина независимо от национального признака, вероисповедания, места происхождения, социального статуса и других критериев.

Список литературы:

1. Конституция РФ, принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (ред. от 21.07.2014) // Рос. газ. 1993. 25 дек.

2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 22.11.2016) // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

3. Настольная книга инспектора по делам несовершеннолетних. М., 2014.

4. Об Уполномоченном по правам человека в РФ: федер. конст. закон от 26 фев. 1997 г. № 1-ФКЗ (ред. от 31.01.2016) // СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.

5. О полиции: федер. закон от 7 фев. 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

6. Игнатенко Г.В. Международно-признанные права и свободы как компоненты правового статуса личности // Правоведение. 2001.

7. Курс «Права человека». М.: Моск. Хельсинская группа, 2012.

Мамченко Нелли Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
Крымский юридический институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Права человека: принцип презюмирования

Мы исходим из положения о том, что дуализм естественного и позитивного права существовал в теории всегда, во всяком случае, начиная с античных времен. В процессе эволюции, осознанно или не осознанно, осуществлялся также и синтез целей естественного и позитивного права. Уже Аристотель (384–322 гг. до н.э.) считал, что человеческие законы должны быть «естественными», т.е. соответствовать законам природы, а законодательство, которое противоречит законам природы, не имеет моральной и юридической силы. Он не случайно анализировал – деятельность Солона (638–559 гг. до н.э.) – основоположника рабовладельческой демократии, который заменил деление общества по родовому принципу на распределение его на имущественной основе. Утвержденное Солоном понятие номос в совокупности с существующей идеей Справедливости (Дике) создали условия для пропаганды нового социального порядка. Номос выступает как феномен одной природы с Логосом. Деонтология номоса предполагает наказание за нарушение порядка, закрепленного в писаном праве. Право – практический носитель номоса. Рефлексивным (по происхождению) характер написанного закона предполагает его коррекцию заинтересованными гражданами полиса как с позиций Логоса, так и с позиций идеи Справедливости (Дике). Несомненно, что уже тогда впервые была сформирована инвариантная протоструктура «справедливость – этос – логос – номос», которая навсегда стала конституирующим фактором европейского правового дискурса. Иначе говоря, соответствующим образом понятая идея справедливости всегда порождает, порождает и будет порождать определенную совокупность представлений о морально должном (этос), которая с помощью рационального анализа (логос) трансформируется в законодательную систему и правопорядок (номос). По мнению Ари-

стотеля, именно справедливый закон может создавать гражданскую справедливость: «Справедливое от природы выше справедливого по закону, однако исследуем мы гражданское справедливое, а оно существует по закону, а не от природы»).

Таким образом, созданная еще Солоном некая протосистема права была по сути бинарной: она уже содержала в себе потенции как позитивного (логос, номос), так и естественного (Дике-справедливость) права. Блестящими примерами реализации этих потенций в период античности являются, например, тексты защитных речей Цицерона (I в. до н. э.), и произведения других римских философов-стоиков. Цицерон в известном отрывке из «Республики» абсолютно в духе идеи синтеза этих потенций отмечает, что «истинный закон есть закон разума, находится в гармонии с природой, что распространяется на всех, неизблемый и вечный» [1, с. 303]. Античные философы, и в первую очередь Аристотель, четко сформулировали, говоря современным языком, проблему о соответствии естественных прав человека как цели естественного права и государственной власти как цели права позитивного. Не вдаваясь в подробности драматических перипетий средневекового периода, отметим здесь лишь знаковые для развития идеи дуализма естественного и позитивного права. С одной стороны, Августин (354–430 гг.), по сути открывая серьезные дискуссии о соотношении права и закона, закона и справедливости, благодаря своему авторитету утвердил восходящий еще к Аристотелю и Цицерону тезис, ставший впоследствии и навсегда основным принципом естественного права – *Lex iniusta non est lex* (несправедливый закон – не есть закон). Провозглашенная Августином максима зафиксировала мысль об относительном характере писаного закона, сколь бы авторитетным ни казался породивший его источник, а также и об универсальном характере справедливости. Итак, презумпция справедливости должна быть определяющей, а то, что представляют собой «царства без справедливости» есть ничто иное как небольшие «разбойничьи банды» [2, с. 356]. Именно Августин придал понятию справедливости универсальный характер. С другой стороны, развивалась альтернативная концепция, впоследствии, в XVI в., выраженная в известном девизе германского императора Фердинанда I – *Fiat justitia et pereat mundus* (пусть свершится правосудие, хотя бы и погиб мир) [3, с. 274]. Такое правопонимание на протяжении многих веков поддерживало и вдохновляло идею исключительного верховенства, прежде всего, писаного закона по отношению к некоторому множеству мнений о его справедливости или несправедливости.

Ренессанс греческих и латинских текстов существенно стимулировал критическую составляющую правовой теории. В эпоху Возрождения в юридическом дискурсе наиболее самобытными были труды Ж. Бодена (1530–1596). В произведении «Шесть книг о государстве» он разработал теорию верховной власти, выдвинув в качестве генеральной идеи – идею

суверенитета (*souverainite*) [4, с. 146]. С помощью нее ученый определил основные термины, которые составляют систему анализа государства и права. Более поздний, собственно, индивидуалистический и по сути классический, вариант теории естественного права возникает в XVII-XVIII вв. Это – теория естественных прав человека, которая была создана усилиями Гуго Гроция, Дж. Локка, Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо, Канта и др. Будучи одним из основателей классической теории естественного права, Гуго Гроций (1583–1645) внес особый вклад в исторический процесс конвергенции целей естественного и позитивного права. Его основной труд «О праве войны и мира», состоящий из трех книг, в которых объясняются не только принципы естественного права и право народов, но и принципы публичного права, является одной из самых цитируемых работ и по сей день. В трактате Гуго Гроция «О праве войны и мира» состоялась новая, собственно рационалистическая форма естественного права. С точки зрения рационализма естественное право есть не что иное, как политически необходимым выводом из определенного абсолютного, данного *a priori* принципа.

Право не должно противоречить справедливости, оно должно способствовать сохранению целостности общественного организма, внутри которого есть два типа отношений: отношение равенства между гражданами перед законами и отношения подчинения граждан правящим властям. Здесь хорошо видно различие понятий «право» и «закон». Первое отражает требование естественного права (принципы естественной справедливости), а второе (волеустановленное) призвано законодательным путем закрепить два указанных отношения в обществе в их синтетическом единстве. «Наилучшее деление права в принятом смысле, – пишет Гроций, – предложено Аристотелем, согласно которому, с одной стороны, есть право естественное, а с другой – право волеустановленное, которое он называет законным правом, употребляя слово «закон» в более узком смысле. Иногда он называет его волеустановленным правом» [5, с. 71]. Гуго Гроций ссылагся на очень показательное в этом отношении место из древнегреческого историка Полибия: «Даже шайки разбойников и воров по большей части распадаются от того, что они в отношениях между собой не соблюдают справедливости, и вообще когда между ними исчезает всякое взаимное доверие» [5, с. 63]. И не может быть оправданным сопротивление законной власти, согласно Гроцию, если она выполняет принятые на себя обязанности охраны общественного порядка и процветания нации.

Следует, однако, подчеркнуть, что писаное право (*jus scriptum*) – римское «ученое право», а впоследствии и каноническое – было уделом меньшинства. Большинство же населения долгое время довольствовалась «вульгарным» правом, т.е. устной версией писаного права, доступной для понимания непосвященных. Карел Васак, являющийся основателем, так сказать, «поколенческой» классификации прав человека, выделил три поколения прав человека, которые он соотнес с тремя идеалами Французской революции: свободой, равенством и братством [6, с. 837, 839].

На формирование представлений о первом поколении прав человека определяющее влияние оказала философия либерализма. Перефразируя известную максиму радикалов, можно сказать, что первопринцип философии либерализма наиболее точно можно выразить формулой «Свобода – все, остальное – ничто». Именно в таком духе рассуждает Алексис де Токвиль в книге о Великой французской революции «Старый порядок и революция» (1856 г.). Естественные права первого поколения в принципе опираются на отрицательную концепцию свободы, понимаемой как отсутствие принуждения, возможность действовать по собственному выбору, а не поддаваясь вмешательству со стороны других [7, с. 19–29]. Права второго поколения стали производными от результатов борьбы профсоюзов и движений за права лиц наемного труда, а именно в отношениях между работником и работодателем, результатом чего было формирование и реализация социальной функции государства (права на труд, социальное обеспечение, образование и др.), закреплённой законодательно.

К третьему поколению естественных прав человека относят права на свободу от дискриминации по расовым, национальным, половым, а также возрастным принципам (например, такие специальные права, как права детей, женщин, стариков, инвалидов, беженцев, представителей национальных и расовых меньшинств и т.д.). Противники легитимации третьего поколения прав человека указывают на опасность размывания самой идеи естественных прав, которыми все люди, по определению, должны обладать в равной степени – независимо от социальной структуры общества.

Поскольку, как видно, феномен прав человека принципиально подвижен под давлением происходящих в обществе изменений, постольку уже в 1990-х годах возник вопрос о необходимости формирования так называемого четвертого поколения прав человека, вызванного к жизни новой проблемой – сохранения генетической идентичности на фоне новых (возможно, угрожающих) возможностей генной инженерии. Среди «угрожающих» возможностей генной инженерии с непредвидимыми последствиями можно указать на актуализацию возможностей соматического (телесного) характера, связанных, например, с феноменом трансгендера (искусственных операций по смене пола), что существенно меняет традиционный правовой дискурс, основанный на традиционной фундаментальной парадигме «естественных прав естественного человека». Возможно, что на очереди – пятое или шестое поколение прав, связанных с движением трансгуманизма, ставящего своей целью избавление человечества от страданий, болезней, старения и смерти.

Таким образом, вполне вероятно, что растущий корпус прав человека – прав, нуждающихся в защите, будет расширяться. Однако совершенно понятно, что этот процесс нельзя оценивать однозначно.

С одной стороны, логично предположить, что последовательное расширяющийся круг узаконенных прав человека усиливает правозащи-

щенность личности. С другой стороны, каждое новое поколение прав человека, утверждая новую логику и порядок узаконивания новых притязаний на какое-либо новое право человека, способно порождать серьезные конфликты между традиционными и новыми правами человека, что в итоге может приводить не только к повышению, но и к понижению уровня защищенности. Скорее всего, отказ от традиционной фундаментальной парадигмы «естественных прав естественного человека» таит в себе угрозы возможной социальной деградации. Есть о чем задуматься.

Список литературы:

1. Марк Туллий Цицерон. Философские трактаты. М.: Наука, 1985.
2. Августин. О Граде Божием. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000.
3. Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. Словарь латинских крылатых слов. М.: Русский язык, 1982.
4. Боден Ж. Шесть книг о государстве / Антология мировой философии в четырех томах. Т. 2. М.: Мысль, 1970.
5. Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994.
6. Vasak K. Pour une troisieme generation des droits de l'homme // Studies and essays on International humanitarian law and Red Cross principles / ed. by C. Swinarski. Hague, 1984.
7. Берлин И. Две концепции свободы / Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон. М.: Дом Интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1988.

Мамыкин Александр Сергеевич,
Московский финансово-юридический университет

Вопросы соблюдения прав и законных интересов в антилегализационном законодательстве Российской Федерации

Сегодня отмывание доходов, полученных преступным путем, является одним из приоритетных направлений деятельности организованных групп и преступных организаций, которое причиняет тяжкие последствия для национальной и экономической безопасности любого государства. Не секрет, что преступные сообщества на порядок быстрее правоохранительных и следственных органов реагируют на развитие всех видов информационно-телекоммуникационных систем, уязвимые места в пограничном и таможенном контроле, просчеты в монетарной и фискальной политике, недостатки в банковских системах и др. Это, в свою очередь, отражается и на росте такого негативного явления, как легализация преступных доходов. Указанная проблематика стоит на повестке дня большинства стран мира еще с начала XX в., а сопутствующая ей глобализация социально-экономических и геополитических процессов в конце этого же столетия стала причиной интернационализации организованной преступности.

В.С. Давыдов называет экономический элемент организованной преступности системообразующим, поскольку без него невозможно поддерживать внутреннюю дисциплину и порядок в группе, обеспечивать коррупционную составляющую, а главное – без него теряется основной стимул участия в организованной преступной группе в любом из качеств – нажива, материальное обогащения. То есть легализация преступных доходов является заключительным этапом трансформации преступности в сверхдоходное и высокоэффективное производство, вследствие которого происходит опасная для общества концентрация экономической, а вслед за ней и политической власти в руках неконтролируемой группы лиц [1, с. 4]. Как результат, причиняется невосполнимый ущерб нормальному функционированию рыночных сил, подрыв возможностей правоохранительных и других государственных органов контролировать и управлять финансовой системой страны, а также осуществляется вливания в легальную экономику значительной денежной массы, полученной преступным путем. А связанный с этим процесс отмыwania нелегальных доходов способствует укрытию предикатных преступлений и усложняет механизм привлечения к ответственности лиц, виновных в их совершении, т.е. препятствует достижению цели правосудия.

Следовательно, обеспечение экономической безопасности зависит от того, насколько устойчивым будет положение обладателей денежных средств или иных материальных ценностей и имущественных прав, образующих доходы от преступности деятельности. Очевидно, что проблема экспансии национальной экономической системы со стороны криминального капитала в современной России стоит достаточно остро [2, с. 17–18]. Вместе с тем в современных условиях легализация криминальных доходов характеризуется: специализацией на обслуживании интересов организованных групп и преступных сообществ; осуществлением операций по легализации преимущественно не во внутренних, а в международных финансовых сферах; активным использованием при их совершении современных информационных технологий и компьютерной техники для быстрого сокрытия «следов» преступной деятельности; развитием взаимосвязей преступности данного вида с налоговыми и таможенными преступлениями, в т.ч. и коррупционной направленности. Иными словами, легализация преступных доходов занимает важное место в механизме взаимосвязи организованной преступности с международными терроризмом и коррупцией [3, с. 39–40].

Именно поэтому государство в лице органов законодательной, исполнительной и судебной власти пытается наиболее полно охватить сферой правоохраны права и законные интересы физических и юридических лиц, всего общества в целом, обеспечить их реализацию, а также заставить недобросовестных субъектов к выполнению своих обязанностей. Криминальная среда, в свою очередь, используя имеющиеся и возникающие не-

достатки в системе правового регулирования, пытается найти новые способы извлечения личной выгоды за счет нарушения прав и законных интересов граждан, общества и государства и невыполнения своих законных обязанностей. В результате этого процесса возникают новые виды преступлений и способы их совершения [4, с. 91].

В тоже время в связи с активизацией деятельности террористических организаций с транснациональными связями возникают новые проблемы в сфере борьбы с легализацией преступных доходов, требующие принятия жестких мер для осуществления контроля функционирования «теневых» финансовых потоков. Поэтому одним из приоритетных направлений антилегализационной стратегии государства должно быть выявление, эффективное блокирование и ликвидация источников и каналов финансовой поддержки террористических и экстремистских организаций [5, с. 286–287]. Особую значимость в системе превентивных мер по предотвращению этих общественно опасных деяний приобретает система финансового мониторинга, как разновидность финансового контроля [6].

Разделяем выводы Т.В. Мельник в том, что современная деятельность террористических организаций представляет угрозу безопасности отдельных государств и коллективной безопасности в различных сферах, в частности в отношении прав и свобод человека, поскольку в результате деятельности террористических организаций нарушается основное фундаментальное право человека на жизнь, а также ряд других основополагающих прав и свобод. Меры, предпринимаемые национальными правительствами с целью борьбы с терроризмом, также часто вынуждено связаны с ограничением прав и свобод населения (на свободу передвижения, тайну частной жизни, свободу получения и распространения информации) [7, с. 25]. При этом даже при совершении террористических актов с особо тяжкими последствиями (например, 11 сентября 2001 г. в США) вводимые государством ограничения прав, свобод и законных интересов граждан должны носить временный и избирательный характер, а не осуществляться на плановой, регулярной и тотальной основе [8]. Опыт противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризму в странах постсоветского пространства также подтверждает выводы о необходимости соблюдения соразмерности причиненного либо потенциального ущерба от данных преступлений и вводимых ограничений прав и свобод физических лиц, законных интересов юридических лиц [9, с. 141–243]. То есть необоснованное увеличение или злоупотребление дискреционными полномочиями сотрудниками правоохранительных и фискальных органов в данном случае не допустимы.

В ст. 1 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» закреплено, что настоящий Федеральный закон направлен на защиту прав и законных интересов граждан, общества и государства путем

создания правового механизма противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма [10].

Подчеркнем, что в механизме обеспечения прав и свобод человека, законных интересов общества и государства ключевую роль играет контрольно-надзорный механизм, способный эффективно предотвращать и противодействовать реальным и потенциальным вызовам, скрытым и явным угрозам таким объектам безопасности. Так, надзор за исполнением указанного Федерального закона осуществляет Генеральный прокурор РФ и подчиненные ему прокуроры (ст. 14). Кроме того, заинтересованное лицо вправе обратиться в суд за защитой своих нарушенных прав и законных интересов в установленном законом порядке (ст. 15) [10].

Бесспорно, органам прокуратуры необходимо осуществлять регулярный и систематический надзор за исполнением законодательства в этой сфере. Вместе с тем важно создать единую практику рассмотрения правоохранительными органами соответствующей информации и материалов подразделения финансовой разведки, для чего прокуроры должны организовывать постоянный мониторинг результатов такой деятельности. Также при осуществлении надзора органам прокуратуры необходимо координировать работу следователей и оперативных работников по установлению источников, размеров и местонахождения преступных доходов по каждому преступлению, отслеживанию операций с такими доходами, принятию мер по их блокированию (замораживанию) и конфискации, а также немедленному восстановлению нарушенных (ограниченных) прав и свобод физических лиц, законных интересов юридических лиц, общества и государства.

В качестве позитивного примера можно отметить, что законодатель Республики Таджикистан конкретизировал рассматриваемые аспекты, возложив, помимо прочего, на уполномоченный орган (подразделение финансовой разведки) обязанность по обеспечению соблюдения прав и законных интересов человека и гражданина, юридических лиц и государства в процессе осуществления финансового мониторинга (п. 3 ч. 2 ст. 13), а на другие субъекты государственного финансового мониторинга – при осуществлении контрольных функций в этой сфере (п. 3 ч. 1 ст. 14). При этом подразделение финансовой разведки может отказаться разглашать информацию, которая могла бы явно нарушить законные интересы физического или юридического лица Республики Таджикистан, или каким-либо иным образом не соответствует основным правовым принципам (ч. 6 ст. 16) [11]. Данные положения можно учесть при дальнейшем усовершенствовании национального антилегализационного законодательства.

Таким образом, для любого государства, независимо от уровня развития его социально-экономической и правовой систем, проникание в национальную экономику преступных доходов приводит к установлению контроля со стороны преступных группировок над определенными секто-

рами экономики, распространению коррупции, форм и методов недобросовестной конкуренции, переориентации деятельности финансовых учреждений и других субъектов хозяйствования в интересах криминальных групп и, как следствие, – к значительной деформации экономической системы в целом. Именно поэтому в государственном механизме обеспечения соблюдения (или восстановления нарушенных) прав и законных интересов соответствующих субъектов ведущее место должен занимать институт финансового мониторинга.

Список литературы:

1. Давыдов В.С. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: правовое регулирование в России и за рубежом: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.
2. Булаев А.А. Финансово-правовые аспекты противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
3. Емцева К.Э. Правоприменительные аспекты противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2014. № 1 (23).
4. Быстрова Ю.В. Система предупреждения легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
5. Буткевич С.А. Терроризм и экстремизм в Российской Федерации: реальные и потенциальные угрозы // Евразийский юридический журнал. 2016. № 4 (95).
6. Буткевич С.А. Финансовый мониторинг как часть борьбы с легализацией преступных доходов и финансированием терроризма (по материалам Украины) // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2013. № 3 (21).
7. Мельник Т.В. Международно-правовое регулирование борьбы с финансированием терроризма на универсальном уровне: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
8. Буткевич С.А. Досвід США щодо запобігання та протидії легалізації доходів, одержаних злочинним шляхом // Учен. зап. Кривск. фед. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. «Юрид. науки». 2008. Т. 21 (60). № 1.
9. Буткевич С.А. Фінансовий моніторинг в Україні (організаційно-правові аспекти): монографія. Сімферополь: Кримнавчпеддержвидав, 2010.
10. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федер. закон от 7 авг. 2001 г. № 115-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СЗ РФ. 2001. № 33. Ст. 3418.
11. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: закон Республики Таджикистан от 25 мар. 2011 г. № 684 (ред. от 26.07.2014) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2011. № 3. Ст. 152.

Соблюдение прав и свобод человека при административном расследовании дорожно-транспортных происшествий

В современном мире практически все развитые государства стремятся к тому, чтобы в основу законодательства, регламентирующего административное и уголовное судопроизводство РФ, были положены международные гуманистические стандарты, такие как уважение чести и достоинства личности, обеспечение права на защиту, презумпция невиновности и др.

Развитие демократического, правового, социального государства, в котором человек признается высшей ценностью, требует решения различных по своим масштабам и степени сложности проблем политического, экономического, социального и духовного характера. Однако приоритетные среди них проблемы обеспечения прав и свобод человека и гражданина, которые выступают главным критерием оценки эффективности осуществляемых реформ во всех сферах общественной жизни.

Конституция РФ рассматривает человека его жизнь, его права и свободы, справедливость, в качестве высшей ценности [2]. Тем самым она декларирует свое понимание взаимоотношений государства и личности, выдвигая на передний план именно личность человека. Уважение к личности и ее защита являются неотъемлемым атрибутом конституционного государства, его обязанностью.

Особое место в национальном механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина занимают ОВД – специально уполномоченные государственные органы, деятельность которых непосредственно направлена на охрану и защиту этих прав и свобод от противоправных посягательств. В настоящее время права и законные интересы лиц, вовлеченных в административное производство, находятся в сфере особого внимания российского законодателя.

В главе 2 Федерального закона «О полиции» [5] закреплены и раскрыты основные параметры новой модели взаимоотношений полиции и общества, что дает право каждому сотруднику ОВД при осуществлении своих обязанностей ощущать себя частью общества, а обществу лучше понимать, что оно делегировало полиции функции защиты себя от беспорядка.

Одним из основных условий соблюдения прав и свобод человека и гражданина является четкое выполнение сотрудниками полиции своих обязанностей. В современном обществе большинство сотрудников полиции с опасением относятся ко всему, что может быть связано с правами человека, т.к., по сложившемуся мнению, права человека более связаны с защитой преступника, нежели жертвы. В связи с этим необходимо определить, что права человека должны выступать реальным фактором, определяющим назначение, содержание и формы их практической деятельности.

В данной статье особое внимание мы уделим соблюдению прав человека при административном расследовании ДТП. Необходимо отметить, что в случае совершения водителем транспортного средства административного правонарушения, такого как ДТП, сопровождающегося материальным ущербом или легкими телесными повреждениями, инспектором ДПС ГИБДД принимается решение о составлении административного протокола на водителя, нарушившего ПДД. В случае если на месте совершения ДТП установить виновное лицо не представляется возможным, инспектор ДПС назначает административное расследование для проведения экспертизы или иных процессуальных действий, требующих значительных временных затрат, о чем выносит определение о возбуждении дела об административном правонарушении, а протокол будет составлен после окончания административного расследования. Срок проведения административного расследования не может превышать 1 месяц, но в исключительных случаях он может быть продлен еще на 1 месяц (статьи 28.5, 28.7 КоАП) [3].

При составлении протокола об административном правонарушении физическому лицу, совершившему ДТП, или законному представителю юридического лица, а также иным участникам производства по делу об административном правонарушении разъясняются их права и обязанности, предусмотренные КоАП [3]. После составления всех необходимых документов материалы административного правонарушения передаются в суд, где судья выносит постановление о привлечении виновного лица к административной ответственности.

Если водитель считает, что его права были нарушены, либо допущены ошибки в ходе расследования ДТП и не согласен с признанием его виновным, то он может обжаловать постановление суда в вышестоящий суд. В данном случае, если жалоба будет удовлетворена, то постановление о наложении административного взыскания отменяется и водителю возвращается уплаченная им сумма штрафа.

В КоАП имеется целый ряд статей, в которых содержится развернутый перечень прав и законных интересов участников административного производства. Российский законодатель в главе 25 Кодекса перечислил участников производства по делам об административных правонарушениях, к ним относятся: лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении; потерпевший; законные представители физического или юридического лица; защитник и представитель; свидетель; понятой; специалист; эксперт; переводчик; прокурор.

Подводя итог, необходимо сказать, что обеспечение прав и свобод человека при административном расследовании ДТП представляет собой комплексный механизм, от эффективности которого зависит дальнейшее рассмотрение и вынесение объективных решений по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения. Соблюдение прав и свобод человека является важным ценностным ориентиром обще-

ственного развития и необходимым условием стабильности гражданского общества, обеспечение гармоничного взаимодействия индивида, общества и государства.

Список литературы:

1. Всеобщая декларация прав человека и гражданина (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г.).
2. Конституция РФ, принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (ред. от 21.07.2014) // Рос. газ. 1993. 25 дек.
3. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 05.12.2016) // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.
4. Правила дорожного движения РФ: утв. постановлением Правительства РФ от 23 окт. 1993 г. № 1090 (ред. от 10.09.2016) // Рос. газ. 1993. 1 дек.
5. О полиции: федер. закон от 7 фев. 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

Микитюк Юрий Васильевич,

кандидат исторических наук,

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Правовой статус личности в контексте развития государства и права

Современный процесс геополитических и демократических преобразований неминуемо ведет к первоочередной необходимости признания общечеловеческих ценностей, как основы общественного развития в XXI в., а также требует принципиальных изменений о теоретических представлениях правовой науки. Одним из важнейших среди них является не только признание, но и имплементация концепции правового государства, согласно которой граждане, их права и свободы признаются наивысшей ценностью.

Как известно, в юриспруденции уже описаны принципы правового государства, среди которых: непреложность и первоочередность свободы личности, ее прав и интересов, чести и достоинства, их охрана и гарантированность; справедливое распределение прав и обязанностей, а также взаимная ответственность между личностью и государством; наличие эффективных форм контроля и надзора за соблюдением и реализацией законов. Указанные принципы должны гарантироваться системой мер экономического, политического, социального, правового, организационного характера, которые обеспечивают: полновластие народа, широкое развитие общественного самоуправления, подконтрольность, эффективность, подчиненность государства, его должностных лиц обществу; исключение возможности чрезмерной концентрации власти у одной из ветвей властей; ре-

альную возможность для граждан и других субъектов права защищать личные права и законные интересы в судебном порядке; ответственность всех должностных лиц за свои действия в отношении граждан [1, с. 10].

Рассматривая историю становления института прав и свобод человека, можно отметить логическую связь нормативных документов разных эпох, например, таких, как Великая Хартия вольностей (1215 г.), Петиция о правах (1789–1791 гг.), Всеобщая декларация прав человека (1948 г.) и др. Содержание указанных правовых актов раскрывает путь формирования юридических конструкций в сфере прав и свобод граждан: утверждение норм сначала в социально-ограниченном варианте, последовательное развитие, обогащение содержания, постепенное распространение на другие группы юридических норм, а тогда признание достижений развитых, цивилизованных стран в области прав граждан другими странами [2, с. 112]. В этом процессе постепенной универсализации положений о правовом равенстве людей существенную роль сыграли представления об общепризнанных и неотъемлемых правах человека, которые должны устанавливаться и гарантироваться публичной властью и ее законами.

В разные исторические периоды понятие и содержание прав и свобод человека и их гарантии не были одинаковыми. Обратимся к трактовкам этих понятий древними мыслителями. В античных государствах существовала теория равенства людей от рождения, в соответствии с которой люди имеют одинаковые, обусловленные природой права, которые должны гарантироваться государством. Так, Платон размышлял о справедливом государстве, которое обязано построить свою деятельность так, чтобы все граждане были подчинены только нормам и принципам, вытекающим из идей блага и справедливости. Совершенным является такое государство, которое стремится к благу и справедливости [3, с. 101]. Государство признается гарантом человека и имеет обязанности перед ним, что приводит к обратной связи, когда и у гражданина появляются обязанности перед обществом, направленные на поддержку существования и развития государства.

Для современного российского общества характерными чертами следует считать, с одной стороны – изменчивость и адаптивность, а с другой – разобщенность и дифференцированность. Соционормативная система российского общества, как симбиоз социальных норм и правовых ограничений, значительно отличается в регионах России, что объективно обусловлено территориальными и социально-экономическими особенностями их развития [4, с. 15]. В этих условиях именно государство призвано выступать гарантом реализации основных конституционных прав и свобод человека и гражданина, обеспечивая максимальную сбалансированность своего воздействия в зависимости от потребностей каждого региона.

Юридические возможности личности в государстве определяются именно разграничением прав человека и прав гражданина. Совокупность

важнейших прав, свобод и обязанностей лица, которые требуют правового регулирования и соответствующей защиты со стороны государства, называют правовым статусом лица [5, с. 70]. Подчеркивая две составные части в формуле «права человека и права гражданина», можно отметить, что первые возникают из естественного права, а вторые – из позитивного. Права человека являются исходными, неотчуждаемыми, принадлежащими ему от рождения, а права гражданина, напротив, связаны с фактом гражданства, принадлежности лица к определенному политическому сообществу.

Термин «лицо» в этом контексте необходимо использовать как объединительное понятие «человек» и «гражданин» во взаимосвязи с правами и обязанностями. Это во многом определяется дуализмом правового статуса лица, выступающего в соответствующих сферах или как человек, или как гражданин. Лицо выступает как человек в сфере гражданского общества, и как гражданин – в сфере политической общности. Эта дуалистическая концепция, разделяющая индивидуума на человека и гражданина, воплощенная как в международно-правовых документах, так и в конституциях большинства стран [6, с. 105].

Большинство отечественных ученых разделяют мнение о том, что ядром правового статуса личности являются права и обязанности, но есть и другой взгляд, согласно которому права и обязанности – это только главный элемент правового статуса [7, с. 58]. Относительно правового статуса лица, более расширенное понятие предоставляет Р.А. Фахматуллин, который трактует его как общие, основополагающие начала, с помощью которых в Конституции определяются основные права, свободы и обязанности человека и гражданина, а также гарантии их осуществления, т.е. возможность иметь, владеть, пользоваться и распоряжаться экономическими, политическими, культурными и другими социальными ценностями, благами; пользоваться свободой действий и поведением в пределах Конституции и других законов [8, с. 199].

Методологическое значение категории «статус лица» заключается в том, что она позволяет определить его права, свободы и обязанности в целостном и системном единстве и с точки зрения их взаимообусловленности. Реализация лицом определенных прав и свобод предполагает наличие у него ряда обязанностей, благодаря чему достигается компромисс, согласование интересов различных субъектов. Более того, считаем, что нормативной предпосылкой осуществления охраны и защиты прав и свобод личности является ее правовой статус. Он дает возможность целостно охарактеризовать права, свободы и обязанности человека с точки зрения их взаимообусловленности. Стремление развивать и укреплять демократическое, социальное, правовое государство невозможно без утверждения в общественном сознании и социальной практике неотъемлемых и неотчуждаемых как на уровне должностных лиц, так и самих граждан естественных прав и свобод человека. Это связано с тем, что для правового государства

охрана и защита прав человека, обеспечение границ его свободы в обществе, недопущение нарушения пространства свободы, определенного правом, – это не просто ее органические политико-правовые функции, это ее главная цель, которой должны подчиняться все ее свойства, качества, характеристики. При этом согласны с С.А. Буткевичем в том, что данное направление деятельности приобретает особую значимость в условиях введения чрезвычайных правовых режимов [9, с. 14–16; 10, с. 87–88].

Статья 17.1 Конституция РФ закрепляет, что права и свободы человека и их гарантии определяют содержание и направленность деятельности государства. Согласно этой норме-принципу и должна строиться современная государственная власть, а также определяться принципиально новые задачи и функции государства, его органов власти и должностных лиц. Государство отвечает перед человеком за свою деятельность.

Список литературы:

1. Кузниченко С.А. Исторические аспекты введения административно-правовых режимов // Проблемы правоохранительной деятельности. 2007. № 2.
2. Стерхов П.А., Грозина Е.В. Механизм преемственности в развитии государственности (теоретический аспект) // Вестн. Восточно-Сибирского ин-та МВД России. 2013. № 4 (67).
3. Платон: Диалоги / [ред. А.Ф. Лосев]. М.: Мысль, 1986.
4. Карнаушенко Л.В. Соционормативная система трансформирующегося российского общества: современное состояние, перспективы развития // Общество и право. 2016. № 1 (55).
5. Таранова А.Е., Антонов Н.Е. Специфика базовых констант российской государственности и их влияние на историческое развитие России // Вестн. Белгород. юрид. ин-та МВД России. 2014. № 1.
6. Винниченко О.Ю., Попов В.И., Романчук И.С. Проблемы общей теории государства и права: учеб. пособие. Тюмень: ТюмГУ, 2011.
7. Конституционное право РФ: учеб. / Под общ. ред. Д.А. Виноградова. М.: Юрайт, 2014.
8. Рахматуллин А.Ф. Особенности правового статуса личности в современном обществе // Юридическая наука и практика: Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2013. № 23.
9. Буткевич С.А. Правовой режим военного положения (сравнительный анализ законодательства России и Украины) // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2015. № 2 (28).
10. Буткевич С.А. Правовой режим чрезвычайного положения (сравнительный анализ законодательства России и Украины) // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. 2016. № 2 (24).

Миронова Оксана Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Социальная защищенность личности как необходимое условие построения социального государства

В соответствии с Конституцией РФ, Россия – социальное государство (ст. 7). Под социальным государством в конституционном праве принято понимать государство политика, которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [1].

Социальное государство призвано обеспечить социальную защищенность личности, нормальные условия жизни для всех членов общества, независимо от их непосредственного участия в производстве благ.

В социальном государстве выделяются необходимые средства на нужды здравоохранения, культуры, отдыха, образования, строительство жилья, четкую работу транспорта и связи. Это обеспечивает надлежащую реализацию прав граждан на охрану здоровья, на отдых, на жилище, на образование, на пользование достижениями культуры, т.е. тех социальных прав, которыми должны в максимальном объеме пользоваться все граждане государства.

Задача любого социального государства – прежде всего обеспечить своим гражданам следующие условия: (1) каждый гражданин должен иметь достойный человека прожиточный минимум; (2) каждый трудоспособный человек должен иметь возможность зарабатывать для себя и содержания членов своей семьи; (3) инвалиды или граждане, которые по тем или иным причинам, не имеют возможность работать должны иметь возможность поддерживать нормальный уровень жизни за счет перераспределения государственных ресурсов, накопленных субъектами, участвующими в экономической жизни страны [2].

Очевидно, что сегодня конституционное положение о социальной ответственности и социальной направленности политики государства, направленной на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7 Конституции РФ) не выполняется в полной мере. Не выполняется во всех составляющих социальной политики: в здравоохранении, в образовании, в пенсионном обеспечении и др. Необходимо отметить, что социальная ситуация ухудшается с каждым годом, и никаких перспектив к изменению вектора развития состояния социальной сферы в ближайшей перспективе нет. Самому государству в этом направлении справиться будет сложно. По нашему мнению, на помощь могут прийти институты гражданского общества: общественные организации, религиозные объединения.

Сегодня перед религиозными организациями стоит высокая задача возрождения традиционного социального служения. В этой сфере своей деятельности Церковь служит ближнему, имея в виду устроение его блага, духовного и телесного. Здесь интересы государства и Церкви совпадают, т.к. государство объективно стремится к благу своих граждан.

Следует помнить, что Россия светское государство. В соответствии с Конституцией никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом.

Отделение религиозных объединений от государства также означает, что в своей повседневной деятельности они не выполняют функций органов государственной власти и управления, государственных учреждений, органов местного самоуправления и иных государственных органов. Такое «разграничение полномочий» дает религиозным объединениям широкие возможности самостоятельно, свободно и ответственно, в пределах своей правоспособности действовать от своего имени в негосударственной сфере общества, которая на сегодняшний день существенно расширилась.

Перечень сфер сотрудничества религиозных объединений и современного государства в нынешний исторический период достаточно широк. Среди основных направлений можно выделить: миротворчество на международном, межэтническом и гражданском уровнях, содействие взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами и государствами; забота о сохранении нравственности в обществе; духовное, культурное, нравственное и патриотическое воспитание и обучение; благотворительность и развитие совместных социальных программ; попечение о воинах и сотрудниках правоохранительных органов, их духовно-нравственное воспитание; работы по предупреждению преступности, оказание помощи лицам в местах лишения свободы; наука, включая исследования; здравоохранение и др.

Следует отметить тот факт, что для РПЦ всегда была характерна активная роль в осуществлении благотворительного социального служения гражданам Российского государства. В древних княжеских уставах (например, в Уставе Великого Князя Киевского Ярослава Мудрого) оговаривался долг Церкви заботиться об увечных, а также вдовах, сиротах и бездомных. Издавна монастыри были не только центром молитвы и монашеского делания, но и приютами для детей, больницами и богадельнями.

Массовый всплеск благотворительной деятельности церкви приходится на годы, когда Восточная, а затем Русско-турецкая войны породили широкое движение сестер милосердия. Государство всецело заботилось о поддержании этого движения.

Сегодня в условиях правового государства осуществление любой социально значимой деятельности требует от православных социальных служб особого построения взаимоотношений с государственными органа-

ми с тем, чтобы добиться наибольшей эффективности такой деятельности. По существу, этот процесс предполагает вхождение православных социальных служб в определенное правовое пространство.

Особенностью правового статуса религиозных организаций на данный момент является то, что они относятся к некоммерческим организациям, деятельность которых регулируется наряду с Федеральным законом «О некоммерческих организациях», Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях». Вопросы, которые не урегулированы Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях», урегулированы Законом «О некоммерческих организациях». Так, предусматривается право религиозных организаций создавать филиалы и представительства; определяется правовой статус имущества религиозных организаций и имущества, переданного ему его учредителями; правила ведения бизнеса и некоторые другие аспекты, которые являются общими для всех видов некоммерческих организаций [3; 4].

Особым в этом контексте является вопрос о соотношении статусов религиозной и благотворительной организации. Действующее законодательство прямо разделяет их. Более того, сегодня можно услышать заявления о том, что статус религиозной организации исключает наличие статуса благотворительной организации. Статья 6 Федерального закона «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» закрепляет, что благотворительная организация является неправительственной (негосударственной и немunicipальной) некоммерческой организацией, созданная для реализации предусмотренных настоящим Федеральным законом целей путем осуществления благотворительной деятельности в интересах общества в целом или отдельных категорий лиц.

Очевидно, что от организационно-правовой формы православной социальной службы зависит от ее способности приобретать предоставленные юридические права и обязанности, получать преференции от государственных органов на осуществление отдельных видов деятельности и осуществление договорно-правового сотрудничества с государством. Поэтому важно изначально выбрать ту организационно-правовую форму, которая будет наиболее удобна для деятельности социальной службы.

Взаимодействие православных социальных служб и государства имеет очень хорошую перспективу. Участие неправительственных организаций для решения общегосударственных проблем может стать программой тех или иных органов государственной власти. При этом государство и Церковь должны выработать договорные принципы сотрудничества. Такая работа уже начата и осуществляется путем заключения соглашений Московской Патриархии с различными министерствами и ведомствами.

Перспектива такого взаимодействия может выразиться в комплексном решении социальных проблем конкретной территории с помощью многочисленных и организованных православных социальных служб. Однако это дело будущего, хотелось бы надеяться, ближайшего.

На сегодняшний день конституционное положение о том, что РФ является социальным правовым государством, больше отражает стремление, цель, задачу стать таким государством, нежели уже достигнутую реальность. Тем не менее, уже много значит само закрепление в Конституции РФ такого стремления, таких целей и задач.

Становление социального правового государства проходит сложный и болезненный путь. Очевидно, что современное правовое государство должно гарантировать реальную социальную защиту для всех тех, кто находится в экономически невыгодном положении, и постоянно увеличивать ассигнования на социальные нужды населения страны. Необходимо соблюсти не просто равенство между гражданами, уровнять всех в их бедности, а оказать помощь со стороны государства, распределить между людьми их проблемы и тяготы.

Список литературы:

1. Конституция РФ, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (ред. от 21.07.2014) // Рос. газ. 1993. 25 декабря.
2. Дреманова М.А. Россия социальное государство? // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12.
3. О свободе совести и о религиозных объединениях: федер. закон от 26 сен. 1997 г. № 125-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.
4. О некоммерческих организациях: федер. закон от 12 янв. 1996 г. № 7-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.
5. О благотворительной деятельности и благотворительных организациях: федер. закон от 11 авг. 1995 г. № 135-ФЗ (ред. от 05.05.2014) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3340.

**Михайлов Олег Геннадьевич,
Илюшкина Ольга Сергеевна,
Санкт-Петербургский университет МВД России**

Современные аспекты обеспечения прав человека в Российской Федерации

10 декабря 1948 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Всеобщую декларацию прав человека. Это одно из важнейших событий в истории человечества, оно ознаменовало собой начало новой эры во взаимоотношениях между государством и его гражданами. Текст Декларации является первым глобальным определением прав, которыми обладают все люди.

Необходимость в развитии человеческих прав ярко продемонстрировала Вторая мировая война, когда общественности стало известно о звер-

ствах, которые совершала нацистская Германия. В 1941 г. Ф. Рузвельт в своем обращении к Конгрессу «О положении страны» призвал поддержать четыре важные и необходимые свободы: слова, совести, свободу от нужды и страха.

Но основы Всеобщей декларации прав человека были заложены задолго до событий Второй мировой войны, еще такими мыслителями, как Сократ, Платон, Фома Аквинский, Макиавелли. Также во многом современная модель правового государства обязана своим появлением Римской республике. Римское государство благодаря своему долгому экономическому процветанию, смогло подготовить и создать платформу для поддержания законности.

В современном мире проблемой для любого общества и государства является реальное использование каждым человеком своих прав и свобод, а в случаях возникновения споров, конфликтов, правонарушений – наступление эффективной, надежной их охраны и защиты. Права и свободы человека нельзя отрывать от конституционного строя государства, социальной, политической и экономической системы общества, т.к. именно в них коренятся гарантии прав человека, которые он имеет с момента своего рождения. Согласно ст. 18 основного закона РФ «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» [1, с. 126]. Права и свободы человека должны быть не средством контроля государства над человеком, а являться способом обеспечения индивидуальной суверенности личности и ее взаимодействия с другими людьми, различными социальными структурами, обществом и государством.

Права человека, их реализация – это сфера не только личной заботы и активности каждого человека, их гарантия – обязанность государства, долженствующая получить адекватное отражение в его социальной и политической системе, а также конституционном и текущем законодательстве.

Права человека – это такие права, которые принадлежат всякому человеку независимо от его гражданской принадлежности, т.е. гражданам, иностранцам, лицам без гражданства. Права человека обладают всеобщим характером и принадлежат всякой личности, не находящейся в состоянии прямой зависимости от других людей. Права и свободы человека в современном мире – это мощный пласт общечеловеческой культуры, без освоения которого невозможно оценивать всю систему сложных политических, социальных, экономических, культурных отношений на национальном и международном уровнях.

Права и свободы человека – это высшая ценность, которая является критерием «человеческого измерения» противоречивых процессов, происходящих как в России, так и во всем мире. Знания о них ставят целью не

только воспитывать людей, формировать правильные представления о правах и свободах как необходимых условиях свободы и равенства, но и создавать правовое общество, в котором права и свободы человека являются священными и неотъемлемыми, а их уважение и защита – важнейшим свойством всего уклада государственной и общественной жизни. Права и свободы человека легко постулируются на бумаге, но очень трудно реализуются в жизни. Произошедшие в России политические и экономические преобразования обусловили переоценку прежних социальных идей и установок. Но такая важная задача, как приведение российского законодательства в соответствие с нормами и принципами международного права в области прав и свобод человека, сохраняет свою актуальность и сегодня.

Не секрет, что Россия в настоящее время далеко не на первом месте по уровню жизни, и ряд социально-экономических прав человека, входящих в международный стандарт, государство не может обеспечить. Если раньше права человека нарушались тоталитарным режимом, то сейчас они страдают от самой демократии. Власть сама злоупотребляет имеющимися у нее административными рычагами. Сплошь и рядом возникают ситуации, когда право есть, а блага нет, закон действует, а цели его не достигаются.

Не обеспечено право на жизнь, здоровье, безопасность (от рук преступников ежегодно погибает свыше 30 тыс. человек, в несколько раз больше получают телесные повреждения, смертность превышает рождаемость, эколого-демографический кризис) [2, с. 22]. Однако наше государство развивается в направлении обеспечения прав и свобод человека и гражданина. В частности, конституционные права и свободы обладают специфическим набором средств и методов своей защиты. К их числу относятся: конституционно-судебный механизм (Конституционный Суд); судебная защита (суды общей юрисдикции); административные действия органов исполнительной власти; законная самозащита человеком своих прав; международно-правовой механизм.

Современная ситуация с правами человека в России представляет собой причудливую смесь из очевидных достижений, особенно в сравнении с советским периодом, и явных патологий с точки зрения общепринятых международных норм. Какие-то права человека, найдя свою нишу в современном российском обществе, в основном соблюдаются, другие, наоборот, из года в год подавляются всей мощью государства при явном попустительстве общественности. Соблюдение одних прав имеет в основном позитивную динамику: степень их защищенности медленно, но верно повышается; другие переживают явный регресс; степень защищенности третьих так и застыла на уровне перестроечного прорыва.

В современных условиях в РФ необходимо продолжать формировать подлинное уважение к человеку и к его правам и свободам. Преодоление правового нигилизма и овладение культурой прав и свобод человека поз-

волит личности уверенно ориентироваться в оценке гуманитарной и социальной деятельности государства, правовой и нравственной культуры. Поэтому одной из важнейших задач, стоящих перед обществом и государством, является задача обучения культуре прав и свобод человека. В целом можно сказать, что главное в рассматриваемой проблеме – это не теоретическая разработка прав и свобод человека и гражданина, а создание необходимых условий, гарантий и механизмов для их реализации, т.е. практическая сфера.

Список литературы:

1. Киреев М.П., Клячин В.М., Кисилев А.А. Некоторые аспекты правового регулирования деятельности правоохранительных органов в период ЧС техногенного характера // Актуальные проблемы обеспечения общественной безопасности в кризисных ситуациях: материалы 14-й междунар. науч.-практ. конф. М.: Акад. управления МВД России, 2012.

2. Горелов С.А., Горелов А.А. Субъективность как феномен непрерывного личностного профессионального саморазвития и самосовершенствования современного руководителя правоохранительных органов // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2012. № 4.

Мозгарева-Марченко Любовь Алексеевна,
администрация муниципального образования городского округа Судак;
Русанова Светлана Юрьевна,
кандидат юридических наук,
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Роль комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав муниципальных образований в обеспечении ювенального правопорядка

Ювенальная юстиция представляет собой систему государственных, муниципальных и общественных судебных, правоохранительных и правозащитных органов, учреждений и организаций, на основе ювенального права и с помощью медико-социальных и психолого-педагогических методик осуществляющую правосудие в отношении детей, профилактику и предупреждение правонарушений детей и против детей, защиту прав, свобод и интересов, а также ресоциализацию детей, находящихся в сложной жизненной ситуации. Ювенальная юстиция является ключевым инструментом в обеспечении и поддержании ювенального правопорядка в государстве.

Ювенальный правопорядок в науке определяется как «состояние урегулированности правом общественных отношений в сфере реализации

прав и свобод несовершеннолетних, а также в области охраны и защиты этих прав и законных интересов от неправомерных деяний иных субъектов права» [1]. Поддержание ювенального правопорядка относится к компетенции государственных органов власти, органов местного самоуправления, а также общественных организаций.

Согласно ст. 4 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в систему ювенальной юстиции в России входят комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, образуемые в порядке, установленном законодательством РФ и ее субъектов, органы управления социальной защитой населения, органы управления образованием, органы опеки и попечительства, органы по делам молодежи, органы управления здравоохранением, органы службы занятости, ОВД.

Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав являются коллегиальными органами системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, создаются высшими исполнительными органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления в целях координации деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по предупреждению безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, выявлению и устранению причин и условий, способствующих этому, обеспечению защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, социально-педагогической реабилитации несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, выявлению и пресечению случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий.

Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав были образованы в первые годы советской власти на основании Декрета «О комиссиях по делам несовершеннолетних», принятого Советом народных комиссаров 14 января 1918 г. Декрет определил в качестве основных задач комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав воспитание детей и подростков, а также применение к ним мер воспитательного и принудительного характера. На современном этапе правовое регулирование деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав регламентируется Конституцией РФ, Федеральным законом «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», иными федеральными законами и подзаконными актами, а также законодательством субъектов России и актами органов местного самоуправления.

Следует отметить, что в ряде субъектов России на уровне регионального законодательства решен вопрос о реализации полномочий комиссии, в т.ч. по защите прав и координации. Созданы вневедомственные штатные

аппараты региональных и муниципальных комиссий, законодательно установлена обязательность исполнения утверждаемых комиссиями постановлений, ведение межведомственных банков данных о несовершеннолетних и семьях, находящихся в социально опасном положении, урегулированы вопросы взаимодействия между комиссиями и органами следствия в целях организации межведомственной индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними и семьями [1].

В соответствии со ст. 77 Конституции субъекты федерации и органы местного самоуправления в пределах своих полномочий самостоятельно образуют собственные органы власти и определяют их организационно-правовую форму. Государственный Совет Республики Крым принял Закон № 58-ЗРК «О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав в Республике Крым», который устанавливает порядок образования, деятельности и полномочия комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в Республике Крым [6, с. 126]. В соответствии со ст. 5 указанного закона систему комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в Республике Крым составляют Республиканская комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, создаваемая Советом министров Республики Крым, а также комиссии, созданные органами местного самоуправления и осуществляющие деятельность на территории муниципальных районов и городских округов при наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями субъектов РФ.

К числу основных задач комиссии относят: координацию деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; обеспечение осуществления мер по защите и восстановлению прав и законных интересов несовершеннолетних, защите их от всех форм дискриминации физического или психического насилия, оскорбления, грубого обращения, сексуальной и иной эксплуатации; обеспечение осуществления мер по социально-педагогической реабилитации несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении; предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, выявление, анализ и устранение причин и условий, способствующих этому; обеспечение осуществления мер по выявлению и пресечению случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий; выработка согласованных подходов к решению основных вопросов, касающихся приоритетных направлений деятельности, связанной с профилактикой безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защитой их прав и законных интересов; взаимодействие с общественными объединениями, религиозными организациями, прошедшими государственную регистрацию, иными организациями и гражданами по вопросам профилактики безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, защиты их прав и законных интересов и др.

Образование Комиссии осуществляется городским или районным советом на срок его полномочий. Комиссия образуется в составе председателя, заместителя председателя, ответственного секретаря, иных членов комиссии. Председатель назначается главой городского совета из числа его заместителей. Численный состав Комиссии определяется с учетом числа органов учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, объема и содержания выполняемой работы и не может быть менее 9 человек и более 15 человек. По решению комиссии в ее заседаниях могут принимать участие с правом совещательного голоса представители иных органов и учреждений, а также организаций, общественных объединений, занимающихся решением проблем несовершеннолетних и их семей.

К полномочиям Комиссии относят: нормотворческие (принимает участие в разработке нормативных правовых актов и программ по вопросам защиты прав и законных интересов, профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних); информационные (информирует органы местного самоуправления о состоянии работы по защите прав и законных интересов, профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних); контрольные (организует проверку условий использования труда несовершеннолетних в организациях и у физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность); правообеспечительные (обеспечивает оказание помощи в трудовом и бытовом устройстве несовершеннолетних); регулятивные (разрабатывает совместно с общественными воспитателями несовершеннолетних индивидуальные программы реабилитации несовершеннолетних и планы мероприятий по их реализации); воспитательные (осуществляет правовое просвещение в сфере прав и обязанностей несовершеннолетних, их родителей или иных законных представителей); правоохранные (осуществляет меры по привлечению к ответственности должностных лиц и граждан за нарушение прав и законных интересов несовершеннолетних, недобросовестное исполнение обязанностей по защите прав и законных интересов несовершеннолетних) [5].

Анализ правового статуса комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав дает нам право утверждать, что на сегодняшний день они входят в систему ювенальной юстиции как органы внесудебной деятельности по защите прав несовершеннолетних, не связанной с отправлением правосудия и являются одним из первичных субъектов поддержания ювенального правопорядка на уровне муниципальных образований [2, с. 74]. Они являются координатором работы с семьей и несовершеннолетними на уровне местного самоуправления, осуществляющие свои полномочия на основе делегированных государственных полномочий с передачей необходимых для их осуществления материальных и финансовых средств и ресурсов. Методическое руководство комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав муниципальных образований и контроль их деятельности осуществляет Республиканская комиссия.

Сегодня на уровне федерального законодательства назрела необходимость принятия специального закона, регламентирующего правовое положение комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, включив их в систему органов исполнительной власти.

Список литературы:

1. Брылева Е.А. Комиссии по делам несовершеннолетних как субъект ювенального правопорядка // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. 2011. Вып. 1 (11).
2. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон от 24 июня. 1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.
3. Косевич Н.Р. Внедрение ювенальных технологий в деятельность комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав и судов общей юрисдикции // Рос. правосудие. 2010. № 5.
4. Романова А.А. Деятельность органов внутренних дел Республики Крым по защите прав несовершеннолетних // Научные аспекты современных исследований: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2015.
5. О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав в Республике Крым: Закон Республики Крым от 01 сен. 2014 г. № 58-ЗРК (ред. от 26.10.2016) // Газ. «Крымские известия» от 10 сент. 2014 г. № 181–182.
6. Русанова С.Ю. Особенности конституционно-правового статуса Государственного Совета Республики Крым // Закономерности и тенденции развития науки: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2015.

Моисеев Антон Борисович,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Проблема соблюдения прав человека в условиях резкого обострения угрозы терроризма в современном обществе

Обеспечение прав человека в условиях резкого обострения угрозы терроризма в современном обществе и усиления мер по противодействию этому крайне опасному социальному явлению, предпринимаемых государствами повсеместно практически во всех регионах Земного шара, представляется в настоящий момент одной из наиболее актуальных и часто обсуждаемых проблем в рамках дискуссий, ведущихся в пространстве современных социально-политических и юридических наук.

Согласно точке зрения британского социолога, профессора Оксфордского университета Э. Гидденса, понятие сущность терроризма «можно только на фоне относительного внутреннего спокойствия, царящего в современных государствах». «Разумеется, – пишет он, – в них есть немало

насилия – домашнего, уголовного и т.д. Однако в современных обществах... нет внутренних сил, способных бросить вызов «силовым структурам государственной власти в отличие от архаичных обществ, где государственная власть имела противников в лице местных военачальников, вождей, пиратов, разбойников и множества других лиц» [1, с. 350]. В этих условиях терроризм приобретает особое значение, поскольку он оспаривает монопольное право правительств на применение силы в политических целях, и пытается воспользоваться теми же символами легитимности, что его главный противник – государство.

Однако, как справедливо указывает У. Лакер, вооруженный протест находящихся в подполье экстремистских групп, представляющих в процентном соотношении по отношению ко всему обществу в целом абсолютное меньшинство, имеет шанс на успех только в том случае, если государственная власть изъявляет согласие играть по новым правилам, что, прежде всего, исключает тотальную расправу со всеми инакомыслящими – потенциальной опорой и социальной базой террористов. Террористы могут достигнуть поставленных целей только при таком правительстве, которое в своих действиях опирается на закон и отвергает террор как метод политического управления обществом [2, с. 378].

Опыт подавления уругвайских тупамарос в первой половине 1970-х годов, равным счетом как и политика правительства Перу в отношении радикальных организаций «Сендеро Луминосо» и Революционного движения имени Тупака Амару в период правления президента Альберто Фухимори во второй половине 1990-х годов, свидетельствуют, что только поворот в сторону жестких авторитарных методов управления со значительной долей как легитимного, так и нелегитимного насилия со стороны государства и союзных с ним парамилитарных структур в отношении лиц, подозреваемых в терроризме или пособничестве террористической деятельности, оказывался решающим фактором в обеспечении успеха государства в деятельности по пресечению терроризма. Вместе с тем не нуждается в особом обосновании и доказательстве тот непреложный факт, что успех этот был достигнут ценой откровенного попрания фундаментальных прав человека на жизнь, уважение личностного достоинства и справедливое судебное разбирательство. Убийства, пытки, нарушение права на тайну переписки и неприкосновенность жилища, чрезвычайная юстиция, лишавшая возможности квалифицированной защиты в суде, – таков неполный арсенал антитеррористических методов, использованных правительствами Уругвая и Перу для решения проблемы внутреннего терроризма в этих странах. Неудивительно, что вынужденный в итоге бежать из страны бывший президент Перу Альберто Фухимори, будучи по решению Верховного Суда Чили выдан новым перуанским властям, в 2009 г. был осужден специальным трибуналом на 25 лет лишения свободы за организацию так называемых «эскадронов смерти», ответственных за внесудебные расправы с лицами, заподозренными в причастности к терроризму [3].

Анализ исторического опыта Уругвая и Перу, равно как и ряда европейских государств, столкнувшихся с терроризмом как системным явлением во второй половине XX в., свидетельствует о том, что для превращения терроризма в серьезную внутривластную проблему необходим ряд специфических социальных условий, присущих государствам с организацией социума либерального типа. Иронически характеризуя взаимосвязь этого типа социальной организации с терроризмом, великий русский советский философ А.А. Зиновьев писал, что пробудить терроризм в любой стране очень просто: «Забросить туда оружие, особенно – взрывчатые вещества. Обучить людей владеть этим оружием и делать бомбы. Затем – забросить средства транспорта, квартиры и отдельные дома, документы, средства питания и многое другое. Отменить в стране систему прописки и обязательность работать в каком-либо учреждении. ...отменить смертную казнь, ввести западное судопроизводство, улучшить условия содержания заключенных. Когда вы это все сделаете, от желающих заниматься террористической деятельностью отбоя не будет» [4]. Чуть далее, сравнивая либеральную организацию западного типа с советским типом организации общества в контексте проблемы терроризма, Зиновьев сделал любопытный вывод: «...в чем коренное отличие Советского Союза от Запада в этом отношении? Здесь борются с терроризмом, а в Союзе борются с возможностью его появления. Тут лечат болезнь, а там занимаются профилактикой» [4, с. 209].

Таким образом, можно констатировать наличие очевидного противоречия между идеологией соблюдения прав и свобод человека как фундаментальных системообразующих ценностей общественной организации либерального типа и проблемой реальной безопасности основанного на этих ценностях общества в условиях, когда ему брошен вызов со стороны тех социальных сил, которые, используя в своих интересах гарантированные всем права и свободы, в то же самое время не желают подчиняться общепринятым легальным и легитимным правилам общественного поведения и избирают путь терроризма в качестве средства реализации своих специфических интересов.

Наглядным доказательством этого тезиса служит эволюция права на свободу выражения своего мнения и личных убеждений в современном обществе. Будучи изначально поднята либералами на щит в качестве фундаментальной ценности социальной организации либерального типа, нацеленной на защиту личного достоинства индивида от политической, религиозной или социальной тирании, свобода слова трансформировалась в итоге в абсолютизированную свободу неограниченного обмена и распространения информации, и в этом качестве была инструментализирована экстремистами и террористами всех мастей как средство публичного обнародования и пропаганды собственных взглядов. Особую роль в самом процессе инструментализации свободы слова в качестве орудия терроризма сыгра-

ло появление бесцензурного пространства в форме информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и производных от нее социальных сетей, а также технологии мессенджеров – программ общения пользователей компьютеров и устройств мобильной связи между собой посредством обмена текстовыми сообщениями, графическими, аудио и видеофайлами, а также голосовой и видеосвязью (например, Skype) в режиме реального времени.

Все это в конечном итоге привело к возникновению феномена «сетевого терроризма», когда террористом может стать абсолютно любой человек с экстремистскими наклонностями, не связанный организационно с какой-либо террористической группировкой или спецслужбами, покровительствующими террористам, поскольку с позиций сегодняшнего дня было бы бессмысленно отрицать роль ЦРУ США в создании «Аль-Кайды» и ИГИЛ, равно как и спецслужб стран социалистического лагеря в пособничестве организациям типа «Rote Armee Fraktion» и личностям вроде И.Р. Санчеса по кличке «Шакал». На совершение террористического акта такой человек самостоятельно мотивируется информационным пространством, позволяющим распространять любые взгляды и технологии в полном соответствии с либеральной трактовкой естественного и неотъемлемого права человека на свободу получения, обмена и распространения информации [5, с. 41].

О том, как далеко могут зайти последствия такого понимания фундаментальных прав и свобод человека в условиях резкого обострения угрозы терроризма в современном обществе свидетельствует случай с мальчиком Виталием из тверской деревни, который все дни просиживал за компьютером, общаясь на псевдоисламистском сайте с «наставником», в 13 лет сделал себе обрезание, а в 15 – смастерил самодельную бомбу. Свои радикальные взгляды, отметил описавший этот случай директор российского Института региональных проблем Д.А. Журавлев [6, с. 76], и стремление убивать за веру мальчик почерпнул из «Интернета», однако выбор цели, покупку необходимых материалов и конструирование бомбы осуществлял самостоятельно [7, с. 125].

Применительно к проблеме обеспечения прав и свобод человека в условиях обострения угрозы терроризма существует и еще одна актуальная проблема. Отечественный философ, директор московского Центра изучения и развития межкультурных отношений Ю.В. Тихонравов справедливо заметил, что поскольку каждое право – это обязанность государства наказать его нарушителя, расширение прав означает расширение составов преступлений и все большую криминализацию нашей жизни. Парадокс состоит в том, что, борясь за все новые права, мы все больше впускаем в нашу жизнь уполномоченных государством вооруженных людей [8].

Глобализируясь по территориальному охвату, масштабам и методам применяемого насилия, разнообразию и мощности используемых техниче-

ских средств разведки и поражения, противоборство с терроризмом, все более обостряясь на каждом новом витке противостояния террористов и государства, в конечном итоге завело человечество в тупик, где защита одних фундаментальных прав с неизбежностью сопровождается откровенным попранием других.

Неоднозначные результаты контртеррористических операций в здании Театрального центра на Дубровке в Москве 26 октября 2002 г. и в школе № 1 г. Беслана 3 сентября 2004 г., равно как и многочисленные полномасштабные военные конфликты в различных регионах мира, официально именуемые «контртеррористическими» или «антитеррористическими» операциями, заставляют задуматься над тем, что идеология современного антитеррора зиждется на противопоставлении меньшего зла большему злу, что неизбежно влечет за собой пусть и непреднамеренное, но все же нарушение прав конкретных людей, выступающих в данном случае в качестве мирных обывателей, не только атакующей (террористы), но и обороняющейся стороной (силы антитеррора).

Согласно Томасу Гоббсу именно согласие индивидов обменять свои естественные индивидуальные права на личную безопасность в социуме стало основой общественного договора, положившего начало государству как единственному правомочному институту легального и легитимного насилия в обществе. Террористы, посягая на личную безопасность индивидов, нарушают общественный договор. Может ли государство в качестве превентивной предупредительной меры против возможных действий террористов нарушить отдельные права индивидов? Да! Но с условием, что эти меры обеспечат защиту главного права любого человека – права на жизнь.

Выражая озабоченность соблюдением целого ряда иных, важных по своей сути, но не столь фундаментальных прав, каким правом в реальности выступает право на жизнь, борясь за расширения поля охраняемых законом незыблемых индивидуальных прав, общество теряет из виду, что главная цель государства – обеспечение общественной безопасности индивида. Последующая затем борьба с терроризмом, являющегося прямым следствием злоупотребления отдельными индивидами своими правами, охраняемыми государством, представляется не столько запоздалой реакцией на очевидный факт злоупотребления правами, сколько констатацией неспособности преодолеть пагубную либеральную тенденцию расширения поля индивидуальных человеческих прав в ущерб безопасности общественного целого как гаранта сохранения человеческой жизни как таковой.

Как свидетельствует современный исторический опыт, разрушение стабильных, процветающих государств во имя торжества либеральной идеи абсолютного суверенитета прав и свобод абстрактно понимаемой человеческой личности не могло обернуться ничем иным, кроме наблюдаемого сегодня в некоторых странах разгула экстремизма и терроризма в их

самых кровавых и человеконенавистнических формах. Волна нового террористического насилия, порождаемая экстремистскими проповедями в «Интернете», достигла уже побережья толерантной Европы, где мантры о правах человека, распеваемые социально безответственными поборниками либерализма и мультикультурализма, очевидно проигрывают жесткой реальности противостояния, в которое Европу втянули собственные политические и интеллектуальные элиты, покорно принявшими стратегию нового передела мира, сформулированную и принятую к реализации неоконсервативными правящими кругами США на рубеже XX–XXI веков.

Очевидно, что новые вызовы терроризма, с которыми человечество уже столкнулось в виде Аль-Кайды, ИГИЛ и их многочисленных сетевых модификаций, равно как и те вызовы, с которыми еще придется столкнуться, с точки зрения проблемы соблюдения прав и свобод человека воспринимаются и будут восприниматься очень болезненно. Однако современным обществам для того, чтобы достойно выйти из этого порочного круга, сопряженного не только с убийствами и насилием, но и ложью, обманом, взаимными обвинениями и недоверием заинтересованных в разрешении данной проблемы легальных и легитимных субъектов мирового сообщества, необходимо в том числе пересмотреть иерархию собственных жизненно значимых ценностей, нормативно воплощенных в систему защищаемых законом прав и свобод человека, отдав во всех случаях приоритет главной и безусловной ценности – ценности человеческой жизни.

Список литературы:

1. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
2. Лакер У. Истоки терроризма // В кн.: Кожушко Е.П. Современный терроризм: анализ основных направлений / Под общ. ред. А.Е. Тараса. Мн: Харвест, 2000.
3. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Фухимори,_Альберто.
4. Зиновьев А.А. Мой дом – моя чужбина. Гомо советикус. М., 1991.
5. Олейник В.И. Радикальный ислам в современном мире: политический аспект // Вестн. эконо. безопасности. 2015. № 6.
6. Журавлев Д.А. Постиндустриальное общество как среда зарождения и распространения сетевого терроризма // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2014. № 9.
7. Моисеев А.Б. Обострение угрозы терроризма в Российской Федерации и задачи формирования антитеррористического мировоззрения населения в современных условиях // Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: КрУ МВД России, 2015.
8. Тихонравов Ю.В. О правах человека // URL: <http://polit.izm.io/ru/analytics/analytics-o-pravah-cheloveka>.

Небратенко Ольга Олеговна,
кандидат юридических наук, доцент,
Ростовский юридический институт МВД России

Международные механизмы защиты прав и свобод человека

Права человека долгое время являлись внутренним делом каждого государства и только после принятия Устава ООН стали общим делом международного права. Можно сказать, что права человека защищаются не только на национальном, но и на международном уровне. Соответственно, институт защиты прав человека, как единая и общая система, включает в себя наряду с национальным компонентом еще международный [1, с. 15]. В научной юридической литературе последних лет отмечается активное взаимодействие международной и национальной правовых систем во внутригосударственном правовом регулировании в качестве характерной черты глобализирующегося мира, а также расширение присутствия международного права в правовых системах современных государств [1, с. 74–82].

Международная защита прав человека представляет собой осуществление сотрудничества государств по двум основным направлениям: а) создание универсальных и региональных международно-правовых норм в области прав человека и б) создание и действие специальных механизмов контроля за их соблюдением. К механизмам универсального сотрудничества и контроля в области прав человека относится прежде всего ООН, одной из целей деятельности которой является осуществление международного сотрудничества в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии.

Региональное сотрудничество в области прав человека дополняет формы универсального сотрудничества и в некоторых отношениях более эффективно обеспечивает защиту основных прав. Именно права человека в настоящее время являются наиболее распространенной причиной взаимодействия национальных правовых систем, способствуют интеграции общемирового и регионального правового пространства. Сказанное обусловлено рядом факторов: индивиды получили возможность воздействовать на национальные системы через обращение к межгосударственным органам защиты прав человека; отсюда вопросы защиты прав человека перестали быть делом исключительной юрисдикции отдельного государства; увеличилось количество международно-правовых актов, являющихся составной частью правовой системы суверенного государства и потому обязательных для применения. Кроме того, наметилась тенденция к унификации механизмов защиты прав человека, которые представлены теперь на различных уровнях, в силу чего становятся все более доступными.

Региональное сотрудничество осуществляется, главным образом, в рамках Совета Европы, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, ЕС, СНГ, Африканского союза, Организации Американских государств, Организации Исламских государств. Гражданам России доступны из перечисленных лишь механизмы защиты в рамках Совета Европы и СНГ. Все иные механизмы регионального сотрудничества также представляют научный интерес. Думается, под региональной системой защиты прав человека следует понимать систему, сформированную в рамках Совета Европы, ЕС, Организации американских государств, Африканского Союза, СНГ, иных региональных организаций, включающую в себя: во-первых, региональные международно-правовые документы по правам человека (нормативный элемент); во-вторых, имеющую специальные механизмы контроля, в основном судебные, за соблюдением международно-правовых актов, такие как ЕСПЧ, Суд Европейских сообществ, Межамериканский Суд по правам человека, Межамериканская комиссия по правам человека, Африканская комиссия по правам человека и народов, Комиссия по правам человека СНГ (институциональный элемент), основной задачей которых является защита признаваемых государствами – участниками прав и свобод человека. Судебные органы относятся к контрольным механизмам региональных систем защиты.

Огромное внимание в юридической литературе уделяется европейской системе защите, включая ее контрольные механизмы, значительно меньше – иным региональным системам: межамериканской, африканской, СНГ, формирующейся азиатской. Базисным документом Европейской системы защиты является Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. В нее включены в основном гражданские и политические права. Социальные, экономические и культурные права гарантируются другим не менее важным международным актом Совета Европы – Европейской социальной Хартией. Хартия в первоначальном варианте была разработана Международной организацией труда и подписана в 1961 г. в Турине, впоследствии дополнена тремя Протоколами. Реформирование Хартии завершилось принятием новой, пересмотренной Европейской социальной Хартии, вступившей в силу 1 июля 1999 г. Россия ратифицировала Пересмотренную Хартию в октябре 2009 г. В ч. 4 ее говорится, что контроль за выполнением обязательств осуществляется как с помощью процедуры наблюдения в виде системы докладов, оставшейся неизменной с Хартии 1961 г., так и с помощью процедуры коллективных жалоб. Сама Хартия является действенным механизмом за выполнением государствами принятых на себя социальных обязательств.

Имеются отличия региональной системы защиты Европейской правозащитной системы от ООН, представляющей универсальную систему защиты. Так, ООН в основном рассматривает глобальные социальные проблемы – дискриминация по признаку пола, расовая дискриминация, а жа-

лобы граждан практически не рассматривает. Напротив, Европейская правозащитная система содержит конкретные механизмы, направленные на обеспечение и защиту прав и свобод каждого обращающегося к ней человека и гражданина.

Представители юридической науки актуальной задачей видят необходимость разработки новой Хартии прав человека для XXI в., которая должна объединить все существующие международные договоры ООН в данной области, уточнить и конкретизировать существующие стандарты, содержать новые формы и принципы, сложившиеся за последние годы [1, с. 37]. Такое предложение изначально было высказано Б. Гроссом и В.А. Карташкиным. Принятие такой Хартии должно привести к созданию наиболее эффективных условий для международной защиты прав человека и пресечения не только отдельных, но также массовых и грубых нарушений.

Региональными контрольными механизмами защиты прав человека являются следующие судебные (квазисудебные) органы: Европейский Суд (Суд Европейских сообществ), ЕСПЧ, Межамериканский Суд по правам человека, Межамериканская комиссия по правам человека, Африканская комиссия по правам человека, Комиссия по правам человека СНГ, Экономический Суд СНГ и др. Элементами механизма защиты прав человека, к которым могут прибегать граждане России и (или) ее государственные органы, организации, либо сама РФ, следует отнести ЕСПЧ, Комиссию по правам человека СНГ, Экономический Суд СНГ и др.

В Европе на сегодняшний день функционируют два Европейских суда: Суд Европейских сообществ – судебный орган ЕС и ЕСПЧ – судебный орган Совета Европы. Суд Европейских сообществ обеспечивает единообразное толкование и выполнение правил и норм ЕС в 28 странах – участницах ЕС, а также регулирует связанные с их применением споры. Он устанавливает, в какой мере те или иные законы страны-члена ЕС соответствуют учредительным договором организации и нормативным актам ЕС.

Еще одна региональная система защиты прав человека сформирована в рамках СНГ. Россия является участником трех систем защиты прав человека: универсальной (ООН) и двух региональных (Совета Европы и СНГ), в рамках которых провозглашаются права и свободы и предусматриваются контрольные органы за их соблюдением. На сегодняшний день можно констатировать наличие конкуренции двух региональных систем защиты: в рамках Совета Европы и СНГ, поскольку почти все государства – участники СНГ одновременно находятся под юрисдикцией ЕСПЧ.

В соответствии с основополагающими международно-правовыми актами о правах человека 26 мая 1995 г. в Минске была заключена Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека. В ней содержится перечень прав и свобод, находящихся под юрисдикцией государств-участников, однако с акцентом на личные и политические. По наблюдению за выполнением Конвенции предусматривается создание специального со-

вещательного органа – Комиссии по правам человека СНГ (ст. 33 Устава). Положение о Комиссии по правам человека от 24 сентября 1993 г. является неотъемлемой частью Конвенции и нормативной основой деятельности самой Комиссии. Комиссия правомочна рассматривать межгосударственные запросы о нарушении прав человека любой страной-членом СНГ, а также индивидуальные и коллективные обращения любых лиц и неправительственных организаций. Однако ее состав до сих пор не сформирован, работу Комиссия фактически не начала. В связи с этим следует констатировать отсутствие реально сформированного и действующего контрольного органа защиты прав и свобод, провозглашенных Конвенцией Содружества.

Реально сформированным и действующим судебным органом СНГ является постоянно действующий судебный орган – Экономический Суд. Свою деятельность он осуществляет на основе ст. 32 Устава СНГ, Соглашения о статусе экономического суда и Положения о нем. В целях реформирования Экономического Суда СНГ неоднократно предлагалось отнести к его компетенции рассмотрение жалоб частных лиц на нарушения социально-экономических прав, но данная идея не получила поддержки у государств-участников СНГ, субъекты хозяйствования правом непосредственного обращения в Суд не наделены.

Таким образом, надо констатировать, что из имеющихся региональных контрольно-судебных механизмов защиты европейская система защиты является одной из наиболее эффективных, хотя бы потому, что предоставляет гражданам государств-участниц напрямую обращаться в ЕСПЧ или Суд европейских сообществ, решения их носят учреждающий (постановляющий) характер. В тоже время система защиты в рамках СНГ к настоящему времени не имеет завершенного характера, на постсоветском пространстве более потенциальными представляются механизмы защиты прав человека в формате региональных международных организаций (например, ЕврАзЭС), которые только формируются. Однако рассмотрение перспектив развития данных институтов составляют отдельную тему исследования, достаточно актуальную в современных условиях функционирования Российского государства.

Список литературы:

1. Анисимов П.В., Папичев Н.В. Правовое регулирование защиты прав человека / Под ред. Ф.М. Рудинского. Волгоград, 2003.
2. Овсепян Ж.И. Статус источников международного права в правовой системе России // Юрист-Правоведь. 2015. № 5.
3. Анисимов П.В., Блинова И.А., Палченков В.П. Институт защиты прав человека. Волгоград, 2009.

**Право граждан на доступ
к информационно-телекоммуникационной сети Интернет**

Концепция природных прав человека из теоретических доктрин французских энциклопедистов за два столетия европейской истории стала объективной реальностью, урегулированной на международном [1], национальном [2] и региональном [3] уровнях. Именно уважение и безусловный приоритет защиты прав человека является тем базисом, на котором основывается правовая и общественно-политическая система всех демократических государств.

Вместе с тем конкретный перечень природных прав человека постоянно изменяется в сторону увеличения в связи с общественно-политическим развитием, гуманизацией различных сфер жизни и научно-техническим прогрессом.

Как справедливо отмечает Т.А. Рукавишников [4, с. 6], содержание естественных прав менялось от эпохи к эпохе, также как и конкретное содержание тех или иных прав. Это означает, что, например, в эпоху Древнего Рима право людей на равенство и защиту от дискриминации признавалось только за гражданами, в то время как рабы были лишены такого права. В середине XX в. данное право означало принцип формального равенства, без учета особенностей отдельных уязвимых групп населения (этнических и религиозных меньшинств, лиц с ограниченными физическими возможностями). И только в наше время принцип равенства стал толковаться как принцип равенства условий, позволяющий, в т.ч. за счет механизмов позитивной дискриминации, чувствовать себя защищенным всем людям.

Таким образом, права человека – это не аксиоматическое, ограниченное определенными рамками учение, а вечно расширяющаяся сфера. Поэтому помимо гражданских и политических (природных прав первого поколения), социальных и экономических прав (прав второго поколения) в последнее время приобретает широкие обороты дискуссия о правах человека третьего поколения.

Одним из прав человека третьего поколения является право на информацию. Как отмечает Д.В. Гавришов [5, с. 349], в России данное право рассматривается прежде всего как право свободно искать, получать и распространять информацию.

Исходя из вышеизложенного определения, очевидно, что право искать, получать и распространять информацию может быть реализовано разными способами. Одним из наиболее популярных, хотя, безусловно, далеко не единственным, среди последних стал Интернет. Однако является

ли право на доступ к Интернету всего лишь способом реализации всемирно признанного права на информацию либо же имеет смысл выделить это право в отдельную категорию и закрепить на законодательном уровне?

По мнению ряда иностранных ученых [6; 7], право на Интернет по своей природе является значительно более широким правом, чем право на доступ к информации. Дело в том, что право на Интернет коррелирует сразу с несколькими природными правами первого поколения, актуализируя их:

1. Право на свободу слова. Физическая структура Интернета является отличной гарантией реализации права на свободу слова, а также свободу самовыражения. Относительно данного права, необходимо различать две связанных вещи – инфраструктуру Интернета и наполняющий его контент. Правовой защите должна подлежать как инфраструктура (в той мере, в которой возможные изменения в инфраструктуру сделают Интернет уязвимым для государственной цензуры), так и контент, если он не нарушает права других людей, действующее законодательство и основы нравственности.

Следовательно, системная деятельность государственных органов (работа АНБ в США, «Великий файерволл» в КНР) без соответствующих решений судов должен признаваться покушением на свободу слова.

2. Право на развитие, которое тесно связано с ранее анализируемым нами правом на информацию, хотя в данном случае существует и определенные различия. Право на развитие позволяет не только получать интересующую субъекта информацию, но и улучшать человеческий потенциал как конкретных индивидов, так и целых групп людей. Интернет, как самый большой источник и хранитель знаний, в котором существует сотни тысяч различных образовательных программ (в т.ч. и бесплатных), позволяет обеспечить развитие человека даже в тех случаях, когда другие источники развития по тем или иным признакам невозможны.

3. Право на свободу собраний. Многие авторитарные и даже считающиеся «демократическими» государства (например, США) пытаются ограничить свободу собраний не только запретами, но и путем косвенного контроля над СМИ, что в современных условиях приводит к тому, что большинство потенциальных участников могут даже не узнать о демонстрации или протесте. События так называемой «арабской весны» и протестного движения «Захвати Валл-Стрит» (безотносительно того, к каким итогам привели данные акции) во многом стали возможными благодаря социальным сетям. Таким образом, Интернет имеет большое значение в реализации права на свободу собраний.

Подытоживая вышеизложенное, можно сделать вывод, что право на Интернет не является реализацией одного из ранее признанных на международном уровне природных прав, представляя собой самостоятельное право. Хотя можно согласиться с мнением авторов, считающими, что реализация данного права может приводить к негативным последствиям (рас-

пространению идеологии экстремизма и терроризма [8], прежде всего в молодежной среде [9], информационным войнам между странами и военно-политическими блоками [10] и др.). Поэтому уполномоченными органами государственной власти должны приниматься меры для недопущения нарушений прав и свобод физических лиц, законных интересов юридических лиц, общества и государства при реализации права на Интернет.

В связи с этим возникает вопрос: можно ли считать право на Интернет (которое, как мы разобрались ранее, является отдельным правом) природным правом человека? Как отмечено в докладе Совета по правам человека ООН [11], нарушение права на доступ к Интернету является нарушением прав человека. Право на доступ к Интернету закреплено в Конституции Греции, в ряде государств оно признано на уровне судебных или исполнительных органов власти.

Очевидно, что признание права на свободный доступ к Интернету в качестве природного права может быть воспринято многими «в штыки», как воспринимаются зачастую новаторские и полезные инициативы. Предсказуемой критикой закрепления такого конституционного права является то, что в таком случае нужно рассматривать всю мировую историю до появления и широкого распространения Интернета как одно сплошное нарушение прав человека.

Однако апологеты подобной формальной логики на самом деле довольно далеки от правды: многие изобретения науки и техники перевернули нашу жизнь, заставив по-новому смотреть на те или иные процессы. Безусловно, например, до изобретения такого важного препарата, как пенициллин не удавалось обеспечить право на медицину в той мере, как сейчас. Как и до распространения Интернета не удавалось обеспечить реализацию прав человека как сейчас. Но это не повод отказываться от антибиотиков в медицине и от закрепления права каждого на доступ к Интернету в юридической науке.

Законодательное закрепление всеобщего права на доступ к Интернету предлагается осуществить и в российском законодательстве. Так, согласно последним новостям, Министерство связи и массовых коммуникаций России предлагает закрепить это право на конституционном уровне. Безусловно, между первой инициативой и реальной реализацией такого права на законодательном и, тем более, конституционном уровне может пройти много времени, однако, по нашему мнению, данное предложение находится в духе современного понимания концепции прав человека в целом и права на доступ к Интернету в частности, и должно быть актуализировано в ближайшее время.

Список литературы:

1. Всеобщая декларация прав человека и гражданина (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г.).

2. Конституция РФ, принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (ред. от 21.07.2014) // Рос. газ. 1993. 25 дек.

3. URL: <http://europeancourt.ru/konvenciya-o-zashhite-prav-cheloveka-i-drugie-oficialnye-dokumenty/konvenciya-o-zashhite-prav-cheloveka-i-osnovnyx-svobod>.

4. Рукавишникова Т.А. Права человека: современные аспекты содержания // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 2 (5).

5. Гавришов Д.В. Понятие и значение субъективного права на информацию в системе конституционных прав и свобод человека и гражданина // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 4.

6. URL: <http://www.thehumanrightsblog.com/?p=1202>.

7. URL: <http://www.egyptindependent.com/opinion/internet-access-integral-human-rights>.

8. Буткевич С.А. Законодательный и доктринальный подходы к проблеме противодействия терроризму // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: монография. Симферополь: КФ КрУ МВД России, 2015.

9. Буткевич С.А., Коноплева А.А. Молодежный экстремизм сквозь призму философско-правовых воззрений (крымский вектор) // Философия права. 2016. № 5 (78).

10. Журавленко Н.И., Коноплева А.А. Осмысление явления информационной войны // Евразийский юридический журнал. 2016. № 5 (96).

11. URL: http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/17session/A.HRC.17.27_en.pdf.

Обринская Елена Константиновна,

кандидат политических наук,

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Институт семьи и права человека: проблемы и перспективы взаимодействия

В современном мире права человека провозглашаются базовой ценностью. Как одна из составляющих прав человека право на семью гарантируется и защищается. Однако в ряде случаев обеспечение индивидуальных прав человека наносит ущерб семье как базовому социальному институту. Право на самореализацию, имущественные и личные права не всегда совместимы с традиционными семейными ценностями. Поэтому институт семьи на сегодняшний день переживает кризис.

Одной из важнейших тенденций общественного и государственного развития В.В. Плотников называет социальную дисфункцию или деструкцию принципиально значимых институтов, одним из которых является

именно семья [1, с. 19]. В РФ, где пока господствует традиционная культура, эта проблема не очевидна. Именно поэтому у России гораздо больше шансов успешно ей противостоять по сравнению со странами западного мира, где эта социальная деструкция зашла очень далеко.

По мнению специалистов, «за последние 50 лет семья претерпела значительные изменения в результате тенденций в области миграции, феномена старения населения, пандемического распространения ВИЧ/СПИДа и последствий глобализации» [2, с. 150]. Анализируя причины кризиса института семьи, необходимо отметить, что помимо отмеченных «ситуативных» факторов немаловажное значение имеет формирующийся идеологический фон. Набирающая силу тенденция глобализации с идеологической точки зрения базируется на западной культуре, в основе которой лежит идея индивидуализма. Концепция прав человека, возведенная в абсолют, приводит к тому, что даже коллективные права, такие как право на семью, трактуются с индивидуалистической точки зрения. Поэтому в результате приоритет в семье индивидуальных прав делают эту семью уязвимой.

По статистике как минимум половина заключенных браков оканчивается разводом. Одной из причин является как раз абсолютизация индивидуализма, что отражается и в системе защиты прав человека. Идея о том, что все хорошо, что способствует комфорту личности, ее реализации, приводит к тому, что семья, брак воспринимаются как существенный ограничитель личности, ее роста и развития. В результате все большее распространение получают негативные для института семьи явления. Добрачное и внебрачное сожителство с целью присмотреться друг к другу (и так «присматриваются» годами и даже десятилетиями), что впоследствии приводит к психологическим и юридическим проблемам. Движение «чайлдфри», приверженцы которого сознательно отказываются иметь детей, т.к. дети существенно меняют образ жизни родителей, тем самым препятствуя их самореализации.

Отдельно следует отметить изменение положения детей в семье. С древних времен в правовых системах стран мира существовали нормы, закреплявшие подчиненное положение детей. Дети рассматривались практически как собственность родителей, в первую очередь, отца. Со временем в ходе внедрения в правовые системы положений концепции прав человека дети начинают «освобождаться» из-под власти родителей, рассматриваться как самостоятельные индивиды, что, безусловно, является положительной тенденцией. Однако, как и любая хорошая идея, доведенная до крайности, идея самодостаточности ребенка в современном мире приводит к нарушению естественных связей между поколениями в рамках одной семьи. Дети стремятся как можно раньше обособиться от родителей, обрести самостоятельность, выйти из-под опеки, начать принимать самостоятельные решения и самим управлять своей жизнью. Государство взяло на себя ответ-

ственность за защиту прав детей в семье и дети уже видятся не только и не столько принадлежащими своей биологической семье, сколько государству. В отдельных странах фактически провозглашается отсутствие приоритетных прав на ребенка у биологических родителей. В рамках западной правозащитной идеологии ребенок «отрывается» от своей семьи, становится самостоятельным субъектом, а семья оказывается в первую очередь системой жизнеобеспечения этого субъекта, которую легко можно заменить на другую в случае, если она не отвечает его потребностям или представлениям об этих потребностях. Специалисты признают, что одной из базовых причин психологических проблем современной молодежи является «утрата глубокой эмоциональной связи с семьей, родителями, неудовлетворенность потребности в любви, доверии, эмоциональном тепле и заботе» [3, с. 83]. Однако разве можно ожидать иного, когда дети и родители в современной культуре оказываются ограничителем личностного роста друг для друга, если появляется возможность судебного преследования детьми родителей за ненадлежащее исполнение родительских обязанностей и т.д.

Фактор деструкции и дисфункции социальных институтов, среди которых и институт семьи, относится к так называемым «незамечаемым» факторам, главная опасность которых заключается в том, что «последствия социальной дисфункции становятся очевидными тогда, когда масштабы деструкции носят критический характер. Иными словами, тогда, когда действовать нужно было вчера» [1, с. 22]. В России кризис семьи пока не достиг критической отметки, не привел к необратимым последствиям. В этих условиях необходима целенаправленная государственная политика в сфере защиты семьи именно как целостной социальной структуры. Предстоит найти разумный конструктивный баланс между индивидуальными правами членов семьи и необходимостью сохранить тесную взаимосвязь между ними. Реализовывать данную задачу необходимо как на уровне социальной идеологии, так и на законодательном уровне.

Список литературы:

1. Плотников В.В. Дисфункциональный кризис социальных институтов и локальная угроза национальной безопасности // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19.
2. Кабанов В.Л. Защита семьи на повестке дня международного сообщества // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5. Юриспруденция. 2015. № 1 (26).
3. Шангина О.В. Проблемы современной молодежи, обусловленные распадом института семьи // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2014. № 3-4.

Палухина Елена Сергеевна,
кандидат юридических наук,
Ростовский юридический институт МВД России

Приоритет прав и свобод человека и гражданина в профессиональной и творческой деятельности Николая Васильевича Витрука

Провозгласив в 1993 г. человека, его права и свободы высшей конституционной ценностью, российское общество сделало свой выбор в пользу построения правового государства и гражданского общества. Но принцип этот будет работать только при условии выполнения всеми органами государственной власти своих конституционных обязанностей в пределах своей компетенции. Для этого любой нормативный акт органа государственной власти или договор между органами государственной власти должен полностью соответствовать Конституции страны.

Исполняя свои обязанности в должности судьи Конституционного суда РФ, Н.В. Витрук неоднократно принимал участие в рассмотрении дел о проверке конституционности нормативных актов. Принимая решение, он всегда руководствовался принципом приоритетности ценности человека, его прав и свобод. Так, при рассмотрении дела о проверке конституционности Закона Мордовской ССР от 7 апреля 1993 г. «Об упразднении постов Президента и вице-президента Мордовской ССР и о внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Мордовской ССР», постановления Верховного Совета Мордовской ССР от 7 апреля 1993 г. «О порядке введения в действие Закона Мордовской ССР «Об упразднении постов Президента и вице-президента Мордовской ССР и о внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Мордовской ССР», Указа Президента РФ от 8 апреля 1993 г. «Об обеспечении единства системы исполнительной власти РФ на территории Мордовской ССР», Николай Васильевич, в частности, отмечал, что упразднение поста Президента Мордовской ССР, выступающего гарантом прав и свобод личности данного субъекта, фактически означает лишение граждан Мордовской ССР, иностранных граждан и лиц без гражданства, проживающих в Мордовской ССР, одного из важнейших правовых институтов в системе обеспечения и защиты основных прав и свобод человека и гражданина, закрепленных Конституцией РФ, Конституцией Мордовской ССР, а также гарантированных международными пактами о правах человека [1, с. 32–36].

Отсутствие какого-либо механизма по предотвращению нарушений прав и свобод мирного населения, не состоящего в незаконных вооруженных формированиях Чеченской Республики, на практике приведшего к нарушениям прав и свобод российских граждан, послужило для Николая Васильевича основанием для признания Указа Президента РФ от 30 ноября 1994 г. № 2137, Указа Президента РФ от 9 декабря 1994 г. № 2166 и Постановления Правительства РФ от 9 декабря 1994 г. № 1360 не соответствующими Конституции РФ [2, с. 21–28].

Признавая положения ст. 3 Федерального закона от 12 февраля 2001 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» противоречащими конституционному принципу справедливости, Николай Васильевич указал на задержку выплаты государственного долга по возмещению вреда, нанесенного здоровью чернобыльцев в течение 2001-2003 гг. как на результат неоперативного реагирования законодателя на рассматриваемые общественные отношения. В этой связи он предложил единственное достойное разрешение возникшей ситуации – надлежащим образом проиндексировать выплаты государственного долга [3, с. 84].

Не соглашался Николай Васильевич и с характеристикой судимости как фактора, определяющего повышенную общественную опасность лица, отбывшего наказание. Сравнивая ее с «неблагонадежностью» времен царизма и «контрреволюционностью» времен красного террора и гражданской войны, он считал, что категория «судимости» уже сама по себе противоречит принципам права и справедливости. А признание «судимости лица» в качестве квалифицирующего признака преступления рассматривал не иначе, как несовершенство уголовного закона, при котором может возникнуть ситуация, когда одно и то же обстоятельство (отбытое наказание за совершенное преступление) будет учтено дважды, и приведет к нарушению общеправового принципа «*non bis in idem*» [4].

Это не единичные, но характерные примеры того, как Н.В. Витрук отстаивал идеи, в которые искренне верил. Но не только профессиональная, но и творческая его деятельность была посвящена утверждению свободы и справедливости в российском обществе, защите прав и законных интересов человека и гражданина. Круг научных интересов ученого составляли исследования, посвященные общей теории правового положения личности, теоретическим проблемам юридической ответственности, теории конституции и конституционного права. Известен Николай Васильевич и как писатель-публицист: им подготовлены работы, посвященные жизни и творчеству В.Г. Короленко и С.А. Есенина.

Во втором разделе монографии «Этнокультура: русско-удмуртские связи», посвященном писателю-правозащитнику В.Г. Короленко, Николай Васильевич писал: «Пафос творчества В.Г. Короленко – в утверждении личности. Человек и его счастье всегда в центре художественного внимания писателя-гуманиста, поэта человека и человечности» [5, с. 114]. И именно эти качества роднят автора монографии и его любимого писателя.

Неизмеримо наследие Н.В. Витрука: он внес значительный вклад в юриспруденцию, образование, культуру, искусство, а его имя уже давно вписано в историю демократического преобразования российского государства. Своей жизнью Николай Васильевич доказал, что только неукоснительное соблюдение конституционных ценностей, иначе говоря – верность конституции, – составит основу дальнейшего развития России.

Список литературы:

1. Вестн. Конституционного Суда РФ. 1994. № 4-5.
2. Вестн. Конституционного Суда РФ. 1995. № 5.
3. Вестн. Конституционного Суда РФ. 2002. № 5.
4. Вестн. Конституционного Суда РФ. 2003. № 3.
5. Витрук Н.В. Этнокультура: русско-удмуртские связи. Избранные труды. Ижевск, 2007.

Паршичева Ирина Евгеньевна,
Крымский филиал Российского государственного
университета правосудия

Обеспечение прав детей национальных меньшинств

О подлинных правах можно говорить лишь там, где они не только имеют над собой твердые материальные гарантии, но строго охраняются специальными средствами от нарушений. Права человека в целом, как права отдельных категорий лиц, нуждающихся в усиленной защите, подлежат всеобщей охране, и должны гарантироваться и строго соблюдаться. Таким образом, обеспечение прав национальных меньшинств, этнических групп, а особенно детей, принадлежащим к этим группам, является актуальным направлением политики современных государств.

Первым международным органом, который начал заниматься правами меньшинств, стала Лига Наций, которая инициировала принятие ряда международных договоров в этой области. Со второй половины XX в. вопросам юридической защиты прав меньшинств стали уделять внимание в рамках ООН, особенно на региональном уровне, прежде всего в Европе и в отдельных государствах.

После Второй мировой войны ООН (после создания в 1945 г.) приняла в 1948 г. Всеобщую декларацию прав человека, в которой отмечалось, что дети должны быть объектом особой заботы и помощи [1].

В 1959 г. ООН приняла Декларацию прав ребенка, содержащую 10 коротких декларативных статей, программных положений, которые призывали родителей, отдельных лиц, государственные органы, местные власти и правительство признать изложенные в ней права и свободы и соблюдать их. Это были 10 социальных и правовых принципов, оказавших значительное влияние на политику государств.

Основным правовым принципом защиты детей является равенство прав всех детей. В ст. 1 Декларации прав ребенка ООН провозгласила, что перечисленные в Декларации права должны признаваться за всеми детьми без всяких исключений и ограничений [2]. Особенностью прав ребенка является необходимость специальной защиты этих прав, благоприятные

условия для свободного и полноценного развития детей. Наилучшее обеспечение интересов и потребностей ребенка – вот главный приоритет в защите прав ребенка. Всем детям должна быть обеспечена возможность определить себя как личность и реализовать свои возможности в безопасных и благоприятных условиях, в среде семьи или опекунов, которые обеспечивают их благосостояние. Они должны быть подготовлены к жизни в свободном обществе. С детства следует поощрять их к участию в культурной жизни их страны.

В 1979–1989 годах разрабатывается Конвенция ООН о правах ребенка. 20 ноября 1989 г. Конвенция была принята и уже 26 января 1990 г., в день открытия для подписания, ее подписала 61 страна. Пункт 1 ст. 2 Конвенции устанавливает обеспечение всех предусмотренных прав всем детям, которые находятся в пределах юрисдикции государств-участников этой Конвенции, без какой-либо дискриминации. В соответствии с Конвенцией «в тех государствах, где существуют этнические, религиозные или языковые меньшинства или лица из числа коренного населения, ребенку, принадлежащему к таким меньшинствам или коренному населению, не может быть отказано в праве совместно с другими членами своей группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком» (ст. 30) [3].

Необходимость охранять ребенка также была предусмотрена в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г., международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Документах специализированных учреждений ООН, таких как МОТ, ЮНЕСКО, ВОЗ и др. [4].

РФ, являясь равноправным участником международных отношений, закрепила в своем законодательстве основные положения международно-правовых актов по защите прав человека в целом и ребенка в частности. Согласно Конституции РФ – все равны перед законом и судом. Статья 19 Конституции России гласит: «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности» [5].

Также Конституция РФ и действующее законодательство уделяют внимание защите и гарантиям прав ребенка. Материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей. Государство заботится о детях-сиротах (содержит и воспитывает их), а также о детях лишенных родительского попечения. Специально подчеркивается, что государство поощряет и поддерживает благотворительную деятельность в отношении детей.

Закрепление в Конституции России как многонационального государства, обозначение социально-политического положения, вступление в Совет Европы выдвинули на первый план задачи эффективного обеспечения основных прав и свобод человека, в том числе и прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам. В частности, была ратифицирована Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств [6], а также были приняты следующие федеральные законы и иные нормативно-правовые акты: Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ», Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 и др. [7].

Провозглашение в Конституции права на свободное развитие языковых и культурных прав национальных меньшинств в РФ находит практическую реализацию в наличии дошкольных учреждений и средних общеобразовательных школ с обучением на языках национальных меньшинств, в деятельности национальных театров, средств массовой информации, вправе использовать национальную символику, отмечать национальные праздники, свободно развивать национальные традиции и др.

Особо остро языковая проблема стояла в Крыму до 2014 г., т.к. полуостров являлся одним из самых многонациональных регионов Украины. И несмотря на принятие украинским государством ряда законов, закрепляющих те или иные права национальных меньшинств, многие их положения не реализовывались. В настоящий момент Республика Крым стремительно входит в правовое поле РФ и реализует нормы текущего федерального законодательства в данной сфере. На основании действующего законодательства, а также принятого Указа Президента РФ от 21.04.2014 № 268 [8] обеспечена реализация права народов и национальных групп на изучение родного языка, литературы, истории, национальных ценностей, традиций своего народа. Реализуя это право, национальные культурные общества открыли в автономии воскресные школы (армянскую, болгарскую, греческую, еврейскую, караимскую, крымчакскую, немецкую, чешскую), где ведется изучение родного языка, истории и культуры народов, проживающих на территории Крыма.

С каждым годом увеличивается количество школ с обучением на родном языке. В высших учебных заведениях Крыма открыты специальности по подготовке преподавателей крымско-татарского и греческого языков и литературы, где ежегодно за счет бюджетных средств обучаются выпускники средних школ.

Наше будущее – это студенты и школьники, которым предстоит жить в третьем тысячелетии. Исходя из реалий времени, решения национальных и межнациональных проблем, необходима новая культурная и языковая политика, включающая систему гарантий развития сохранения и обогащения национальных культур народов Крыма.

Список литературы:

1. Всеобщая декларация прав человека: принята и провозглашена Генер. Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г. // Рос. газ. 1998. 10 дек.

2. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml.
3. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml.
4. Международные акты о правах человека. Сб. документов / Сост. Карташкин В.А., Лукашева Е.А. 2-е изд. доп. М.: Изд-во НОРМА, 2002.
5. Конституция РФ, принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (ред. от 21.07.2014) // Рос. газ. 1993. 25 дек.
6. URL: <http://www.consultant.ru/>.
7. О Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19 дек. 2012 г. № 1666.
8. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/38356>.

Пестов Роман Аркадьевич,
кандидат юридических наук;
Колесникова Маргарита Ивановна,
Ростовский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции

ООН как механизм защиты прав и свобод человека

Первой международной организацией, выступающей за поддержание мира и безопасности, а также улучшение качества жизни была Лига Наций, созданная после Первой мировой войны. Она прекратила свое существование в 1946 г., т.к. появилась новая, более эффективная универсальная организация, которая бы смогла обеспечить мировой правопорядок, и ею стала ООН. Нельзя сказать, что она была создана в один миг, ее появлению предшествовали подписание Атлантической хартии, Декларации Объединенных Наций, Московская, Тегеранская конференции, встреча в Думбартон-Оуксе и, наконец, конференция в Сан-Франциско от 26 июня 1945 г., где собственно и был подписан Устав ООН.

ООН существует вот уже 71 год. На сегодняшний день в ней состоят 193 государства, из них пять, страны-победительницы во Второй мировой войне, обладают правом вето в Совете Безопасности ООН. Главными органами ООН, составляющими ее структуру, являются: Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, Экономический и Социальный Совет, Совет по Опеке, Международный Суд, Секретариат.

Основным документом, регулирующим деятельность ООН, является ее Устав. В частности, в нем закреплены цели и соответствующие принципы данной организации. Так, ООН преследует следующие цели в соответствии со ст. 1 гл. I Устава:

«1. Поддерживать международный мир и безопасность...

1. Развивать дружественные отношения между нациями...
2. Осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех без различия расы, пола, языка и религии...
3. Быть центром для согласования действий наций в достижении этих общих целей» [1].

В своей деятельности ООН опирается на правовые документы. Одним из средств, инструментов ООН является Международный билль о правах человека, включающий в себя Всеобщую декларацию прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах и два факультативных протокола к нему, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. В данных документах впервые были закреплены универсальные права человека: право на неприкосновенность частной жизни, недопустимость пыток, жестокого обращения и т.д. Кроме того, признается, что права и свободы человека тесно связаны с демократией, т.е. свободой волеизъявления народа и его активном участии в разрешении проблем, связанных с различными сторонами его жизни. По мнению И.И. Лукашука, «одним из основных прав человека является право на демократию» [4, с. 165].

Далее стоит рассмотреть те органы, учреждения, механизмы ООН, которые, по нашему мнению, непосредственно занимаются защитой прав и свобод человека, контролируют как эти права и свободы соблюдаются государствами. Так, выделяются:

Генеральная Ассамблея ООН – совещательный орган, своеобразный форум, на котором обсуждаются различные вопросы, имеющие место в Уставе ООН. В контексте данной работы важен Третий комитет Генеральной Ассамблеи ООН, рассматривающий вопросы, связанные с социальной, культурной, гуманитарной сферами. В частности, с социальным развитием, защитой детей, улучшением положения женщин и т.д.

Совет Безопасности ООН – орган, который действует на постоянной основе. Его прямая обязанность – поддержание международного мира, безопасности. Именно Совет Безопасности сталкивается с проблемами нарушения прав человека во время военных конфликтов. Для разрешения последних принимаются различные меры: от издания распоряжения о прекращении огня, введения экономических санкций до блокады, введения военного контингента в зону вооруженного конфликта.

Международный Суд ООН, согласно ст. 92 гл. XIV Устава ООН, «является главным судебным органом ООН» [1]. Это суд общей юрисдикции, осуществляющий судебную (разрешение международных споров) и консультативную (например, предоставление консультативных заключений Генеральной Ассамблее, Совету Безопасности) функции. В его компетенцию входит рассмотрение споров между государствами по поводу таких прав человека, как: права ребенка, право убежища и т.д. В то же время Международный Суд не принимает индивидуальных жалоб.

Экономический и социальный совет – один из шести главных органов ООН, выступающий площадкой для решения проблем социального и экономического характера, координирующий деятельность ООН и ее специальных учреждений в данной сфере. ЭКОСОС обязан содействовать всеобщему уважению прав и свобод человека вне зависимости от расы, пола, языка. В этих целях он вправе делать рекомендации Генеральной Ассамблее ООН, создавать комиссии, комитеты для реализации своих функций, созывать международные конференции.

Секретариат выполняет административно-технические функции ООН [2, с. 76]. Кроме того, оказывает посредничество в международных спорах; подготавливает исследования на тему прав человека, устойчивого развития; наблюдает за социальными и экономическими тенденциями [5, с. 160]; руководит программами ООН прямо или опосредованно связанными с реализацией прав и свобод человека. В данный орган входят Генеральный секретарь и персонал численностью более 16 000 человек – они подотчетны только ООН. Генеральный секретарь предоставляет Совету Безопасности сведения, касающиеся тех проблем, которые угрожают международному миру, безопасности. В 2013 г. Генеральный секретарь Пан Ги Мун озвучил инициативу «Права человека прежде всего», меры в ней предложенные «призваны обеспечить, чтобы защита прав человека и народов лежала в самой основе стратегий и оперативных мероприятий ООН» [3].

Немаловажной является деятельность Управления Верховного комиссара ООН по правам человека. Его главная цель – следить за защитой и соблюдением прав человека, координировать деятельность ООН в этой области. УВКПЧ возглавляет Верховный комиссар ООН по правам человека, несущий основную ответственность за деятельность ООН в сфере прав человека; способствует тесному сотрудничеству с ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО, УВКБ, департаментами Секретариата ООН.

Совет по правам человека – межправительственный орган, который занимается вопросами ликвидации дискриминации, неравенства; защиты наиболее уязвимых, т.е. ответственен за права человека.

Специальные процедуры Совета по правам человека – это механизмы, с помощью которых рассматриваются или вопросы по конкретной ситуации в стране, или тематические вопросы во всех частях мира. Информировать о ситуации в области соблюдения прав человека, выводят проблемы их нарушения на международный уровень. Система Специальных процедур охватывает и гражданские, и культурные, и экономические, и политические, и социальные права.

Универсальный периодический обзор – его главной целью является улучшение положения в области прав человека; является своеобразным напоминанием государствам о важности соблюдения прав и свобод человека. УПО производит обзор информации о состоянии прав человека в 193 странах, входящих в ООН.

Договорными органами по правам человека являются комитеты, наблюдающие за выполнением основных международных договоров в сфере прав человека (Комитет по правам человека, Комитет по ликвидации расовой дискриминации и т. д.). Десятый же орган или Подкомитет по предупреждению пыток и других жестоких, бесчеловечных, и унижающих достоинство видов обращения или наказания занимается посещением мест лишения свободы для пресечения пыток и других, унижающих человеческое достоинство видов обращения и т. д.

В то же время, несмотря на существование данных органов, механизмов ООН, ее деятельность подвергается критике. Так, в числе слабых сторон выделяют бюрократизм ООН; низкую эффективность в период кризисов, конфликтов (конфликт в Югославии); финансовые проблемы и как следствие идея предоставления экономически развитым странам статуса постоянных членов Совета Безопасности ООН и т.п. Нельзя не согласиться с тем, что следует освободить ООН от бюрократических пут, политической конъюнктуры, увеличить оперативность реагирования на конфликты. Но дело даже не в реформировании ООН, а в деятельности государств-членов ООН, которые не должны допускать дискредитацию данной организации, являющейся одной из главных ценностей современного мира.

Список литературы:

1. Устав ООН, принятый 26.06.1945 // СПС «Консультант-Плюс».
2. Гасанов К.К. Международное право: учеб. [и др.]. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015.
3. URL: www.un.org/ru/sg/humanrightsupfront/summary.shtml.
4. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учеб. М.: Волтерс Клувер, 2007.
5. Трунцевский Ю.В. Международное право: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015.

Пестрецов Михаил Алексеевич,

кандидат юридических наук,

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Политика государства в сфере противодействия преступным посягательствам на жилье граждан

Гарантированная Конституцией РФ охрана частной собственности, ее защита от преступных, особенно корыстных посягательств были и остаются одними из важнейших задач правоохранительных органов в целом и УУР МВД по Республике Крым в частности. Основным закон РФ провозглашает права частной собственности и неприкосновенность жилья

от противоправных посягательств. Эти положения имеют принципиальное значение, поскольку безопасность и неприкосновенность признаются чрезвычайными социальными ценностями в условиях политико-правового обновления общества, формирования демократического, правового государства.

Уголовно-правовая охрана указанных прав и свобод человека приобретает особое значение в противодействии преступлениям подразделениями уголовного розыска, к которым относятся, прежде всего, кражи, грабежи и разбои с проникновением в жилье. Характерной чертой указанных видов преступлений является их повышенная общественная опасность, что выражается в открытом незаконном насильственном изъятии имущества, совершаемом в условиях очевидности, причем каждое такое нераскрытое преступление приводит к снижению доверия и уровня взаимодействия с населением.

Деятельность РФ и ее отдельных органов на современном этапе осуществляется в условиях глубоких качественных преобразований, происходящих во всех сферах жизни общества, в межгосударственных отношениях. Современное международное положение и внутренняя обстановка в стране характеризуются сложностью, противоречивостью и динамичностью процессов.

Криминализация общественных отношений, складывающихся в процессе реформирования политического строя и социально-экономической деятельности, привела к значительному росту преступности, повышению ее агрессивности и организованности, сращиванию отечественных преступных кланов с зарубежными синдикатами.

Расслоение общества на узкий круг богатых и преобладающую массу малообеспеченных граждан, увеличение удельного веса населения, живущего за чертой бедности, рост безработицы также приводят к совершению преступлений.

Поэтому одной из важнейших задач, стоящих перед государством, является укрепление и совершенствование нормативного правового регулирования государственной и общественной жизни, в частности в направлении противодействия УУР МВД по Республике Крым преступлений имущественной направленности.

Остановимся на Основном законе государства – Конституции РФ, которая составляет отправную, базовую основу для направления противодействия преступлениям всеми государственными органами и учреждениями. Уже в ст. 2 Основного закона закреплено, что человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются в РФ наивысшей ценностью. Права и свободы человека и их гарантии определяют содержание и направленность деятельности государства. Утверждение и обеспечение прав и свобод человека является главной обязанностью государства. В ст. 10 определено, что государственная власть в РФ осуществляется на основе разделения на законодательную, ис-

полнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны и осуществляют свои полномочия в соответствии с законами РФ [1].

Согласно ст. 25 Конституции, каждому гарантируется неприкосновенность жилья. Не допускается проникновение в жилье или другое владение лица, проведение в них осмотра или обыска иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения.

Таким образом, государство в лице государственных органов, среди которых и подразделения уголовного розыска, обязано принять меры для соблюдения прав и свобод человека, в частности не допустить совершения противоправных действий и наступления негативных последствий [2].

Положения ч. 2 ст. 11 и ст. 12 упомянутого Закона закрепляет, что органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны действовать только на основании, в пределах полномочий и способов, которые предусмотрены Конституцией и законами РФ. То есть во время противодействия преступным посягательствам, связанным с проникновением в жилье граждан, оперативные подразделения ОВД, в частности сотрудники уголовного розыска, обязаны действовать в рамках действующего законодательства и не допускать нарушений или ограничений прав и свобод человека и гражданина. В тоже время в некоторых случаях, определенных Конституцией РФ, допускаются отдельные ограничения прав и свобод человека во время деятельности по предупреждению преступлений, а именно:

1) в случае необходимости предотвратить преступление или его прекратить уполномоченные на то законом органы могут применить содержание лица под стражей по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов (ч. 2 ст. 22);

2) в неотложных случаях, связанных со спасением жизни людей и имущества либо с непосредственным преследованием лиц, подозреваемых в совершении преступления, возможен иной способ проникновения, установленный федеральным законом или на основании судебного решения (ст. 25);

3) каждому гарантируется тайна переписки, телефонных разговоров, телеграфных и иных сообщений. Исключения могут быть установлены только судом в случаях, предусмотренных законом, с целью предотвратить преступление или установить истину при расследовании уголовного дела, если другими способами получить информацию невозможно (ч. 2 ст. 23 и статьи 8, 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»);

4) каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, кроме случаев, предусмотренных Конституцией (ч. 1 ст. 23) [1].

Таким образом, анализ приведенных положений Конституции РФ свидетельствует о том, что они имеют предупредительную направленность и являются отправными пунктами для законодательных и подзаконных нормативно-правовых актов по противодействию УУР МВД по Республике Крым преступлений, связанных с проникновением в жилье граждан [3].

Анализ научных достижений последних лет позволяет выделить основные общие направления оперативно-розыскной политики: коренная перестройка действующего законодательства заключается в приведении его в соответствие с новыми общественными отношениями; формирование правового государства, в т.ч. и в части, касающейся оперативно-розыскного права; установление оптимального соотношения правовых и организационных мер противодействия преступности; реструктуризация органов управления и правоохранительных органов в соответствии с задачами сегодняшнего дня [4].

Учитывая, что политика государства реализуется в следующих направлениях: правотворчество, применение права, развитие правосознания и правовой культуры человека, – некоторые авторы определяют указанные направления как формы реализации оперативно-розыскной политики, выделяя интерпретационную форму [4].

Политика государства в любой сфере реализуется принятием программ. За последние 10 лет было принято несколько программ в сфере противодействия преступности: Государственная программа РФ «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов»; план реализации госпрограммы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» на 2014–2020 годы»; Федеральная целевая программа «Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 годах»; Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 345 «Об утверждении Программы РФ «Обеспечение общественного порядка и противодействия преступности».

Список литературы:

1. Конституция РФ, принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (ред. от 21.07.2014) // Рос. газ. 1993. 25 дек.
2. Овчинский В.С. Криминологические, уголовно-правовые и организационные основы борьбы с организованной преступностью в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994.
3. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/gosprogram/Gosprogramma> (дата обращения: 20.11.2016).
4. Всеобщая декларация прав человека и гражданина (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г.).

Роль прокурора в судебной защите прав и свобод граждан

Полномочия прокурора по обращению в суд в гражданском процессе определены ст. 45 ГПК РФ, в административном – ст. 39 КАС РФ, в арбитражном – ст. 52 АПК РФ. Указанные нормы во взаимосвязи со статьями 27, 35 Федерального закона «О прокуратуре РФ» конкретизируют полномочия, предоставленные органам прокуратуры ст. 129 Конституции РФ, и являются процессуальной гарантией их реализации в порядке гражданского, административного и арбитражного судопроизводства в строгом соответствии с приказами Генерального прокурора РФ от 26.04.2012 № 181 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском процессе», от 25.05.2012 № 223 «Об обеспечении участия прокурора в арбитражном процессе».

Наиболее активно полномочия по обращению в суд в защиту прав и интересов граждан реализуются прокурорами именно в порядке гражданского судопроизводства.

Законодатель предусматривает две формы участия прокурора в гражданском процессе, а именно участие для дачи заключения по существу спора, в случаях предусмотренных ч. 3 ст. 45 ГПК РФ, а также обращение прокурора с исковым заявлением (заявлением) в порядке ч. 1 ст. 45 ГПК РФ в суд в защиту законных прав и интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов РФ, субъектов РФ, муниципальных образований.

Вопрос судебной защиты прав и законных интересов граждан органами прокуратуры реализуется путем обращения в суд с исковыми заявлениями (заявлениями) в их интересах. Так, обращению прокурором в суд в интересах гражданина всегда предшествует обращение гражданина в органы прокуратуры и проведение прокурорской проверки. При разрешении вопроса о наличии оснований для представительства интересов гражданина прокурор определяет наличие процессуальных и материальных оснований.

Материальными основаниями для обращения в суд прокурора в интересах гражданина является нарушения требований законодательства РФ и прав граждан, восстановление которых возможно только путем судебной защиты. Процессуальные основания предусмотрены ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, согласно которой заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина может быть подано прокурором только в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд.

Внимание прокуроров сосредоточено, в первую очередь, на защите прав, свобод и законных интересов социально незащищенных слоев насе-

ления (инвалидов, пенсионеров, малообеспеченных, многодетных, несовершеннолетних и т.д.), т.е. лиц, которые по объективным причинам не могут самостоятельно обратиться в суд за защитой нарушенных прав.

Указанное ограничение не распространяется на заявление прокурора, основанием для которого является обращение к нему граждан о защите нарушенных или оспариваемых социальных прав, свобод и законных интересов в сфере трудовых (служебных) отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений; защиты семьи, материнства, отцовства и детства; социальной защиты, включая социальное обеспечение; обеспечения права на жилище в государственном и муниципальном жилищных фондах; охраны здоровья, включая медицинскую помощь; обеспечения права на благоприятную окружающую среду; образования.

В соответствии со ст. 34 ГПК прокурор отнесен к лицам, участвующим в деле. В случае обращения прокурора в суд в защиту прав и интересов гражданина прокурор обладает всеми правами и обязанностями истца. Так, прокурор в силу ст. 39 ГПК РФ, имеет право на изменение иска, а также отказ от иска. Вместе с тем прокурор, согласно ст. 45 ГПК РФ не имеет права на заключение мирового соглашения.

Наиболее активно в республике прокурорами ведется работа по предъявлению исков, направленных на судебное понуждение собственников к оснащению объектов инфраструктуры пандусами, перилами, широким входом для беспрепятственного доступа инвалидов, об обязанности создать (выделить) рабочие места для инвалидов, согласно установленной законом квоты, об обязанности разработать индивидуальную программу реабилитации, обеспечении законных прав людей с ограниченными возможностями на беспрепятственное пользование городским и пригородным пассажирским транспортом. В защиту жилищных прав граждан прокуроры обращаются в суды с заявлениями о признании незаконными отказов в принятии на учет по улучшению жилищных условий, о предоставлении жилых помещений гражданам, проживающим в домах, признанных непригодными для проживания. Также прокуроры реагируют на факты необеспечения жильем детей-сирот после окончания ими образовательных учреждений; невыполнения наймодателем (местной администрацией) обязанности по капитальному ремонту жилого помещения, предоставленного гражданину по договору социального найма; невыполнения управляющей компанией обязанностей по надлежащему содержанию и ремонту общего имущества многоквартирного дома (протекание крыши, затопление подвала и т.п.); незаконного отказа от предоставления жилищно-коммунальных услуг, например, произвольного (без предупреждения и в отсутствие аварии) отключение подачи воды или отопления добросовестному потребителю.

В сфере защиты семьи, материнства, отцовства и детства, права на образование прокуроры обращаются в суд по фактам отказа в приеме ребенка в дошкольное образовательное учреждение из-за ограниченного

числа мест; незаконного взимания дополнительных средств на обучение, в т.ч. под видом сбора денег на учебники, обязательных периодических «добровольных пожертвований».

Всего в суд в текущем году прокуратурой республики направлено 1736 исков (заявлений) в защиту социальных, трудовых и жилищных прав граждан, из которых рассмотрено и удовлетворено 1437.

Особенностью участия прокурора в гражданском судопроизводстве является возможность вступления прокурора в рассмотрение гражданских дел только в строго определенных законом случаях.

В соответствии с ч. 3 ст. 45 ГПК РФ прокурор вступает в процесс и дает заключение по делам о выселении, о восстановлении на работе, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, а также в иных случаях, предусмотренных Кодексом и другими федеральными законами, в целях осуществления возложенных на него полномочий. К таким делам отнесены дела об усыновлении (удочерении) ребенка, о признании гражданина безвестно отсутствующим или объявлении гражданина умершим, об ограничении дееспособности гражданина, признании гражданина недееспособным, ограничении или лишении несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет права самостоятельно распоряжаться своими доходами, об объявлении несовершеннолетнего полностью дееспособным, о лишении родительских прав и восстановлении в родительских правах, об ограничении родительских прав, об отмене усыновления.

Таким образом, вступление прокурора в начатое судом гражданское дело возможно только в предусмотренных законом случаях. Инициатива суда также не является основанием для участия прокурора в рассмотрении не поименованного в законе дела. Заключение прокурора должно содержать оценку требований истца и возражений ответчика; определение круга обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела; указание на обстоятельства, установленные в ходе рассмотрения дела; ссылку на нормы материального и процессуального права, подлежащие применению. Задача прокурора в данном случае состоит в том, чтобы способствовать суду в выяснении всех обстоятельств дела и соблюдению требований закона в ходе его рассмотрения. Затем прокурор доводит до суда свое мнение о том, как в соответствии с законом должен быть разрешен спор между сторонами.

В 2016 г. прокуроры вступили в процесс для дачи заключений по 1562 делам обязательной категорий (с участием прокурора судами общей юрисдикции рассмотрено 273 дела о восстановлении на работе, 294 – о выселении, 102 – о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью, 526 – об ограничении, лишении родительских прав).

Полномочия прокурора не ограничены судом первой инстанции, так в силу требований статей 320, 376 ГПК РФ, прокурор имеет право обжалования постановленных судебных актов, путем подачи апелляционных и

кассационных представлений. Отсутствие указанных полномочий означало бы лишение процессуальных полномочий прокурора по реагированию на незаконные судебные постановления.

При обращении в прокуратуру граждане часто путают полномочия прокурора по обращению прокурора в суд с заявлением, определенные в ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, и полномочия по участию прокурора в рассмотрении судом категорий гражданских дел, определенных в ч. 3 ст. 45 ГПК РФ, других федеральных законах. Следует отметить, что предоставление прокурору полномочий на обращение в суд в интересах граждан с заявлениями о защите различных прав не дает прокурору право на участие в рассмотрении ранее заявленных гражданами требований по делам, не определенным в ч. 3 ст. 45 ГПК РФ.

При назначении дел, указанных в ч. 3 ст. 45 ГПК РФ к судебному разбирательству, судья обязан поставить об этом в известность соответствующего прокурора путем направления ему извещения о месте и времени рассмотрения дела. При этом неявка прокурора, извещенного о времени и месте рассмотрения дела, не является препятствием к разбирательству дела и не может повлечь отмену состоявшихся судебных постановлений.

Неправильным является понимание того, что в случае, если к прокурору обратился гражданин с просьбой вступить в гражданское дело, в котором участие прокурора является обязательным, прокурор будет отстаивать интересы данного гражданина. На самом деле прокурор вступает в процесс и дает заключение в интересах законности, что положительно сказывается на рассмотрении дела.

Заключение по гражданскому делу дается прокурором в целях содействия осуществлению правосудия, реализации задач гражданского судопроизводства, обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что прокурор принимает участие в рассмотрении гражданских дел с целью обеспечения законности и недопущения нарушений прав и интересов граждан.

Погорелов Денис Евгеньевич,
МВД по Республике Крым

Особенности обеспечения прав и свобод граждан в чрезвычайных ситуациях техногенного и природного характера

Четкая формулировка прав и свобод человека и гражданина, их реальное наполнение и соблюдение во многом обуславливают формирование и реализацию политики государства, в т.ч. ее правовой составляющей. Общеизвестно, что права и свободы человека раскрываются и реализуются

практически во всех отраслях законодательства. Именно поэтому в отношении этих объектов национальной безопасности должна проводиться определенная государственная политика, которая систематизировала бы реальные и потенциальные проблемы и определяла пути их решения. Из этого следует, что права человека и гражданина закладывают фундамент правового государства, который в свою очередь представляет необходимый инструмент для их реализации и защиты.

Урегулировать и защитить права и свободы граждан может только государство и его органы, которые несут за это юридическую ответственность. Это один из ключевых принципов построения правового демократического государства. При развитии и формировании последнего определяется приоритет человека и гражданина, в частности актуализируется решение проблемы классификации, систематизации гарантий и способов их защиты прав и свобод. На основании конституции (основного закона) между конкретным лицом и государством должны создаваться устойчивые и охраняемые правом отношения, целая система таких правоотношений, подчиняющих в итоге государство обществу [1, с. 12].

Вместе с тем анализ основоположных прав и свобод человека и гражданина, а также их обязанностей приводит к закономерному выводу, что оптимальными они становятся только в том случае, когда обеспечиваются равновесие интересов личности в обществе, решение возможных противоречий между такими интересами. Бесспорно, такой баланс установить раз и навсегда невозможно. Но необходимо учитывать, что если права и свободы человека и гражданина, а также возможности их обеспечения взаимодействуют с общественным развитием и не отличаются от доминирующих в обществе представлений в этой сфере, то возникают объективные условия для реализации интересов личности. Только в этом случае гражданин, используя предоставленные ему права и свободы, может не чувствовать их границ, установленные для общественных интересов, воспринимать возложенные обязанности как не отделяющие человека от общества. В данных обстоятельствах обязанности становятся естественным дополнением прав человека [2, с. 22, 25].

С.В. Пчелинцев подчеркивает, что в научной литературе постоянно обращается внимание на отсутствие определенности в формулировке оснований для введения ограничений прав и свобод граждан. В зависимости от конкретно-исторических условий, политического устройства и существующей правовой системы в разных странах использовались такие термины, как «угроза», «кризис», «опасность», «дезорганизация деятельности» относительно объектов, подлежащих защите, к которым обычно относились «конституционный порядок», «общественная безопасность», «нормальное функционирование государственных органов». Следовательно, основная причина ограничения прав и свобод граждан – возникновение какой-либо чрезвычайной (исключительной, экстремальной, экстраординарной и др.) ситуации для общества и государства. А основными призна-

ками указанной ситуации может быть: возникновение неблагоприятных условиях (угроза или лишение определенных ценностей) для реализации собственных интересов субъектов, направленных на их сдерживание и одновременно – на удовлетворение общественных интересов в охране и защите; наличие объектов, находящихся в опасности; деструктивный характер, предполагающий использование преимущественно принудительных, силовых средств; уменьшение объема возможностей, свободы и, как следствие, прав человека, реализуемое с помощью обязанностей, запретов, мер защиты, наказаний и др., которое приводит разнообразие в поведении субъекта к определенному «предельному» состоянию; направленность на охрану общественных отношений, индивидуальной и коллективной свободы; необходимость принятия дополнительных мер для разрешения ситуации [3, с. 217–218].

Согласны с позицией о возможности ограничений прав и свобод человека исключительно на основании законодательного акта [3, с. 239; 4, с. 101], прежде всего в условиях введения чрезвычайных административно-правовых режимов [5; 6]. При этом такие ограничения должны вводиться не только на основании, но и в соответствии с конституцией, а также в особом порядке, который предусматривает механизм эффективного контроля законности и целесообразности введения таких ограничений [4, с. 240]. Указанный подход согласуется с точкой зрения, согласно которой вмешательство государства в сферу частной жизни человека и ограничение его прав возможны только на основании закона, что соответствует общепризнанным принципам и нормам международного права и направлено на реализацию общих для государства и человека целей.

Таким образом, права и свободы человека и гражданина являются центральным элементом, основой конституционно-правового статуса личности. Именно в правах, свободах и обязанностях юридически оформляются стандарты поведения личности, которые в дальнейшем признаются и гарантируются государством. Через них раскрываются основные принципы взаимоотношений между государством и человеком, которые на определенном этапе развития общества считаются возможными, общественно полезными, целесообразными или обязательными [7, с. 10]. Именно поэтому правовая система любого государства отводит значительное место правам и свободам человека и гражданина. Признание и закрепление в конституции, других актах законодательства прав и свобод человека и гражданина, их объема, видов и содержания в современных условиях – одна из актуальных, приоритетных и важнейших проблем современной цивилизации.

Согласны с С.А. Буткевичем в том, что особое значение соблюдение прав и свобод граждан приобретает именно в чрезвычайных ситуациях, когда жизнедеятельность человека существенно усложняется, а иногда под угрозой находятся жизнь и здоровье населения вследствие наличия негативных факторов, приведших к возникновению и развитию соответствующей

щей ситуации [8; 9, с. 88–91]. Это также касается и чрезвычайных ситуаций социально-политического характера, в т.ч. режимов проведения анти-либо контртеррористической операции [10, с. 74–75]. Однако, несмотря на некоторую схожесть этих режимов, рассмотрение данного вопроса выходит за рамки предмета нашего исследования.

Характеризуя юридические гарантии обеспечения прав и свобод граждан в чрезвычайных ситуациях техногенного и природного характера, С.А. Магда указывает, что каждая из них так или иначе оказывает влияние на уровень правовой защищенности граждан. Но некоторые из них играют ведущую роль для механизма обеспечения прав и свобод лиц, оказавшихся в зоне действия таких режимов. К таким гарантиям она справедливо относит: правовую помощь; информационное обеспечение; право на обращение; контроль и надзор за соблюдением прав и свобод граждан [11, с. 151]. При этом подчеркиваем исключительную значимость и важность последней гарантии в деятельности органов безопасности и правопорядка при ликвидации (минимизации) последствий чрезвычайных ситуаций, восстановлении правопорядка и нормализации оперативной обстановки.

Вне сомнений, реализация дискреционных полномочий органов государственной власти и их должностных лиц при предупреждении и реагировании на чрезвычайные ситуации техногенного и природного характера является необходимым инструментом для обеспечения выполнения общественно полезной воли государства. Однако стремление государства ограничить права и свободы физических лиц, законные интересы юридических лиц и общества на пути достижения национально полезной цели должно быть определенным образом ограничено и урегулировано.

Учитывая негативное отношение внутригосударственных сил и части мирового сообщества к чрезвычайному законодательству отдельных государств, О.В. Зиборов предлагает даже рассмотреть вопрос о подготовке и принятии международного правового акта, регламентирующего деятельность любого государства в таких условиях [12, с. 274–275]. Это еще раз подтверждает тезис о том, что должна существовать четкая грань, эффективная система сдержек и противовесов между увеличением компетенции органов государственной власти и ограничением прав и свобод человека в указанных условиях.

Обобщая изложенное, отметим, что вводимые меры, которые каким-либо образом ограничивают (или могут ограничивать) права и свободы граждан в чрезвычайных ситуациях техногенного и природного характера, должны иметь исключительно правовой характер и не превышать пределов, установленных законом. Такие ограничения должны быть адекватными тем причинам и обстоятельствам, на основании которых они вводятся. При этом законом должен определяться самый низкий предел ограничений (минимум минимум), необходимых для достижения той цели, которая обуславливает их введение. Необходимость регламентации этой сферы законодательными актами объясняется тем, что, с одной стороны, законода-

тель объективно не может предусмотреть все возможные ситуации, связанные с интенсивным влиянием на общество негативного фактора глобальной опасности, наделяющее власть дискреционными полномочиями, а с другой стороны, указанные полномочия могут быть использованы для необоснованного ограничения прав и свобод граждан в чрезвычайных ситуациях.

Список литературы:

1. Холохоев С.С. Ограничения политических прав и свобод граждан Российской Федерации при чрезвычайном положении, введенном вследствие чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009.
2. Бородин И.Л. Административно-правовые способы защиты прав и свобод человека и гражданина: дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 2003.
3. Пчелинцев С.В. Ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов: методология, теория, практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.
4. Эльмурзаев А.В. Законодательное обеспечение действий, связанных с ограничением основных прав и свобод граждан в условиях чрезвычайной ситуации природного и техногенного характера: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.
5. Буткевич С.А. Правовой режим военного положения (сравнительный анализ законодательства России и Украины) // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2015. № 2 (28).
6. Буткевич С.А. Правовой режим чрезвычайного положения (сравнительный анализ законодательства России и Украины) // Вестн. Казанск. юрид. ин-та МВД России. 2016. № 2 (24).
7. Кузниченко С.А. Обеспечение прав и свобод человека при введении чрезвычайных правовых режимов // Таможенное дело. 2010. № 6 (72).
8. Буткевич С.А. Чрезвычайное законодательство Республики Крым: состояние и пути совершенствования // Учен. зап. Крив. фед. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. «Юрид. науки». 2015. Т. 1 (67). № 4.
9. Буткевич С.А. Организационно-правовые аспекты охраны общественного порядка (по материалам Республики Крым) // Вестн. Белгород. юрид. ин-та МВД России. 2015. № 1.
10. Буткевич С.А. Административно-правовой режим антитеррористической операции в Украине: проблемы теории и практики // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2015. № 1 (27).
11. Магда С.А. Обеспечение прав, свобод и реализации обязанностей граждан в условиях чрезвычайных административно-правовых режимов: дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 2008.
12. Зиборов О.В. Современное чрезвычайное законодательство: чрезмерная жестокость или единственный способ навести порядок? // Общество и право. 2014. № 2 (48).

Позий Виктория Станиславовна,
кандидат химических наук, доцент,
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Оценка деятельности защитника в уголовном судопроизводстве подозреваемыми (обвиняемыми)

Соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина закреплено в ст. 2 Конституции РФ [1]. Государство гарантирует эту защиту и позволяет осуществлять ее всеми способами, не запрещенными законом (ст. 45 Конституции РФ). Эти права закреплены и в ряде статей УПК РФ: 11, 16, 18, 19, 46, 47, 49 и др. [2]. Так, подозреваемый (обвиняемый) в уголовном судопроизводстве наделен рядом прав, одним из которых является право на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции, статьи 46, 47, 49 УПК). Деятельности защитника (адвоката) посвящены многие научные публикации [3–6]. Актуальность данного исследования заключается в получении объективной оценки их работы подозреваемыми (обвиняемыми), и представителями стороны обвинения – следователями (дознателями).

Необходимость знания своих прав обеспечивает соблюдение принципов судопроизводства. Однако, как показывают исследования, которые проводились в 2006 г. среди заключенных Симферопольской исправительной колонии (СИК) № 2, на вопрос: «Как Вы считаете, необходимо ли обвиняемому вручать копию протокола о разъяснении прав с их перечнем или достаточно подписи обвиняемого под протоколом о разъяснении?», более 82 % ответили, «да, необходимо вручать копию». По истечении времени, в 2015 г. было проведено анкетирование заключенных Исправительной колонии ФСИН № 1 (Республика Крым). Результат был аналогичный. Такой же вопрос был сформулирован при анкетировании следователей (дознателей) в 2015 г., и 68 % из них высказались за вручение такой, своего рода, памятки. Актуальным и целесообразным представляется ст. 47 УПК дополнить ч. 5 следующего содержания: «Обвиняемому вручается памятка о его процессуальных правах и обязанностях одновременно с их сообщением лицом, которое осуществляет такое сообщение». И ст. 46 УПК дополнить ч. 5 следующего содержания: «Подозреваемому вручается памятка о его процессуальных правах и обязанностях одновременно с их сообщением лицом, которое осуществляет такое сообщение».

Такой вывод подтверждается беседами с отдельными заключенными, психологами, сотрудниками исправительной колонии и другими участниками уголовного процесса по теме исследования. По результатам бесед можно сделать вывод, что большая часть участников уголовного процесса (потерпевший, подозреваемый, обвиняемый) в момент подписания процессуального документа находится в состоянии, близком к стрессовому, люди

переживают волнение и страх, что влечет своего рода рассеянность. Кроме того, имеет место человеческий фактор, т.к. зачастую сотрудники следственных органов формально подходят к выполнению своих процессуальных обязанностей и не разъясняют участникам уголовного процесса их права и обязанности в полном объеме. И даже если представителями следственных органов права и обязанности были разъяснены в устной форме, находясь в волнительном состоянии, человеку очень сложно запомнить и осмыслить все услышанное. А, имея на руках копию с указанием всех прав и обязанностей, можно в любую минуту обратиться к ним.

Одним из прав подозреваемого (обвиняемого) является право иметь защитника (п. 3 ч. 4 ст. 46, п. 9 ч. 4 ст. 47, ст. 49 УПК). Согласно ст. 49 УПК «защитник – лицо, осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу». Важным было изучить обстоятельства оказания такой помощи и оценить деятельность защитника как подозреваемыми (обвиняемыми), так и следователями (дознателями).

Данное исследование проводилось среди указанных выше групп, а именно: среди заключенных – в 2006 и 2015 годах; среди следователей (дознателей) – в 2015 г.

Сначала выясняли, сколько респондентов во время проведения предварительного расследования пользовалось услугами защитника (адвоката). В 2006 г. их доля составила 77 %, в 2015 г. – 80 %. Следователи (дознатели) указывают, что в 85 % случаев подозреваемые (обвиняемые) прибегали к помощи защитника или иной правовой помощи.

Согласно ст. 48 Конституции РФ и ч. 4 ст. 16 УПК РФ в случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь подозреваемому и обвиняемому может оказываться бесплатно. Было выяснено, что в 2006 г. 29 % респондентов обращалось за помощью к защитнику (адвокату) бесплатно, а 71 % – платно. В 2015 г.: бесплатно – 56 %; платно – 44 %. Было предложено оценить работу защитника (адвоката). Отдельно оценивалась работа бесплатного защитника (адвоката) и платного. Были получены следующие результаты:

Работу бесплатного защитника высоко оценили: в 2006 г. – 21,5 %; в 2015 г. – 18 % респондентов, объясняя тем, что все им подробно и понятно разъяснялось. На «удовлетворительно» работу защитника оценили: в 2006 г. – 22 %, в 2015 г. – 31 %. Основными комментариями были: работа осуществлялась поверхностно, без особого рвения, но в силу своей профессиональной принадлежности не отказывались от лишней практики, не было стимула. Неудовлетворительные оценки выставили: в 2006 г. – 56,5 %, в 2015 г. – 51 % респондентов, поясняя, что защитник был подвержен давлению со стороны работников милиции (полиции); не был заинтересован; отмечен формальный подход; отсутствие интереса, полное безразличие к подзащитному; халатность.

С целью получения более объективной оценки работы бесплатного защитника было предложено высказать свое мнение представителям стороны обвинения – следователям (дознавателям). Следователи (дознаватели) достаточно высоко оценили работу 65 % юристов, которые, по их мнению, юридически грамотно, в полной мере защищали права подозреваемого, проявляли достаточный уровень знаний, выполняли работу неформально. По их мнению, вознаграждение не влияет на компетентность. Однако в 32 % случаев работа защитника (адвоката) была отмечена как удовлетворительная, т.к. имело место формальное исполнение своих обязанностей, не мешали, шли на уступки (что вполне соответствует оценке, которые дали заключенные). Основной причиной этого видят в оплате труда защитника (адвоката). По той же причине работу 3 % защитников (адвокатов) оценили как неудовлетворительную.

Работа платного защитника достаточно высоко была оценена следующим образом: в 2006 г. – 38 %, в 2015 г. – 47 % респондентами, т.к. наблюдался грамотный и профессиональный подход к делу, все подробно объяснялось. Лишь удовлетворены работой защитника (адвоката) в 2006 г. – 32 %, в 2015 г. – 33 %. В этом случае респонденты считают, что дело в размере оплаты, что сторона обвинения не всегда прислушивается к словам адвоката, хотя и отмечают профессионализм последнего.

Неудовлетворительно работали защитники (адвокаты), по мнению бывших подозреваемых (обвиняемых): в 2006 г. – 30 %, в 2015 г. – 20 %, потому что тот был подвержен давлению со стороны работников милиции (полиции); платить им приходилось много, а они в зале судебного заседания защищали неуверенно, в итоге – подзащитный получал срок.

Следователи (дознаватели) высоко оценили работу платного защитника (адвоката) в 81 % случаев, подчеркнув, что качественно защищали интересы с учетом материального стимулирования, понимали суть расследования, в полной мере защищали права подозреваемого, были заинтересованы в исходе дела, придумывают новые способы защиты. Тем не менее, 12 % защитников оценены на «удовлетворительно». Их деятельность большей частью сводилась лишь к формальным ходатайствам, затягиванию сроков расследования уголовного дела, часто необоснованно. Плохую работу платных защитников (адвокатов) следователи (дознаватели) отметили в 7 % случаев, которая сводилась к необоснованному затягиванию расследования, заявлению ходатайств, не имеющих отношения к делу.

Еще одним из прав, которым наделен подозреваемый (обвиняемый), является право свидания с защитником до первого допроса (п. 3 ч. 4 ст. 46, п. 9 ч. 4 ст. 47 УПК). По результатам анкетирования заключенных, такую возможность им предоставляли: в 2006 г. – в 16 % случаев, в 2015 г. – в 28 %. На этот же вопрос следователи (дознаватели) ответили, что обеспечивали такое право в 91 % случаев.

Активные и целенаправленные действия следователя (дознавателя) по предоставлению подозреваемому (обвиняемому) правовой помощи (подробное разъяснение права на правовую помощь, поиск и приглашение защитника, разъяснение права пригласить другого защитника и т.д.) часто положительно влияют на установление с ним доверительных отношений. 63 % респондентов в 2006 г. и 57 % в 2015 г. подтвердили это мнение. Следователи (дознаватели) в 78 % случаев согласились с данным утверждением.

Как результат, в 78 % (2006 г.) и 50 % (2015 г.) подозреваемые (обвиняемые) в присутствии адвоката чувствовали себя увереннее при проведении следственных действий и общении со следователем, что последние подтвердили в 79 % случаев.

Следует подчеркнуть, что круг прав и обязанностей защитника (адвоката) и его подзащитного не тождествен. Подозреваемый (обвиняемый) имеет право занять пассивную позицию. Защитник же в силу своих профессиональных обязанностей должен всегда исходить из позиции активной, выполнять свою работу профессионально, творчески. Соблюдение принципов уголовного судопроизводства дает возможность полноценно реализовать защиту прав человека и гражданина.

Список литературы:

1. Конституция РФ, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (ред. от 21.07.2014) // Рос. газ. 1993. 25 декабря.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 22.11.2016) // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
3. Крюкова Н.И. Некоторые аспекты участия защитника в собирании, проверке и оценке доказательств по уголовному делу // Рос. судья. 2012. № 2.
4. Кондрусов Э.В. Защитник. Понятие, его процессуальное положение, допуск защитника к участию в деле, обязательное участие защитника // Рос. судья. 2007. № 3.
5. Сафонов Д.А., Осипова М.С. О возможности применения отдельных мер безопасности в отношении защитника, в связи с его профессиональной деятельностью: проблемы и перспективы // Фундаментальные проблемы науки: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 3. Уфа: АЭТЕРНА, 2016.
6. Смолина М.М., Абильвапова А.Ю. Особенности производства следственных действий в отношении отдельной категории лиц (адвокатов) // Актуальные вопросы обеспечения общественной безопасности и противодействия преступности в Крымском федеральном округе: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: КрУ МВД России, 2016.

**Проблемы регулирования ответственности за использование полиса
ОСАГО, содержащего недостоверные сведения, в контексте
защиты прав и свобод человека и гражданина**

В последнее время на территории Республики Крым (и в целом РФ) сложилась неоднозначная правоприменительная практика в части квалификации действий лиц, вносящих изменения в полисы ОСАГО, а также использующих указанные полисы, содержащие недостоверные сведения, при эксплуатации транспортных средств. Особое внимание следует обратить на возможность привлечения физических лиц к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 327 УК РФ [1] за внесение недостоверных сведений в полисы ОСАГО.

В одних территориальных органах МВД возбуждаются уголовные дела указанной категории, при их рассмотрении судом применяется особый порядок рассмотрения и выносятся обвинительные приговора по ч. 1 ст. 327 УК РФ, в других же при поступлении соответствующих сообщений о преступлениях в органы предварительного расследования принимаются процессуальные решения об отказе в возбуждении уголовного дела на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ [2], а в случае возбуждения и направлении уголовных дел в суд принимаются решения об их прекращении по реабилитирующим основаниям.

Так, в марте 2016 г. одним из территориальных органов дознания МВД по Республике Крым было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 327 УК РФ в отношении А. В ходе расследования уголовного дела установлено, что в сентябре 2015 г. А. согласно устной договоренности с Ф. решил продать последнему автомобиль марки ВАЗ, при этом одним из условий договора было внесение в действующий страховой полис данных о лице, приобретавшим транспортное средство. А., имея умысел на подделку официального документа, собственноручно внес в страховой полис, выданный страховой компанией, в строку «Лица, допущенные к управлению транспортным средством» Ф. и иных лиц, тем самым совершил подделку официального документа. В дальнейшем Ф. при управлении указанным автомобилем ВАЗ был остановлен сотрудниками ГИБДД, у которых вызвала сомнение подлинность записей в полисе относительно лиц, допущенных к управлению транспортным средством.

По результатам судебного разбирательства в августе 2016 г. районным судом в отношении А. постановлен оправдательный приговор на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в его действиях состава преступления.

На указанное решение суда прокуратурой района внесено апелляционное представление, по результатам рассмотрения которого в октябре 2016 г. решение суда первой инстанции было отменено, уголовное дело возвращено прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий его рассмотрению судом. Решение суда мотивировано тем, что в обвинении А. не раскрыто в полном объеме событие преступления, а именно не указано, какие права страховой полис предоставлял А. или от каких обязанностей освобождал. Кроме того, не указан мотив совершения преступления, имеющий существенное значение для данного уголовного дела.

С учетом сложившейся неоднозначной практики правоприменения проведем анализ нормативно-правовой базы, регулирующей сферу ОСАГО и ответственность за нарушения в ней.

Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [3] регулирует в целом правоотношения, связанные с обязательным страхованием гражданской ответственности владельцев транспортных средств. В соответствии со ст. 15 указанного закона установлен порядок осуществления обязательного страхования, конкретизирующий роль страхового полиса в части седьмой указанной статьи: «При заключении договора обязательного страхования страховщик вручает страхователю страховой полис, являющийся документом, удостоверяющим осуществление обязательного страхования, или выдает лицу, обратившемуся к нему за заключением договора обязательного страхования». Правила обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств утверждены положением Банка России от 19.09.2014 № 431-П [4], которым устанавливается форма полиса, его обязательные реквизиты, а также конкретизируются условия заключения договоров ОСАГО между страховщиком и страхователем.

В соответствии со ст. 32 вышеназванного закона контроль за исполнением владельцами транспортных средств установленной законом обязанности по страхованию осуществляется полицией при регистрации и осуществлении иных своих полномочий в области контроля за соблюдением ПДД, а также нормативных правовых актов в области обеспечения безопасности дорожного движения. Водитель транспортного средства обязан иметь при себе страховой полис обязательного страхования.

Указанные положения продублированы и в ПДД РФ [5], в соответствии с п. 2.1.1 которых водитель механического транспортного средства обязан иметь при себе и по требованию сотрудников полиции передавать им для проверки страховой полис обязательного страхования гражданской ответственности владельца транспортного средства в случаях, когда обязанность по страхованию своей гражданской ответственности установлена федеральным законом.

Изложенное выше свидетельствует о значительной степени государственного регулирования сферы ОСАГО, что выводит по сути договорные гражданско-правовые отношения между страховщиком и страхователем из сферы частного права в публичную сферу.

В соответствии с ч. 1 ст. 327 УК РФ уголовно наказуемой является подделка удостоверения или иного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, в целях его использования либо сбыт такого документа, а равно изготовление в тех же целях или сбыт поддельных государственных наград РФ, РСФСР, СССР, штампов, печатей, бланков. В соответствии с ч. 3 ст. 327 УК РФ уголовно наказуемым является использование заведомо подложного документа. При этом ни понятия официального документа в контексте части первой указанной статьи, ни понятия документа, используемого в части третьей указанной статьи, законодателем в УК РФ не дается.

В соответствии со ст. 12.37 КоАП РФ [6], административно наказуемым является управление транспортным средством в период его использования, не предусмотренный страховым полисом обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортного средства, а равно управление транспортным средством с нарушением предусмотренного данным страховым полисом условия управления этим транспортным средством только указанными в данном страховом полисе водителями. Кроме того, административно наказуемым является неисполнение владельцем транспортного средства установленной федеральным законом обязанности по страхованию своей гражданской ответственности, а равно управление транспортным средством, если такое обязательное страхование заведомо отсутствует.

При этом ни один из указанных выше видов ответственности в ситуации, описанной в примере, не применим. В отношении Ф. – в связи с отсутствием заведомости (субъективной стороны) при использовании полиса ОСАГО, содержащего недостоверные сведения относительно лиц, допущенных к управлению транспортным средством, а в отношении А. – в связи с тем, что, согласно сложившейся судебной практики, его действия не подлежат уголовной ответственности по ч. 1 ст. 327 УК РФ, а за фактически совершенное им деяние административная ответственность не установлена.

На чем же основывается сложившаяся судебная практика о невозможности привлечения лица к уголовной ответственности за внесение поддельных сведений в полис ОСАГО? Фактически, большинство решений судов, принятых за последние 8 лет при рассмотрении уголовных дел о подделке (внесении недостоверных сведений) полисов ОСАГО, основывается на надзорном определении судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.02.2007 по делу № 11-Д06-170 на приговор Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 28.02.2006 и последующие решения, которым гражданин Ю. был осужден по ч. 1 ст. 327 УК РФ к 1 году лишения свободы, окончательно на основании ст. 70 УК РФ – к 5 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима при аналогичных изложенным в примере обстоятельствах. Мотивировку решения Верховного Суда можно свести к следующим тезисам.

Во-первых, по мнению суда, то обстоятельство, что Ю. вписал в страховой полис, что доверяет управление его автомашиной Л., не уведомив при этом страховую компанию, не предоставляет осужденному каких-либо прав и не освобождает его от обязанностей, и от этого указанный документ не перестает быть подлинным.

Во-вторых, данное обстоятельство не влечет возмещение Ю. материального ущерба при наступлении страхового случая при управлении его автомашиной Л., поскольку последний вписан в страховой полис с нарушением установленного законом порядка.

В-третьих, по мнению суда, следует учесть, что согласно ст. 209 ГК РФ собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения имуществом. Поэтому Ю., как собственник автомашины, вправе передавать управление своей автомашиной как Л., так и любому другому лицу и без включения их данных в страховой полис.

В иных решениях высших судов субъектов РФ, кроме изложенных выше доводов, также приводится мотивировка относительно того, что сам по себе полис ОСАГО не является официальным документом в разрезе данного понятия, установленного Федеральным законом «Об обязательном экземпляре документов», т.е. в целом не является предметом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 327 УК РФ.

Указанные доводы суда, на наш взгляд, являются дискуссионными.

Во-первых, ссылка суда на тот факт, что документ не перестал быть подлинным вследствие дописки в него сторонних данных, может привести к ситуации, при которой, к примеру, дописка иных лиц в долговой расписке не приводит к утрате ею подлинности. А доводы относительно невозможности получения страхового возмещения в страховой компании в данной ситуации вообще неприменимы, так лицо внесло подложные сведения в полис ОСАГО совершенно с иной целью – не получить при наступлении страхового случая страховое возмещение, а уклониться от административной ответственности/совершить выгодную сделку по купле-продаже автомобиля, но отнюдь не получить страховое возмещение.

В данной ситуации, фактически, только добросовестное исполнение сотрудником ГИБДД своих должностных обязанностей воспрепятствовало дальнейшему использованию полиса ОСАГО новым владельцем с недостоверными сведениями. И сколько указанное лицо использовало полис до его изъятия сотрудниками полиции, уходя, таким образом, от административной ответственности по ст. 12.37 КоАП РФ, можно только предполагать.

Касательно понятия официального документа и применения его значения из иных отраслей права, то по данному вопросу свою позицию неоднократно высказывал в мотивировочной части решений Конституционный Суд РФ.

Так, в мотивировочной части определения Конституционного Суда РФ от 19.05.2009 № 575-О-О [7] указано, что законодатель наделил право-

применителя правом в каждом конкретном случае оценивать свойства документа и признавать его либо предоставляющим права (освобождающим от обязанностей), либо нет и в зависимости от этого привлекать или не привлекать к ответственности за использование документа как подложного.

Кроме того, Конституционный Суд указывает, что согласно действующему уголовному законодательству применение уголовного закона по аналогии не допускается. В связи с этим не может быть принято во внимание, что ч. 1 ст. 327 УК РФ предполагает использование при ее применении термина «официальный документ» в том значении, которое ему придано в нормах иной отраслевой принадлежности (например, в содержащихся в ст. 1259 ГК РФ определениях применительно к авторским и смежным правам, в ст. 5 ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» и др.).

Таким образом, сложившаяся правоприменительная практика наступления ответственности за подделку официальных документов связана не с формой, а с содержанием соответствующего документа, а именно с тем, что документ предоставляет права или освобождает от обязанностей, т.е. с установлением юридически значимых фактов, имеющих непосредственное отношение к обстоятельствам конкретного дела. Следовательно, ч. 1 ст. 327 УК РФ не предполагает возможность необоснованного отказа в возбуждении уголовного дела либо произвольного привлечения к уголовной ответственности за совершение предусмотренного ею преступления.

И последним, но, возможно, главным доводом спорности решения Верховного Суда РФ является тот факт, что сложившаяся на данный момент практика, не позволяя привлечь указанных в примере лиц к уголовной ответственности как по ст. 327 УК РФ, так и к административной ответственности по ст. 12.37 КоАП РФ, создает атмосферу безнаказанности у лиц, самовольно осуществляющих дописки в полисы ОСАГО без привлечения страховых компаний, и способствует увеличению количества таких правонарушений.

Одним из путей решения указанной проблемы, на наш взгляд, является внесение изменений в УК РФ в части добавления в ст. 327 примечания с разъяснениями понятий «официальный документ» из части первой, а также понятия «документ» из части третьей вышеназванной статьи с целью установления однообразной правоприменительной практики на территории РФ. Как альтернатива, предлагается внесение изменений в ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», а именно в ч. 7 ст. 15 указанного закона, которую необходимо изложить в следующей редакции: «При заключении договора обязательного страхования страховщик вручает страхователю страховой полис, являющийся официальным документом как документ, удостоверяющий факт исполнения лицом обязанности, предусмотренной ч. 3 ст. 32 настоящего закона, и освобождающий от юридических последствий в виде возможности привлечения к установленной федеральным законодательством ответственности».

Список литературы:

1. Уголовный кодекс РФ от 13 июня. 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 22.11.2016) // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
3. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: федер. закон от 25 апр. 2002 г. № 40-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ. 2002. № 18. Ст. 1720.
4. О правилах обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств: положение Банка России от 19 сент. 2014 г. № 431-П // Вестн. Банка России. 2014. № 93.
5. Правила дорожного движения РФ: утв. постановлением Правительства РФ от 23 окт. 1993 г. № 1090 (ред. от 10.09.2016) // Рос. газ. 1993. 1 дек.
6. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 05.12.2016) // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 19 мая 2009 г. № 575-О-О // URL: http://sudbiblioteka.ru/ks/docdelo_ks/konstitut_big_6969.htm.

Робак Владимир Анатольевич,

кандидат юридических наук, доцент,

Крымский юридический институт (филиал)

Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

К вопросу о реализации права граждан на оружие

Основной правовой акт, регулирующий правоотношения в области оборота оружия на современном этапе, – Федеральный закон «Об оружии». Данный Закон регулирует правоотношения, возникающие при обороте гражданского, служебного, а также боевого ручного стрелкового и холодного оружия.

В соответствии с ч. 1 ст. 13 указанного Закона право на приобретение гражданского огнестрельного оружия ограниченного поражения имеют граждане РФ, достигшие возраста 21 года, граждане РФ, не достигшие возраста 21 года, прошедшие либо проходящие военную службу, а также граждане, проходящие службу в государственных военизированных организациях и имеющие воинские звания либо специальные звания или классные чины юстиции. Право на приобретение газового оружия, огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия самообороны, спортивного оружия, охотничьего оружия, сигнального оружия, холодного клинкового оружия, предназначенного для ношения с национальными костюмами народов РФ или казачьей формой, имеют граждане РФ, достигшие

возраста 18 лет. В соответствии с ч. 2 ст. 13 указанного нормативного правового акта возраст, по достижении которого граждане РФ имеют право на приобретение охотничьего огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, может быть снижен не более чем на два года по решению законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ [1].

Закрепление на законодательном уровне права граждан на приобретение оружия является целесообразным и обоснованным шагом законодателя. Безусловным является факт, что занятие охотой является деянием, которое не представляет и не может представлять общественной опасности, а относительно занятия спортом является общепользным деянием. По нашему мнению, не возникает сомнений относительно того, что приобретение оружия для самообороны является не только законным, но и социально полезным фактором, поскольку его использование возможно не только для самозащиты, но и защиты иных лиц от противоправных посягательств, а также интересов общества и государства.

Наряду с указанным, целесообразно отметить, что в соответствии со статистическими данными в настоящее время у лиц, проживающих в РФ, официально зарегистрировано более 8 млн единиц оружия. Ежегодно количество оружия на руках у населения увеличивается на 10–15 %. Вместе с тем ежегодно увеличивается количество насильственных преступлений, совершенных с применением оружия, а также в результате неосторожного обращения с оружием.

Исследования показали, что даже при совершении общеуголовных насильственных преступлений, для которых в основном характерны наиболее простые и доступные способы их совершения, применяются такие орудия, как: колюще-режущее холодное оружие – 30,3 %; огнестрельное оружие – 5,7 %; ударно-раздробляющее холодное оружие и иные предметы (молоток, кирпич, камень, металлическая труба, табурет, ножка стула, деревянная палка) – 8,9 %; холодное оружие рубящего действия и иные предметы (топор, лопата) – 2,7 %, а также использование самодельного оружия [2, с. 120].

Указанным фактам в некоторой мере способствует определенная либерализация со стороны уполномоченных органов порядка получения разрешения на хранение оружия и продления срока действия такого разрешения. По нашему мнению, упрощение указанной процедуры не является целесообразным и обоснованным, поскольку при получении разрешения на руках и лиц оказываются предметы, которые либо представляют прямую угрозу для жизни и здоровья, либо прямо предназначены для причинения вреда здоровью человека. Необходимо отметить, что в литературе авторами, которые занимаются исследованиями в сфере оборота оружия, уже неоднократно отмечалась необходимость ужесточения условий выдачи разрешений на право хранения оружия [3, с. 9].

Также необходимо отметить, что в настоящее время наблюдается тенденция относительно увеличения количества случаев выявления у лиц гражданского оружия, которое приобретено на законных основаниях (получение в дар, наследство и т.п.), однако регистрация таких предметов отсутствует. В соответствии с действующим законодательством лицо имеет право приобрести указанные предметы каким-либо способом, однако если данное право реализуется иным способом, помимо покупки, это не освобождает лицо от необходимости получения разрешения на их хранение. Это связано с тем, что в данном случае на руках у этих лиц оказываются предметы, которые либо представляют прямую угрозу для жизни и здоровья, либо прямо предназначены для причинения вреда здоровью человека.

На основании вышеуказанного, установление на законодательном уровне права граждан на приобретение оружия является целесообразным и обоснованным шагом законодателя, однако необходимо внесение изменений в законодательство относительно ужесточения требований в сфере выдачи разрешений на приобретение и хранение оружия лицам, проживающим на территории РФ, а также требований относительно продлений лицензий лицам, которые владеют оружием либо приобрели право собственности на оружие.

Список литературы:

1. Об оружии: федер. закон от 13 дек. 1996 г. № 150-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СЗ РФ. 1996. № 51. Ст. 5681.
2. Игнатов А.Н. Характеристика обстановки совершения насильственных преступлений // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2015. № 8.
3. Невский С.А. Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с незаконным оборотом оружия: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2001.

Рубцова Юлия Сергеевна,
Санкт-Петербургский университет МВД России

Добросовестное исполнение сотрудником органа дознания обязанностей по службе и должности – гарантия соблюдения прав и законных интересов граждан

Права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью нашего государства [1]. Гарантами надлежащей защиты прав и свобод граждан являются сотрудники правоохранительных органов в целом и органов дознания в частности, от которых требуется не только знание норм закона, но и умение правильно применить данные нормы, соблюдая при этом права и свободы граждан. Способность оперативно ориентиро-

ваться в сложившейся обстановке, применять психологию при общении с гражданами, быть эрудированным во многих сферах человеческой деятельности, быть общительным и корректным также относится к обязательным качествам, предъявляемым к сотрудникам органа дознания.

Несмотря на сложные условия работы (ненормированный рабочий день, жесткие сроки производства дознания, выезды на место происшествия в составе следственно-оперативной группы, учебу, постоянное напряжение), сотрудники органа дознания должны соблюдать все законные меры по привлечению виновных к уголовной ответственности и максимальному возмещению ущерба, причиненного преступными посягательствами.

От того, как сотрудники органа дознания понимают задачи права, каков уровень их правосознания, юридической подготовки, нравственно-правовой культуры, зависит исход дела и реализация замысла законодателя [2, с. 127].

При осуществлении предварительного расследования дознаватель руководствуется Конституцией РФ, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами РФ о правовой помощи, уголовно-процессуальным законодательством, другими федеральными законами и нормативными правовыми актами РФ, нормативными правовыми актами МВД России [3, 4], положением о подразделении дознания, а также должностной инструкцией.

В соответствии с данными документами дознаватель рассматривает заявления и сообщения о преступлении, проводит дознание по уголовным делам, по которым предварительное следствие не обязательно, отвечает за своевременное и качественное расследование уголовных дел, профилактику преступлений, соблюдение учетно-регистрационной и учетно-статистической дисциплины.

В профессиональной среде сотрудников правоохранительных органов встречается халатное, небрежное отношение к своим служебным обязанностям. Несмотря на то, что удельный вес преступности сотрудников полиции в общей массе незначителен, сам факт ее существования вызывает серьезную тревогу, т.к. имеет повышенную общественную опасность, подрывает саму основу существования правоохранительных органов. Халатность, допускаемая сотрудниками органов дознания, снижает авторитет ОВД и формирует негативное отношение населения к ним, способствует развитию правового нигилизма в стране.

Факты должностной халатности при производстве предварительного расследования в форме дознания могут повлечь за собой сокрытие преступлений, утрату доказательств, несвоевременное принятие мер по розыску лиц, совершивших преступление, и, в конечном итоге, ведут к ущемлению прав и свобод граждан, законных интересов юридических лиц.

Анализ материалов уголовных дел, возбужденных по ст. 293 УК РФ, позволяет заключить, что наибольшее количество нарушений со стороны сотрудников органов дознания ОВД фиксируется при приеме и регистрации заявлений и сообщений о преступлениях. При этом основными нарушениями являются: процессуальные нарушения при составлении процессуальных документов; неполнота и низкое качество проведения предварительных проверок полученных сообщений о преступлениях; немотивированность принятого решения, а также несоответствие решения фактически установленным обстоятельствам.

Согласно данным Следственного комитета РФ в 2016 г. сохраняются такие негативные тенденции, как: возрастание количества сотрудников, допустивших необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела, – на 69 %, укрытие преступлений от учета – на 52,5 %, нарушение норм уголовно-процессуального законодательства – на 42,3 %, необоснованное прекращение уголовного дела – на 9 % [5].

Результаты проведенного нами выборочного социологического исследования позволяют заключить, что чаще всего халатность в органах дознания МВД России проявляется в форме неисполнения обязанностей, прописанных в должностной инструкции сотрудников органов дознания (18 %), утрате процессуальных документов (16 %), несвоевременном проведении следственных и иных процессуальных действий, необходимых для раскрытия, расследования преступления (11 %), непринятии необходимых мер по розыску преступника и отысканию похищенного имущества (9 %), нереагировании («закрывание глаз») на противоправные действия граждан (укрывательство преступлений) (8 %).

Нам представляется верным мнение Й.Й. Прапестис, который полагает, что отсутствие условий (при наличии реальной возможности их создать) гражданам или гражданину пользоваться конституционными правами является существенным вредом законным интересам личности [6, с. 91]. В случае, если такие ущемления конституционных прав граждан вызваны неосторожными упущениями должностных лиц, т.е. основания для применения ст. 293 УК РФ, отсутствие таких дел следует признать существенным пробелом в работе следственных и судебных органов.

Анализ практики применения ст. 293 УК РФ в отношении сотрудников органов дознания показал, что существенным нарушением прав и законных интересов граждан или организаций признается нарушение конституционных прав граждан (статьи 22, 27, 35, 45, 46, 50, 52 Конституции РФ), прав, предусмотренных УПК РФ (ст. 6), что выражается в незаконном задержании, необоснованном избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, умалении принципа справедливости в уголовном процессе, несвоевременном возбуждении уголовных дел, неустановлении лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых, несвоевременном привлечении виновного лица к уголовной ответственности [7].

Вышеизложенное в продолжение реформирования МВД России свидетельствует о необходимости постоянного совершенствования теории и практики противодействия халатности сотрудников органов дознания, осуществляющих правоохранительную деятельность. Предупреждение халатности в органах дознания позволит снизить количество нарушений дисциплины и законности в ОВД, поднимет их авторитет и будет способствовать повышению уровня защиты прав и свобод человека и гражданина.

Список литературы:

1. Конституция РФ, принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (ред. от 21.07.2014) // Рос. газ. 1993. 25 дек.
2. Денисов С.А. Предупреждение служебных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2012. № 1 (53).
3. Приказ МВД России от 21 нояб. 2012 г. № 1051 // СПС «Консультант-Плюс».
4. Приказ МВД России от 17 янв. 2006 г. № 19 (ред. от 20.01.2016) // СПС «Консультант-Плюс».
5. URL: <http://sledcom.ru> (дата обращения: 30.09.2016).
6. Прапестис Й.Й. Уголовно-правовая борьба с халатностью: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982.
7. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 09.11.2016).

Рудик Михаил Викторович,

кандидат юридических наук, доцент,
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Современные киберугрозы принципа равенства прав и свобод человека и гражданина

Согласно данным Управления «К» МВД, основным направлением работы которого является борьба с преступлениями в сфере компьютерной информации, в 2015 г., в судебные органы было направлено на 137 % больше материалов, чем в 2014 г. Причем это касается только тех дел, расследование по которым было уже завершено [1].

Все это происходит в контексте значительного увеличения масштабов размещения и передачи недостоверной информации в глобальной компьютерной сети, что может рассматриваться и в качестве источника угроз информационной безопасности государства. Объем информации, размещенный в сетях, перестает быть контролируемым. Появляется множество самой разнообразной информации, среди которой есть и нравственно негативная. Если раньше экстремизм рассматривался как явление, которое су-

существует где-то далеко, то теперь мы наглядно видим ту реальную угрозу, которую он несет в себе, причем все это происходит на территории современной России. Хочется отметить и тот факт, что современные информационные технологии нашли для экстремистской деятельности новую аудиторию – молодежь, которая не мыслит свое современное существование без Интернета. Все это оказало заметное влияние на масштабы распространения молодежного экстремизма. Очевидно, что глобализация информационно-коммуникационной среды не препятствует, а в ряде случаев способствует экстремистской экспансии.

Многочисленные социальные сети, которые так популярны среди молодежи, позволяют общаться на любые темы, обсуждать и комментировать те или иные события. Однако, будучи тонкими психологами, экстремисты под видом «обмена мнениями» в социальных сетях получили возможность вести свою пропаганду, а не редко и вербовать новых сторонников и увеличивать количество «заинтересованных», используя в своих целях легко трансформирующееся и несформировавшееся молодежное сознание.

Так, в Симферополе 17 июня 2015 г. прокуратура Республики Крым проверила законность и признала обоснованным возбуждение уголовного дела по факту распространения через сеть «ВКонтакте» материалов, направленных на разжигание национальной ненависти и вражды. Возбуждение уголовного дела по ч. 1 ст. 282 УК РФ признано законным и обоснованным», – сообщили в прокуратуре РК [2].

Сегодня традиционные СМИ утрачивают уникальность в создании информационного пространства, уступая позиции сети Интернет, в частности сообществ блогеров, живых журналов. Интернет перестает быть комментатором новости и становится создателем и транслятором как телевидение или радио. Диссонанс между новостными сообщениями официальных СМИ и информации, поступающей через сеть Интернет, отчетливо указывает на грубый популизм в существующей политической системе, что увеличивает негативное отношение Интернет-сообщества к власти в целом и отдельным персонам и партиям в частности.

Если проанализировать темы, которые наиболее часто обсуждаются в сети Интернет, то можно сделать следующие выводы: к наиболее актуальным темам относятся сообщения, связанные с экстремизмом национального характера, охватывающие проблему так называемых «радикальных националистов», а это, прежде всего, идеи расизма и фашизма. Чуть более 24 % характеризуют сообщения националистического экстремизма. Далее с меньшим интересом идут сообщения о всевозможных проявлениях терроризма и террористической деятельности (около 17 %).

Что касается религиозного экстремизма, то данная тема обсуждается в сети Интернет примерно в 13 % случаях. Принимая во внимание то, что большая часть сообщений обсуждается на форуме или в ленте «новостей»,

то исходной темой является новость, характеризующая факт без оценивания либо негативно оценивающая событие. Основным показателем при этом является время обсуждения той или иной темы, связанной с экстремизмом [3].

Учитывая вышеизложенное, считаем необходимым проведение тщательно продуманной и эффективной политики в сфере противодействия нарастающим угрозам информационной безопасности Интернет-ресурсов со стороны не только отдельного государства, но, принимая во внимание темпы современной глобализации и транснациональный характер указанных преступлений, требуется международная консолидация в сфере выявления, профилактики и противодействия данным общественно опасным посягательствам. Поэтому посягательства на равенство прав и свобод человека и гражданина вполне могут рассматриваться как реальная угроза не только стабильному существованию социума в коммуникационной системе, но и как угроза информационной безопасности России в целом.

Список литературы

1. URL: <https://www.ridus.ru/news/211553> (дата обращения: 22.10.2016).
2. URL: <http://www.dslib.net/soc-struktura/molodezhnyj-jekstremizm-v-uslovijah-globalizacii-informacionno-kommunikacionnoj.html> (дата обращения: 02.11.2016).
3. Воронович Н.К. Интернет как угроза информационной безопасности России: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Краснодар, 2012.

Савочкина Дарья Олеговна,
кандидат юридических наук,

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Соблюдение прав и свобод человека и гражданина в антитеррористическом законодательстве Украины

Соблюдение прав и свобод человека и гражданина – приоритетное задание для любого демократического, правового и цивилизованного государства. Именно поэтому в основных законах (конституциях) человек, его жизнь и здоровье, права, свободы и законные интересы признаются наивысшими ценностями.

Вместе с тем радикализм, неонацизм, экстремизм и политизация межконфессиональных и этно-национальных отношений, рост нетерпимости и противостояния между различными слоями общества на фоне прямого вмешательства и негативного влияния иностранных государств и их специальных служб, международных террористических и религиозно-экстремистских организаций в конце 2013 г. – начале 2014 г. привели к необратимым негативным последствиям для украинского общества и государства.

Отдельные всплески террористической (экстремистской) активности фиксировались на Украине и ранее, однако такие материалы, как правило, квалифицировались как хулиганство, незаконное обращение с оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами или устройствами. А инициативы главы государства и парламента по введению правового режима чрезвычайного положения или режима антитеррористической операции (при наличии оснований, предусмотренных действующим законодательством) расценивались международным сообществом, оппозицией, радикально настроенными группами населения и их объединениями как нарушение прав и свобод человека [1, с. 63–67].

Анализ положений Конституции Украины позволяет выделить такие нормы, касающиеся борьбы с терроризмом: человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются на Украине наивысшей социальной ценностью. Права и свободы человека и их гарантии определяют содержание и направленность деятельности государства. Государство отвечает перед человеком за свою деятельность. Утверждение и обеспечение прав и свобод человека являются главной обязанностью государства (ст. 3); запрет на создание и функционирование на территории Украины каких-либо вооруженных формирований, непредусмотренных законом (ч. 5 ст. 17); каждый человек имеет неотъемлемое право на жизнь. Никто не может быть своевольно лишен жизни. Обязанность государства – защищать жизнь человека (ст. 27); запрет на создание и деятельность политических партий и общественных организаций, программные цели которых направлены на пропаганду войны, насилия, разжигание межэтнической, расовой, религиозной вражды, посягательства на права и свободы человека (ч. 1 ст. 37); защита судом прав и свобод человека и гражданина (ст. 55) и др. [2]

С целью защиты личности, государства и общества от терроризма, выявления и устранения причин и условий, которые его порождают, Законом Украины «О борьбе с терроризмом» определены правовые и организационные основы борьбы с этим явлением, полномочия и обязанности органов исполнительной власти, объединений граждан и организаций, должностных лиц и граждан в этой сфере, порядок координации их деятельности, гарантии правовой и социальной защиты граждан в связи с их участием в борьбе с терроризмом. При этом нормы данного Закона не могут быть использованы как основание для преследования граждан, которые, действуя в пределах закона, выступают на защиту своих конституционных прав и свобод [3]. Кроме того, одними из ключевых принципов борьбы с терроризмом задекларированы законность, неукоснительное соблюдение прав и свобод человека и гражданина, а также приоритетность защиты жизни и прав лиц, подвергающихся опасности вследствие террористической деятельности.

Обращаясь к работам украинских авторов, отметим, что законность считается общеправовым принципом, включающим неукоснительное соблюдение и исполнение Конституции Украины, законов и соответствующих им других нормативных актов всеми государственными и негосударственными учреждениями и организациями, должностными лицами, гражданами [4, с. 209]. Основные положения этого принципа закреплены в ч. 2 ст. 19 Конституции Украины, согласно которой органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны действовать только на основаниях, в пределах полномочий и способом, предусмотренном Конституцией и законами Украины [2].

В украинском антитеррористическом законодательстве принцип законности конкретизируется определением компетенции государственных органов, задействованных в проведении антитеррористических операций и планировании мероприятий по пресечению террористической деятельности (статьи 5 и 6 Закона Украины «О борьбе с терроризмом» [3]). Соблюдение этого принципа заключается в том, что: во-первых, наказание назначается уполномоченным Конституцией Украины органом – судом; во-вторых, наказание применяется только по отношению к лицам, совершившим преступление; в-третьих, наказание может быть назначено только такое, которое предусмотрено системой наказаний; в-четвертых, наказание должно назначаться в соответствии с общими основами его назначения, установленных уголовным законом, и в пределах, предусмотренных Особенной частью УК, по которой квалифицировано преступление.

Принцип законности предусматривает также привлечение к уголовной ответственности за совершение преступлений террористического характера в пределах, установленных уголовным и уголовно-процессуальным законодательством Украины, без каких-либо исключений, с распространением на обвиняемых по таким делам всей системы процессуальных гарантий, предоставляемых лицам, подозреваемым или обвиняемым в совершении преступлений (презумпция невиновности, право на защиту и т.п.) [4, с. 209–210]. Реализация рассматриваемого принципа также заключается и в соблюдении установленного ст. 24 Закона Украины «О борьбе с терроризмом» судебного порядка признания организации террористической [3].

Что касается приоритетности защиты жизни и прав лиц, подвергающихся опасности вследствие террористической деятельности, то, как уже указывалось выше, человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются на Украине наивысшей социальной ценностью; утверждение и обеспечение прав и свобод человека являются главной обязанностью государства [2]. Исходя из содержания данного принципа, можно сделать вывод, что планирование и проведение антитеррористических операций должны основываться на недопущении или причинении минимального вреда лицам, непричастным к террористической деятельности (заложникам, посторонним гражданам), если она связана с их захватом и удержанием.

В Концепции борьбы с терроризмом также подчеркивается, что борьба с терроризмом на территории Украины должна основываться на законодательно определенных на национальном уровне принципах с учетом основных положений Глобальной контртеррористической стратегии ООН и Контртеррористической стратегии ЕС. А одним из приоритетных направлений реализации мероприятий по выполнению этой Концепции определена оптимизация путей и способов защиты прав и свобод человека и гражданина, общества, государства от террористических посягательств [5]. Однако с апреля 2014 г. при проведении так называемой «антитеррористической операции» на территории Донецкой и Луганской областей Украины (самопровозглашенных ДНР и ЛНР) национальными и международными правозащитными организациями, СМИ и независимыми наблюдателями систематически фиксируются неоднократные нарушения конституционных прав и свобод человека и гражданина, в т.ч. из-за злоупотребления дискреционными полномочиями личного состава органов безопасности и правопорядка, а также незаконными воинскими формированиями [6, с. 73–74].

В ч. 2 ст. 14 Закона Украины «О борьбе с терроризмом» закреплено, что в районе проведения антитеррористической операции могут вводиться временные ограничения прав и свобод граждан. Однако их перечень, механизм введения, продолжения и отмены законодательно не регламентируются. Гарантии правовой и социальной защиты граждан в связи с их участием в борьбе с терроризмом, указанные в преамбуле, также не определены. Для сравнения, в Законе Украины «О правовом режиме чрезвычайного положения» закреплены такие гарантии в этой сфере:

- исчерпывающий перечень конституционных прав и свобод человека и гражданина, временно ограничиваемых в связи с введением чрезвычайного положения, указывается в указе Президента Украины о введении чрезвычайного положения, который подлежит утверждению Верховной Радой Украины в течение двух дней с момента обращения главы государства;

- правовой статус и ограничения прав и свобод граждан в условиях чрезвычайного положения определяются Конституцией и законами Украины;

- ограничения конституционных прав и свобод граждан, которые могут быть применены в условиях чрезвычайного положения, являются исчерпывающими и расширенному толкованию не подлежат. Срок их применения не превышает срока, на который вводится чрезвычайное положение; введение других ограничений не допускается;

- введение чрезвычайного положения не может быть основанием для применения пыток, жестокого или унижающего человеческое достоинство поведения либо наказания, для каких-либо ограничений права на жизнь, свободу мысли, совести, религии в понимании этих прав и свобод, принятом в Международном пакте о гражданских и политических правах и законах Украины и т.д. [7].

Фактически при проведении «антитеррористических мероприятий» воинскими формированиями и правоохранительными органами Украины повсеместно применяются дискреционные меры и ограничения, характерные для правового режима военного положения [8, с. 12–16]. И это несмотря на то, что Основной закон гарантирует, что Вооруженные Силы Украины и другие воинские формирования не могут использоваться для ограничения прав и свобод граждан (ч. 4 ст. 17), а при принятии новых законов или внесении изменений в действующие законы не допускается сужение содержания и объема существующих прав и свобод (ч. 3 ст. 22) [4]. Именно поэтому считаем, что гарантии соблюдения прав и свобод человека и гражданина должны не только найти соответствующее закрепление в украинском антитеррористическом законодательстве, но и реально обеспечиваться и соблюдаться.

Также, вступая в противоречие с конституционным, административным и уголовно-процессуальным законодательством, ч. 3 ст. 14 и ст. 15¹ Закона Украины «О борьбе с терроризмом» предоставляют возможность органам безопасности и правопорядка проводить превентивное задержание лиц, причастных к террористической деятельности, на срок более 72 часов, но не более 30 суток. Такое задержание может проводиться по мотивированному решению начальника Главного управления (управления) Службы безопасности Украины или территориального органа Национальной полиции по согласию прокурора и без решения следственного судьи, суда). То есть указанное положение Закона противоречит ст. 29 Конституции Украины, согласно которой никто не может быть арестован или содержаться под стражей иначе как по мотивированному решению суда и только на основаниях и в порядке, установленном законом. Задержанное лицо немедленно освобождается, если в течение 72 часов с момента задержания ему не вручено мотивированное решение суда о содержании под стражей [4].

На наш взгляд, не нужно быть специалистом в сфере юриспруденции, чтобы понять, что соблюдение прав и свобод человека и гражданина на Украине, в т.ч. в деятельности субъектов борьбы с терроризмом, не является первоочередной задачей силовых структур.

Бесспорно, система противодействия терроризму требует не только организационного, правового, процессуального, тактического и информационного и научного обеспечения [9, с. 266–274; 10, с. 311–318; 11, с. 303–304], ликвидации экономической подпитки террористических организаций [12, с. 122–140; 13, с. 97–100], участия институтов гражданского общества и населения в этой области [14; 15], но и функционирования действенного контрольно-надзорного механизма и объективного мониторинга деятельности субъектов борьбы с терроризмом.

Таким образом, под маской антитеррористической операции Украина, в лице ее правоохранительных органов, воинских формирований (в т.ч. незаконных), иностранных специальных служб и наемников, проводит су-

губо карательную, широкомасштабную военную операцию, направленную против собственных граждан, попирая их основоположные права, свободы и законные интересы. Сегодня организационные и тактические основы проведения таких действий (мероприятий) грубо нарушают общепризнанные принципы и нормы международного права, конституционные права и свободы человека и гражданина и противоречат украинскому законодательству. Можно утверждать, что на протяжении последних трех лет на Украине действует право силы, а не сила права.

Список литературы:

1. Буткевич С.А. Концепция борьбы с терроризмом в Украине // Вестн. Калининградского филиала Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2013. № 3 (33).
2. Конституция Украины от 28 июня. 1996 г. // ВВР Украины. 1996. № 30. Ст. 141.
3. О борьбе с терроризмом: Закон Украины от 20 мар. 2003 г. № 638-IV // ВВР Украины. 2003. № 25. Ст. 180.
4. Тероризм: теоретико-прикладні аспекти: навч. посібник / За заг. ред. В.К. Грищука. Львів: ЛьвДУВС, 2011.
5. О Концепции борьбы с терроризмом: указ Президента Украины от 25 апр. 2013 г. № 230/2013 // Правительственный курьер. 2013. № 80.
6. Буткевич С.А. Административно-правовой режим антитеррористической операции в Украине: проблемы теории и практики // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2015. № 1 (27).
7. О правовом режиме чрезвычайного положения: Закон Украины от 16 мар. 2000 г. № 1550-III // ВВР Украины. 2000. № 23. Ст. 176.
8. Буткевич С.А. Правовой режим военного положения (сравнительный анализ законодательства России и Украины) // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2015. № 2 (28).
9. Иванов С.И. Оперативно-розыскное обеспечение контртеррористических операций и операций по противодействию экстремизму // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: монография / Под общ. ред. С.А. Буткевича. Симферополь: КФ КрУ МВД России, 2015.
10. Торопов С.А. Предварительные исследования следов баллистического происхождения на местах происшествий террористической направленности // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: монография / Под общ. ред. С.А. Буткевича. Симферополь: КФ КрУ МВД России, 2015.
11. Журавленко Н.И., Коноплева А.А. Осмысление явления информационной войны // Евразийский юридический журнал. 2016. № 5 (96).
12. Буткевич С.А. Фінансовий моніторинг в Україні (організаційно-правові аспекти): монографія. Сімферополь: КРП «Вид-во «Кримнавчпед-держвидав», 2010.

13. Бондарь Е.О., Изутина С.В. Актуальные тенденции развития системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступными доходами, и финансированию терроризма в Российской Федерации с учетом изменения международных стандартов // Современное право. 2014. № 10.

14. Коноплева А.А. Роль гражданского общества в предупреждении экстремизма в Республике Крым // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар: Издательский Дом-Юг, 2015.

15. Чудина-Шмидт Н.В. Влияние ценностей на осуществление позитивной экстремальности // Символ науки. 2015. № 6.

Саранкина Юлия Александровна,

кандидат юридических наук,

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Право на благоприятную окружающую среду и его реализация в контексте глобализации мировых экологических проблем

По мнению большинства ученых, человечество живет в мире, который уже разрушается в условиях возрастающего мирового экологического кризиса. Усугубление мировых экологических проблем обусловлено в основном глобализацией политических и экономических процессов, происходящих в мире, оказывающей огромное влияние на окружающую среду в частности и экономическую политику в целом. Одним из факторов экономического благосостояния любой страны является развитие международных торговых связей. Однако развитие торговли с другими государствами может оказывать не только положительный эффект на экономику отдельно взятой страны, но и существенно ухудшать состояние окружающей среды. Это происходит в том случае, когда при осуществлении экономической деятельности не учитывается фактор состояния окружающей среды. Государства, игнорирующие издержки на поддержание состояния экологии, получают относительные преимущества в экологически опасных видах деятельности. А это зачастую приводит к значительной деградации окружающей среды, снижению государствами экологических стандартов с целью привлечения иностранного капитала. Кроме того, международная торговля также может стимулировать сырьевой сектор экономики, а это приводит к чрезмерной добыче ресурсов для экспорта. Пренебрежение экологическими издержками дает конкурентные преимущества. Таким образом, в странах со слабым экологическим управлением экономическая либерализация может приводить к ухудшению состояния окружающей среды.

К основным глобальным экологическим проблемам современности относятся негативные процессы, которые происходят с состоянием земель, вод, лесных ресурсов, видовым составом животных, растительных и природных ресурсов.

Если проанализировать состояние земель в РФ, то, прежде всего, нужно сказать, что Россия является одной из немногих стран, обладающих полезным и ценным земельным фондом. Общие земельные ресурсы России составляют 1 700 млн га. Из них на пашни и пастбища отведено 64 000 000 га, а на населенные пункты – 20–23 млн га. Остальную территорию занимает лесной фонд и водное хозяйство [1]. Почвенные ресурсы государства довольно велики, но качество почв для посева сельскохозяйственных культур очень низкое. Основная причина непродуктивности почвенных ресурсов – это неправильная их эксплуатация. В указанной сфере можно выделить такие характерные для состояния земель негативные процессы: существенное сокращение площади сельскохозяйственных угодий, орошаемых и осушенных земель, ухудшение их мелиоративного состояния и сельскохозяйственного использования; усиление процессов эрозии и опустынивания; загрязнение почв тяжелыми металлами, радионуклидами; увеличение площадей с кислыми почвами, на которых сельскохозяйственное производство ограничено; заболачивание и подтопление земель; ухудшение естественных лугов и пастбищ. Все эти факторы приводят к снижению плодородности почв и, как следствие, урожайности.

Что касается состояния вод, то главной проблемой в указанной сфере является загрязнение пресных вод и отсутствие надлежащей их очистки. РФ – одна из богатейших стран по количеству водных ресурсов. Так, объем речного стока России составляет более 10 % от мирового и равен 4 270 км куб. Из сопредельных государств в Россию поступает 227 км куб. воды. По объему речного стока наша страна занимает 2-е место в мире после Бразилии. Однако из-за загрязнения отходами жизнеобеспечения и хозяйственной деятельности загрязнено большинство рек и озер России, качество поверхностных вод практически повсеместно не соответствует санитарно-гигиеническим требованиям. Поэтому больше половины населения России сегодня использует воду, не соответствующую гигиеническим нормам. В среднем по стране превышение ПДК составляет: по нефтепродуктам – 47–63 %, фенолам – 23–26 %, аммиачному азоту – 23–34 %, соединениям меди – 74–81 %, цинка – 36–63 %. В настоящее время 70 % рек и озер и 30 % запасов подземных вод России утратили свое значение как источники питьевого водоснабжения. Не отвечающими в большинстве случаев нормативным требованиям поверхностными водами обеспечивается 68 % населения, лишь 32 % используют подземные воды, которые отвечают требованиям [2]. Соответственно, это сказывается на состоянии здоровья людей, уровне их санитарно-эпидемиологического благополучия и социальной стабильности общества. Кроме того, загрязнение вод приводит к существенному ухудшению условий воспроизводства ценных видов рыб, сокращению их запасов и уловов.

Лесной фонд составляет 1 179 млн га (69 % территории России), из него покрыто лесом 776,1 млн га, в расчете на каждого жителя приходится примерно 5 га леса. Общий запас древесины в лесном фонде оценивается в 82,1 млрд м³, из них более трети – хвойные насаждения. Среди проблем лесного хозяйства наиболее острыми являются: своевременное восстановление лесного фонда, ценных насаждений; охрана лесов от пожаров (в 2016 г. в России сгорело более 2 млн га лесов) и вредителей (30,1 тыс. га, что составляет 17,4 %) [3].

Говоря о видовом составе растительного и животного мира, то в этой сфере сохраняется тенденция к сокращению либо исчезновению отдельных видов животных и растений. Еще одним проявлением экологического кризиса является рост потребления природных ресурсов и как следствие этого – увеличение количества образуемых отходов. Данные процессы оказывают негативное воздействие не только на состояние окружающей среды, но и на здоровье населения, поскольку происходят необратимые процессы, ухудшающие состояние естественной среды обитания человека.

Поэтому в сложной экологической ситуации в стране конституционное закрепление экологических прав имеет для России большое политическое и юридическое значение. Так, в соответствии со ст. 42 Конституции РФ каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного здоровью человека или его имуществу экологическими правонарушениями [4].

При этом окружающая среда является благоприятной, если ее состояние соответствует установленным в экологическом законодательстве требованиям, касающимся чистоты, ресурсоемкости, экологической устойчивости, видового разнообразия, эстетического богатства, сохранения уникальных объектов природы, сохранения естественных экологических систем, использования природы с учетом допустимого экологического и техногенного риска.

В действующем законодательстве содержатся юридически значимые критерии оценки благоприятного состояния окружающей среды и соответственно соблюдения данного субъективного права. Прежде всего, такими юридическими критериями являются нормативы качества окружающей среды и нормативы предельно допустимых вредных воздействий на окружающую среду, которые предусмотрены в Федеральном законе «Об охране окружающей природной среды», а также другими актами экологического законодательства [5]. Такие нормативы направлены преимущественно на обеспечение чистоты окружающей среды.

Критериями оценки благоприятного состояния окружающей среды с точки зрения ресурсоемкости природных ресурсов являются нормативные требования по использованию природных ресурсов, установленные Законом «Об охране окружающей среды», актами земельного, горного, водного, лесного и иного природоресурсного законодательства.

Поддержание благоприятного состояния окружающей среды с целью сохранения видового разнообразия, удовлетворения эстетических и иных потребностей человека обеспечивается созданием особо охраняемых природных территорий и объектов, рекреационных зон и иных территорий, установлением в законодательстве их правовых режимов.

Право на благоприятную окружающую среду является одним из фундаментальных и всеобъемлющих субъективных прав и свобод. Оно затрагивает основы жизнедеятельности человека (нормальные экологические, экономические, эстетические и иные условия). Средствами реализации права на благоприятную окружающую среду являются: право граждан требовать предоставления своевременной, полной и достоверной информации о состоянии окружающей среды и мерах по ее охране; право на возмещение вреда, причиненного здоровью или имуществу человека экологическими правонарушениями, предусмотренные Конституцией РФ и иными законами.

В действующем законодательстве предусмотрена целая система юридических гарантий экологических прав человека и гражданина. Так, определяются такие юридические процедуры, в рамках которых может осуществляться охрана таких прав: судебная защита экологических прав; право на обжалование решений, действий (бездействий) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц в суде; право на получение квалифицированной юридической помощи; право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями или бездействием органов государственной власти или их должностными лицами; право на обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты.

Конституция РФ, гарантируя судебную защиту прав и свобод человека и гражданина, устанавливает, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. При этом важно, что могут быть обжалованы в суд не только неконституционные, противоречащие экологическим правам граждан решения и действия органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц, но и бездействие этих органов и лиц. Наличие механизмов и процедур защиты экологических прав граждан является необходимым условием для реальности провозглашенных прав, а также юридически гарантирует соблюдение, охрану и защиту экологических прав граждан.

В результате анализа действующего законодательства в области охраны окружающей среды и прав человека и гражданина можно выделить основные способы защиты экологических прав граждан. Первым способом является самозащита экологических прав. А второй способ предполагает защиту с помощью государственных институтов.

Список литературы:

1. URL: <http://nature.krasn.ru/node/46>.
2. URL: <http://novainfo.ru/article/6177>.
3. URL: <http://roslesvesti.ru/vrediteli-i-bolezni-lesa-ugroza-2-lesam-posle-pozharov/>.
4. Конституция РФ, принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (ред. от 21.07.2014) // Рос. газ. 1993. 25 дек.
5. Об охране окружающей среды: федер. закон от 10 янв. 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

Сафонов Денис Андреевич,
кандидат юридических наук,

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Проблемные вопросы обеспечения прав и законных интересов лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве в качестве статистов

В условиях реформирования и совершенствования уголовно-процессуального законодательства вопросы соблюдения прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, занимают одно из приоритетных мест в системе наук криминального блока.

В контексте данного направления особое внимание следует обратить на категорию так называемых «технических участников», привлекаемых для кратковременного присутствия на следственном действии и выполняющих роль статистов. Согласно информационно-справочной литературы под термином «статист» принято понимать лиц, чье участие в каких-либо действиях ограничивается только присутствием [1].

Следует сказать о том, что уголовно-процессуальный закон на сегодняшний день не выделяет данной категории лиц в качестве иных участников уголовного процесса. С другой стороны, УПК РФ содержит прямое указание на то, что без лиц указанной категории проведение некоторых следственных действий невозможно. Например, без участия «других лиц, по возможности внешне схожих» с опознаваемым проведение предъявления для опознания будет недопустимым (статьи 193, 289). Из этого следует, что эти «другие лица» приобретают положение обязательных «участников».

Отдельный акцент необходимо сделать на условиях их подбора. Регламентация условий и требований, предъявляемых к таким лицам для участия в качестве статиста в УПК РФ, кроме «внешней схожести», нигде не закреплена. По вопросу «схожести» необходимо внести ясность относительно критериев подбора по данному формальному признаку. Более правильным, на наш взгляд, за основу критерия подбора таких лиц считаем определять не схожесть, а именно отсутствие резких отличий. Данный критерий позволит более объективно осуществить подбор вышеуказанных граждан по признакам внешности.

Как показывают результаты анкетирования, в своей практической деятельности работники органов дознания¹, которые в большинстве случаев берут на себя обязанности по обеспечению условий для производства следственных действий, испытывают значительные трудности по поиску и подбору статистов. Только каждый 6–7-й гражданин соглашается принять участие в следственном действии в качестве статиста. При этом даже при согласии лица участвовать в качестве статиста представители правоохранительных органов не всегда могут доступно разъяснить ему суть и ход проводимой с его участием процедуры. Кроме того, закономерно возникают вопросы, связанные с правом статистов на заявление замечаний и дополнений, которые могут иметь место. Не последнее место занимает проблема обеспечения личной безопасности лиц, которые выступают в качестве статистов, т.к. согласно с Федеральным законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», они не входят в категорию иных участников уголовного судопроизводства.

Проведенным анкетированием², в ходе которого респондентам предлагалось ответить вопросы, связанные, во-первых, с согласием участвовать в следственном действии в качестве статиста, во-вторых, с выбором причины обосновывающей данное нежелание, были получены следующие результаты. Так, на первый вопрос 60 (75 %) респондентов ответили категорический отказом от участия в качестве статиста. Из вышеуказанного количества 45 % анкетированных граждан объяснили свою позицию тем, что принципиально не желают тратить личное время на участие в качестве статистов; 28 % граждан считают, что их нежелание принимать участие в качестве статиста связано с неоправданно затянутой процедурой проведения следственного действия; 12 % опрошенных отказ мотивируют материальными затратами или упущенной выгодой; 8 % респондентов обосновали свой отказ в виду возможных негативных последствий для себя и своих близких родственников; 7 % опрошенных вовсе не верят в систему правосудия и что их участие поможет в установлении справедливости.

С учетом приведенной аргументации, а также данных полученных в ходе анкетирования следует, что проблема привлечения лиц в качестве статистов, является следствием целого комплекса неурегулированных вопросов, связанных как с отсутствием процессуально закреплённого статуса, прав и обязанностей указанной категории лиц, так и с неэффективным механизмом привлечения их для участия в следственных действиях.

В контексте данной проблемы заслуживает внимание позиция Ж.В. Салаховой и других авторов, которые предлагают путем внесения

¹ Проводилось анкетирование 60 работников различных служб (уголовный розыск, УУП, ППС).

² Проводилось пробное (пилотное) анкетирование 80 граждан города Симферополя возрастом от 20 до 45 лет.

дополнения в УПК РФ закрепить статус статиста в гл. 8 «Иные участники уголовного судопроизводства», а также наделить их правом: а) участвовать в следственном действии и делать по поводу следственного действия заявления и замечания, подлежащие занесению в протокол; б) знать в проведении какого следственного действия он участвует, каков процессуальный порядок этого следственного действия, какие действия (бездействие) ему надлежит выполнить при производстве следственного действия, кто руководит и кто участвует в его производстве; в) знакомиться с протоколом следственного действия, в производстве которого он участвовал; г) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения лица, проводящего следственное действие, ограничивающие его права; д) получать возмещение понесенных им расходов, связанных с участием [2, с. 4]. Заметим, что данный перечень прав является закономерным по отношению к данному кругу участников, несмотря на то, что его можно дополнить. Например, к существенным дополнениям можно отнести право статиста на обеспечение в отношении него, членов семьи или его близких лиц мер безопасности. Данное право лица обуславливается как вероятностью оказания психологического и физического давления со стороны заинтересованных в уголовном судопроизводстве лиц со стороны защиты, так и тем, что статист дальнейшем может выступать в качестве свидетеля по уголовному делу.

Подводя итог относительно рассмотрения проблем обеспечения прав и законных интересов лиц, привлекаемых в качестве статистов для проведения следственных действий, важным будет подчеркнуть, что данное направление научного поиска является актуальным и требует дальнейшего развития исследования с целью соблюдения интересов всех лиц, вовлекаемых в сферу уголовного производства.

Список литературы:

1. URL: <http://www.ozhegov.org/words/34408.shtml>.
2. Салахова Ж.В., Латыпов В.С. Статист как иной субъект (участник) уголовно-процессуальной деятельности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 6-1 (32).

Семенова Екатерина Геннадьевна,
кандидат юридических наук,
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

К вопросу о содержании злоупотребления гражданскими правами

Категория злоупотребления правом является объектом фундаментальных научных исследований, но, несмотря на обширный исследовательский материал, многие ключевые вопросы до сих пор остаются спорными. В частности, анализ законодательства, судебной и иной правовой

практики, а также научных источников свидетельствует о том, что до сих пор нет четкого представления о содержании такой категории, как «злоупотребление гражданским правом», что в определенной степени усложняет разработку правовых средств борьбы с этим явлением на общетеоретическом уровне.

Принцип недопустимости злоупотребления гражданскими правами и границы (пределы) осуществления прав закреплены в ст. 10 ГК РФ. В тоже время отсутствие четких критериев системной дифференциации злоупотребления правом от нормального правоосуществления и правонарушений способствуют появлению дискуссий относительно квалификации деяний в качестве злоупотребления правом.

Злоупотребление правом имеет место при осуществлении права, в связи с этим при установлении содержания злоупотребления субъективным гражданским правом необходимым является установление: осуществления принадлежащего субъекту гражданского права; негативных последствий совершенного деяния; намерения управомоченного лица осуществить субъективное гражданское право тем или иным образом и субъективное отношение данного лица к своему деянию и его негативным последствиям; причинно-следственной связи между осуществлением субъективного гражданского права и негативными последствиями. Определение каждого из данных элементов является значимым и подлежит более детальному анализу.

Понятие злоупотребления правом не закреплено на законодательном уровне. Закон (п. 1 ст. 10 ГК РФ) закрепляет только способы совершения такого поведения, называя четыре разновидности – шикана (осуществление гражданских прав с намерением причинить вред другому лицу), действия в обход закона, монополизм и иные недобросовестные действия.

В связи с этим относительно природы осуществления гражданских прав при злоупотреблении в доктрине существует дискуссия. Одни ученые злоупотребление правом относят к неправомерным действиям – гражданским правонарушениям особого вида (В.П. Грибанов, А.П. Сергеев), иные – к правомерным (А.А. Малиновский). В частности, С.Д. Радченко отмечает, что действия управомоченного субъекта по осуществлению принадлежащего ему права при отсутствии в этом интереса по своей правовой природе не являются правонарушением, поскольку обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации действия лица в качестве злоупотребления правом, не сообщают данным действиям свойства противоправности. Противоправным в этом случае будет результат осуществления права как противоречащий ст. 10 ГК [12, с. 15].

Существует в доктрине и позиция, представители которой предлагают считать злоупотребление субъективными правами отдельным типом (особым видом – В.П. Камышанский) правового поведения (А.С. Шабуров, М.В. Ибрагимова).

В судебной практике под злоупотреблением правом понимается ситуация, когда лицо действует в пределах предоставленных ему прав, но недозволенным способом [8]. Злоупотребление правом имеет место в случае, когда субъект поступает вопреки норме, предоставляющей ему соответствующее право, не соотносит поведение с интересами общества и государства, не исполняет корреспондирующую данному праву юридическую обязанность [7].

В случае злоупотребления правом нельзя говорить о правомерности поведения, т.к. правомерным в точном значении этого термина является лишь такое поведение, которое полностью соответствует любым требованиям норм права, а осуществление действий по злоупотреблению правом может причинить вред третьим лицам (в будущем, если не прекратить данные действия), соответственно, нарушает требование о непричинении вреда (либо приводит к другим неблагоприятным последствиям).

Злоупотребление правом как самостоятельную разновидность юридических фактов следует отличать от правонарушения. При злоупотреблении правом в непосредственном его понимании объективное выражение деяний лица и его последствия не расцениваются государством в лице уполномоченных субъектов как основания наложения ответственности за его совершение. Претерпевание определенных ограничений и лишений при злоупотреблении правом ограничивается отказом лицу, злоупотребившему правом, в защите принадлежащего ему права полностью или частично. В случае, когда характер и последствия допущенного злоупотребления носят характер правонарушения, уполномоченные субъекты применяют и иные меры, предусмотренные законом (пункты 2, 3 ст. 10 ГК РФ).

Злоупотребление правом является специфическим институтом в гражданском праве. В общем виде поведение, квалифицируемое как злоупотребление правом, является правовым в том значении и в той степени, что лицо осуществляет свое право, действует в рамках содержания своего субъективного права. Выход за рамки этого содержания превращает данные отношения в противоправные, однако этот аспект смежен со злоупотреблением правом, а не отражает его [6, с. 5].

Одним из дискуссионных вопросов, играющих ключевую роль при определении содержания поведения при осуществлении гражданского права, является вопрос и возможности осуществления злоупотребления правом посредством бездействия. Рассматривая природу осуществления права, некоторые ученые полагают, что в тех случаях, когда закон предоставляет субъекту воспользоваться правом, неиспользование права также расценивается как осуществление [1, с. 363]. Иные считают, что осуществление права проявляется в активных действиях по реализации, превращению в действительность тех возможностей, которыми наделены субъекты гражданских правоотношений нормами гражданского права [4, с. 225].

Наделение правом предполагает наделением определенной диспозитивностью – свободой выбора управомоченным субъектом при осуществлении права любого варианта поведения, обусловленного содержанием субъективного права. Таким образом, осуществление может выражаться как в использовании, так и в неиспользовании своего права, т.е. оно может быть активным либо пассивным. Бездействие может быть квалифицировано в качестве злоупотребления правом при одновременном выполнении двух условий: 1) на управомоченном субъекте не лежит обязанность действовать; 2) для реализации интереса необходимо активное действие [12, с. 15].

Относительно субъективной стороны злоупотребления в доктрине также высказываются различные точки зрения. Ряд авторов считают, что злоупотребление правом всегда характеризуется виной управомоченного лица в форме умысла [9, с. 153]. По мнению других авторов, например, Е.А. Суханова, субъективная сторона злоупотребления правом может выражаться в форме косвенного умысла или неосторожности [3], а по мнению А.Н. Гueva, – в форме небрежности, неосторожности, недобросовестного отношения к обязанностям, недолжного поведения и т.д. [5].

Ранее действующая редакция ст. 10 ГК РФ устанавливала, что помимо злоупотребления правом с прямым умыслом (шиканы) возможны «злоупотребления правом в иных формах», что могло давать основания утверждать, что субъективная сторона злоупотребления правом может выражаться в форме неосторожности.

Действующая редакция ст. 10 ГК РФ прямо устанавливает, что злоупотребление правом возможно исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав. Таким образом, законодатель признание действий в качестве злоупотребления правом связывает только с наличием умысла.

Подобной позиции придерживается и судебная практика, устанавливающая, что «не всякое нарушение закона является злоупотреблением правом, а злоупотреблением являются лишь те действия, в результате которых сторона, хотя и действует формально законно, умышленно использует закон для получения неких преимуществ и отступа от принципа равенства всех перед законом» [10].

Другим признаком, имеющим важное значение для квалификации поведения управомоченного лица в качестве злоупотребления правами, являются последствия такого злоупотребления. В гражданском законодательстве отсутствует правило о том, что негативные последствия должны быть причинены фактически. В связи с этим некоторые ученые полагают, что причинение вреда не является обязательным признаком злоупотребления правом. Реакция государства на злоупотребление носит превентивный характер с целью предотвращения наступления отрицательных последствий [12, с. 15].

Судебная практика основывается на том, что ссылка на злоупотребление правом уместна лишь в контексте защиты от иска, которым истец намерен причинить вред ответчику. В совместном постановлении ВС РФ и ВАС РФ отметили, что «отказ в защите права допускается лишь в случаях, когда материалы дела свидетельствуют о совершении гражданином или юридическим лицом действий, которые могут быть квалифицированы как злоупотребление правом, в частности действий, имеющих своей целью причинить вред другим лицам» [11].

Считаем правы те авторы, которые полагают, что факт злоупотребления правом свидетельствует о правонарушении тогда, когда был причинен фактический вред третьим лицам, в т.ч. обществу и государству, или созданы все условия для его наступления, даже если в результате таких действий и нет вредных последствий [2, с. 126]. Достаточно, чтобы существовала хотя бы явная угроза причинения вреда. Когда осуществление субъективного гражданского права не способно при любых обстоятельствах повлечь негативные последствия в виде ущемления прав и законных интересов других лиц, о злоупотреблении правом говорить нельзя.

Обычно последствия злоупотребления выступают в форме неосновательного обогащения (причем не только управомоченного, но и иного лица в его пользу и интересах), ущемления прав и законных интересов других лиц, в т.ч. причинение вреда другим лицам. В любом случае под вредом следует понимать ущерб, убытки, нарушение прав и законных интересов граждан либо создание ситуации, при которой их невозможно реализовать. То есть вред должен пониматься в широком смысле и включать в себя не только прямые имущественные потери, но и все другие неблагоприятные последствия, которые могут возникать вследствие злоупотребления правами.

При этом негативные последствия, причиняемые злоупотреблением субъективного гражданского права, должны опосредоваться не любыми причинами, а исключительно неправомерным поведением управомоченного лица. Поэтому злоупотреблению субъективным гражданским правом характерно наличие причинно-следственной связи между соответствующим неправомерным деянием по осуществлению субъективного гражданского права и его негативными последствиями.

Таким образом, элементами содержания злоупотребления правом как особого вида противоправного поведения являются: наличие у лица субъективных прав; деятельность или бездействие по их реализации; нарушение пределов осуществления права; отсутствие нарушения конкретных юридических запретов либо обязанностей; наличие или угроза наступления негативных последствий; умысел лица на совершение таких действий и наступление соответствующих последствий.

Список литературы:

1. Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Избранные труды по гражданскому праву: Т. 2. М., 2002.
2. Баринов Н.А., Козлова М.Ю. Антимонопольное законодательство РФ (вопросы теории и практики). Волгоград, 2001.
3. Гражданское право. Т. 1: Общая часть: учеб. М.: Волтерс Клувер, 2006.
4. Грибанов В.П. Принципы осуществления гражданских прав. М.: Статут, 2001.
5. Гуев А.Н. Гражданское право: учеб. Т. 1. М., 2004.
6. Кодирзода Т.К. Проблемы злоупотребления субъективными гражданскими правами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2016.
7. URL: <http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc;base=PPVS;n=46;frame=1>.
8. URL: <http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc;base=PPVS;n=46;frame=1>.
9. Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. М., 2007.
10. URL: <http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc;base=PPVS;n=46;frame=1>.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 1 июля 1996 г. // Спец. приложение к Вестн. ВАС РФ. 2005. № 12.
12. Радченко С.Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

Скребец Елизавета Сергеевна,
Краснодарский университет МВД России

Ограничение прав и свобод человека и гражданина в интересах обеспечения общественной безопасности и противодействия экстремизму

Обеспечение реализации прав и свобод человека и гражданина является главной задачей каждого государства. Однако одной из проблем, возникающих при их осуществлении, является вопрос их правомерного ограничения. Ограничение прав и свобод человека и гражданина представляет собой установление пределов свободы личности как в обществе, так и государстве, что является одним из основных определений взаимоотношений между государством и человеком.

В данном контексте представляет интерес позиция А.И. Солженицына: «Права человека – это очень хорошо, но как бы нам самим следить, чтобы наши права не поширились за счет прав других? Общество необуз-

данных прав не может устоять в испытаниях... Устойчивое общество может быть достигнуто... на сознательном самоограничении: на том, что мы всегда обязаны уступать нравственной справедливости... Человеческая же свобода включает добровольное самоограничение в пользу других. Наши обязательства всегда должны превышать предоставленную нам свободу» [1].

Целью ограничения, как правило, является достижение компромисса между человеком и государством, их интересами. При этом ограничение прав и свобод человека и гражданина с целью защиты основ конституционного строя, безопасности государства, а также общества состоит в том, что данные действия напрямую направлены как на защиту, укрепление и поддержание стабильности конституционного строя и обороноспособности государства, так и на обеспечение безопасности, защиту прав, свобод и интересов личности.

Экстремизм, являясь проблемой современности многих государств мира, в т.ч. и РФ, несет в себе опасность не только для той или иной политической силы, но и для демократической государственности в целом. Распространение экстремистских идей влечет за собой коррозию всех общественно-политических, экономических, религиозных, межнациональных и иных отношений, которые, в свою очередь, обязаны обеспечивать права человека [2, с. 95–97]. В итоге это может привести к: понижению уровня дозволенного во всех сферах деятельности, что влечет за собой потерю компромиссов, договоренностей; повышению атмосферы общественной нетерпимости; восприятию насилия как допустимого и предпочтительного метода решения вопросов и достижения целей; страху со стороны общественности, который становится главным мотивом гражданской жизни, что крайне желательно для экстремистов.

Конституция России определяет, что в РФ не должны издаваться законы, которые отменяют или умоляют права и свободы человека и гражданина. Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [3].

Федеральный закон «О безопасности» рассматривает государственную политику в области обеспечения безопасности как часть внутренней и внешней политики РФ и представляет собой совокупность скоординированных и объединенным единым замыслом политических, организационных, социально-экономических, военных, правовых, информационных, специальных и иных правовых мер [4]. Таким образом, очевидно, что экстремизм несет в себе угрозу как для внутренней, так и внешней безопасности государства, что в совокупности влечет за собой угрозу безопасности обществу.

Существование в обществе и мире такой угрозы, как экстремизм вынуждает и обязывает наличие в государстве системы обеспечения внутренней безопасности государства, что по своей сути есть «целенаправленная и строго организованная совокупность находящихся в неразрывном единстве и взаимно дополняющих друг друга элементов ..., вся деятельность которых подчинена достижению единой цели – обеспечению эффективного функционирования органов государственной власти и общественных институтов, созданных в соответствии с Конституцией и законодательством конкретной страны» [5]. В данном контексте возможно ограничение тех или иных прав и свобод человека и гражданина с целью обеспечения общественной безопасности.

Правовым документом, непосредственно регламентирующим противодействие экстремизму, является Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности», который действует в рамках Конституции РФ и норм международного права. Нормы данного Закона разработаны исключительно в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, основ конституционного строя, обеспечения целостности и безопасности РФ. Указанный Закон предполагает возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина исключительно в целях противодействия экстремистским проявлениям и обеспечению общественной, государственной и иной безопасности.

Однако при ограничении прав и свобод граждан необходимо принимать во внимание столкновение интересов государства и личности. Сбалансированные отношения интересов государства и гражданина необходимо соблюдать таким образом, чтобы государство при введении ограничений прав и свобод человека и гражданина, ссылаясь на действие соответствующих международно-правовых норм, обеспечивало защиту граждан от произвольных действий государства по усечению их прав. Соблюдение прав и свобод граждан является составляющим и приоритетным компонентом безопасности государства, поэтому вводимые ограничения должны быть обоснованными и продиктованы объективной необходимостью, сложившейся ситуацией, в данном контексте, противоправными действиями экстремистского характера.

Всеобщая декларация прав и свобод человека является моделью, широко используемой во многих государствах для построения и разработки отдельных конституционных положений, законов, норм и документов, которые относятся к правам человека. Данная декларация среди целей ограничений также определяет обеспечение общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе [6].

Из вышеуказанного следует, что при разработке законодательства, нормативных документов и мер, необходимых для противодействия экстремизму, приоритетное внимание следует уделить тому факту, чтобы они не выходили за рамки излишнего ограничения прав и свобод личности.

Борьба с экстремизмом с одной стороны и защита прав и свобод человека с другой в приоритете не являются противоречащими друг другу, а сосуществуют в неразрывной связи друг с другом и являются неотъемлемой составляющей борьбы за безопасность и мир.

Список литературы:

1. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию // Комя. Правда. 1990.
2. Буткевич С.А., Коноплева А.А. Молодежный экстремизм сквозь призму философско-правовых воззрений (крымский вектор) // Философия права. 2016. № 5 (78).
3. Конституция РФ, принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (ред. от 21.07.2014) // Рос. газ. 1993. 25 дек.
4. О безопасности: федер. закон от 28 дек. 2010 г. № 390-ФЗ (ред. от 05.10.2015) // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2.
5. Кикоть В.Я., Касаткина А.А. Характерные черты централизованной модели обеспечения внутренней безопасности государства // Административное право и процесс. 2012. № 4.
6. Всеобщая декларация прав человека и гражданина (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г.).

Скрипаль Кристина Викторовна,
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина

Возникновение и развитие института прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве России

Становление прокуратуры связывают с правлением Петра I, который активно занимался реформированием всех сфер государственной управления, стремясь создать единое централизованное государство. На рубеже XVII–XVIII веков в России процветали взяточничество и казнокрадство, росло количество должностных преступлений и увеличивалось число различных незаконных поборов, отмечалось значительное увеличение неисполненных царских указов. Современники того времени нелестно отзывались о чиновничестве: «Непослушание чиновников предписаниям высшего начальства и даже царским указам стало при Петре I настоящей язвой управления, превосходящей даже смелость старых московских дьяков, которые, бывало, на 15-м указе непременно послать подьячего по делу стойко отвечали: «И по тому его Великаго государя указу подьячий не послан» [1, с. 174–175].

Бюрократизм и казнокрадство становились все более опасными для государства, поэтому Петр I принял решение учредить специальный надзорный орган с целью поддержания порядка и законности в свете проведения определенных реформ в области права. Таким органом в России стала фискальная служба. В функции данного органа входило предупреждение всякого рода негативных явлений, явившихся результатом «беспорядков в делах, неправосудия, взяточничества и беззакония» [2]. Эффективность фискальной службы была не на высоком уровне, и Петр I задумался о создании специальных органов, предназначенных для контроля и надзора за соблюдением законов.

Прообразом современной прокуратуры являются созданные королем Франции Филипом IV органы (1586 г.). Указ о прокуратуре был издан 12 января 1722 г. [3, с. 152–161]. В нем отмечалось: «Быть при Сенате генерал-прокурору и обер-прокурору, также во всякой коллегии по прокурору, которые должны будут рапортовать генерал-прокурору» [4, с. 182–186].

Петр I при создании российской прокуратуры не скопировал полностью французский образец. С учетом исторической необходимости прокуратура в России образовалась как самобытный орган, являясь представительным органом прежде всего императорской власти, осуществляющим от ее имени и по ее поручению повсеместный и постоянный надзор и контроль за действиями и решениями Правительствующего сената, других центральных и местных учреждений. Суть самой должности прокурора ее основатель Петр I выразил такими словами: «Сей чин яко око наше, стряпчий по делам государственным» [4, с. 182–186]. Таким образом, за прокурорами закрепился определенный статус и им отводилось особое место в государственной службе. Основной функцией прокуроров в период становления прокурорской системы являлся надзор за деятельностью тех учреждений, при которых они состояли.

В период правления Екатерины I и Петра II роль и значение прокуратуры заметно снизились, поскольку в это время особое внимание уделялось укреплению позиций иных государственных институтов, а наличие сильной власти прокуратуры не позволяло им развиваться в той мере, в которой требовалось. Однако, что касается местного прокурорского надзора, то он был несколько усилен.

В 1862 г. Александр II утвердил «Основные положения о прокуратуре», в которых были раскрыты главные принципы организации и деятельности прокуратуры, отличающиеся актуальностью и неизменностью на протяжении длительного периода существования Российской Империи, однако ограничивающие общий надзор. Согласно «Основным положениям» органы прокуратуры были обязаны в рамках выполнения своей основной функции, в условиях строжайшего единства и централизации, от имени всей системы органов, наблюдать за точным и абсолютным соблюдением закона. Верховный надзор в Империи осуществлялся генерал-

прокурором (он же министр юстиции) при строгом подчинении нижестоящих прокуроров вышестоящим. Все прокуроры назначались государем, должны были иметь выдающиеся способности и высокий профессионализм, они были несменяемы и независимы от местных влияний в ходе принятия законных решений [2].

Судебная реформа 1864 г. значительно изменила судебную систему того времени, упорядочив ее. Все распоряжения по исполнению приговора, не входящие в компетенцию суда, ложились на плечи прокурора. Принятие Уставов 1864 г. изменило положение прокуратуры. Кроме осуществления надзора за соблюдением законов, на нее возлагалось осуществление уголовного преследования, а также представление обвинения в суде. В дальнейшем полномочия прокуратуры периодически то расширялись, то сужались, однако в ее компетенцию продолжали входить надзор за соблюдением законов и осуществление уголовного преследования.

Государственные преобразования 1917 г. отразились и на правовой системе. Необходимость воссоздания органов прокуратуры как органов надзора за законностью была вызвана тем, что после гражданской войны и трудностей периода «военного коммунизма» страна начала восстанавливать народное хозяйство. Это потребовало строгого законодательного регулирования хозяйственной деятельности и всех сторон государственности.

28 мая 1922 г. Декретом ВЦИК была учреждена прокуратура РСФСР «...в целях осуществления надзора за соблюдением законов и в интересах правильной постановки борьбы с преступностью» [5].

Конституцией СССР 1936 г. было установлено, что прокуратура осуществляет высший надзор за соблюдением законности, тем не менее на практике этого не происходило. В целом прокуроры пытались проводить линию соблюдения законности, однако в результате этого сами были подвергнуты репрессиям, а многие из них расстреляны.

После окончания войны был принят новый закон СССР от 19 марта 1946 г., согласно которому прокурор стал именоваться Генеральным прокурором, а структура предусматривала наличие прокуроров для особых поручений, следователей по важнейшим делам, инспекторов и консультантов. С некоторыми вышеупомянутыми изменениями данная структура прокуратуры просуществовала вплоть до распада СССР в 1991 г.

Первый Закон РФ «О прокуратуре» был принят 17 января 1992 г. В нем отсутствовал перечень некоторых полномочий прокурорских работников. Данный закон указывал на то, что прокуратура исчерпала свою предупредительную и профилактическую функцию в сфере нарушения законодательства. Согласно принятому закону в связи с ослаблением надзорной функции органы прокуратуры реформировались в орган, защищающий права и свободы граждан. Следует заметить, что данная функция была достаточно эффективной только в период после распада Советского Союза, когда общество тяготело к идеям ослабления государственного кон-

троля и либерализации [7]. Однако в связи со сложившейся в государстве криминогенной обстановкой был поднят вопрос об усилении позиций прокуратуры и возврата ей утраченного статуса.

Последующее политическое переосмысление государственного устройства наложило отпечаток и на прокурорскую систему РФ. Когда была принята Конституция РФ (1993 г.), в ст. 129 закрепилось понятие прокуратуры РФ как «единой централизованной системы с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору РФ». Также утверждено положение о прокуратуре.

Правовое положения прокуратуры окончательно утвердилось принятием в 1995 г. новой редакции Федерального закона «О прокуратуре РФ», определившего основные функции прокуратуры. В связи с последующими изменениями в законодательстве, независимость органов прокуратуры стала только усиливаться.

Список литературы:

1. Ключевский В.О. Собрание сочинений в 9 т. Курс русской истории. Т. 4 / под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1989.
2. Полное собрание законов Российской Империи в 55 т. Собрание 1-е. Т. 6. 1720-1722. Тип II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. М., 1830.
3. Бессарабов В.Г. Дореформенная петровская прокуратура (1772–1864 гг.) // Журнал российского права. 2002. № 8.
4. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. / Законодательство периода становления абсолютизма. Т. 4. М.: Юрид. лит-ра, 1986.
5. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=9076>.
6. Буткевич С.А. Роль и место органов прокуратуры в борьбе с отмыванием преступных доходов // Форум права. 2011. № 4.

Смолина Мария Михайловна,

кандидат юридических наук,

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Охрана прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве

Принцип охраны прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве основан на положении ст. 2 Конституции РФ, которая провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита – обязанность государства. Права и свободы человека выступают высшей социальной ценностью.

В соответствии со ст. 2 и ч. 1 ст. 45 Конституции РФ государство обязано признавать, соблюдать и защищать права и свободы человек и гражданина, создавая при этом условия для их реализации и механизмы их защиты. В этом заключается основное содержание принципа охраны прав и свобод личности, действующего не только в уголовном судопроизводстве, но и в других сферах общественной деятельности.

В уголовном судопроизводстве обязанность по охране прав и свобод личности возложена на должностных лиц, которые осуществляют производство по уголовному делу. Суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны: 1) разъяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность; 2) обеспечивать возможность осуществления этих прав (ч. 1 ст. 11 УПК). Однако столь глобальный конституционный принцип, оказавший громадное влияние на формирование и построение всего уголовного судопроизводства, конечно, не может быть исчерпывающим образом воплощен в одной статье УПК. Различные грани действия принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве отражены не только в ряде статей главы 2 УПК, но и во многих других статьях общих положений Кодекса, а также в главах, посвященных регулированию общественных отношений на разных этапах судопроизводства.

Права, обязанности и ответственность разъясняются участникам уголовного судопроизводства непосредственно после их ознакомления с решением, в соответствии с которым эти лица приобретают соответствующий процессуальный статус. Закон предусматривает повторное ознакомление участников процесса с их правами и обязанностями и в последующем, при производстве отдельных процессуальных действий.

Неразъяснение уполномоченными должностными лицами участникам уголовного судопроизводства их прав, обязанностей и ответственности, а равно необеспечение возможности осуществления этих прав является нарушением закона, влекущим установленные процессуальные последствия. Из этого следует, что согласно ст. 51 Конституции РФ никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников. И если подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, свидетелю перед началом допроса не было разъяснено это положение, то показания вышеуказанных лиц должны признаваться недопустимыми.

Соблюдение и защита прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве обеспечиваются комплексом процессуально-правовых гарантий. Конкретные гарантии устанавливаются в законе относительно к стадиям процесса и правам участников судопроизводства.

Осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17 Конституции). Например, чтобы меры безопасности в отношении свидетеля и потерпевшего не нарушали интересы обвиняемого.

В соответствии со ст. 2, ч. 1 ст. 45 и ст. 53 Конституции РФ государство обязано признавать, соблюдать и защищать права и свободы, создавая при этом эффективные правовые механизмы устранения любых нарушений, в т.ч. допущенных его органами и должностными лицами при осуществлении уголовного судопроизводства.

УПК России устанавливает целую систему мер, предусматривающих защиту прав и свобод граждан. В первую очередь к ним относится деятельность органов прокуратуры как органов надзора за законностью, которые в необходимых случаях при обращении к ним граждан и организаций принимают соответствующие сигналы-жалобы и начинают действовать. Другим таким инструментом являются суды. Без соблюдения и защиты конкретных прав и свобод человека и гражданина невозможна реализация принципов презумпции невиновности, обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту, правил о языке судопроизводства.

Формирование гражданского общества и правового демократического государства требует создания сильной, независимой и доступной для населения судебной власти. Конституция РФ предусматривает обязанность государства обеспечить соблюдение прав и свобод граждан посредством правосудия и при выполнении процессуальных действий и вынесении решения не допускать унижения чести и достоинства участвующих в деле лиц и применять к ним меры процессуального принуждения только в случаях действительной необходимости и не иначе как на основании, в порядке и пределах, предусмотренных законом.

Россия, провозгласив себя демократическим правовым государством, заявила тем самым о своих намерениях продвигаться в направлении развития мировой цивилизации, исходя из признания человеческой личности, ее прав и свобод высшей ценностью в обществе и государстве. Наиболее остро они затрагиваются в такой сфере государственной деятельности, как уголовное судопроизводство. Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства должно отвечать представлениям о человеке и его правах как о высшей ценности и соответствовать международным нормам в области прав человека, являться составной частью правовой системы России.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 22.11.2016) // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
2. Уголовный процесс: учеб. М.: Проспект, 2013.
3. Кирланов Т.Г. Уголовно-процессуальная охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве РФ. М., 2010
4. Уголовно-процессуальное право РФ: учеб. / Под ред. П.А. Лупинской. М.: Юрист, 2003.
5. Божьев В.П. Уголовный процесс: учеб. М.: Спарк, 2002.

**Сухарева Елена Викторовна,
Елесина Ирина Геннадьевна,**
кандидат педагогических наук,
Санкт-Петербургский университет МВД России

Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина

В современном правовом государстве Конституция – это не только основной закон государства, особый нормативно-правовой документ, имеющий высшую юридическую силу, определяющий основу политической, правовой, экономической и социальной жизни государства, но и своеобразный договор между народом и государством, в котором определены права и свободы народа и положение индивида по отношению к государственной власти.

В 1993 г., спустя два года после распада Советского Союза в Российском государстве путем проведения всенародного голосования была принята новая либеральная Конституция, основанная на принципах соблюдения нativelyх, неотъемлемых прав и свобод человека и гражданина, провозглашающая РФ правовым государством (в соответствии со ст. 1 Конституции «Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления»).

Конституционные права и свободы составляют важнейшую часть системы всех прав и свобод человека и гражданина. Конституционные права и свободы человека и гражданина составляют основу правового статуса личности, т.к. они не только принадлежат человеку от рождения или в силу гражданства, но и закреплены в Конституции. В связи с этим они характеризуются всеобщностью, равны и едины для всех.

Конституционные права и свободы человека и гражданина можно подразделить на гражданские, экономические, социальные, политические и культурные.

Гражданские права и свободы прописаны в статьях 20–28 Конституции. К ним относят: право на жизнь, достоинство личности и право на его государственную охрану, право на свободу и личную неприкосновенность, право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени, тайну переписки телефонных переговоров и сообщений, неприкосновенность жилища, право на определение национальной принадлежности, на пользование родным языком и свободный выбор языка, на свободу передвижения, свободу совести и вероисповедания.

Политические права и свободы закреплены в статьях 29–33 Конституции и к ним относятся: свобода мысли и слова, право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию, право на объединение, право на проведение публичных мероприятий, право на участие в управлении делами государства, право на обращения.

К экономическим правам и свободам, которые указаны в статьях 34–36 Конституции, относятся право частной собственности, право наследования и право на использование способностей и имущества для экономической деятельности.

Социальные права и свободы указаны в статьях 37–42 Конституции и к ним относят: родительские права, право на труд, право на жилище, право на социальное обеспечение, право на благоприятную окружающую среду и право на охрану жизни, здоровья и медицинскую помощь.

К культурным правам и свободам человека и гражданина относят право на образование, право на участие в культурной жизни, свобода творчества и преподавания. Данные права и свободы прописаны в статьях 43–44 Конституции.

Все вышеперечисленные права и свободы гарантированы государством каждому человеку и гражданину. В этом смысле под гарантиями можно понимать созданные государственным аппаратом условия, направленные на предоставление человеку и гражданину реальной возможности для реализации своих законных прав и свобод. Важнейшее место в обеспечении прав и свобод выступает сформулированное в Конституции РФ положение о государственной защите прав и свобод. В соответствии с Конституцией права и свободы человека и гражданина находятся под защитой государства, но это не является препятствием для каждого человека и гражданина защищать свои права всеми, не запрещенными законом, способами. В частности, в соответствии со ст. 46 Конституции РФ каждый имеет право на судебную защиту его прав и свобод, причем не только на внутригосударственном уровне, но и в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, например, в соответствии с Европейской конвенцией по правам человека (данная конвенция вступила в силу в РФ 5 мая 1998 г.) в ЕСПЧ. Кроме этого, в Конституции РФ заложены основные механизмы справедливого правосудия, например, ст. 47 гарантирует право на подсудность, ст. 48 дает каждому право на получение, в том числе и бесплатной, квалифицированной юридической помощи, ст. 50 исключает повторное осуждение за одно и то же преступление, а в ст. 49 прописана гарантия презумпции невиновности.

Многие юристы и правоведы по праву называют Конституцию 1993 г. одной из самых либеральных и демократичных Конституций в мире, т.к. она не только предоставила обширные права и свободы гражданам России, но и гарантирует их соблюдение и защиту.

**Перспективные правоохранительные возможности
институционализации сетевых баз персональных данных
и права человека**

С развитием сетевого взгляда на общественное устройство, институционализации сетевых механизмов влияния на социально-экономические и политические явления и процессы, а также в связи с трансформациями в общественной деятельности и социальных структурах, очевидно, что и правоохранительная деятельность должна быть адаптирована к новым условиям институциональной среды ответными мерами, соответствующими современным угрозам. В правоохранительной деятельности необходимо развивать сетевые механизмы противодействия наиболее опасным проявлениям организованной групповой (сетевой) преступности. Такие механизмы должны быть институциональны и связывать субъекты всей правоохранительной системы – суды, учреждения юстиции, надзорные и правоохранительные органы, правозащитные организации [1, с. 70].

Реализуемые на основе сетевых коммуникаций механизмы сотрудничества правоохранительных органов в области противодействия организованной преступности способны повысить эффективность этого социального процесса. Наиболее последовательное развитие сетевой подход к организации правоохранительной деятельности демонстрируют страны Запада (формирующие элементы глобальной правоохранительной кооперации), а в рамках ЕС нормативное закрепление правоохранительного сотрудничества судов, учреждений юстиции и полиции заложило основы формирования новой институциональной сетевой правоохранительной среды [2, с. 166].

Одним из сетевых механизмов противодействия преступности является совместное использование правоохранительными органами общих баз данных информации. Интеграция различных по содержанию баз данных, содержащих персональные данные, криминалистически значимую и иную сопутствующую информацию, позволит правоохранительным органам создавать информационные модели гуманитарных сетей, отрабатывая сетевые криминальные связи людей. Многообразие массивов баз данных позволит формировать многослойные информационные модели, выставлять критерии времени и пространства при их построении.

Особую значимость такие информационные модели могут представлять при использовании их в целях противодействия разветвленным экстремистским и террористическим сетям. С учетом трансграничного характера современного терроризма моделировать социальные связи гуманитарных террористических сетей необходимо в глобальном масштабе, объ-

единая усилия создавать и поддерживать ведение транснациональных баз данных. Для этого необходимо решить проблемы межгосударственной передачи персональных данных либо собирать такие данные разведывательными методами.

Поиск информации в неоднородных массивах данных технически зачастую реализуется при помощи технологии веб-сервисов. Использование информационными системами МВД России веб-сервисов предоставит возможность обращения к большим массивам разнородных данных. По мнению М.В. Смирнова, взаимодействие информационных систем на уровне веб-сервисов позволит осуществить их связывание и автоматизированную обработку в целях информационного анализа [3, с. 114].

Помимо объединения данных из различных источников при моделировании транснациональных (сетевых) социальных связей, среди первоочередных проблем возникает вопрос персонального учета людей. При сведении баз данных возникает проблема имени человека и соотнесения имен в разных языках. Поэтому универсальным решением для таких проблем будет отождествление каждого человека не только по традиционному имени, но и по присвоенному числовому коду (натуральные числа – универсальный кодовый язык). В этой связи интересными представляются ряд отечественных инициатив, которые могут в будущем быть использованы в интересах моделирования гуманитарных криминальных сетей.

В России предложено использовать единый регистр населения, а каждого гражданина пронумеровать уникальным неизменяемым 12-разрядным личным «id»-кодом [4, с. 2], предполагая в будущем институционализацию нового концептуального подхода к персональному учету населения. Неизвестно будет ли такой «единый id человека» соответствовать уже имеющемуся индивидуальному номеру налогоплательщика (ИНН). Аббревиатурой «id» в математике обозначается тождественное отображение, переводящее аргумент в себя, вне математики «id» – обозначение отождествления уникального объекта.

Традиционный учет населения по разрозненным данным (ФИО, дата и место рождения, реквизиты документов и т.п.) создают сложности при сопоставлении их в цифровом виде. В России планируется создание единой базы («супербазы», как ее окрестили в СМИ) сведений о населении (в т.ч. о постоянно проживающих в РФ иностранцах). В нее на основе данных об актах гражданского состояния в обязательном порядке войдут различные идентификаторы (ИНН, СНИЛС, реквизиты различных документов), также допускается включение в «супербазу» сопутствующей информации (о месте работы/учебы, судимости, воинской обязанности и т.п.). Доступ государственных органов к персональным данным из регистра планируется по регламентированному запросу.

Независимо от предстоящего процесса персонального учета обсуждается возможность пофамильной переписи населения – как обяза-

тельной для населения, с указанием персональных данных и возможной административной ответственностью за отказ сообщить сведения о себе. Проблема точности и погрешности при учете населения стояла всегда. В последней переписи Росстата 2010 г. отказались участвовать более 1 млн человек, еще 2,6 млн избегали контакта с переписчиками. Кроме того, 3,5 млн человек отказались сообщить о своем образовании, 4 млн – об источниках средств к существованию, 4,6 млн – о своей экономической деятельности. В связи с этим в 2015 г. (год проведения микропереписи 5 % населения) ВЦИОМ провел соцопрос, по результатам которого поддержали обязательное участие граждан в переписи 70 % россиян, 22 % высказались против [5, с. 3]. Данный опрос проводился до объявления инициативы персонального учета и административной ответственности за отказ от участия в переписи населения. Член президентского Совета по правам человека А. Верховский указывает, что перепись по новым правилам будет больше похожа на «сбор персонифицированных данных», и уверен, что «устроить тотальный допрос граждан без соответствующего силового механизма невозможно» [5, с. 3].

Хотя эти две инициативы не были связаны между собой, обе они могут заложить основы моделирования социальных связей, в т.ч. криминальных, предоставив ценный массив данных.

Между тем, идея «id человека» не нова. В Москве родителями-художниками была предпринята попытка назвать ребенка именем «БОЧ рВФ 260602» («Биологический объект человек рода Ворониных-Фроловых, родившийся 26.06.2002 года»). Очевидно, что родители, выражая социальный протест традициям имя наречения, не руководствовались государственными интересами поименно-нумерованного учета, т.к. такое имя не обеспечивает уникальности.

Однако в свете анонсированной работы по учету населения подобные имена в будущем, вероятно, не будут выглядеть конфронтально с точки зрения общественной морали, родительских прав и прав человека (ребенка) на имя, закрепленных в Декларации прав ребенка, Международном пакте о гражданских и политических правах, Конвенции ООН о правах ребенка. Само понятие «имени человека», данного ему родителями при рождении (неуникальное имя), в будущем, вероятно, государством может быть дополнено уникальным числовым кодом как элемент отождествления имени человека. Таким образом, будет создана возможность использовать числовой код человека при его отождествлении (авторизации) в коммуникациях с государственными органами (как часть имени) или возможность заменять таким кодом имя (например, в правоохранительных целях при зашифровывании данных о личности). В указанных целях генерировать персональный код человека можно будет еще до его рождения.

Очевидно, что «id человека» должен будет стать его персональным данным. Представляется, что аналогично ИНН [6], присвоение, сбор,

хранение, использование и распространение информации о «персональном коде человека» не стоит приравнивать к информации о частной жизни, т.к. сам по себе «id человека» такой информации не несет. Неуясненность правового режима «id человека» в международном праве определяет постановку множества вопросов по соблюдению стандартов прав человека национальными правительствами при его применении. Например, обязательность такого кода, необходимо ли указывать его в документах, удостоверяющих личность, если нет – на каком носителе человеку хранить свой персональный код. Будет ли такой код составлять охраняемую законом тайну, и если да – то каков будет порядок ее обеспечения.

Наблюдаемая таким образом формирующаяся институционализация механизмов сбора и присвоения персональных данных, а также организации к ним сетевого распределенного доступа, по нашему мнению, коренным образом затрагивает неурегулированные правовыми нормами права человека на данный вид информации. В этой связи представляется актуальной потребностью международного права разработка стандарта прав человека (принятием международного акта) в области имени человека. Между тем именно сбор, обработка и использование подобной информации в условиях современной сетевой общественной структуры и институциональной среды способны формировать новые механизмы правоохранительной деятельности, упреждающе моделирующие возможное преступное поведение людей на основе анализа их социальных связей.

Список литературы:

1. Тагиров З.И. Модель сетевой правоохранительной деятельности как вариант организации сотрудничества правоохранительных органов Российской Федерации в условиях сетевой общественной структуры // Актуальные вопросы обеспечения общественной безопасности и противодействия преступности в Крымском федеральном округе: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: КрУ МВД России, 2016.

2. Тагиров З.И. Сетевые правоохранительные коммуникации Европейского союза в сфере борьбы с терроризмом // Новеллы права и политики: сб. научных трудов по материалам Всерос. науч.-практ. конф. Гатчина: ГИЭФПТ, 2016.

3. Смирнов М.В. Вопросы взаимодействия информационных систем МВД России и Интерпола // Труды Акад. управления МВД России. 2015. № 4 (36).

4. Крючкова Е. Граждан ждет тотальная нумерация. Население России будет внесено в единую супербазу данных // Газ. «Коммерсантъ». 2016. № 134.

5. Городецкая Н. Доложить о себе придется всем. Росстат предлагает сделать участие в переписи населения обязательным // Газ. «Коммерсантъ». 2016. № 162.

6. Определение Конституционного Суда РФ от 10 июля 2003 г. № 287-О // Вестн. Конституционного Суда РФ. 2003. № 6.

Торопов Сергей Александрович,
кандидат юридических наук,
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;
Пономарев Александр Валерьевич,
кандидат юридических наук,
Крымский филиал Российского государственного
университета правосудия

Проблемные вопросы соблюдения прав человека при отборе образцов для сравнительного исследования

Конституция РФ провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью в государстве, что, в свою очередь, возлагает на систему правоохранительных органов обязанности по защите личности, ее прав и свобод, способствованию возмещения причиненного ей ущерба, а также привлечения нарушителей к установленной законом ответственности с соблюдением установленных процедур и механизмов. При этом немаловажно обеспечить в процессе доказывания соблюдение прав личности нарушителя представителями правоохранительной системы.

Предлагается обратить внимание на соблюдение прав личности подозреваемого (обвиняемого) при получении образцов для сравнительного исследования в рамках расследования по уголовному делу, в случаях противодействия последнему.

Лицо, осуществляющее расследование по делу, имеет возможность получения образцов для сравнительного исследования у «подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, а также у иных физических лиц и представителей юридических лиц в случаях, если возникла необходимость проверить, оставлены ли ими следы в определенном месте или на вещественных доказательствах» [1]. При этом делается акцент на то, что при получении образцов для сравнительного исследования не должны применяться методы, опасные для жизни и здоровья человека или унижающие его честь и достоинство.

Образцы для сравнительного исследования можно разделить на следующие виды: свободные, условно-свободные и экспериментальные. Как правило, нарушение прав подозреваемого (обвиняемого) при отборе свободных и условно-свободных образцов сотрудниками правоохранительных органов не возникает. Процесс же отбора экспериментальных образцов, связанных с совершением определенных действий подозреваемым (отбор образцов почерка) либо производных тела человека (выделения, либо производные тела человека), зачастую ставится в зависимость от получения согласия последнего, что может повлечь нарушение прав человека при принудительном отборе соответствующих образцов либо затруднение (невозможность) проведения судебной экспертизы.

Например, подозреваемый (обвиняемый), сославшись на угрозу заражения какой-либо болезнью (ВИЧ), может отказать лицу, занимающемуся расследованием по делу, в отборе образцов крови для сравнительного исследования, т.к. согласно ст. 21 Конституции РФ никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским опытам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению [2].

В данном случае представителям правоохранительного органа придется искать выход из рассматриваемой конфликтной ситуации следующим образом: доверительными беседами, уговорами пытаться психологически воздействовать на подозреваемого (обвиняемого) с целью побудить его дать добровольное согласие на проведение отобрания образцов; отказаться от проведения процессуального действия, что может негативно повлиять на результаты экспертизы и, в целом, на ход расследования по делу; принудительно с помощью физической силы и дополнительно привлеченных сотрудников против желания и воли подозреваемого (обвиняемого) отобрать образцы [3–6].

Определение Конституционного Суда РФ от 16.12.2004 № 448-о гласит, что «закрепление в Конституции РФ права не свидетельствовать против себя самого не исключает возможности проведения – независимо от того, согласен на это подозреваемый или обвиняемый либо нет, – различных процессуальных действий с его участием... получение образцов для сравнительного исследования..., а также использования... образцов биологических тканей и пр. в целях получения доказательств по уголовному делу. Подобные действия – при условии соблюдения установленной уголовно-процессуальным законом процедуры и последующей судебной проверки и оценки полученных доказательств – не могут быть расценены как недопустимое ограничение гарантированного ст. 51 (ч. 1) Конституции РФ права, поскольку их совершение предполагает достижение конституционно значимых целей, вытекающих из ее ст. 55 (ч. 3)» [7]. Вышеуказанное свидетельствует о том, что, руководствуясь ст. 51 Конституции РФ, подозреваемый (обвиняемый) не может отказаться от процедуры отбора образцов для сравнительного исследования, но в тоже время способов и механизмов принудительного отбора образцов лицу, ведущем расследование, не предоставляет.

Получается, что процедура принудительного отбора образцов в случаях противодействия подозреваемого (обвиняемого) возлагается на лицо, осуществляющее расследование по делу. В случаях же нарушения прав, унижения чести и достоинства подозреваемого (обвиняемого) представители правоохранительного органа будут нести ответственность за указанные нарушения, а отобранные образцы и доказательства, полученные таким способом, могут быть признаны недопустимыми.

Подводя итог, надо отметить, что необходимо на законодательном уровне разъяснить и закрепить основы такого процессуального действия, как отбор образцов для сравнительного исследования. Очевидно, что в случаях возникновения конфликтных ситуаций и активном противодействии расследованию подозреваемым (обвиняемым) может возникнуть необходимость принудительного отбора образцов для сравнительного исследования. В этих случаях, с целью избегания возможного нарушения прав личности, процессуальным законом следует максимально детализировать алгоритм принудительного отбора образцов для сравнительного исследования с получением необходимых разрешений судебной системы, а также предусмотреть ответственность подозреваемого, обвиняемого, отказавшегося от дачи образцов для сравнительного исследования.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 22.11.2016) // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
2. Конституция РФ, принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (ред. от 21.07.2014) // Рос. газ. 1993. 25 дек.
3. Майлис Н.П. О соблюдении конституционных норм при проведении отдельных следственных действий // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2013. № 7.
4. Цховребова И.А. Отказ от участия в следственном действии: конституционное право или неисполнение процессуальной обязанности? // Труды Акад. управления МВД России. 2015. № 3.
5. Пономаренко Е.В. Основания для принудительного получения образцов для сравнительного исследования // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. 2016. № 2.
6. Чабукиани О.А. Получение образцов для сравнительного исследования как процессуальное проверочное действие следователя // Научный диалог. 2013. № 7 (19).
7. Определение Конституционного Суда РФ от 16 дек. 2004 г. № 448-О // СПС «Гарант».

Трифонов Сергей Геннадьевич,
кандидат юридических наук,
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

**Конкретизация конституционно-правового принципа справедливости
в статусе детей-сирот как субъектов,
реализующих право на образование**

Конституция РФ воплощает идею приоритета прав и свобод человека, и в этой связи представляется, что направляющими и движущими основами реализации конституционных положений являются ее принципы. В научной литературе постоянно подчеркивается актуальность правовой категории «справедливость», хотя, как конституционный принцип, он текстуально не выражен. Данное понятие упоминается в преамбуле Конституции, где говорится: «... чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость ...».

Даже закрепление в преамбуле, как части носящей декларативный характер, категории «справедливость» не исключает ее действия как принципа в качестве гаранта прав человека, поскольку вышеуказанная преамбула является неотъемлемой частью Конституции, имеющей высшую юридическую силу для представителей всех ветвей государственной власти. Об этом свидетельствуют акты Конституционного Суда РФ, ссылающиеся на преамбулу «...в ее нормативном единстве и сопряжении с рядом иных положений Конституции...» [1, с. 43]. В практике Конституционного Суда термин «справедливость» употребляется именно в качестве «конституционно-правового принципа» [2, с. 6]. Различна его трактовка: «исходя из общеправового принципа справедливости», «требование справедливости», «справедливый баланс между ценностями» [3]. Конституционный Суд ссылается на ст. 7 Конституции РФ при использовании понятия «социальной справедливости» [4, с. 49].

Идея справедливости – главное содержание социального развития, а развитие социального потенциала государства невозможно без образования. Система образования – это важный показатель социального правового государства, в котором сочетаются идеи равенства и свободы, и справедливость выступает их мерой [2, с. 7]. Ей принадлежит ведущая роль в формировании личности, именно в этой системе гражданин реализует право на образование [5, с. 5].

Конституционное назначение образования определяется его ролью в формировании личности и усиливается свойством бесценности человеческой личности, незаменимости одной личности другой, которая и является основой человеческой всеобщности [6, с. 23].

Социально-культурное право на образование – составной элемент конституционно-правового статуса личности. В соответствии с Конститу-

цией РФ «каждый имеет право на образование». Федеральный закон «Об образовании в РФ» конкретизирует статус обучающихся (гл. 4, 11) [7]. Выделим категории субъектов права на образование с общим образовательно-правовым статусом, т.е. все обучающиеся и со специальным – дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, дети с ограниченными возможностями здоровья. Они нуждаются в государственной поддержке и защите, поскольку не всегда самостоятельно могут реализовать свое субъективное право. Льгота для сирот была установлена еще в 1987 г. постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР [8].

В период коммерциализации образования остро стоит вопрос о возможности получения высшего образования детьми-сиротами: право на образование имеет каждый, но различны условия его реализации, т.к. для детей со специальным статусом помимо общих прав устанавливаются дополнительные права и гарантии. Однако такое формальное неравенство нельзя рассматривать как ущемление принципа справедливости, ведь речь в таком случае идет о «позитивном неравенстве», т.е. неравенстве в пользу наименее защищенных, когда «сущность справедливости состоит именно в неодинаковом обращении с неодинаковыми людьми» [9, с. 16]. Необходимость обеспечить равные возможности для сирот подчеркнута Указом Президента «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» [10].

Особый статус детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, как субъектов права на образование выделяется международным правом и законодательством России. Конституция содержит достаточно демократические социальные начала пользования благом образования на основе равенства, федеральное законодательство во многом конкретизирует ее положения. В соответствии с п. 3 ст. 16 Закона РФ «Об образовании» [11] детям-сиротам предоставлялось право поступать вне конкурса на условии успешного прохождения вступительных экзаменов; данная норма распространялась как на выпускников интерната, так и на детей, воспитываемых в опекунах, приемных и патронатных семьях и реально гарантировала поступление в вуз.

Среди особенностей исследуемого статуса выделим: обязанность государства финансово обеспечить дополнительные гарантии по социальной поддержке (КС РФ указывает на обязанность государства принимать все зависящие от него меры для обеспечения правовых гарантий функционирования системы образования [12]); право на обучение в подготовительных отделениях образовательных организаций высшего образования; на получение второго среднего профессионального образования по программе подготовки квалифицированных рабочих без взимания платы; на полное государственное обеспечение до завершения обучения по программе среднего профессионального образования или высшего образования (сохраняется в период обучения и в случае достижения этими лицами 23 лет); на получение стипендий и ежегодных пособий, учебной литературы и письменных принадлежностей.

Закон № 273-ФЗ в значительной степени минимизировал права детей со специально социальным статусом, сохраняет лишь право на бесплатные подготовительные курсы (п. 7 ст. 71), а также «преимущественное» право поступления (п. 9 ст. 71). Существенна и очевидна разница между внеконкурсным приемом и преимущественным зачислением, правом на которое обладают уже более десяти категорий абитуриентов. За все прошедшее время норма о льготах предоставляла реальную возможность поступить в вуз сиротам. Отмена такой нормы Законом № 273 обоснована законодателем отсутствием тяги сирот к получению образования. Но момент поступления в вуз является сложным периодом даже для детей с общим образовательно-правовым статусом. Кроме того, социальная политика предполагает обеспечение работы социальных лифтов, равных стартов, продвижение каждого человека на основе его способностей и таланта.

В результате анализа изменения условий получения высшего образования сиротами может быть сделан вывод о наличии коллизий в правовом регулировании указанного вопроса. Конституция России выражает основные ценности, которые должны конкретизироваться всей системой законодательства. В исследуемом случае речь идет об упрощенном и формализованном использовании ее предписаний. Дальнейшее развитие конституционализма возможно на основе справедливого сосуществования системы ценностей, в связи с чем представляется необходимым сохранить ранее отмененную норму и предоставить возможность реализовать свои права детям-сиротам, нуждающимся в особой поддержке и защите государства.

Список литературы:

1. Комментарий к Конституции РФ / Под ред. В.Д. Зорькина. 3-е изд., пересмотр. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2015.
2. Пресняков М.В. Справедливость в системе конституционно-правовых ценностей // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 16.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П // СЗ РФ. 2012. № 21. Ст. 2697.
4. Курбатов А.Я. Справедливость в российском праве: подмена понятий, субъективизм и неопределенность // Вопросы правоведения. 2012. № 3.
5. Матюшева Т.Н. Образовательные учреждения в механизме реализации конституционного права на образование. Краснодар, 2008.
6. Матюшева Т.Н. Образование как правовая категория: понятие и составляющие // Право и образование. 2009. № 1.
7. Об образовании в РФ: федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ. 2012. № 53. Ст. 7598 (ч. I).
8. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 31 июля. 1987 г. № 872 // СПС «Консультант-Плюс».
9. Ильин И. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. Т. 2. М., 1994.

10. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы: Указ Президента РФ от 01 июня. 2012 г. № 761 // СЗ РФ. 2012. № 23. Ст. 2994.

11. Об образовании: Закон от 10 июля. 1992 г. № 3266-I // Рос. газ. 1992. 31 июля. (утратил силу).

12. Определение Конституционного Суда РФ от 15 апр. 2008 г. № 274-О-О // СПС «Консультант-Плюс».

Тулегенов Вадим Валитханович,
кандидат юридических наук,
Владимирский юридический институт ФСИН России

Роль экономических прав и свобод человека и гражданина в детерминации криминального профессионализма

В настоящей работе нами будет предпринята попытка рассмотреть взаимозависимость и взаимообусловленность между проблемами, возникающими при реализации экономических прав и свобод, и криминальным профессионализмом. В частности, попытаемся проанализировать трудовую занятость, трудовую мобильность, а также процесс перераспределения государственной собственности. При этом, исходя из целей и задач, стоящих перед настоящей работой, анализ данных явлений нами будет осуществляться с ретроспективной точки зрения. Первоначально следует определиться с понятийным аппаратом, а именно со значением термина «криминальный профессионализм». На наш взгляд, под криминальным профессионализмом следует понимать особое свойство личности, позволяющее ей с использованием специфических личных качеств надежно и эффективно совершать преступления и тождественные им деяния [12, с. 119–128].

Переходя непосредственно к анализу трудовой занятости населения, необходимо обратить внимание на следующие моменты. В СССР безработицы в качестве социального явления фактически не существовало. Конституция СССР 1977 г. в ст. 40 устанавливала, что граждане СССР имеют право на труд, – т.е. на получение гарантированной работы с оплатой труда в соответствии с его количеством и качеством и не ниже установленного государством минимального размера. Кроме того, в УК РСФСР 1960 г. была предусмотрена уголовная ответственность за систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством (ст. 209), а также за злостное уклонение от выполнения решения о трудоустройстве и прекращении паразитического существования (ст. 209.1). В современной России безработица как социальное явление существует. Данный факт признается как законодателем, в частности в ч. 3 ст. 37 Конституции России постулирует-

ся право на защиту от безработицы, так и органами государственной статистики, например, уже в 1994 г. по экспертным оценкам общее число безработных составляло от 5 % до 7 % экономически активного населения [6, с. 32], а декабре 2015 г. уровень безработицы составил 5,8 % [4]. Безусловно, что для рядового индивидуума положение дел, когда его профессиональные знания, умения и навыки перестали быть востребованными, повлекшее отсутствие средств к существованию, выступает крайне тяжелой жизненной ситуацией, которая при неблагоприятном стечении обстоятельств может обусловить совершение одного или нескольких преступлений. Думается, что такая жизненная ситуация одинаково тяжело переносится независимо от возраста безработного. Таким образом, всего за несколько лет труд из юридической обязанности стал законным интересом личности, что разрушило привычную социальную практику, подорвав веру в государство, социальную справедливость и собственные силы. Безусловно, данный социальный катаклизм не мог не детерминировать состояние аномии и не мог не обладать криминогенным значением. Думается, что часть лиц, оказавшихся в ситуации, когда их трудовые знания, умения и навыки оказались никому не нужными или были удостоены лишь мизерной оплаты, стали основной движущей силой, «великой криминальной революции», набравшей обороты в этот период.

Следующим явлением, которое необходимо подвергнуть научному анализу, выступает трудовая мобильность. Трудовая мобильность – это одна из форм социальной мобильности, которая представляет собой процесс смены места приложения труда работниками, изменяющий место работника в системе общественного разделения труда [7, с. 93]. Выделяют несколько видов мобильности трудовых ресурсов: территориальную, связанную с миграционным движением населения; профессионально-квалификационную, связанную с горизонтальным социальным движением населения в пределах одного и того же страта; статусную, связанную с перемещением из одного социального слоя (класса, группы) в другой (вертикальная мобильность) [5, с. 126]. Думается, что трудовая мобильность выполняет две важные функции. Во-первых, повышает эффективность экономики посредством перераспределения трудовых ресурсов. Во-вторых, горизонтальное и вертикальное социальное движение населения снижает социальную напряженность.

Однако, несмотря на экономическое и социальное значение трудовой мобильности, можно утверждать, что в современной России отсутствует комплексная система, стимулирующая трудовую мобильность, в отличие от бывшего СССР, где она успешно функционировала [9; 11, с. 271–296]. Применительно к рассматриваемому моменту под комплексной системой, стимулирующей трудовую мобильность, мы понимаем не только наличие рабочего места и необходимого уровня оплаты труда, но и наличие жилья, развитой социальной инфраструктуры, а также рабочих мест для остальных членов семьи. Отсутствие данной системы не могло не сказаться на

интенсивности трудовой мобильности. Так, по данным Росстата, в 1989 г. миграционный оборот в РСФСР насчитывал 4,7 млн чел., в 2005 г. количество внутренних мигрантов сократилось до 1,9 млн чел. [9].

В настоящее время, если индивидуум собирается сменить место работы и место жительства, то наряду с решением жилищного вопроса ему необходимо, как правило, самостоятельно решить иные сопутствующие проблемы. В противном случае трудовому мигранту предстоит довольствоваться достаточно скромным набором бытовых благ. Вдобавок к этому трудовой миграции сопутствует целый набор преступлений (кражи, мошенничества, вымогательства, причинения вреда здоровью и т.д.). Яркими примерами таких преступлений является ситуация, сложившаяся на рыбном комбинате «Островной», когда работникам комбината не платили зарплату, а уехать они не могли из-за отсутствия денег и удаленности предприятия от материка, что вынудило их обратиться к президенту России В.В. Путину на прямой линии [10], а также массовая драка, имевшая место 14 мая 2016 г. на территории Хованского кладбища, в которой участвовали более 200 чел. [1].

На наш взгляд, криминогенное значение низкой трудовой мобильности, которую мы наблюдаем в современной России и ставшей результатом трансформации советской социальной практики, заключается в следующем. Во-первых, низкая трудовая мобильность препятствует решению проблемы трудовой занятости (потенциальный работник попросту боится уезжать «в неизвестность»), соответственно отсутствие работы или достаточных средств к существованию не может не обладать криминогенным значением. Во-вторых, боязнь уезжать «в неизвестность» из-за отсутствия комплексной системы, направленной на поддержку трудовой миграции, порождает чувство социальной несправедливости, когда работник за одну и ту же работу получает в разных регионах различную заработную плату, которая может отличаться на несколько порядков. В-третьих, трудовые мигранты в той или иной степени вовлекаются в криминальные отношения или же существует высокая вероятность такого вовлечения как в качестве субъекта преступления, так и в качестве потерпевшего. Вследствие чего трудовые мигранты в ряде случаев прибегают не к законопослушным средствам разрешения противоречий, а избирают криминальные или паракриминальные модели поведения.

Последним элементом, выступающим предметом настоящего исследования, является процесс перераспределения государственной собственности на средства производства от государства к частным лицам. Причем если рассмотренные выше элементы выступали в качестве криминогенных условий, которые потенциально могли обусловить криминальный профессионализм, то перераспределение государственной собственности на средства производства прямо детерминировало криминальный профессионализм. В данном случае были востребованы общеуголовные преступления (убийства, причинение вреда здоровью различной степени тяжести, мо-

шенничества, вымогательства, бандитизм) как способ воздействия на конкурентов, иных лиц, а также должностные преступления (злоупотребление служебными полномочиями, взяточничество, служебный подлог и т.д.) как способ решения хозяйственных и иных проблем. Общеизвестно, что апологеты приватизации видели в частном лице «эффективного собственника». При этом под термином «эффективный собственник» мы понимаем не только лиц, которые, используя приватизированную собственность по прямому назначению, извлекали из нее максимальную прибыль, но и тех лиц, которые посредством причинения существенного ущерба приватизированной собственности вплоть до ее разорения, реализовывали преимущественно личные корыстные интересы. Так, в 1993 г., когда в частное владение перешло 42 924 государственных предприятия, т.е. более 1/3 общего количества, приватизированных в 1993–2006 годах, в бюджет поступило всего 450 млрд тогдашних обесценившихся рублей, или, по существовавшему в те годы курсу рубля, около 90 млн долл. [2, с. 435–436].

Рассматривая криминогенность экономических преобразований, трудно не согласиться с мнением английского публициста XIX в. Т.Д. Даннинга, считавшего, что при 300 % прибыли нет такого преступления, на которое капитал не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы [8, с. 770]. В свою очередь, приватизация государственной собственности сулила ее потенциальному обладателю многократное умножение потраченных денежных средств, что заставляло идти его на любое преступление. Этими лицами государственная собственность была успешно приватизирована, в результате чего государству был причинен серьезный ущерб.

В этих условиях лица, стремившиеся стать владельцами капитала, использовали широкий спектр методов для его получения, в т.ч. и уголовно наказуемых. Такое положение дел не могло не обусловить формирование рынка криминальных услуг. Соответственно главным законом рынка криминальных услуг, как и любого другого рынка, является закон спроса и предложений. В свою очередь, конкурентным преимуществом на этом рынке обладают те лица, которые могут предложить надежное и эффективное решение проблемы, по поводу которого обратился потенциальный пользователь криминальной услуги. Вместе с тем алгоритм решения проблемы строится на системе актуальных криминальных знаний, умений и навыков. В качестве примера можно привести деятельность группировки братьев Целлогузов, организовавших подпольную криминальную школу, специализировавшуюся на убийствах по найму и обладавшей бесспорным конкурентным преимуществом [3, с. 307].

Таким образом, учитывая, что общество является открытой диссипативной системой, можно констатировать, что изменения в содержании и порядке реализации экономических прав и свобод человека и гражданина имело большое количество последствий (экономических, политических, социальных, духовно-нравственных). Одним из таких последствий стали изменения в процессах детерминации криминального профессионализма.

Список литературы:

1. Бабкин С. Крестов на них нет // Рос. газ. 2016. 15 мая.
2. Безопасность Европы / Под ред. В.В. Журкина. М.: Весь Мир, 2011.
3. Главари бандитских кланов / авт.-сост. В.Н. Сотников. Мн: Лит-ра, 1997.
4. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d06/16.htm (дата обращения: 08.10.2016).
5. Кирпичев В.В. Высокая территориальная мобильность трудовых ресурсов как основа создания современной экономики России // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 2.
6. Куприянова З.В. Безработица глазами работников // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1994. № 5.
7. Макушева Ю.А., Стрелкова Л.В., Черней О.Т. Трудовая мобильность персонала в условиях инновационного развития Нижегородской области // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. «Социальные науки». 2013. № 1 (29).
8. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1960.
9. Не декабристки. Мобильности российской рабочей силы мешают жены // Ведомости. 2010. 17 нояб. № 2735.
10. URL: <https://regnum.ru/news/society/2118098.html> (дата обращения 08.10.2016).
11. Романов Р.Е. Регулирование трудовой мобильности населения СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны: нормы и реальность // Историко-экономические исследования. 2015. Т. 16. № 2.
12. Тулегенов В.В. Понятие и сущность криминального профессионализма // Вестн. Владим. юрид. ин-та. 2014. № 1 (27).

Тур Виктор Григорьевич,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Крымский филиал Российского государственного
университета правосудия

Свобода вероисповедания и проблемы деятельности религиозных организаций в условиях XXI века

В соответствии со ст. 18 Всеобщей декларации прав человека «каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных порядков» [1]. Данный пункт Декларации подтвержден в ст. 28 Конституции РФ.

Бесспорно, принятие такого документа стало шагом вперед в развитии демократии. Но надо учитывать, что большинство пунктов Декларации, включая раздел о свободе вероисповедания, является итогом революционных преобразований, начатых в Западной Европе в конце XVIII – середины XIX вв. В то время, когда Западноевропейские государства только начинали путь к достижению веротерпимости, Российская империя времен Петра I и Екатерины II фактически закрепляла многоконфессиональную структуру общества, не исключая, при этом, первенства Православной церкви, как носителя государствообразующей идеологии. Идея веротерпимости, равенства по религиозному принципу, а также окончательная регламентация отношений между государством и религиозными организациями была сформулирована в законах Российской империи периода правления Николая I и только совершенствовалась вплоть до революций 1917 г. [2].

Если дореволюционная конфессиональная структура России была представлена, за небольшим исключением, традиционными религиозными направлениями, ясными и проверенными временем, активные процессы глобализации, а как следствие и слияние различных мировых культур, возникновение новых мировоззренческих систем в XX в., привели к формированию многочисленных неорелигий и синкретических течений, к которым общество не сформировало однозначного отношения. Таким образом, говоря о свободе вероисповедания и осуществления культовой практики, мы должны учитывать и ст. 29.2 Декларации, где отмечается, что «При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе». Именно эту функцию в рамках РФ и выполняет Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» [4].

В РФ, как светском государстве, существует принцип отделения религиозных организаций от государства (ст. 14.2 Конституции). В нем объединены люди, принадлежащие по своим убеждениям к различным конфессиям либо отрицающие Бога вообще. Такие государства ориентированы на защиту социально-экономических интересов определенных групп общества. Соответственно современное право и вытекающие из него законы, регулирующие экономические и политические отношения, все дальше отклоняются от конфессионального права. Религия становится частным делом, а роль религиозных организаций сводится к удовлетворению духовных запросов верующих и обеспечению культовых обрядов, если учение не противоречит светским законам и не ущемляет интересы иных граждан.

Однако отделение религиозных организаций от государства не означает отделения верующих от общества, а значит и не исключает активного влияния религии на правопорядок. Когда светское право вступает в конфликт с конфессиональным, перед человеком верующим возникает необходимость выбора и, как показывает практика, он часто отдает приоритет религиозно-нравственным убеждениям. Для верующего критерием является смысл земного существования, а право на суд и справедливость он признает только за Всевышним. Бесспорно, правовая база светского государства, учитывая культурную составляющую, во многом вырастает из традиционных учений. В нашем государстве это, прежде всего, Православные ценности. В тоже время нормы права, обеспечивающие жизнедеятельность общества на современном этапе, далеко не всегда совпадают с критериями учений, созданными в глубоком средневековье. Таким образом, в условиях отделения религиозных организаций от государства, кроме известных социально-экономических причин, преступность растет за счет межконфессиональных конфликтов, противостояния церкви и государственных структур (если деятельность и культ религиозной общины противоречит светским законам), либо в результате личной ненависти на почве религиозных противоречий.

Статистика преступлений, совершенных в нашем государстве на почве религиозных противоречий не публикуется и в международные институты не предоставляется. Но воспользуемся информацией о других светских государствах. Например, судя по официальным отчетам ФБР США, в 2011 г. было совершено 1039 религиозно-мотивированных преступлений, в 2014 г. – 852. Но уже в 2015 г. численность преступлений на почве религиозной ненависти увеличилось на 23 %. По опубликованным данным за 2012 г. в Германии было зарегистрировано 414 преступлений на религиозной почве, в Великобритании, Ирландии и Шотландии – 2230. Практически по всем странам Европы прокатилась волна вандализма и осквернения культовых зданий [6; 12; 13; 16]. Современная статистика преступлений на религиозной почве в Европе в результате массовой миграции мусульманского населения уже также не публикуется. Отсутствуют данные и о преступлениях на религиозной почве в Украине, Сирии, Египте, Ливии, Ираке, Индии и иных государствах, где религиозная ненависть из личной сферы давно перешла в противодействие между общинами, где жертвы насилия исчисляются сотнями и тысячами. Обычно такие конфликты совпадают с межнациональными и социально-политическими причинами. Так, этнически и религиозно-мотивированная война 1992–1995 годов между православными сербами, католиками-хорватами и боснийскими мусульманами в центре Европы унесла жизни более 110 тыс. чел.

При этом надо учитывать, что деятельность религиозных общин и пропагандируемых ими нравственных идеалов даже в мировых религиях не всегда отражают суть и чистоту первоначальных учений. Например,

символы веры, догматические особенности христианства формируются не ранее IV в., причем подвергаются неоднократному переосмыслению в процессе расколов и выделения так называемых еретических течений. В исламе это не только разделение на суннитов и шиитов, но и выделение сект (фирка). Даже среди основных масхабов, например, Ханбалитский выделяется не ранее XII в. Еще более пестрое толкование первичных учений в индуистских и буддистских направлениях. Что касается синкретических неорелигий, то они вообще лишь отчасти имеют что-либо общее с первоисточниками, которые декларируют.

Необходимо учесть, что современные религии давно вышли за пределы этнических групп и территории государств. Религиозные общины имеют международные центры, деятельность которых претендует на мировое господство. Однако распространяемые ими учения и культовая практика часто экзотичны и далеко не всегда соответствует особенностям местной культуры, на базе которой сформировалось право и светские законы, противоречат сложившимся международным нормам. Наиболее опасным на современном этапе является возникновение политических образований эксплуатирующих религиозные учения. Например, активизация движения ваххабитов, учения, представляющего совокупность идеологий исламского происхождения, проповедующих крайнюю нетерпимость к инаковерующим и инакомыслящим, привело к затяжной гражданской войне в Кавказском регионе [11, с. 123–127]. На базе исламского фундаментализма сформировались политико-религиозные учения («Братья мусульмане», «Хизб ут-Тахрир», «Аль-Каида», «Джебхад Анусра» и др.) развязавшие широкомасштабную войну за возрождение т.н. «Исламского халифата» (ИГИЛ-ДАИШ). Массовые казни и уничтожение иноверцев и мусульман, не поддерживающих идеи фундаментализма, разрушение процветающих государств Ближнего Востока и Северной Африки, многочисленные террористические акты во всем мире, стали результатом религиозной ненависти к инакомыслящим.

Серьезную опасность для общества представляют и современные синкретические религии. Для большинства из них характерна специфическая тоталитарная структура и культовая практика, идущие вразрез сложившимся морально-этическим ценностям и действующему законодательству. В числе наиболее известных неорелигиозных организаций тоталитарного типа – «Великое Белое братство», различные «сатанинские» течения имеющих как минимум пять направлений, «Аум-синрике», «Ветвь Давидова», «Храм Солнца» и др. Их деятельность известна по многочисленным терактам, культовым жертвам во всем мире [15, с. 75–77].

В контексте сказанного, возникает вопрос об урегулировании отношений между обществом, государством и религиозными организациями, обеспечении безопасности. Свобода совести и вероисповедания, декларируемая международными нормами и законодательством большинства ци-

вилизованных государств, является сугубо светским установлением, порожденным потребностью исключить межконфессиональные конфликты. Кроме упомянутой Декларации, права на свободу вероисповедания закреплены в п. 3 ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., п. 2. ст. 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., п. 3 ст. 1 Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основании религии или убеждений 1981 г., охраняется положениями Резолюции Совета Европы № 1202 «О религиозной терпимости в демократическом обществе» 1993 г. и др. [9, с. 9].

Бесспорно, защита прав верующих это важное завоевание демократического общества, которое не должно вмешиваться и диктовать духовные убеждения индивидам. В тоже время, предоставляя широкие права человеку в части реализации свободы совести и вероисповедания, мы далеко не в полном объеме сформировали механизм обеспечения безопасности самого общества и государства от функционирующих религиозных организаций, деятельность которых иногда идет в разрез интересам граждан. Еще в 1905–1906 годы «естественные границы» свободы совести, вероисповедания и культа определили С.В. Познышев [7, с. 120–121] и М.А. Райснер [8, с. 12]. Причем их точка зрения не устарела и сегодня. Мы должны четко отделять духовные убеждения наших граждан, их право на мировоззрение и деятельностью самих религиозных организаций, которые в силу лояльности законов часто остаются за пределами контроля со стороны государства. В РФ официально насчитывается около 24 тыс. религиозных организаций различных конфессий, при этом, по мнению А. Дворкина, действует не менее 80 неорелигиозных объединений с разветвленной сетью и структурой [5]. Надо учитывать, что, несмотря на отделение от государства, религиозные общины активно действуют внутри общества и, в конечном итоге, существенно влияют на мировоззрение, нравственность, правосознание граждан. Ю.В. Тихонравов в своих исследованиях, касающихся влияния религии, отмечает, что сфера религии является сегодня новым поиском личностей с авантюрными и криминальными наклонностями. По его мнению, отдельные религиозные организации являются социально неблагонадежными и представляют известную опасность. Разрешение проблемы он видит не в законодательных ограничениях деятельности конкретных общин или их преследовании, а в сфере практической деятельности правоохранительных органов, обучения, приобретения опыта борьбы с криминальными проявлениями на религиозной почве [14, с. 198].

В тоже время обострение опасности со стороны религиозных организаций, выбравших криминальный путь, как основу своей деятельности, заставляет принимать более радикальные меры с целью обезопасить население России. Федеральный Закон «О противодействии экстремистской деятельности» [3], позволяет запрещать или приостанавливать деятельность

религиозных организаций, пропагандирующих и практикующих экстремизм, нарушающих законодательство РФ. Так, в судебном порядке на территории России запрещена деятельность «Аум синрикэ», Православной Славянской общины «ВЕК РА», ряда организаций Древнерусской Инглиистической церкви, международные религиозные объединения «Нурджулар», «Таблиги Джамаат», «Ат-Такфир Валь-Хиджра», «Джебхад Анусра», «Аль-Каида», религиозные группы «Благородный Орден Дьявола», «Файзрахманисты», в ряде регионов приостановлена деятельность «Свидетелей Иеговых», «Церкви Саентологов» и др.

Тем не менее, дальнейшая борьба с криминальными религиозными структурами, сегодня требует целого ряда дополнительных мер. Прежде всего, открытости в деятельности религиозных организаций, информирования населения, экспертизы, позволяющей выделить «группу риска», ограничение слияния религиозных общин с политическими партиями и течениями, установления должного контроля за светской финансово-хозяйственной деятельностью религиозных объединений. Все перечисленные меры никоим образом не мешают их духовной деятельности и только будут способствовать реализации права на свободу совести и вероисповедания.

Список литературы:

1. Всеобщая декларация прав человека и гражданина (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г.).
2. Свод Законов Российской Империи. Т. 11. Ч. 1. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. СПб, 1857.
3. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 июля. 2002 г. № 114-ФЗ (в ред. от 23.11.2015) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
4. О свободе совести и о религиозных объединениях: федер. закон от 26 сен. 1997 г. № 125-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.
5. Дворкин А. К вопросу о численности членов тоталитарных сект в России // URL: http://www.k-istine.ru/sects/sects_racirs-03.htm (дата обращения: 20.11.2016).
6. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0577/gazeta040.php> (дата обращения: 20.11.2016).
7. Позднышев С.В. Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы. М., 1906.
8. Райснер М.А. Государство и верующая личность. СПб, 1905.
9. Религия и закон: Конституционно правовые основы свободы совести, вероисповедания и деятельности религиозных организаций. Сб. прав. актов с комментариями. М.: Паллада, 1996.

10. Сапронов Ю.В. Предупреждение преступлений на почве этнического, религиозного и политического экстремизма // Общество и право. 2012. № 4 (41).

11. Силантьев Р.А. Статистика ваххабитского террора в России в отношении мусульманского духовенства (1995–2012) // Мусульманский мир. 2014. № 1.

12. URL: <http://www.mirvboge.ru/2012/12/opublikovana-statistika-prestuplenij-na-religioznoj-pochve-za-2011-god/> (дата обращения: 20.11.2016).

13. URL: <http://www.fondsp.org/news/read/statistika-prestuplenij-na-pochve-religioznoj-nenavisti-v-ssha> (дата обращения: 20.11.2016).

14. Тихонравов Ю.В. Судебное религиоведение: Фундаментальный курс. М.: Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1998.

15. Тур В.Г. Влияние религии на правовые отношения в обществе // Матеріали звітної наук.-практ. конф. Сімферополь: Доля, 2003.

16. URL: <http://meta.kz/novosti/world/1102850-fbr-konstatirovalo-rezkiy-rost-prestupleniy-iz-za-nenavisti-k-nbsp-musul-manam-v-nbsp-ssha.html> (дата обращения: 20.11.2016).

Тутова Ольга Васильевна,
кандидат педагогических наук,

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Защита персональных данных в деятельности ОВД

Деятельность сотрудника ОВД в настоящее время невозможно представить без применения различных технических средств. Они используются для решения таких задач: организации и координации действий в процессе выполнения служебных обязанностей; организации труда сотрудника ОВД; накопления и выдачи информации, хранящейся в информационных системах. В ОВД используются около ста различных информационных систем, которые включают в себя персональные данные граждан РФ [1].

В ст. 3 ФЗ «О персональных данных» дано определение персональных данных. Персональные данные – это любая информация, которая относится к определенному или определяемому на основании такой информации физическому лицу. Согласно приведенному определению, физическое лицо называют субъектом персональных данных, а фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, адрес и другая личная информация являются персональными данными.

В сфере правоохранительной деятельности информационные правоотношения персонального характера имеют достаточно специфический характер, т.к. деятельность сотрудников правоохранительных органов, связанная со сбором и использованием информационных данных, характери-

зуется следующими особенностями [2]: она возникает в уголовном судопроизводстве; сбор и использование информации осуществляется специально уполномоченными законом лицами; информация собирается обусловленными законом специфическими методами; информация должна быть собрана в срок, ограниченный законом.

В то же время сотрудники правоохранительных органов обязаны не нарушать конституционные права лица в процессе сбора, хранения и использования сведений о нем. Кроме того, персональные данные в деятельности ОВД подлежат защите, т.к. их утрата или неправомерное применение посторонними лицами могут нанести вред не только интересам ОВД, но и интересам субъектов персональных данных, нарушая их права и свободы.

К.А. Занин выделяет следующие основные направления защиты персональных сведений о личности, подлежащих регистрации ОВД [2]:

1. Строгое соблюдение порядка предоставления сведений. Это направление является одним из основных при защите персональных данных. Оно заключается в необходимости строго следовать установленным юридическим основаниям при передаче информации определенным пользователям с учетом ее объема и технологии передачи.

В определенных случаях при передаче персональных данных о личности необходимо зафиксировать основание и факт передачи информации в письменной форме, а также предупредить лиц, которые получают эти сведения, о том, что они являются конфиденциальной информацией персонального характера. Кроме того, целесообразно вести строгий учет лиц, которые получили допуск к персональным данным в информационной системе.

2. Соблюдение правил хранения, учета и обработки конфиденциальных сведений на бумажных носителях. Поскольку большая часть персональной информации хранится на бумажных носителях, для ее защиты необходимо ограничивать доступ посторонних лиц к этим сведениям. Например, не хранить документы, содержащие персональные данные, на рабочих столах, в открытых шкафах и других местах свободного доступа; организовать систему учета персональных сведений и кодирования персонализированных данных; обеспечивать регулярное проведение инструктажа о порядке работы с персональными сведениями.

3. Защита персональных данных, расположенных на электронных носителях. Данный вид защиты актуален во всех случаях, когда для получения, хранения, учета и обработки персональных данных применяются средства вычислительной техники.

Защита информации, представленной в электронном виде, может быть такой: изоляция персонального компьютера, разграничение прав доступа пользователей к персональному компьютеру и базам данных, находящихся на нем; кодирование информации, представленной в электронном

виде; использование съемных носителей информации, а также специальных технических средств защиты персональной информации, находящейся на них. При этом защита персональных данных должна осуществляться как самими сотрудниками ОВД, так и техническими специалистами.

Защита персональных данных при их обработке в информационных системах от неправомерных действий пользователей, нарушителей средств защиты информации или несанкционированного доступа к ней включает в себя такие подсистемы [3]:

- управления доступом, регистрацией и учетом, реализующаяся с помощью специальных программных средств, которые блокируют несанкционированный доступ, сигнализируют и регистрируют попытки проникновения в систему. Эти программные и программно-аппаратные средства выполняют функции защиты либо самостоятельно, либо в тесной взаимосвязи с другими средствами защиты. Их целью является исключение или затруднение выполнения несанкционированных действий пользователей или нарушителей. К таким программам относят специальные утилиты и программные комплексы защиты, которые диагностируют файловую систему, регистрируют действия и операции, предупреждают об обнаружении фактов несанкционированных действий или нарушении штатного режима функционирования информационной системы, хранящей персональные данные;

- обеспечения целостности реализуется, в основном, средствами установленных на персональный компьютер операционной системы и систем управления базами данных. Работа этих программных средств основывается на расчете контрольных сумм, сообщении о сбое при передаче пакетов данных, повторе передачи непринятых пакетов;

- антивирусной защиты, которая способна обнаружить и блокировать деструктивные вирусные воздействия на системное и прикладное программное обеспечение, реализующее обработку персональных данных, а также на сами персональные данные. Антивирусные программы обнаруживают и удаляют «неизвестные» вирусы (т.е. такие вирусы, сигнатуры которых пока не внесены в базы данных антивирусных программ), обеспечивают самоконтроль (предотвращение инфицирования) антивирусного средства при его запуске;

- обеспечения безопасности межсетевого взаимодействия информационных систем персональных данных, для реализации которой применяется межсетевое экранирование. Оно осуществляется программными и программно-аппаратными межсетевыми экранами, которые устанавливаются между защищаемой внутренней и внешней сетями, и входят в состав защищаемой сети. Если выполнить правильные настройки, то можно ограничить доступ пользователей из внешней сети во внутреннюю и наоборот;

- подсистема анализа защищенности, которая предназначена для осуществления контроля настроек защиты операционных систем на рабо-

чих станциях и серверах. Данная подсистема позволяет оценить возможность проведения злоумышленниками атак на сетевое оборудование, а также осуществляет контроль безопасности программного обеспечения.

Такие средства обнаружения уязвимостей производят сканирование сети с целью исследования ее топологии, поиска незащищенных или не-санкционированных сетевых подключений. С их помощью также можно проверить настройки межсетевых экранов. Данный анализ производится на основании детальных описаний уязвимостей настроек средств защиты (коммутаторов, маршрутизаторов, межсетевых экранов), уязвимостей операционных систем или уязвимостей прикладного программного обеспечения. Результатом работы средств анализа защищенности является отчет, в котором обобщаются сведения об обнаруженных уязвимостях и предлагаются рекомендации и меры, позволяющие устранить выявленные недостатки;

- обнаружения вторжений, которая строится с учетом особенностей реализации атак и этапов их развития. Данная подсистема основана на следующих методах обнаружения атак: методы выявления аномалий, сигнатурные методы либо комбинированные методы с использованием обоих вышеперечисленных методов;

- криптографической защиты каналов связи, предназначенная для обеспечения безопасности персональных данных при передаче в несегментированной сети или по открытым каналам. Данная подсистема обеспечивает безопасное взаимодействие с технологическими сетями и позволяет получить доступ для осуществления удаленного администрирования.

4. Возложение ответственности за утрату и разглашение персональной информации. Лица, которые виновны в нарушении норм, регулирующих получение, хранение, обработку и защиту персональных сведений о личности, находящихся в базах данных, различных учетах ОВД, должны нести дисциплинарную, административную, гражданско-правовую и уголовную ответственность согласно ст. 24 ФЗ «О персональных данных» [4].

Административная ответственность предусмотрена:

- в случае отказа в представлении гражданину собранных в установленном порядке документов, материалов, непосредственно затрагивающих права и свободы гражданина, либо их несвоевременное представление, непредставление иной информации в случаях, предусмотренных законом, либо предоставление гражданину неполной или заведомо недостоверной информации (ст. 5.39);

- если нарушается установленный законом порядок сбора, использования, хранения или распространения персональных данных (ст. 13.11);

- за разглашение информации, доступ к которой ограничен ФЗ лицом, получившим к ней доступ в связи с исполнением служебных или профессиональных обязанностей (за исключением случаев, когда ее разглашение влечет за собой уголовную ответственность) (ст. 13.14) [5].

Преступлениями, влекущими за собой уголовную ответственность, являются:

- незаконный сбор или распространение информации о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо распространение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или СМИ (ст. 137);

- неправомерный отказ должностного лица в представлении собранных в установленном порядке документов и материалов, непосредственно затрагивающих права и свободы гражданина, либо предоставление гражданину неполной или заведомо ложной информации, если эти деяния причинили вред правам и законным интересам граждан (ст. 140);

- неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, содержащейся на машинном носителе, в электронно-вычислительной машине (ЭВМ), системе ЭВМ или их сети, если это деяние повлекло за собой уничтожение, блокировку, модификацию либо копирование информации, нарушение работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети (ст. 272) [6].

Помимо административной и уголовной ответственности может предусматриваться и гражданско-правовая ответственность. Статья 17 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» устанавливает, что лица, права и законные интересы которых были нарушены в связи с разглашением информации ограниченного доступа или иным ее неправомерным использованием, могут обратиться в установленном порядке за судебной защитой своих прав, в т.ч. с исками о возмещении убытков, компенсации морального вреда, защите чести, достоинства и деловой репутации [7].

5. Обеспечение режима конфиденциальности в работе сотрудников ОВД. Данное направление связано с особенностями профессиональной деятельности сотрудников ОВД, в ходе которой они активно используют (получают, хранят, передают) различные персональные данные.

Таким образом, защита персональных данных является одним из важнейших направлений работы сотрудников ОВД, которое во многом обуславливает успешность реализации других видов деятельности сотрудника ОВД по обеспечению служебной деятельности.

Список литературы:

1. Еськов А.В., Кирюшин И.И. Защита информационных систем с содержанием персональных данных, эксплуатируемых в ОВД // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 2.
2. Занин К.А. Персональные данные как объект правовой защиты в регистрационной деятельности ОВД // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. 2007. № 2.
3. URL: http://www.jetinfo.ru/article/ib/zaschita-personalnykh#gl_6 (дата обращения: 27.11.2016).

4. О персональных данных: федер. закон от 27 июля. 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 21.07.2014) // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3451 (ч. I).

5. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 05.12.2016) // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.

6. Уголовный кодекс РФ от 13 июня. 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

7. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля. 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3448 (ч. I).

Тюнин Владимир Александрович,
кандидат юридических наук,
Крымский юридический институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Полномочия прокурора по защите прав граждан в процессе административного искового производства

Основой при определении понятия «субъекты административного судопроизводства» и последующей их классификации служит такой важный элемент согласно теории правоотношений, как субъект права. Именно субъект права, обладая уникальными свойствами, которые в юриспруденции называются правосубъектностью, способен участвовать в отношениях в сфере административного судопроизводства.

Вопрос об общей и процессуальной правосубъектности рассмотрен в научных трудах по теории права, гражданскому процессу, административному праву и процессу и др. Так, С.С. Алексеев отмечал, что правосубъектность является первичным звеном конкретизации юридических норм, ею определяется правовое положение лица: субъекты занимают определенное отношение друг к другу [1]. В научной литературе преимущественно предлагается обобщенное понимание правосубъектности, как способности лица иметь и осуществлять предоставленные ему нормами права субъективные права и обязанности.

Говоря о субъекте административного судебного процесса, можно согласиться с мнением о том, что это «лицо, которое наделено хотя бы одним предусмотренным законодательством об административном судопроизводстве правом или (и) одной обязанностью и которое при стечении определенных обстоятельств могло бы осуществлять урегулированную законодательством об административном судопроизводстве деятельность, вступать в отношения, возникшие в ходе административного судопроизводства, с другими субъектами судебного процесса по своей инициативе или по требованию закона» [2].

В соответствии с КАС РФ лицами, участвующими в деле, являются: стороны; заинтересованные лица; прокурор; органы, организации и лица, обращающиеся в суд в защиту интересов других лиц или неопределенного круга лиц.

Полномочия прокурора в административном судебном процессе реализуются в трех формах: путем обращения в суд с административными исковыми заявлениями; путем вступления в процесс для дачи заключения по делам об оспаривании нормативных правовых актов (ч. 4 ст. 213 КАС); путем подачи апелляционных представлений на решения судов первой инстанции, кассационных представлений на вступившие в законную силу решения суда и надзорных представлений на вступившие в законную силу судебные акты, за исключением судебных актов Президиума Верховного Суда РФ, если в рассмотрении дела участвовал прокурор [3].

Законодатель определил, что административное исковое заявление может быть подано прокурором только в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд (ч. 1 ст. 39 КАС). Поэтому прокуроры должны сосредоточить внимание на защите прав, свобод и законных интересов социально незащищенных слоев населения (инвалидов, пенсионеров, малообеспеченных, многодетных, несовершеннолетних и т.д.), имея в виду, что указанные лица по объективным причинам не могут самостоятельно обратиться в суд за защитой нарушенных прав. На практике основанием для предъявления административного искового заявления в суд является обращение гражданина к прокурору о защите нарушенных или оспариваемых социальных прав, свобод и законных интересов.

В случаях отказа прокурора от административного иска, поданного в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина, данный гражданин, обладающий административной процессуальной дееспособностью, его представитель или законный представитель гражданина, не обладающего административной процессуальной дееспособностью, заявляет о том, что он поддерживает административный иск, суду следует рассмотреть принятый к производству административный иск по существу [4]. Однако подобные действия прокурора в судах единичны, поскольку еще на стадии подготовки административного искового заявления в интересах гражданина, прокурор, должен принять все необходимые меры, которые не позволят усомниться в необходимости защиты прав и свобод такого гражданина, не только каким-либо участником процесса, но и судом. Кроме этого, полномочия прокурора по обращению в суд с заявлением в соответствии с процессуальным законодательством РФ, если этого требует защита прав граждан, закреплены непосредственно в ч. 3 ст. 35 Федерального закона «О прокуратуре РФ».

Также необходимо обратить внимание на то, что Генеральный прокурор РФ указывает в приказе от 26.04.2012 № 181, что прокурору, предъ-

явившему иск (заявление) в интересах гражданина, который по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд, следует принимать меры к обеспечению эффективной защиты нарушенного права указанного гражданина на судопроизводство в разумный срок посредством обращения при наличии к тому оснований к председателю соответствующего суда с заявлением об ускорении рассмотрения дела, а также в суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок.

Таким образом, в соответствии с КАС, Федеральным законом «О прокуратуре РФ», исковая деятельность прокурора по защите прав и законных интересов граждан является одним из приоритетов в реализации его полномочий.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Свердловск, 1972.
2. Рыжаков А.П. Комментарий к Кодексу административного судопроизводства РФ. М.: Дело и Сервис, 2016.
3. По аналогии с ранее действовавшими гражданскими процессуальными нормами. См. информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ от 27 янв. 2003 г. № 8-15-2003 // СПС «Консультант-Плюс».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сент. 2016 г. № 36 // СПС «Консультант-Плюс».

Хилько Иван Юрьевич,
кандидат юридических наук,
Крымский юридический институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Актуальные проблемы защиты прав несовершеннолетних в Республике Крым

РФ и Республика Крым в соответствии со своими конституциями являются демократическими правовыми государствами, в которых человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита – обязанностью государства.

Статьей 38 Конституции РФ [1] и ст. 31 Конституции Республики Крым [2] установлено, что материнство, детство и семья находятся под защитой государства. Именно дети, в силу своего возраста, физической и умственной незрелости, нуждаются в надежной правовой защите со стороны государства в лице его уполномоченных органов. Эффективная деятельность контролирующих и правоохранительных органов по профилактике, пресечению, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений,

совершаемых несовершеннолетними и в отношении их, является одним из приоритетных направлений государственной политики.

В настоящее время на территории Республики Крым комплекс организационных и практических мер, направленных на противодействие преступности несовершеннолетних и в отношении их, в т.ч. по профилактике правонарушений, безнадзорности, причинения вреда здоровью детей, реализуется органами власти и управления всех уровней, органами прокуратуры и правоохранительными органами.

Так, за 2015 г. принятыми мерами удалось восстановить права свыше полутора тысячи студентов, которым выплачена задолженность по стипендиям на сумму более 3 млн руб., детям-сиротам выплачена денежная компенсация на сумму более 300 тыс. руб. В судебном порядке восстановлены права лиц, которые воспитывают 10 детей-инвалидов, оставшихся без попечения родителей, на получение ежемесячной выплаты по уходу за детьми-инвалидами, и возмещена задолженность в сумме более 130 тыс. руб. [3].

Но в тоже время неэффективная работа органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, круг которых определен Законом «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (Закон № 120-ФЗ) [4], зачастую их бездействие приводит к тому, что жизнь и здоровье детей ставится под угрозу.

Так, ОВД республики в нарушение требований ст. 21 Закона № 120-ФЗ неэффективно выполняют задачи по предупреждению и пресечению преступлений и административных правонарушений среди несовершеннолетних, выявлению их причин и условий, способствующих их совершению.

Профилактическая работа с подростками, состоящими на учете в ОВД, не только не регулярна, не носит системного и последовательного характера, но и проводится формально. Практически во всех подразделениях по делам несовершеннолетних МВД по Республике Крым (ПДН) учет несовершеннолетних правонарушителей надлежаще не обеспечен.

По состоянию на 01.01.2016 на учете в территориальных ПДН состоит 474 несовершеннолетних, из которых 23 – совершивших в отчетном периоде преступления или общественно опасные деяния, из них 6 судимые. Однако в 2015 г. 89 несовершеннолетних совершили повторно преступления, в т.ч. 75 ранее судимые. Таким образом, более 60 % несовершеннолетних, совершивших преступления, необоснованно оставались вне поля зрения ПДН [5].

Кроме того, ОВД в нарушение подпункта 1 п. 1 ст. 21 Закона № 120-ФЗ не принимают достаточные меры по выявлению вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений в сфере противодействия распространения наркомании и алкоголизма среди несовершеннолетних, а также склонения подростков к употреблению наркотических средств и ал-

когольных напитков. Также сотрудниками ПДН ежемесячно не изучаются данные о преступлениях, общественно опасных деяниях, совершенных несовершеннолетними, не устанавливаются обстоятельства, связанные с приобретением и употреблением несовершеннолетними наркотических средств или психотропных веществ. Иные подразделения ОВД, которые в соответствии со ст. 23 Закона № 120-ФЗ осуществляют меры по противодействию участия несовершеннолетних в незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, своевременно не информируют ПДН о выявленных правонарушениях в указанной сфере, не устанавливают причины и условия, способствовавшие совершению преступлений.

Несмотря на то, что в течение года имеет место рост преступности среди несовершеннолетних, ПДН ненадлежащее взаимодействует с другими органами и учреждениями системы профилактики, что приводит к несвоевременному принятию мер по защите.

Кроме того, в Республике Крым до настоящего времени не определен исполнительный орган государственной власти, на который возложено государственное управление и нормативное регулирование в сфере организации и обеспечения реализации в Республике Крым семейной политики, соответствующие полномочия не закреплены в положениях министерств [6]. Предлагается определить единый исполнительный орган и систему органов государственной власти по защите прав детей на законодательном уровне.

Учет вышеуказанных актуальных проблем защиты прав несовершеннолетних в Республике Крым позволит повысить состояние законности в сфере защиты прав несовершеннолетних.

Список литературы:

1. Конституция РФ, принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (ред. от 21.07.2014) // Рос. газ. 1993. 25 дек.
2. Конституция Республики Крым: принята 11 апр. 2014 г. // Газ. «Крымские известия» от 12 апр. 2014 г. № 68.
3. URL: http://rkproc.ru/ru/prokurork_page/predla-gaem-vashemu-vnimaniyu-doklad-prokurora-respubliki-natali-poklonskoy.
4. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон от 24 июня. 1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.
5. URL: https://82.xn--b1aew.xn--p1ai/Dejatelnost/Rezultati_dejatelnosti.
6. URL: http://deti.rk.gov.ru/rus/file/ejegodniy_dok-lad_o_deyatelnosti_upolnomochennogo_po_pravam_rebenka_za_2015_god.pdf.

Ховавко Сергей Михайлович,
кандидат юридических наук,
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Уголовно-правовая охрана конституционного права на тайну телефонных переговоров при осуществлении ОРД

Уголовно-правовая охрана конституционного права человека и гражданина на тайну телефонных переговоров обеспечивается ст. 138 УК РФ «Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений». Нарушение тайны телефонных переговоров имеет место, когда такие действия осуществляются без судебного решения. Также нарушение указанных конституционных прав человека и гражданина возможно при нарушении предусмотренных в ФЗ об ОРД условий осуществления соответствующих ОРМ.

Нарушение тайны телефонных переговоров при осуществлении ОРД может совершаться посредством проведения ОРМ «прослушивание телефонных переговоров» (п. 10 ч. 1 ст. 6 ФЗ об ОРД).

В ФЗ об ОРД предусмотрены основания и условия проведения этого ОРМ. В частности, ОРМ, которое ограничивает конституционное право человека и гражданина на тайну телефонных переговоров, может проводиться только на основании судебного решения, вынесенного при наличии предусмотренной в ч. 2 ст. 8 информации. Прослушивание телефонных переговоров допускается только в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких преступлений, а также лиц, которые могут располагать сведениями об указанных преступлениях (ч. 4 ст. 8). При решении судьей вопроса о возможности проведения такого ОРМ судья вправе потребовать у инициатора ОРМ для изучения материалы, касающиеся оснований проведения соответствующего ОРМ (ч. 4 ст. 9). Срок проведения ОРМ «прослушивание телефонных переговоров» не может превышать 6 месяцев со дня вынесения судьей соответствующего постановления, если иное не указано в самом постановлении судьи. При этом предусмотрена возможность продления срока действия постановления путем вынесения судебного решения на основании вновь представленных материалов (ч. 6 ст. 9). В исключительных случаях, перечисленных в ч. 3 ст. 8, возможно проведение рассматриваемого ОРМ на основании мотивированного постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД с обязательным уведомлением судьи в течение 24 часов, одновременно орган, осуществляющий ОРМ, обязан в течение 48 часов с момента начала его проведения получить судебное решение о проведении такого ОРМ либо прекратить его. Кроме того, без предварительного получения судебного решения возможно прослушивание телефонных переговоров, ведущихся с телефонов отдельных лиц, в отноше-

нии которых существует угроза их жизни, здоровью, собственности по их заявлению или с их согласия в письменной форме на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД, с обязательным уведомлением судьи в течение 48 часов (ч. 6 ст. 8). Исключается возможность проведения ОРМ и использование специальных и иных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации физическими и юридическими лицами, не уполномоченными на то ФЗ об ОРД (ч. 6 ст. 6).

Таким образом, в ФЗ об ОРД названы общие основания и условия проведения ОРМ «прослушивание телефонных переговоров». При этом в ФЗ об ОРД не раскрывается сущность и порядок проведения указанного ОРМ – законодателем эти вопросы отнесены к ведомственному нормотворчеству. Это обуславливает некоторые проблемы, возникающие в процессе применения соответствующего ОРМ.

На практике имеют место случаи осуществления без судебного решения записи телефонных переговоров, производимых с согласия одного из участников и без подключения к аппаратуре операторов связи. Проведение такого ОРМ возможно в случаях и в порядке предусмотренных ч. 6 ст. 8 ФЗ об ОРД – при наличии угрозы жизни, здоровью, собственности отдельных лиц по их заявлению или с их согласия в письменной форме. Анализ решений Конституционного Суда РФ по таким фактам (определения от 5 июня 1997 г. № 72-О, 19 марта 2009 г. № 326-О-О и др.) позволяет сделать вывод о возможности и допустимости записи телефонных переговоров при отсутствии угрозы жизни, здоровью, собственности отдельных лиц лишь по инициативе одного из участников таких переговоров и без участия органов, осуществляющих ОРД. Производство же такой записи субъектами ОРД с помощью специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, оформляемое зачастую как негласное наблюдение, сопровождаемое применением средств аудио-записи, нельзя признать правомерным, поскольку здесь имеет место подмена понятий, при которой фактическое прослушивание телефонных переговоров называется другим ОРМ [1, с. 193–195; 2, с. 55–56; 3, с. 105–108; 4, с. 187–188].

Анализ норм действующего ФЗ об ОРД, УК РФ, УПК РФ, решений Конституционного Суда РФ и научных публикаций дает основания перечислить возможные случаи нарушения конституционного права граждан на тайну телефонных переговоров при осуществлении ОРМ, указанного в п. 10 ч. 1 ст. 6 ФЗ об ОРД: проведение ОРМ без судебного решения; проведение ОРМ до момента получения решения суда при отсутствии обстоятельств, указанных в ч. 3 ст. 8 ФЗ об ОРД; проведение ОРМ на основании судебного решения, но с превышением сроков, установленных в судебном решении (в т.ч. до момента получения нового судебного решения при

необходимости продления осуществления соответствующего ОРМ); проведение ОРМ в отношении нескольких лиц или объектов на основании одного судебного решения; проведение ОРМ на основании судебного решения лицами, не уполномоченными на то ФЗ об ОРД; проведение ОРМ на основании судебного решения, полученного путем предоставления судьбе заведомо ложных материалов, обосновывающих необходимость проведения ОРМ; прослушивание телефонных переговоров с согласия или по заявлению одного из абонентов, при отсутствии обстоятельств или с нарушением порядка, указанных в ч. 6 ст. 8.

Субъектами, подлежащими уголовной ответственности за совершение таких деяний, могут быть как сотрудники оперативных подразделений, так и соответствующих учреждений связи. Перечисленные выше деяния, совершенные такими лицами с использованием своего служебного положения, образуют квалифицированный состав преступления предусмотренного ч. 2 ст. 138 УК РФ.

В случаях, когда ОРМ «прослушивание телефонных переговоров» осуществлено правомерно, а полученные в результате этого ОРМ сведения о частной жизни лица распространены сотрудником оперативного подразделения без согласия этого лица в случаях, не предусмотренных законом, имеет место объективная сторона преступления предусмотренного ч. 2 ст. 137 УК РФ. Кроме того, в таком случае полученные в результате прослушивания телефонных переговоров сведения о частной жизни лица будут являться результатом ОРД, а в соответствии со ст. 5 Закона РФ «О государственной тайне» результаты ОРД составляют государственную тайну. Таким образом, рассматриваемое деяние образует совокупность преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 137 и ст. 283 УК РФ.

Таким образом, уголовный закон обеспечивает надежную защиту конституционного права человека и гражданина на тайну телефонных переговоров при осуществлении ОРД.

Список литературы:

1. Чечетин А.Е. Некоторые проблемные вопросы обеспечения прав личности в деятельности по раскрытию преступлений // Вестн. Алтай. науки. 2009. № 4 (7).
2. Чечетин А.Е. Оперативно-розыскная деятельность в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Оперативник (сыщик). 2010. № 2 (23).
3. Шатохин И.Д. Обеспечение права на тайну телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности (по материалам Конституционного Суда Российской Федерации) // Алтай. юрид. вестн. 2015. № 1 (9).
4. Буткевич С.А. Оперативно-розыскное обеспечение деятельности органов внутренних дел в особых условиях: проблемы теории и практики // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2015. № 4 (30).

Христов Сергей Юрьевич,
Рязанский филиал Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя;
Шепляков Дмитрий Николаевич,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

**Права человека и гражданина в свете нормативного правового
регулирувания взаимодействия подразделений уголовного розыска
и оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы**

Основные подходы к содержанию прав человека закреплены во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. Положения данной декларации рассматриваются мировым сообществом в качестве общепризнанных принципов и норм международного права, обязательных для всех государств мира. Российская Федерация, являясь полноправным членом международного сообщества, стремится к закреплению их в национальном законодательстве. Основные права человека и гражданина нашли свое закрепление в Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (далее – Конституция РФ). Так, в п. «е» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ указано, что «Правительство Российской Федерации... осуществляет меры по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью».

Наиболее эффективным инструментом выявления и раскрытия преступлений и, как следствие, – борьбы с преступностью, является оперативно-розыскная деятельность. Необходимым условием ее эффективности является координация усилий и взаимодействие субъектов оперативно-розыскной деятельности [1].

Правовое положение субъектов взаимодействия определяется комплексом норм, предусматривающих цели, задачи и принципы деятельности, ее основные и факультативные функции. Одновременно с этим оно закрепляется всей совокупностью юридических норм, регламентирующих правоотношения участников взаимодействия [2]. Нормы права служат предпосылкой взаимодействия, регулируют полномочия его субъектов, формы и методы такого взаимодействия и во многом определяют его эффективность [3].

Содержащиеся в ряде статей Конституции РФ юридические нормы носят основополагающий характер, каждая норма в дальнейшем находит воплощение в законах и подзаконных нормативных правовых актах, регламентирующих различные стороны деятельности субъектов оперативно-розыскной деятельности.

Правовая основа деятельности и взаимодействия оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы и подразделений уголовно-

го розыска органов внутренних дел закреплена, прежде всего, в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») [4].

Статья 1 ФЗ «Об ОРД» определяет оперативно-розыскную деятельность как вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то данным законом, в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Ч. 1 ст. 4 ФЗ «Об ОРД» в качестве правовой основы оперативно-розыскной деятельности рассматривает Конституцию РФ, настоящий Федеральный закон, другие федеральные законы и принятые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти. Кроме того, ч. 2 данной статьи говорит о том, что: «Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, издают в пределах своих полномочий в соответствии с законодательством Российской Федерации нормативные акты, регламентирующие организацию и тактику проведения оперативно-розыскных мероприятий».

Оперативно-розыскная деятельность основывается на конституционных принципах законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также на принципах конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств (ст. 3 ФЗ «Об ОРД»).

Под принципами оперативно-розыскной деятельности понимаются основополагающие начала, руководящие идеи, отражающие убеждения и взгляды общества в лице его законодательных и правоохранительных органов на сущность, цели и задачи специфической государственно-правовой формы борьбы с преступностью [5].

Принципы оперативно-розыскной деятельности сформировались в процессе практической деятельности оперативных подразделений правоохранительных органов.

Принципы законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина традиционно относятся к общеправовым принципам. Принципы конспирации и сочетания гласных и негласных методов и средств неизвестны другим отраслям права, поэтому их традиционно относят к специальным (отраслевым) принципам.

Принцип законности заключается, прежде всего, в безусловном и точном соблюдении норм Конституции Российской Федерации, исполнении законов и иных нормативных актов, регламентирующих оперативно-розыскную деятельность, всеми должностными лицами органов, ее осуществляющих.

Принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина является важнейшим общеправовым принципом, закрепленным в ст. 2

Конституции РФ. Уважение прав и свобод означает их признание законодателем в качестве приоритетных по отношению к другим социальным ценностям. Конечная цель оперативно-розыскной деятельности, согласно ст. 1 ФЗ «Об ОРД» – защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина. При этом должны признаваться и неотъемлемые права лиц, преступивших закон и ставших в связи с этим объектом оперативно-розыскной деятельности. Соблюдение прав и свобод означает, с одной стороны, установление четкой законодательной процедуры проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан (ст.ст. 8 и 9), а с другой – регламентацию порядка восстановления нарушенных прав (ст. 5 Закона). Таким образом, указанный принцип материализуется в ряде статей указанного Федерального закона.

Принцип уважения и соблюдения прав и свобод в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности призван защитить права и интересы законопослушных граждан, которые могут оказаться в числе близких (родственных) связей лиц, ставших объектами оперативно-розыскной деятельности. В отношении таких лиц недопустимо никакое ограничение их конституционных прав и свобод. Данный принцип распространяется и на лиц, замысливающих, подготавливающих и совершающих преступления и ставших в связи с этим объектами оперативно-розыскной деятельности. Однако, на основании ч. 3 ст. 55 Конституции РФ допускается возможность ограничения некоторых конституционных прав таких лиц: на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; на неприкосновенность жилища (ч. 1 ст. 8 ФЗ «Об ОРД»). Эти ограничения могут применяться только на основании судебного решения при соблюдении определенных в ст.ст. 8 и 9 этого Закона условий.

Вместе с тем следует иметь в виду, что ряд прав и свобод гражданина и человека на основании Конституции РФ носят неотъемлемый характер, то есть не могут ограничиваться ни при каких условиях. К ним, в частности, относится право на достоинство личности (ст. 21), на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями должностных лиц органов государственной власти (ст. 53), право частной собственности (ст. 35) и некоторые другие.

Принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина более детальное закрепление получил в ст. 5 ФЗ «Об ОРД». В этой статье предусмотрена обязанность должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, обеспечивать соблюдение прав человека и гражданина при проведении ОРМ; заложен механизм реализации конституционной нормы о праве граждан на ознакомление с документами и материалами, непосредственно затрагивающими их права и свободы; регламентируется порядок защиты нарушенных прав граждан; устанавливаются запреты в поведении должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Согласно ч. 1 ст. 8 ФЗ «Об ОРД» гражданство, национальность, пол, место жительства, имущественное, должностное и социальное положение, принадлежность к общественным объединениям, отношение к религии и политические убеждения отдельных лиц не являются препятствием для проведения в отношении их ОРМ, если иное не предусмотрено законом. В этом предписании указанным Законом конкретизирован закрепленный в ст. 19 Конституции РФ принцип равенства всех перед законом и судом. Тем самым в отношении каждого может проводиться оперативно-розыскная деятельность с целью защиты охраняемых объектов от преступных посягательств.

Единственным исключением из правила равенства каждого перед законом служат специальные упоминания в соответствующих федеральных законах. По сути, они являются правилами особого порядка осуществления ОРМ в отношении отдельных категорий должностных лиц. Так, в соответствии с Конституцией РФ неприкосновенны Президент Российской Федерации, депутаты палат Федерального Собрания Российской Федерации и судьи [6]; согласно Федеральному конституционному закону от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» [7] – Уполномоченный, а Федеральному закону от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [8] – прокуроры.

Правом на производство оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) в целях обнаружения преступлений и лиц, их совершивших, обладают лишь оперативные подразделения органов, перечень которых определен ст. 13 ФЗ «Об ОРД». В этот перечень входят и оперативные подразделения органов внутренних дел (п. 1 ч. 1 ст. 13), и оперативные подразделения Федеральной службы исполнения наказаний (п. 8 ч. 1 ст. 13).

Различия в проведении ОРМ, исходя из того, каким ведомством (субъектом) они осуществляются, заключаются лишь в организации и самом порядке их применения. Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, решают определенные ФЗ «Об ОРД» задачи исключительно в пределах своих полномочий, установленных соответствующими законодательными актами Российской Федерации. Конечная цель оперативно-розыскной деятельности (независимо от субъекта) едина – защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств. Однако эта цель носит предельно общий характер и нуждается в конкретизации применительно к деятельности каждого органа, осуществляющего одноименную деятельность. Конкретизация и детализация осуществляются с помощью нормативных актов, регулирующих деятельность субъектов оперативно-розыскной деятельности. Нормативный подход к уточнению задач позволяет более четко определить полномочия органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и разграничить между ними компетенцию в сфере правоохранительной деятельности.

Это поможет избежать ненужного дублирования функций и конкуренции оперативных служб, будет способствовать рациональному использованию имеющихся сил и средств [5].

В соответствии со ст. 2 ФЗ «Об ОРД», задачами оперативно-розыскной деятельности являются:

- выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших;

- осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших;

- добывание информации о событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации.

Перечисленные задачи взаимосвязаны, но каждая из них имеет характерное содержание, и поэтому их правомерно рассматривать как вполне самостоятельные. Необходимо учитывать и то, что способы решения каждой из задач могут быть самыми различными.

Выявление и раскрытие преступлений, а также лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, – важнейшая часть общих задач оперативно-розыскной деятельности. Выявление и раскрытие применительно к оперативно-розыскной деятельности определяют, что оперативно-розыскным путем необходимо установить, обнаружить, сделать явными не только само событие преступления и лиц, его совершивших, но и ряд связанных с этим событием обстоятельств. Правильное применение оперативно-розыскных сил и средств позволяет своевременно:

- выявлять латентные преступления, которые в ряде случаев могли остаться не известными для органов внутренних дел и УИС, а также условия и причины, способствующие совершению преступлений, и принимать меры по их устранению;

- устанавливать лиц, представляющих оперативный интерес, и применять к ним соответствующие меры.

Задача предупреждения преступлений заключается в принятии оперативно-розыскных мер, направленных на недопущение совершения противоправных деяний или устранение причин и условий, способствующих их совершению.

Применительно к теме статьи большое значение имеет п. 4 ст. 14 ФЗ «Об ОРД», обязывающий при решении задач оперативно-розыскной деятельности органы, уполномоченные ее осуществлять, информировать другие органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность на территории Российской Федерации, о ставших им известными фактах противоправной деятельности, относящихся к компетенции этих органов, и оказывать этим органам необходимую помощь. Таким образом, законодатель

прямо устанавливает одну из эффективных форм взаимодействия органов, осуществляющих ОРД, – обмен информацией. Подобный обмен (с соблюдением конспирации) проводится, как правило, в тех случаях, когда орган, уполномоченный вести оперативно-розыскную деятельность, получает информацию о фактах противоправных деяний, борьба с которыми отнесена к компетенции других служб.

Таким образом, органы, осуществляющие ОРД, обязаны оказывать помощь в форме совместного планирования и проведения мероприятий, ведения совместных учетов, содействия в организации каких-либо оперативно-розыскных действий и др. Обмен информацией и взаимодействие необходимы еще и в связи с тем, что оперативно-розыскные мероприятия в следственных изоляторах оперативные подразделения органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (в частности, подразделения уголовного розыска), вправе проводить лишь совместно с соответствующими сотрудниками УИС (ст. 13 ФЗ «Об ОРД»), то есть взаимодействие в этом случае обязательно, а его порядок регламентируется межведомственными соглашениями и нормативными актами, опирающимися на конституционные принципы и нормы ФЗ «Об ОРД».

Список литературы:

1. Христов С.Ю. Актуальные направления взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел и уголовно-исполнительной системы при выявлении и раскрытии преступлений // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы обеспечения общественной безопасности и противодействия преступности в Крымском федеральном округе». Симферополь, 2016. С. 72.
2. Щепанский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1966. С. 251–253.
3. Бабаев В.К. Правовая система общества. Общая теория права: Курс лекций. Н. Новгород, 1993. С. 94.
4. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон РФ от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 29.06.2015) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
5. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: науч.-практ. комментарий (постатейный) / Под ред. И.Н. Зубова, В.В. Нилюка. М., 1999.
6. Оперативно-розыскная деятельность: учебник. 2-е изд., доп. и перераб. / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Сенилова, А.Ю. Шумилова. – М.: ИНФРА-М, 2004. 847 с.
7. Об уполномоченном по правам человека: федер. конституц. закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ (ред. от 31.01.2016) // СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.
8. О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон РФ от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 13.07.2015) // Российская газета. 1992. 18 февраля.

Хрулева Вера Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
Воронежский институт МВД России

Некоторые вопросы реализации охраны и защиты прав человека и гражданина в Российской Федерации

В современном мире права и свободы человека и гражданина выступают необходимым инструментом цивилизованного взаимодействия между людьми и государством. В РФ идея развития нашего государства как правового, его взаимоотношений с обществом определяется не только объемом прав и свобод человека и гражданина, но и эффективной системой их охраны и защиты. Тем более что за последние годы активного развития социально-экономических и политических реформ в России сформированы достаточные условия для реализации основ демократического правового государства и гражданского общества. Поэтому рассмотрение вопросов охраны и защиты прав человека, с одной стороны, обусловлено признанием их в качестве основы конституционного строя и высшей ценностью государства. Данное положение нашло свое продолжение во второй главе Конституции РФ. С другой стороны, российские демократы проявляют все большую активность по отношению к России в части развития ее демократических основ и построения правового государства.

Важной особенностью принятия Конституции РФ стало признание естественно-правовой природы прав человека, которые принадлежат ему от рождения и неотчуждаемы (ч. 2 ст. 17). Тем самым значительно повысилась ответственность государства в обеспечении соблюдения и защиты прав граждан, но одновременно была ограничена его роль в их установлении. Подобное конституционное положение, по мнению В. Кикотя, является неперенным важным ориентирующим началом в деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, регулирования их защиты, поскольку означает невозможность приобретения, передачи. В качестве содержательного элемента неотчуждаемости прав и свобод человека называется недействительность отказа от них [1].

Конституция РФ 1993 г. закрепляет широкий круг прав и свобод. Построенная на принципах демократии, гуманизма, разделения властей, она сформировала такую основу государственного обеспечения прав и свобод человека и гражданина, где органы власти и местного самоуправления обязаны придерживаться концептуальной основы российской Конституции – закрепление прав и свобод человека в качестве высшей ценности (ст. 2).

Не случайно Е.А. Лукашева, изучая особенности развития теории правового государства, отметила: «Сама мысль о развитии полноценного правового государства неотделима от идеи принципа неотъемлемости основных, неотчуждаемых, естественных прав человека. Правовое государ-

ство, ставя во главу такую идею, тем самым, приобретает свое качество – становится основным правовым ориентиром для законодателя. При этом взаимная ответственность, возникающая между государством и гражданином, образует такую правовую связь, которая ни в коем случае не способна оказать негативное влияние или каким-нибудь способом повлиять на притеснение и свободное развитие личности, а наоборот, стремиться обеспечивать индивидуальную свободу всех индивидов общества» [2, с. 74].

Однако реализация конституционного принципа прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности государства возможна только при наличии надежного эффективного механизма их обеспечения и защиты. Поэтому одной из основных задач российского демократического государства является совершенствование системы защиты и охраны прав и свобод человека и гражданина.

В настоящее время проблема должной реализации основных прав и свобод остается сложной. Возникает много вопросов, связанных с самой защитой и охраной прав и свобод человека как в теоретическом, так и в практическом плане. Среди должностных лиц и населения широкое распространение получил правовой нигилизм.

Например, основное предназначение действующей Конституции РФ – нормализация политической и социальной обстановки в стране. Организаторы проведения выборов до сих пор не могут развеять сомнения относительно законности процедуры подготовки, проведения и подведения итогов выборов в РФ. Данное обстоятельство снижает моральный авторитет Конституции, федерального законодательства в области избирательных прав граждан. Тем самым, эти положения в сознании индивида становятся условными, относительными, незначительными для реализации его избирательных прав. Порождается внутренний конфликт между несогласием с предложенными населению кандидатурами и внешней необходимостью признания итогов голосования.

Однако не только факт наличия правового нигилизма в обществе ведет к затруднению осуществления прав и свобод. Да и в самой правоприменительной деятельности порой присутствуют факты их нарушения представителями власти, вследствие чего у индивидов формируется недоверие к государству, отторгаются его инициативы, включая и правозащитные [3]. Нередко возникают такие ситуации, когда власть сама не всегда следует ей же принятыми принципами, допускаются нарушения законности. Либо сами люди при осуществлении своих прав и свобод не всегда достаточно объективно соотносят их с правами и свободами других людей, подчас ущемляя или нарушая их. Это неизбежно приводит к возникновению конфликтов и противостоянию интересов. Указанные обстоятельства являются еще одной причиной для защиты прав и свобод человека не только от органов власти, но и от других людей.

Например, социологические исследования, проведенные специалистами АНО Леванда-Центр, показали, что у населения присутствует достаточно невысокий уровень доверия к институту власти [4]. Тогда, как верно отмечается, что «именно от государства во многом зависят и настрой граждан, их патриотизм, и мотивации на лучшие ценности и установки» [4].

Основная причина, по мнению исследователей, кроется в халатности отношения чиновников к своим должностным обязанностям. По мнению опрошенных, власть в настоящее время оторвана от людей (61 % опрошенных), а 35 % респондентов выразили свое согласие о том, что институт власти с уважением относится к обществу. На вопрос «Чиновники не допускают граждан до принятия важных решений», 49 % респондентов согласились с этим вопросом. Проявлению таких установок у граждан во многом способствуют чувства незащищенности от произвола власти, а сложившаяся обстановка в государстве по отношению к людям в различных сферах их деятельности (правовой, социальной) по большей части воспринимается как уже вошедшее в привычку, но не справедливое. При этом опрошенные при столь низкой оценке демократических основ продолжают убеждаться, что живут в подлинно правовом демократическом государстве [4].

Подобное развитие событий ведет к отдалению РФ от такого конституционного качества государства как правовое (ст. 1 Конституции). Соответственно ослабляются его возможности в развитии действенных и надежных гарантий обеспечения прав человека. Люди в таком положении перестают осознавать себя неотъемлемыми атрибутами формирования гражданского общества. Они не могут в полной мере отстаивать свои законные интересы. Нарастает угроза противопоставления интересов государства и его граждан [5, с. 8]. Поэтому в настоящее время одно из ведущих мест в отечественной юридической науке отводится необходимости продолжать развивать научные теоретико-правовые исследования в области защиты и охраны прав и свобод личности в России.

Обращаясь к тексту Конституции РФ, можно назвать основные формы защиты прав граждан. В частности, это государственная защита (ст. 2, ч. 1 ст. 45, ч. 2 ст. 61); защита прав и свобод органами местного самоуправления (ст. 130); защита прав и свобод общественными объединениями и профессиональными союзами, правозащитными организациями (ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 45, ч. 1 ст. 48); самозащита прав гражданина, включающая: гражданско-правовую и уголовно-правовую защиту (ч. 2 ст. 45, ст. 52 и др.); публичные выступления граждан (ст. 31); обращения в СМИ (ст. 29); международно-правовая защита (ч. 3 ст. 46). Следовательно, по мнению Л.Ю. Грудницыной, нельзя однозначно рассматривать защиту как средство, направленное на предупреждение правонарушений и устранение их последствий. Правильнее было бы говорить о правовой охране и защите, поскольку они выходят за их пределы охраны и защиты как таковых [6].

Правовую защиту Н.В. Витрук и А.В. Стремоухов рассматривают не только как деятельность компетентных органов, направленную на устранение препятствий в реализации правового статуса личности, восстановление нарушенных прав и обязанностей и наказание виновных за правонарушение, но и деятельность самого лица, т.е. самозащиту прав [7]. Полагаем, что такой подход вполне оправдан, поскольку самозащита как конституционный вид деятельности осуществляется лицом в незапрещенных для этого формах, актуализирует выполнение соответствующими государственными органами вмененных им обязанностей.

Таким образом, охрана представляет собой комплекс взаимосвязанных мер, осуществляемых государственными органами и общественными организациями, направленных на предупреждение нарушений прав, устранение их причин и обеспечение реализации личностью своих прав и свобод. Защита – есть совокупность мер государственно-правового характера, принудительный (в отношении обязанного лица) способ осуществления прав, применяемый в установленном законом порядке компетентными органами в целях восстановления нарушенного права, а также самозащита прав самого лица.

«Уяснение в содержания понятий «охрана права» и «защита права» позволит решить еще одну важную общетеоретическую задачу – определить содержание понятия «юридические средства», совокупность которых и даст возможность эффективно осуществлять и государственную, и судебную, и в целом правовую защиту и охрану субъективных прав [8, с. 123].

Список литературы:

1. Кикоть В.А. Комментарий к ст. 2 // Постатейный комментарий к Конституции РФ под общ. ред. В.Д. Карповича. М.: Юрайт, 2002.
2. Лукашева Е.А. Права человека: учеб. для вузов. М.: Норма, 2002.
3. Беспалова М.А. Правовое закрепление государственного суверенитета в современных европейских странах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.
4. Козин С.В. Отношение граждан Российской Федерации к институту власти // Политология. Социология. 2016. № 30.
5. Мархгейм М.В. Защита прав и свобод человека и гражданина в современной России: системная конституционная модель, проблемы ее функционирования и совершенствования: монография. Ростов н/Д: Ростиздат, 2005.
6. Грудницына Л.Ю. Правовая природа институтов защиты и охраны прав человека в России // Рос. юстиция. 2008. № 2.
7. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008; Стремоухов А.В. Правовая защита человека. СПб., 2007.
8. Смирнов А.П. Соотношение понятий «охрана прав» и «защита прав» // Вестн. Томского гос. ун-та. 2010. № 331.

Челпанова Марина Михайловна,
кандидат экономических наук,
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Обеспечение экономической безопасности личности

В XXI в. проблема обеспечения безопасного существования человека не только сохранила свою остроту, но и значительно актуализировалась в связи с новыми вызовами, угрозами и угрозами, приобретают глобальный характер.

Наряду с традиционными угрозами и угрозами XX в. – войнами, политической нестабильностью, природными катаклизмами – появились новые опасности и угрозы в виде распространения международного терроризма и транснациональной преступности, значительного ухудшения экологического состояния среды обитания человека, наркоманизации и алкоголизации населения многих стран, масштабных техногенных аварий и катастроф, изменения климата, истощения природных ресурсов, уменьшения численности населения, проблем занятости населения и др. [2].

Эффективная социально-экономическая политика государства является основой для создания системы экономической безопасности личности. Экономическая безопасность личности – это такое состояние, при котором гарантированы условия защиты жизненных интересов, обеспечиваются социальное развитие и социальная защищенность личности.

Правовой основой экономической безопасности личности является Конституция РФ, ГК РФ и ряд законодательных актов по социальным проблемам, образованию, здравоохранению и т.д. В целом, проблема экономической безопасности личности является комплексной. Предпосылка ее решения – оптимальное развитие всех сфер жизнедеятельности: производственной, экономической, социальной, политической и духовной.

Безопасность личности – это возможность для реализации собственных способностей, которые в условиях социально-рыночной, а тем более – рыночной экономики определяются объемами реальных доходов, уровнем и качеством жизни. Но, в значительной степени, она зависит и от собственного физического и интеллектуального развития человека [3].

Таким образом, экономическая безопасность личности, во-первых, социально обусловлена и детерминирована институтами социально-экономической системы, воспроизводящей общественные и личные потребности и интересы. Во-вторых, экономическая безопасность личности составляет определенное единство противоположностей с безопасностью государства. Личность является носителем определенных социальных ожиданий по созданию государством условий для реализации жизненных интересов и нейтрализации угроз безопасности личности, становится не только стратегическим ориентиром экономического развития, но необхо-

димым его условием, а также фактором экономической безопасности государства.

Обеспечение экономической безопасности отдельной личности состоит из нескольких составляющих [4]:

1) формирование экономической инфраструктуры личной безопасности человека. Она предполагает наличие экономических предпосылок использования человеком собственных ресурсов (капитала, рабочей силы, знания, интеллекта) для обеспечения безопасного уровня и качества жизни со стороны государства;

2) формирование экономических предпосылок использования человеком собственных ресурсов из стороны предприятий для обеспечения соответствующего уровня доходов;

3) развитие человеком собственных физических способностей, интеллектуальных и профессиональных знаний для обеспечения собственного уровня и качества жизни, противодействия экономическим угрозам;

4) использование правосудия для противодействия нарушениям экономических прав человека на основании Конституции и других законов;

5) страхование личных экономических рисков;

6) защита жилья с помощью технических средств;

7) самозащита от краж и разбоев.

Экономическая безопасность личности полностью зависит от национальной экономической безопасности, государственной социально-экономической политики страны.

Состояние экономической безопасности личности во многом определяется социально-экономической структурой населения, его благосостоянием в результате развития общества и реакцией со стороны государства на эти процессы, которые, в свою очередь, способны продуцировать острые конфликты. Безусловно, вне контекста вышеуказанных составляющих экономическая безопасность личности рассматривается фрагментарно, не раскрывая сущностную природу данной категории. Интересы личностей как субъектов экономических отношений часто не совпадают. Критерии экономической безопасности одной социальной группы могут оказаться вызовом или угрозой для другой группы [1].

Государственная стратегия экономической безопасности личности должна включать в себя: характеристику опасностей и угроз; определение критериев и параметров состояния экономики, отвечающих требованиям экономической безопасности личности; механизмы обеспечения экономической безопасности личности, защиты жизненно важных интересов на основе применения всеми институтами государственной власти правовых, экономических и административных мер воздействия; контроль над выполнением государственной стратегии экономической безопасности личности.

На первый план выступают угрозы экономической безопасности, вытекающие из политических реформ (схема).

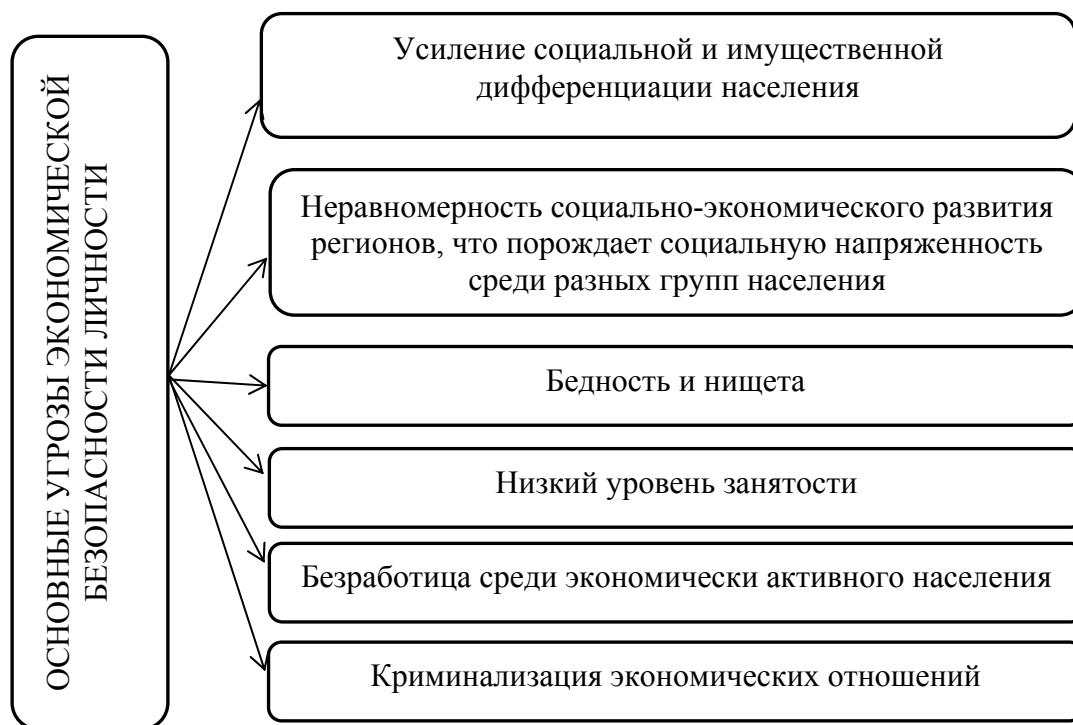

Схема. Основные угрозы экономической безопасности личности

Обеспечение экономической безопасности личности на различных уровнях управления достигается системой мер экономического, организационного и иного характера, адекватных возникающим угрозам. Оценка уровня экономической безопасности личности осуществляется на основе определенной системы показателей, пороговые значения которых рассматриваются как критерии принятия управленческих решений.

Можно выделить следующие направления государственной политики обеспечения экономической безопасности личности:

1) ориентировано на максимальное использование имеющегося потенциала и сохранение устойчивости достигнутого благоприятного уровня экономической безопасности личности;

2) ориентировано на нивелирование имеющихся проблемных аспектов экономической безопасности личности вкупе с активизацией имеющегося социально-экономического потенциала;

3) ориентировано на поддержку наименее защищенных стран в целях обеспечения экономической безопасности их представителей и повышения экономического потенциала региона.

Сложная взаимосвязь уровней экономической безопасности обуславливает необходимость усиления роли государства как института, призванного обеспечивать максимально полное удовлетворение жизненно важных потребностей всех экономических страт, позволяющее обеспечить экономическую безопасность личности.

Список литературы:

1. Алабичева М.А. Экономическая безопасность личности: специфические особенности и практика противодействия на региональном уровне // Актуальные вопросы социальных и гуманитарных наук: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Тамбов, 2014.
2. Коростелев Д.В. Безопасность личности в условиях глобализации: проблемы и пути решения: дис. ... канд. полит. наук. М., 2008.
3. URL: <http://www.topknowledge.ru/ekonomicheskayabezopasnost/3900-ob-ektivnye-predposylki-ekonomicheskoy-bezopasnosti-cheloveka.html>.
4. URL: <http://www.topknowledge.ru/ekonomicheskaya-bezopasnost.html>.

Чернова Светлана Сергеевна,

кандидат юридических наук;

Шипунова Ольга Владимировна,

Тюменский институт повышения квалификации МВД России

Прекращение уголовного дела о дорожно-транспортном преступлении вследствие смерти подозреваемого или обвиняемого

Согласно ч. 1 ст. 49 Конституции РФ, «каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда». Иными словами, все граждане, в отношении которых нет вступившего в силу обвинительного приговора суда, являются невиновными.

Проблемы, возникающие в связи с расследованием уголовных дел в связи со смертью подозреваемого, обвиняемого, в т.ч. по дорожно-транспортным преступлениям, в настоящее время весьма актуальны, т.к. объем прав указанного лица позволяет ему оказывать существенное влияние на ход производства по уголовному делу. Однако процессуальный порядок по уголовным делам, где «незаменимые» участники умерли, законодательно не урегулирован. Не определено уголовно-процессуальным законом и то, каким именно образом должна определяться «необходимость продолжения расследования уголовного дела» в случае смерти подозреваемого или обвиняемого.

В 2014 г. органами предварительного расследования системы МВД России было прекращено 56 471 уголовное дело, из них в связи со смертью подозреваемых (обвиняемых) – 4659 (8,3 %). В 2015 г. следователями ОВД прекращено 27 854 уголовных дела, из них в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) – 2 179, дознавателями прекращено 57 091 уголовное дело, из них в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) – 2 712. Та-

ким образом, ежегодно более 5 % уголовных дел прекращается по рассматриваемому основанию [1].

В соответствии со статьями 158, 212, 239, 254 УПК РФ прекращение уголовного дела представляет собой одну из форм окончания уголовного судопроизводства по конкретному уголовному делу как на этапе предварительного расследования, так и при разрешении дела судом первой инстанции, представляющая собой полное завершение этого производства в связи с его дальнейшей нецелесообразностью или невозможностью в случаях, установленных законом.

Отличительным признаком прекращения уголовного дела является наличие прямо предусмотренных в законе оснований, одним из которых является смерть подозреваемого или обвиняемого (п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК). При этом исключением являются случаи, когда производство по делу необходимо для реабилитации умершего.

Вместе с тем изучение уголовных дел свидетельствует о том, что при прекращении уголовного дела по п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК родственники подозреваемого, обвиняемого не уведомляются о принятом решении, и, соответственно, им не разъясняется право на заявление ходатайства о реабилитации умершего.

Например, по уголовному делу № 20040252735 следователем СО ОВД Тюменского района вынесено постановление о прекращении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, а именно – в связи со смертью подозреваемого С. Копии постановления о прекращении уголовного дела направлены потерпевшим и прокурору Тюменского района. Родственники же подозреваемого С. так и остались без уведомления, и, соответственно, им никто не разъяснил право на заявление ходатайства о реабилитации умершего.

Сложившаяся правоприменительная практика не соответствует Конституции РФ в той мере, в какой производство по уголовному делу продолжают прекращать в связи со смертью подозреваемого или обвиняемого без согласия его близких родственников, поскольку без вступившего в силу приговора суда умерший фактически признается виновным, что нарушает принцип презумпции невиновности. То есть по существу констатируется, что преступление совершено конкретным лицом, от уголовного преследования которого отказываются лишь по причине его смерти.

Например, в августе 2010 г. Следственный комитет при МВД России прекратил уголовное дело по факту дорожно-транспортного преступления в связи со смертью подозреваемой А., автомобиль под управлением которой столкнулся с другим автомобилем.

Вместе с тем, согласно позиции Конституционного Суда РФ, отраженной в постановлении от 14.07.2011 № 16-П, если близкие родственники настаивают на продолжении производства по делу, оно должно быть рассмотрено в суде [2].

Важным, на наш взгляд, остается вопрос о внесении в федеральное законодательство перечня лиц (помимо близких родственников), которые могут настаивать на продолжении производства по делу, и определения их правового статуса. В связи с этим мы поддерживаем предложение Н.Г. Гаврилиди о дополнении круга близких родственников, имеющих право возражать против прекращения уголовного дела, «лицами, состоящими в свойстве с подозреваемым или обвиняемым, а также лицами, которым были дороги жизнь, здоровье, благополучие подозреваемого (обвиняемого), а также его честь, достоинство и доброе имя в силу сложившихся личных отношений» [3, с. 90].

Кроме того, сложившаяся правоприменительная практика незаконно допускает прекращение уголовного дела на основании п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК в отношении лица, не являющегося с позиции уголовно-процессуального законодательства подозреваемым или обвиняемым. Например, по делам о дорожно-транспортных преступлениях лицо, в отношении которого проводилась проверка, умирает в ходе самого дорожно-транспортного преступления, т.е. еще до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. Таким образом, если уголовное дело возбуждено по факту совершенного преступления и на момент принятия этого процессуального решения еще не установлено лицо его совершившее, то умершее лицо вообще не приобретает процессуального статуса подозреваемого или обвиняемого в соответствии со статьями 46 и 47 УПК РФ.

Подводя итог, с учетом анализа практики прекращения уголовных дел в отношении умерших подозреваемых или обвиняемых, в т.ч. по делам о дорожно-транспортных преступлениях, можно сформулировать ряд рекомендаций для правоприменителей:

- до принятия решения о прекращении уголовного дела в связи со смертью подозреваемого или обвиняемого следователь (дознатель) должен выяснить у родственников умершего (иных близких лиц), данные о которых имеются в материалах уголовного дела, согласны ли они с принятием подобного процессуального решения, разъяснив правовые последствия решения, и не настаивают ли на реабилитации лица;

- копию постановления о прекращении уголовного дела необходимо направлять и родственникам умершего подозреваемого или обвиняемого, повторно разъясняя им право на заявление ходатайства о реабилитации лица (тем более возможно обжалование и оснований прекращения уголовного дела и числа тех преступлений, которые вменяются лицу);

- уголовное дело на основании п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК надлежит прекращать только в отношении лица, имеющего статус подозреваемого или обвиняемого, в связи с чем если у умершего лица отсутствует процессуальный статус, при наличии достаточных доказательств необходимо признать лицо подозреваемым или обвиняемым с вынесением соответствующего процессуального решения.

Список литературы:

1. Форма 1-Е «Сведения о следственной работе и дознании органов внутренних дел. Сводный отчет по России (с КФО)» за 2014 и 2015 годы.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П // Вестн. Конституционного Суда РФ. 2011. № 5.
3. Гаврилиди Н.Г. Право на рассмотрение уголовного дела судом с участием присяжных заседателей как один из аспектов конституционного права на справедливое судебное разбирательство // Пермский конгресс ученых-юристов: тезисы докладов междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 2010.

Шайхуллин Марат Селирович,

кандидат юридических наук, доцент,
Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия

К вопросу о конституционной гарантированности местного самоуправления

На какие ценности надо опереться, чтобы создать зрелое местное самоуправление? На Конституцию, закон, традицию, финансовые ресурсы, институты гражданского общества, президента, правительство, трудовой коллектив? Нельзя идеализировать ни одну из этих ценностей. Это же местное самоуправление развивается усиленно тогда, когда активно используется комплекс факторов, оказывающих влияние на формирование институтов местной демократии. Но и местное самоуправление также нельзя идеализировать, имея в виду то, что оно не может развиваться одинаково усиленно повсеместно, хотя для его развития Конституцией России предусмотрены соответствующие гарантии. Что есть местное самоуправление – институт гражданского общества или система управления, обеспечивающая развитие институтов гражданского общества? На этот счет существуют разные мнения.

Если исходить из закона о местном самоуправлении, то становится ясно, что местное самоуправление – это одна из основ конституционного строя РФ. Оно признается, гарантируется и осуществляется на всей территории РФ. Из этого следует, что местное самоуправление не просто институт демократического и социального государства. Местное самоуправление, а точнее его развитие, есть уже государственная задача, облеченная в конституционную форму. С другой стороны, местное самоуправление – это форма, обеспечивающая народу осуществлять свою власть непосредственно. На конституционно-правовом уровне гарантируются следующие важные компоненты осуществления местного самоуправления: самостоятельность, непосредственность, традиции, выборность. По Н.С. Бондарю, конституционное положение об осуществлении местного самоуправления

«через выборные и другие органы местного самоуправления» получает дополнительное («нормативно-социологическое») наполнение с учетом последовательной, длящейся реализации конституционной нормы [1, с. 7226].

Можно сказать так: местное самоуправление – общественный институт, функционирующий на определенной местности и действующий как в интересах населения, так и в интересах государства. Все зависит от того, каким образом органы государственной власти (прежде всего законодательные) подошли к принципам организации местного самоуправления. В идеале местное самоуправление как институт политической системы общества должно быть функциональным и работать на людей и во благо людей, а уж потом стать гарантирующей основой государства в условиях экономической нестабильности.

Проведенные автором статьи социологические исследования на тему «Гарантии местного самоуправления в России» позволили выявить следующее отношение гражданского населения к местному самоуправлению. На вопрос: «Как Вы понимаете российское местное самоуправление», большинство респондентов – 70,8 % отметило, что местное самоуправление – это деятельность органов государственной и муниципальной власти по решению вопросов местной жизни. Намного меньше (15,5 %) считают, что местное самоуправление – это непосредственное решение населением вопросов местного значения, еще меньше – 9,7 % – самостоятельная деятельность по вопросам местного характера. И лишь 2,9 % респондентов заявили, что местное самоуправление – это форма народовластия.

Исследование показало, что в целом граждане имеют представление о местном самоуправлении. Не нашлось людей, затруднившихся в понимании смысла предложенного вопроса. Более того, респонденты высказали собственную точку зрения относительно развития местного самоуправления. В отличие от лиц старшего возраста, уже имевших опыт участия в местном управлении, молодые люди, что неудивительно, в процессе опроса никаких заявлений не делали. Относительно же реализации принципа самостоятельности в решении населением вопросов местного значения респонденты высказались следующим образом: 8,7 % граждан считают степень самостоятельности решения населением вопросов местного значения высокой, а 55,3 % респондентов считают эту степень крайне низкой. А вот 33,9 % опрошенных граждан заявили, что у населения нет самостоятельности в решении вопросов местного значения.

Если местные органы власти не способны или не заинтересованы в повышении активности граждан относительно развития местного самоуправления, привлечения населения к решению вопросов местной жизни, то общественные структуры должны приложить максимум усилий, чтобы подтолкнуть муниципальные органы власти к активной фазе действий в социально ориентированном направлении. Для этого требуется использо-

вать принципы массовости, организованности и законности влияния на местную власть, при этом важна документальная и иная фиксация действий которые совершают и уполномоченные представители органов власти, и представители общественных организаций. Однако существенным недостатком в работе самих общественных организаций и объединений является то, что между гражданскими формированиями еще не наблюдается устойчивой, системной и организованной связи, которая необходима для создания силы, способной повлиять на власть в случаях нарушений прав и свобод человека и гражданина.

В этом плане одной из основных целей государственной стратегии должно быть развитие местных сообществ и гражданского общества на местном уровне [2, с. 67]. Вместе с тем часто институты общества и государства рассматриваются в общем виде без очевидной дифференциации государственных, муниципальных, общественных институтов [3, с. 237], что не способствует устойчивости их роли как каналов народовластия [4, с. 36]. При этом деятельность институтов гражданского общества сопряжена с правовым регулированием, обусловленным влиянием органов государственной власти и местного самоуправления на «организации-институты гражданского общества» в части государственной регистрации; ведения их учета и отчетности; контроля за трудовыми отношениями; порядка и условий государственного финансирования; определения порядка участия представителей РФ, субъекта РФ и муниципального образования в органах управления социальной организации; прокурорского надзора и судебного контроля; пределов осуществления предпринимательской деятельности; ограничения на участие отдельных категорий лиц в деятельности социально ориентированных иностранных некоммерческих неправительственных организаций; применения позитивных и негативных санкций и др.

В настоящее время такие организации находятся в поле зрения органов государственной власти и местного самоуправления, а также правительства РФ [5, с. 5097]. К тому же посредством законодательства закладываются основы правового регулирования и координации деятельности институтов гражданского общества [6, с. 241], их создания и развития посредством реализации властных полномочий [7, с. 109]. Здесь, однако, присутствует опасность того, как бы в результате нормативного правового регулирования, особенно в процессе реализации властных полномочий, общественные организации не превратились в послушных исполнителей воли тех уполномоченных органов, которые обеспечивают их финансирование.

Негативная сторона деятельности органов местного самоуправления по работе с институтами гражданского общества заключается в том, что муниципальные власти, покорно принимая законодательство и политические установки и на их основе вырабатывая собственные правовые акты,

допускают ошибки и просчеты, оказывающие отрицательное влияние на оптимистические настроения населения. Плохо ведется учет и последующий анализ предложений, поступающих от саморегулируемых организаций, институтов гражданской инициативы, религиозных организаций. Порой все сводится к формальным ответам на предложения и заявления, которые необходимо подготовить в течение 30 дней, либо к направлению инициатив в другие инстанции, полномочия которых дублируются полномочиями местных органов власти.

Надо иметь большое терпение, чтобы получить желаемый результат. Отдельные вопросы (закрепление реестра социально ориентированных организаций и др.), связанные с развитием институтов гражданского общества, находятся в поле зрения органов муниципальных образований. Хотя, в отличие от закона, правовые акты органов местного самоуправления не имеют широкого территориального действия, они являются субъектонаправленными, способны повлиять и на конкретного человека, и на широкие массы людей, включая расположенные на территории муниципального образования организации, как позитивно, так и негативно. Импульс для содержательной части муниципальных правовых актов дает текущее законодательство, но оно зачастую принимается без учета социальных потребностей и интересов многонационального населения страны.

Ученые считают, что в законодательном процессе допускается немало поспешных действий, что приводит к потоку поправок и изменений [8, с. 21], из-за слабого учета мнений граждан по тем или иным вопросам местного и государственного значения; из-за того, что «не в полной мере используются конструктивное общественное мнение и предложения институтов гражданского общества» [8, с. 22], хотя от граждан, общественных институтов в адрес органов государственной власти и местного самоуправления, по некоторым данным, однако требующих оценки, поступает огромное число обращений [9, с. 39]. Их требуется принять, зарегистрировать, рассмотреть и разрешить по существу. Требуется не «приемная по обращениям», а мощный аппарат, имеющий в своем арсенале штат интеллектуалов, специалистов, в т.ч. специалистов-юристов, аналитиков, способных в установленные сроки определить ценность того или иного предложения. В этом весомую роль должны играть не только федеральные органы власти, а даже в большей мере органы государственной власти субъектов РФ, сами муниципалитеты.

Список литературы:

1. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Н.С. Бондаря по делу «О проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного само-

управления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 2015. № 50. Ст. 7226.

2. Бабичев И.В. Актуальные вопросы территориального и институционального устройства местного самоуправления // Местное право. 2014. № 1.

3. Димов В. Справедливый либерализм. Путь к комфортному государству. М., 2007.

4. Тихомиров Ю.А. Гражданское общество в фокусе права // Журнал рос. права. 2013. № 10.

5. О предоставлении поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям: постановление Правительства РФ от 23 авг. 2011 г. № 713 // СЗ РФ. 2011. № 35. Ст. 5097.

6. Пархоменко А.Г., Софрина З.Ф. Государственная власть в Российской Федерации. М.: ЮРКОМПАНИ, 2014.

7. Игнатюк Н.А. Государственно-частное партнерство: учеб. М.: Юстицинформ, 2012.

8. Андриченко Л.В., Акопян О.А., Васильев В.И. и др. Концепции развития российского законодательства. М.: Юриспруденция, 2014.

9. Миннигулова Д.Б. Становление социального партнерства на государственной гражданской службе // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 4.

Шестак Борис Васильевич,
Краснодарский университет МВД России

**Вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам
граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий
оперативными подразделениями ОВД**

Повседневные проявления человека и гражданина основываются на степени его свободы и уровне защищенности образа жизни от негативного субъективного фактора. Необходимыми правовыми условиями для проявления индивидуума и усиления его влияния на общество и государство являются: защита и обеспечение государством естественных прав и свобод личности.

Глава 2 Конституции РФ закрепляет наиболее важные и социально значимые для отдельного человека, общества и государства права и свободы, а также гарантирует права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права [1]. Поэтому основные фундаментальные права, закрепленные в Конституции государства и важнейших международно-правовых документов, являются правовым основанием для производных, но не менее важных прав.

Права гражданина необходимо рассматривать как индивидуальные отношения с государством, при которых он рассчитывает не только на охрану своих прав от незаконного вмешательства, но и на активное содействие государства в их реализации. При этом статус человека, как гражданина, вытекает из его особой правовой связи с государством – института гражданства (ст. 6 Конституции). Речь идет о правах человека, при этом используются такие определения как «каждый имеет право», «каждому гарантируется» и т.д., что свидетельствует о признании прав и свобод любого человека на территории РФ.

Также конституционно закреплено, что в РФ признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ. В тоже время законодатель определяет, что ограничение некоторых прав все же допускается, но только на основании соответствующего судебного решения [1].

Согласно ст. 16 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (ФЗ «Об ОРД»), допускается вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам граждан должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, либо лицом, оказывающим ему содействие [2]. В этой же статье содержатся основания, дающие возможность вынужденного причинения вреда правоохраняемым интересам граждан. Такими основаниями могут послужить защита жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Считаем необходимым отметить, что к вынужденному причинению вреда правоохраняемым интересам граждан также необходимо относить право оперативных подразделений на проведение ОРМ, в особенности связанных с ограничением конституционных прав граждан.

Конечно же, проведение оперативными подразделениями ОВД ОРМ и принятие некоторых мер оперативного характера в любом случае влечет за собой нанесение вреда правоохраняемым интересам граждан, в первую очередь это касается морально-этической стороны проведения данных мероприятий и нарушения прав и свобод человека неотчуждаемых и принадлежащих каждому от рождения. В связи с этим, нанесение проводимыми ОРМ вреда правоохраняемым интересам граждан в обязательном порядке должно нести исключительный и вынужденный характер.

В России ограничение прав и свобод рассматривается как исключение из общего правила и реализуется специально уполномоченными органами власти только в случае необходимости наиболее полной и эффективной защиты прав и свобод других лиц. Введение ограничений допускается лишь при соблюдении ряда требований и в общественно значимых целях, ради защиты которых допускается ограничение прав человека. В этом случае необходимо помнить, что проводимые оперативными подразделения-

ми ОВД ОРМ являются грозным орудием и, попав в недобросовестные руки, могут нанести ущерб интересам личности, общества и государства.

Учитывая данный фактор, законодатель предусмотрел целый ряд принципов ОРД, к числу которых относится и принцип законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Принцип законности относится к числу ключевых государственно-правовых принципов деятельности всех без исключения органов государства, и, в первую очередь, правоохранительных органов [3; 4, с. 66].

Таким образом, ФЗ об ОРД не только декларирует обеспечение прав и свобод человека и гражданина, провозглашая это в качестве конечной цели ОРД и принципа ее осуществления (статьи 1 и 3), но и формулирует правовой механизм, обеспечивающий гарантии соблюдения названных прав и свобод. Данные гарантии находят наиболее полное отражение в ст. 5.

Несмотря на все совершенство законодательства РФ, оперативные сотрудники при проведении ОРМ зачастую сталкиваются с незаконным ограничением прав и свобод граждан. Практика показывает, что в процессе проведения ОРМ оперативные подразделения ОВД нередко допускают нарушения законности, которые могут быть связаны с нарушением конституционных прав и свобод граждан. Специфика ОРД такова, что ОРМ, ограничивающие права граждан, в основном проводятся негласно и конспиративно. Данный фактор лишает граждан возможности самим оценивать законность и обоснованность ограничения своих прав и свобод. Что опять же для «нечистых на руку» оперативников может послужить лишним поводом для злоупотребления делегированным им правом на временное ограничение прав граждан, т.к. сотрудник будет надеяться на тайность его действий, а соответственно безнаказанность.

Гарантией законности проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права и свободы человека и гражданина, выступает прокурорский надзор и судебный контроль [2].

Если все же возникает вопрос о нарушении прав человека и гражданина от незаконных действий субъектов ОРД, то в этом случае необходимыми условиями возмещения причиненного вреда являются: причинение имущественного и морального вреда гражданину или юридическому лицу; причинение вреда незаконными действиями органов, осуществляющих ОРД, и их должностных лиц; наличие причинной связи между совершением незаконных действий в процессе проведения ОРМ и причинением вреда; наличие вины или должностного лица.

При нарушении органом (должностным лицом), осуществляющим ОРД, прав и законных интересов физических и юридических лиц вышестоящий орган, прокурор либо судья в соответствии с законодательством РФ обязаны принять меры по восстановлению этих прав и законных интересов, возмещению причиненного вреда [5].

В этом случае, как показывает практика, предметом судебного разбирательства чаще всего становится не законность проведения ОРМ и не возмещение вреда, причиненного от действий оперативных подразделений, а обоснованность ограничения конституционного права гражданина на ознакомление с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы [5].

В любой ситуации подобного рода, очень важным является анализ обстоятельств, исключаящих преступность деяния, при которых руководители и сотрудники правоохранительных органов, осуществляющих ОРД, вынужденно причиняют вред правоохраняемым интересам для устранения опасности, угрожающей причинением большего вреда указанным благам. В данном случае основная задача правоприменителя (следователя, прокурора, суда) – правильно установить обстоятельства, исключаящие преступность деяния, при которых действовал причинитель вреда, правомерность вредопричиняющих действий и меру ответственности лиц, если условия правомерности причинения вреда были нарушены [6].

В свою очередь, каждый оперативный сотрудник обязан помнить, что в случае превышения пределов крайней необходимости, когда причиненный вред охраняемым законом интересам личности, общества или государства явно не соответствовал характеру и степени угрожающей опасности и обстоятельствам, при которых опасность устранялась, и когда указанным интересам был причинен вред равный или более значительный, чем предотвращенный (ч. 2 ст. 39 УК) [7], уже для него могут наступить последствия, влекущие причинение вреда его правам, а именно лишение свободы на определенный срок.

Список литературы:

1. Конституция РФ, принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (ред. от 21.07.2014) // Рос. газ. 1993. 25 дек.
2. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
3. Гуров Д.В. Основы оперативно-розыскной деятельности: учеб. пособие. Ставрополь: СФ КрУ МВД России, 2014.
4. Буткевич С.А. Принципы деятельности войск национальной гвардии России: оценка проблемных моментов // Юрид. наука и практика: Вестн. Нижегородской акад. МВД России. 2016. № 4 (36).
5. Оперативно-розыскная деятельность: учеб. / Под ред. И.А. Климова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014.
6. Меркурьев В.В., Агапов П.В. Вопросы регламентации действий руководителя контртеррористической операции // Мониторинг правоприменения. 2016. № 2 (19).
7. Уголовный кодекс РФ от 13 июня. 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Щелконогова Елена Владимировна,
кандидат юридических наук,
Уральский государственный юридический университет

Право человека на соблюдение принципа справедливости и законности при квалификации его деяния

Борьба за права человека – не наносное явление, привнесенное к нам с Запада, а порожденное в муках, несвободах, борьбе за справедливость наше российское явление [3].

Во Всеобщей декларации прав человека – одного из основополагающих международных правовых актов в сфере соблюдения прав и свобод человека и гражданина, закреплено, что «признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира» [2]. Более того, в Декларации утверждается, что «права человека должны охраняться властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения» [2].

Данная Декларация, а также Конвенция «О защите прав человека и основных свобод» 1950 г. были ратифицированы Россией, поэтому провозглашенные принципы неукоснительного соблюдения прав человека распространили свое действие и на сферу регулирования законодательства.

В частности, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами общей юрисдикции Конвенции «О защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней» указано, что «любое ограничение прав и свобод человека должно быть основано на федеральном законе; преследовать социально значимую, законную цель (например, обеспечение общественной безопасности, защиту морали, нравственности, прав и законных интересов других лиц); являться необходимым в демократическом обществе (пропорциональным преследуемой социально значимой, законной цели). Некоторые права и свободы человека, гарантируемые Конвенцией и Протоколами к ней, не могут быть ограничены ни при каких условиях (право не подвергаться пыткам и др.)» [9].

В сфере уголовно-правового регулирования проблема соблюдения прав человека приобретает злободневный и актуальный характер, поскольку зачастую дело касается самых ценных благ человека – его жизни и здоровья. Человек, подозреваемый и обвиняемый в совершении преступления, также как и пострадавшие достоин соблюдения основополагающих принципов права в сфере защиты его прав и свобод.

Важнейшими принципами в исследуемой сфере являются законность и справедливость. Как следует из ст. 3 УК РФ, одно из требований принципа законности выражается в учете того, что преступность деяния, а так-

же наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только УК РФ, а другое требование – применение уголовного закона по аналогии не допускается [13].

Последнее в юридической литературе обычно интерпретируется в том смысле, что в случаях, когда имеет место пробел в уголовно-правовом регулировании какого-либо вопроса, то он должен устраняться законодателем, а не восполняться правоприменителем путем использования уголовно-правовой нормы, регуливающей сходные отношения [11, с. 41].

Часть 1 ст. 297 УПК РФ закрепляет, что приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым. В ч. 2 этой же статьи разъясняется, что приговор признается таковым, если он основан на правильном применении уголовного закона. А в п. 1 ч. 1 ст. 299 указывается, что суд при постановлении приговора обязан, в т.ч. разрешить вопрос о том, является ли совершенное деяние преступлением, и какой статьей УК РФ оно предусмотрено [12].

Прежде чем дать уголовно-правовую квалификацию совершенному общественно опасному деянию, необходимо назвать предмет исследования, определить его параметры и убедиться, что все лица, имеющие отношение к данной проблеме, одинаково его (предмет) понимают и трактуют, учитывают правила, без которых невозможны даже подступы к правоприменительной деятельности [10, с. 17].

Многообразие уголовно-правовых норм и неверное их истолкование иногда приводят к неправильной квалификации деяния и, как следствие, к неверному решению о привлечении лица к уголовной ответственности, назначению ему наказания. В результате нарушаются принципы справедливости и законности в правоприменительной практике.

Решение какого-либо, в т.ч. правового вопроса, начинается с познавательной деятельности. Если обратиться к философским основам познания, то можно проследить, что заблуждение является зачастую неотъемлемым элементом на пути к истине.

Заблуждение представляет собой своеобразное теоретико-познавательное явление. Оно есть непреднамеренное несоответствие суждений или понятий объекту. Причины проявления заблуждений многообразны. Из гносеологических причин можно указать на характер поиска истины: он всегда сопряжен с выдвижением предположений, догадок, гипотез. Субъект накладывает на область неизвестного свои предварительные представления, базирующиеся на уже известном. Истолкование же области неизвестного с позиций известного далеко не всегда истинно [1, с. 219–220].

Таким образом, познание области неизвестного можно соотнести и с познанием обстоятельств совершения деяния, нарушившего объект уголовно-правовой охраны. Правоприменитель должен стремиться к полному и всестороннему исследованию всех обстоятельств, имеющих значение для дела. Только в этом случае будет достигаться соблюдение принципов

законности и справедливости при вынесении решения о преступности или не преступности деяния лица. Справедливое и законное судебное решение по делу, а именно: ответ на вопрос о виновности лица и назначение справедливого наказания, напрямую зависят от верного применения текста закона.

При квалификации деяния в качестве преступного или не преступного правоприменителю необходимо истолковать писанные нормы права, издав акты толкования норм уголовного права. По меткому выражению И.Я. Козаченко, это документы, принимаемые по результатам официального нормативного толкования нормы уголовного права органами государства и должностными лицами в порядке реализации своих полномочий, определенных законом [4, с. 82].

На сегодняшний день Россия движется по пути развития гражданского общества и построения правового государства. Функционируют и создаются разнообразные государственные механизмы в целях обеспечения прав человека, в т.ч. и в сфере применения норм уголовного права. К таким государственным механизмам можно отнести: саму возможность, сам процесс интерпретации права правоприменителем.

По меткому выражению И.П. Малиновой: «Интерпретация заложена в самой природе права и является постоянно действующим источником его обновления и либерализации. Формализация в праве сама по себе еще не обеспечивает действительного равенства всех перед законом. Только состоятельность, возможность интерпретационной инициативы делает это равенство не абстрактным, а реальным» [6, с. 150].

Также в России действует институт Уполномоченного по правам человека. В Свердловской области в 2015 г. Уполномоченному поступило 5004 письменных жалоб и обращений граждан и организаций. Их количество выросло по сравнению с прошлым годом (4652) и сравнимо с числом обращений в период с 2008 по 2009 годы. Стоит отметить, что процент жалоб на действия сотрудников правоохранительных органов, а также несогласие граждан с судебными решениями снизился на 3,6 и 2 % соответственно [3].

Помимо Уполномоченного по правам человека при Президенте РФ действует Совет по развитию гражданского общества и правам человека, одними из основных задач которого являются: «Содействие процессам гуманизации и модернизации российского общества; участие в укреплении международного сотрудничества в области развития гражданского общества, обеспечения прав и свобод человека и гражданина; систематическое информирование Президента РФ о положении дел в области соблюдения прав и свобод человека и гражданина в РФ» [8].

Более того, в 2011 г. вступил в силу, на наш взгляд, знаковый указ Президента РФ, утвердивший положение о мониторинге правоприменения, показывающий стремление власти к эффективному контролю в правоохрани-

менительной сфере. В документе обозначается, что «мониторинг предусматривает комплексную и плановую деятельность, осуществляемую федеральными органами исполнительной власти и органами государственной власти субъектов РФ в пределах своих полномочий, по сбору, обобщению, анализу и оценке информации для обеспечения принятия (издания), изменения или признания утратившими силу (отмены) [7].

Думается, что эффективное правоприменение – это не статическое состояние, а каждодневная, трудоемкая деятельность всего государственного механизма. Верный выбор уголовно-правовой нормы при ответе на вопрос о преступности или не преступности деяния человека не может обойтись без соблюдения таких принципов действия уголовного закона, как законность и справедливость.

Истина не лежит на поверхности явлений, но глубоко сокрыта ими. Нужны предположения, их сопоставления, проверка. При этом возможны ошибки, заблуждения. П.Л. Капица подчеркивал, что ошибки – это еще не лженаука. Лженаука – это непризнание ошибок. Можно сказать, что ошибки – диалектический способ поиска истины. Никогда не надо преувеличивать их вред и уменьшать их пользу [1, с. 220].

В докладе уполномоченного по правам человека в Свердловской области было отмечено, что «тот огромный и, главное, нелегкий путь преобразований, который наша страна уже прошла в сфере повышения стандартов обеспечения и защиты прав человека, заслуживает уважения» [3].

Список литературы:

1. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: учеб. М.: Проспект, 2012.
2. Всеобщая декларация прав человека и гражданина (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г.).
3. Доклад о деятельности уполномоченного по правам человека в Свердловской области в 2015 году: утв. постановлением Законодательного собрания Свердловской обл. от 09 фев. 2016 г. № 2662-ПЗС.
4. Козаченко И.Я. Энциклопедический словарь уголовно-правовых моделей (Криминальное соло буквы «А»). Екатеринбург: УрГЮУ, 2014.
5. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 нояб. 1950 г. (ред. от 04.02.2010) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
6. Малинова И.П. Философия права и юридическая герменевтика: монография. 2-е изд., доп. Екатеринбург: Изд. дом «УрГЮУ», 2015.
7. О мониторинге правоприменения в РФ: указ Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 // Рос. газ. 2011. № 5486 (110).
8. О Совете при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека: указ Президента РФ от 01 фев. 2011 г. № 120 // Рос. газ. 2011. № 5399 (23).
9. Постановление Пленума ВС РФ от 27 июн. 2013 г. № 21 // СПС «Консультант-Плюс».

10. Семернева Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): науч.-практ. пособие. Екатеринбург: УрГЮА, 2008.

11. Уголовное право. Общая часть: учеб. для бакалавров / И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. М.: Юрайт, 2013.

12. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 22.11.2016) // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

13. Уголовный кодекс РФ от 13 июня. 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Юшина Юлия Владимировна,

кандидат юридических наук,

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

**О совершенствовании уголовного и уголовно-процессуального
законодательства, регламентирующего защиту прав и интересов лиц,
выполняющих оперативно-розыскные мероприятия по пресечению
преступной деятельности организованных групп или преступных
организаций**

Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» к задачам такой деятельности, в частности, отнесено: выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц их подготавливающих, совершающих или совершивших; добывание информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности РФ [1].

Для реализации поставленных задач законодатель в качестве одного из видов ОРД предусмотрел оперативное внедрение в преступные сообщества (организации) сотрудников правоохранительных органов. Кроме этого, ст. 17 указанного закона разрешает должностным лицам при осуществлении такой деятельности прибегать к содействию отдельных граждан с их согласия на гласной и негласной основе.

Статья 18 этого Закона допускает возможность вынужденного причинения вреда правоохраняемым интересам (т.е. совершение преступлений) должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, либо лицом, оказывающим ему содействие, совершаемое при правомерном выполнении такими лицами служебного или общественного долга. В статьях 16 и 18 Закона указано, что лица из числа членов преступной группы, совершившие противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, освобождаются от уголовной ответственности в соответствии с законодательством РФ.

Вместе с тем применительно к деятельности указанных лиц приведенные положения носят декларативный характер.

Во-первых, преступное сообщество (организация) создается в целях совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений (ч. 4 ст. 35 УК РФ), а поэтому нонсенсом представляется ситуация, что условием принятия в члены, например, террористической организации, будет указание ее руководителя побить стекла в окнах отдела полиции. В то же время, согласно примечанию к ст. 205-5 УК РФ, лицо освобождается от уголовной ответственности за участие в деятельности террористической организации только при условии, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Во-вторых, в отличие от УК Белоруссии, Украины, Литвы, Казахстана и других стран, в Общей части уголовного закона РФ вообще отсутствует уголовно-правовая норма, регламентирующая возможность, условия и порядок освобождения от уголовной ответственности указанной категории лиц.

Использование в отношении указанной категории лиц положений статей 75–76 УК РФ не представляется возможным, поскольку обязательными условиями освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и примирением с потерпевшим являются совершение впервые преступлений небольшой или средней тяжести.

В качестве примера предлагается моделирование следующей ситуации: должностное лицо органа, осуществляющего ОРД, выполняя специальное задание, внедряется в преступную организацию, которая занимается незаконным оборотом наркотических средств. С целью установления места производства наркотических средств, каналов их транспортировки, выявления сети сбытчиков данное лицо принимало участие в производстве, сбыте либо пересылке таких веществ. Следовательно, в его действиях имеются все признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ, санкция которой предусматривает наказание в виде лишения свободы сроком от 4 до 8 лет. В соответствии с ч. 4 ст. 15 УК РФ данное преступление отнесено к категории тяжких, а поэтому лицо, выполнившее с риском для своей жизни и здоровья служебный долг, должно довольствоваться тем обстоятельством, что оно не 8, а, например, 4 года (с учетом смягчающих вину обстоятельств) будет отбывать наказание в местах лишения свободы, наряду с другими членами преступной организации.

Сложившаяся ситуация приводит к грубым нарушениям как уголовного закона, так и норм уголовно-процессуального законодательства. Сотрудники правоохранительных органов вынуждены закрывать глаза на совершенные своими агентами преступления, допускаются случаи укрывательства преступлений от учета, в т.ч. и путем необоснованного отказа в возбуждении уголовного дела либо незаконного прекращения уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст. 75 УК РФ.

Утверждение, что при прекращении уголовного дела не исключается прямая ссылка на ч. 4 ст. 18 указанного Закона как на основание такого решения [2] представляется недостаточно обоснованным, поскольку правоприменитель при принятии процессуального решения обязан руководствоваться исключительно нормами УПК РФ.

В контексте проводимого исследования следует отметить, что предпринимались и другие попытки ликвидации отмеченного пробела. Так, в одном из проектов УПК предусматривалось, что Генеральный прокурор РФ, его заместитель, а также прокурор субъекта федерации и соответствующий ему по уровню военный прокурор вправе предоставить иммунитет от уголовного преследования лицу, способствовавшему раскрытию совершенного при его участии тяжкого или особо тяжкого преступления, раскрытию преступной деятельности организованной группы или преступного сообщества, разоблачению его членов, но при этом иммунитет не предоставляется исполнителю оконченного преступления, повлекшего смерть человека [3].

Вместе с тем данный проект не нашел поддержки у законодателя и такое решение, по нашему мнению, является справедливым. Наделение Генерального прокурора РФ и других указанных в проекте должностных лиц правом предоставлять индульгенцию на совершение преступлений является ни чем иным как узурпацией прав суда и прямо противоречит ст. 49 Конституции РФ, согласно которой «каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда».

В случаях совершения преступлений, отнесенных УК РФ к категории тяжких или особо тяжких, не решают обозначенную проблему и другие высказанные в юридической литературе предложения, например, о введении в УК РФ ст. 75-1 «Освобождение от уголовной ответственности участника устойчивой преступной группы (банды) или преступного сообщества (преступной организации) в связи с деятельным раскаянием», если действия такого лица не повлекли тяжких последствий [4].

Обобщая приведенные точки зрения ученых-правоведов, констатируем:

1. Преступление (тяжкое или особо тяжкое, несмотря на вынужденный характер его совершения) в соответствии с действующим законодательством остается преступлением со всеми вытекающими для лица его совершившего правовыми последствиями.

2. В соответствии со ст. 49 Конституции РФ и ст. 8 УПК РФ никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по вступившему в законную силу обвинительному приговору суда.

3. Поскольку государство в целях противодействия преступной деятельности организованных групп или преступных сообществ (организаций) допускает возможность вынужденного совершения преступлений при правомерном выполнении должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, либо лицом, оказывающим ему содействие, своих служебных обязанностей либо общественного долга, оно, в свою очередь, обязано предусмотреть и правовой механизм защиты прав и интересов указанных лиц.

Большинство ученых-правоведов в качестве выхода из сложившейся ситуации предлагают различные варианты реконструкции редакции ст. 75 УК РФ, мы же решение обозначенной проблемы предлагаем рассмотреть в несколько ином ракурсе, а именно в использовании возможностей такого института уголовного права, как помилование.

Согласно п. 3 ст. 50 Конституции РФ каждый осужденный за преступление имеет право просить о помиловании. В соответствии со ст. 85 УК помилование осуществляется Президентом РФ в отношении индивидуально определенного лица. Актом помилования лицо, осужденное за преступление, может быть освобождено от дальнейшего отбывания наказания либо назначенное ему наказание может быть сокращено или заменено более мягким видом наказания. С лица, отбывшего наказание, актом помилования может быть снята судимость.

Сущность помилования выражается в исходящем от высшего должностного лица государства полном или частичном прощении человека, совершившего преступление, путем полного или частичного его освобождения от уголовного наказания и иных уголовно-правовых последствий осуждения [5].

Процедура реализации гражданами своего конституционного права на помилование определена в Указе Президента РФ от 28.12.2001 № 1500 и в Положении о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в РФ [6].

Вместе с тем практическая реализация данного института уголовного права применительно к нашей ситуации возможна при условии внесения ряда дополнений в Указ Президента РФ от 28.12.2001 № 1500 и в утвержденное этим Указом Положение, а именно:

- к числу основных задач комиссии по помилованию отнести также и предварительное рассмотрение ходатайств о помиловании осужденных за вынужденное совершение преступлений во время выполнения специального задания органов, осуществляющих ОРД по предупреждению либо раскрытию преступной деятельности организованной группы или преступного сообщества (организации), дополнив соответствующим текстом редакцию ч. 1 ст. 2 Указа;

- в редакции п. 3 ч. 2 Указа предусмотреть положение, что 3 из 11 членов комиссии должны иметь высшее юридическое образование и допуск к государственной тайне;

- раздел 2 Положения дополнить п. 5.1 в следующей редакции: «К ходатайству о помиловании прилагается справка органа, осуществляющего ОРД о возмещении потерпевшему материального либо морального вреда»;

- абзац второй ст. 10 Положения: «Опубликованию подлежит информация...» дополнить текстом: «за исключением осужденных за вынужденное совершение преступлений во время выполнения специального задания органов, осуществляющих ОРД по предупреждению или раскрытию преступной деятельности организованной группы или преступного сообщества (организации)»;

– внести изменения в ст. 12 Положения, предусмотрев, что при рассмотрении ходатайства о помиловании принимается во внимание вынужденный характер совершения преступления осужденным, наличие его помощи в предотвращении и раскрытии тяжкого или особо тяжкого преступления, весомость предотвращенного преступления, вклад в пресечение преступной деятельности организованных групп или преступных сообществ (организаций);

– в ст. 13 Положения предусмотреть право высшего должностного лица субъекта федерации или комиссии запросить у органа, осуществляющего ОРД, дополнительные сведения и документы, необходимые для подготовки материалов о помиловании осужденного, и обязанность этого органа их своевременного предоставления, а также право вызова должностных лиц этого органа на заседание комиссии для дачи необходимых разъяснений; подготовку материалов о помиловании указанной категории осужденных, а также доклада комиссии возложить на членов комиссии, имеющих высшее юридическое образование и доступ к государственной тайне.

Кроме этого, для запуска действенного правового механизма освобождения от уголовной ответственности указанной категории лиц необходимо внести и ряд дополнений в УК и УПК РФ, а именно:

– поскольку буквальное толкование текста ч. 2 ст. 85 УК РФ: «актом помилования лицо, осужденное за преступление, может быть освобождено от дальнейшего отбывания наказания...» позволяет сделать вывод, что неперенным условием применения уголовной нормы является отбывание осужденным хотя бы части назначенного наказания, полагаем целесообразным внесение предложения об изложении ее в следующей редакции: «Актом, помилования лицо, осужденное за преступление, может быть освобождено от наказания, дальнейшего отбывания наказания либо назначенное ему наказание может быть сокращено или заменено более мягким видом наказания»;

– учитывая, что, как правило, лицо, раскрывшее организованную группу или преступную организацию (особенно террористическую), подвергается риску физического уничтожения, а поэтому даже непродолжительное пребывание в следственном изоляторе будет стоить ему жизни, мы вносим предложение о дополнении ч. 1 ст. 108 УПК РФ п. 1.2 в такой редакции: «При поступлении письменного уведомления органа, осуществляющего ОРД о выполнении подозреваемым или обвиняемым в момент совершения инкриминируемого ему преступления (преступлений) специального задания по предупреждению либо раскрытию преступной деятельности организованных групп или преступных организаций, мера пресечения в виде заключения под стражу не применяется. Судья в таких случаях вправе избрать в отношении подозреваемого или обвиняемого меру пресечения в виде залога»;

– ключевым звеном предлагаемого нами механизма является внесение дополнения в редакцию ст. 308 УПК РФ в части приостановления исполнения приговора в отношении осужденного, вынуждено совершившего преступление во время выполнения специального задания органов, осуществляющих ОРД, по предупреждению либо раскрытию преступной деятельности организованных групп или преступных организаций, до рассмотрения ходатайства осужденного о его помиловании Президентом РФ.

Список литературы:

1. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
2. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий / Под ред. В.В. Николюка, В.В. Кальницкого, А.Е. Чечетина. 3-е изд., испр. и доп. М., 1998.
3. Голубев Н.В. О некоторых проблемах освобождения от уголовной ответственности лиц, способствующих пресечению и раскрытию преступлений в процессе ОРД / Тр. Акад. управления: Уголовная политика и обеспечение экономической безопасности. М., 2001.
4. Суворова Н.Г. Некоторые проблемы уголовного права и ОРД // Проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: сб. научных трудов. М., 2002.
5. URL: <http://center-yf.ru/data/Yuristu/ugolovnyy-kodeks-rf-85.php>.
6. URL: <http://base.garant.ru/12125251>.

Ярошевская Анна Михайловна,

кандидат юридических наук,

Таврическая академия

Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского

Повышение гарантированности реализации достижения интереса заказчика юридической услуги – письменная форма договора о предоставлении юридических услуг

Сегодня очень широко применяется договор о предоставлении юридических услуг. В частности, он используется там, где речь идет об осуществлении определенной деятельности юридического характера, например, предоставление консультаций (устных или письменных) по правовым вопросам, подготовка правовых заключений, составление различных юридических документов (заявлений, жалоб и т.д.), осуществление представительства интересов физических или юридических лиц в судах и т.п.

Древнейшим прообразом «современного» договора о предоставлении юридических услуг, договора найма услуг, который регулировал сна-

чала предоставление услуг поденщиками и ремесленниками является *Locatio conductio operarum* [1, с. 207, 209]. Несколько позднее он стал расширять свое действие и на лиц «свободной профессии», в частности, услуги адвокатов, бухгалтеров, врачей и т.п. [2, с. 372].

Locatio conductio operarum был юридическим основанием возникновения обязательств между адвокатом и заказчиком, в силу которого одна сторона, которая нанималась (*locator*, адвокат), брала на себя обязанность предоставлять в пользу иной стороны – нанимателя (*conductor*, заказчик) определенные услуги, за которые обязан был оплатить обусловленное денежное вознаграждение. Сегодня же договор о предоставлении юридических услуг в гражданском законодательстве РФ отдельно не выделяется. Возникновение правоотношений между субъектом, осуществляющим частную юридическую практику, и заказчиком по предоставлению юридических услуг происходит в результате реализации его участниками принципа свободы договора (статьи 1, 421 ГК РФ), что, по справедливому замечанию И.А. Покровского, является неминуемым следствием самого назначения договора служить формой для определенных частных отношений [3, с. 250].

Общие положения ГК России о форме сделок устанавливают правило о заключении тех сделок, которые не выполняются в момент их совершения в письменной форме. Отсутствие в законодательстве жестких санкций за несоблюдение этого правила приводит к тому, что подавляющее большинство такого рода сделок зачастую заключается устно.

Договор о предоставлении юридических услуг относится именно к тем сделкам, где момент заключения и момент его исполнения не совпадают во времени. Следовательно, этот договор должен заключаться в письменной форме (тем более тогда, когда одной из сторон является юридическое лицо). Однако практика свидетельствует о несоблюдении этого требования. Как правило, имеет место устная форма договора. Такое пренебрежение требованиями законодательства вызывает даже удивление, потому что одной из сторон договора (непосредственно или тем, кто выступает от имени стороны договора) всегда выступает юрист.

Подобное положение может объясняться действием двух факторов: первый – попыткой упростить документооборот при предоставлении юридических услуг; второй – желанием услугодателя не конкретизировать (путем письменной фиксации) предмет услуги. Последний фактор, в свою очередь, может опираться на мотивы недобросовестного услугодателя, который через неопределенность (неконкретику) предмета юридической услуги произвольно выбирает варианты своего поведения относительно предоставления такой услуги. Правда, нежелание конкретизировать предмет услуги может быть вызвано не только мотивами осуществления услугодателем недобросовестного поведения. Иногда же конкретика просто может быть несбыточной, т.к. на момент заключения договора конкретные

действия услугодателя будет даже трудно представить, поскольку эта конкретика будет зависеть от той или иной оперативной необходимости. Тем не менее сложности, которые возникают с признанием (конкретизацией) предмета договора о предоставлении юридических услуг, еще не говорят в пользу того, что данный договор не должен заключаться в письменном виде.

Отсутствие документальной фиксации условий договора о предоставлении юридических услуг является основанием для возникновения споров между участниками этого правоотношения. Правовой режим регулирования тех или иных отношений направлен на обеспечение реализации интересов юридически менее защищенных участников правоотношений. В рассматриваемых здесь договорных отношениях юридически слабой стороной является заказчик услуги. Таким образом, письменная фиксация существенных и иных условий договора о предоставлении юридических услуг позволяет установить критерии оценки добросовестности поведения услугодателя, что повышает гарантированность достижения интереса заказчиком услуги.

В законодательстве необходимо установить правило об обязательности письменной формы совершения договоров о предоставлении юридических услуг с закреплением санкции в отношении признания такой сделки ничтожной, если стороны не соблюдают данного требования.

Список литературы:

1. Барон Ю. Система римского гражданского права. Пер. с нем. Л.И. Петражицкого. Вып. III. Книга IV. Обязательственное право. СПб., 1910.
2. Виндшейд Б. Об обязательствах по римскому праву / Пер. с нем. под ред. и с прим. А.Б. Думашевского. СПб., 1875.
3. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998.

СОДЕРЖАНИЕ

Абасов Г.Г. Право на самоопределение в контексте прав и свобод человека и гражданина.....	3
Агафонов А.Ф. Некоторые вопросы совершенствования законодательства об административном судопроизводстве.....	7
Алихаджиева А.С. Актуальные проблемы защиты права граждан на здоровую окружающую среду.....	11
Аметка Ф.А., Кудрявцева Е.А. Роль прокуратуры в обеспечении прав несовершеннолетних.....	17
Анкудинова Я.С. Применение мер государственного принуждения при защите прав субъектов финансовых правоотношений.....	21
Бойко А.В. Институциональные средства противодействия пыткам и жестокому обращению: национальный превентивный механизм.....	23
Болдырев С.Н. Естественное право в механизме обеспечения прав и свобод человека (техничко-юридический аспект).....	27
Буткевич С.А. Право граждан на мирные собрания или государственный переворот? (анализ событий ноября 2013 г. – февраля 2014 г. на Украине).....	32
Вавренюк Л.О. Реализация принципа состязательности в досудебном уголовном производстве зарубежных стран.....	43
Вичева А.А. Органы местного самоуправления как субъекты обеспечения права на медицинскую помощь.....	47
Волков В.Ю. Отдельные вопросы защиты прав и законных интересов в административном судопроизводстве.....	50
Галиев Р.С., Васильков К.А. Электронная демократия и право на участие граждан в управлении государством.....	53
Гилязова Д.М. Феномен культурного релятивизма в области защиты прав человека.....	56
Горелов С.А., Жайлов А.А. Проблемы соблюдения прав и свобод человека и гражданина при задержании сотрудниками патрульно-постовой службы различных категорий граждан.....	59
Григорьев В.Н. Свежая порция отступлений в УПК от Конституции Российской Федерации.....	63
Гусев Н.Н. Проблема состава и содержания прав человека в концепции гуманитарного права: методологический аспект.....	68
Гутник О.В. Конституционно-правовые гарантии независимости суда в уголовном судопроизводстве.....	72
Доброрез И.А. Актуальные проблемы участия прокурора в арбитражном процессе.....	75
Доросинская А.М. Некоторые проблемы обеспечения следователем соблюдения прав обвиняемого.....	77

Дорошин А.А. Информационная безопасность как средство обеспечения прав человека.....	80
Евсикова Е.В. Проблемы обеспечения прав человека в контексте принятия Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».....	83
Евтушенко И.И. Гуманизация условий отбывания лишения свободы как гарантия права осужденного на гуманное обращение.....	85
Еремеев Д.В. Современное состояние реализации норм Конституции Российской Федерации при осуществлении административного задержания.....	90
Ерыгина В.И., Проскуряков А.Д. Современное состояние и перспективы развития правозащитной деятельности в России.....	95
Журавленко Н.И. Защита права на неприкосновенность частной жизни.....	99
Журба О.Л. Соблюдение сроков в досудебных стадиях как один из механизмов защиты прав участников уголовного судопроизводства.....	103
Заброда Д.Г. Проактивный подход к предупреждению полицией нарушений прав и свобод человека.....	105
Завгородняя А.В. Экологическая экспертиза в области недропользования как средство обеспечения права на благоприятную окружающую среду.....	109
Иванов С.И. Отдельные аспекты соблюдения прав и свобод человека и гражданина при документировании взяточничества.....	114
Иванцов С.В., Ивасюк О.Н. Международно-правовые аспекты предупреждения должностной преступности и коррупции.....	116
Игнатов А.Н. Меры по укреплению законности и противодействию нарушению прав человека в деятельности органов внутренних дел.....	122
Карнаушенко Л.В. Социокультурные проблемы интеграции человека в правовую среду.....	131
Карчевский К.А. Обеспечение права на личную неприкосновенность и свободу при избрании меры пресечения в виде залога.....	138
Кашкаров А.А. Определение «цены» предупреждения должностной преступности как элемент защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.....	142
Киричек Е.В. Гарантии прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: некоторые теоретико-методологические основы.....	144
Киян М.Ф. Суд присяжных – демократический институт судебной системы, обеспечивающий гарантии защиты прав и свобод граждан: историко-правовой обзор.....	149
Клименко Е.П., Мовсисян А.М. Международно-правовая регламентация прав больных ВИЧ/СПИДом.....	153

Колюка Н.Н. Некоторые аспекты участия прокурора в административном судопроизводстве.....	156
Коноплева А.А. Свобода творчества человека в контексте современных проблем антропологии.....	158
Коноплев В.В. Некоторые аспекты правового регулирования гарантий социальной защиты граждан, принимающих участие в охране общественного порядка (на материалах Республики Крым).....	161
Королькова О.С. Экологическая справедливость как один из принципов обеспечения прав и свобод человека и гражданина.....	163
Корчагина К.А., Туровская В.А. К вопросу об обеспечении баланса конституционных ценностей при реализации государственной политики по реформированию системы надзора и контроля, направленной на сокращение административного давления на бизнес-сообщество.....	167
Костюченко Н.И. Особенности соблюдения прав и свобод человека, связанные с проблемами теории и практики управления социальными системами.....	171
Коченогов О.А., Фатыхова К.Р., Кузьмин Е.А. Проблемные вопросы соблюдения прав и свобод человека и практические пути их решения.....	174
Лебедев С.Я. Криминологические гарантии обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина.....	178
Лощаков Д.Г. Правоохранительная деятельность: социально-правовой подход.....	182
Лягушкин И.В. Философские и методологические аспекты обеспечения прав человека в ходе информационной войны.....	186
Максименко А.А. Правовая защищенность лиц при рассмотрении районными судами дел об административных правонарушениях.....	191
Максимов А.Е. Повышение эффективности взаимодействия международных и национальных механизмов защиты прав и свобод человека и гражданина.....	195
Мамченко Н.В. Права человека: принцип презюмирования.....	197
Мамыкин А.С. Вопросы соблюдения прав и законных интересов в антилегализационном законодательстве Российской Федерации.....	201
Мартынюк С.Н. Соблюдение прав и свобод человека при административном расследовании дорожно-транспортных происшествий.....	206
Микитюк Ю.В. Правовой статус личности в контексте развития государства и права.....	208
Миронова О.А. Социальная защищенность личности как необходимое условие построения социального государства.....	212
Михайлов О.Г., Илюшкина О.С. Современные аспекты обеспечения прав человека в Российской Федерации.....	215
Мозгарева-Марченко Л.А., Русанова С.Ю. Роль комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав муниципальных образований в обеспечении ювенального правопорядка.....	218

Моисеев А.Б. Проблема соблюдения прав человека в условиях резкого обострения угрозы терроризма в современном обществе.....	222
Небрятенко О.О. Международные механизмы защиты прав и свобод человека.....	228
Нурдинов А.Э. Право граждан на доступ к информационно-телекоммуникационной сети Интернет.....	232
Обринская Е.К. Институт семьи и права человека: проблемы и перспективы взаимодействия.....	235
Палухина Е.С. Приоритет прав и свобод человека и гражданина в профессиональной и творческой деятельности Николая Васильевича Витрука.....	238
Паршичева И.Е. Обеспечение прав детей национальных Меньшинств.....	240
Пестов Р.А., Колесникова М.И. ООН как механизм защиты прав и свобод человека.....	243
Пестрецов М.А. Политика государства в сфере противодействия преступным посягательствам на жилье граждан.....	246
Петриковская Н.В. Роль прокурора в судебной защите прав и свобод граждан.....	250
Погорелов Д.Е. Особенности обеспечения прав и свобод граждан в чрезвычайных ситуациях техногенного и природного характера.....	253
Позий В.С. Оценка деятельности защитника в уголовном судопроизводстве подозреваемыми (обвиняемыми).....	258
Проватарь Ю.А. Проблемы регулирования ответственности за использование полиса ОСАГО, содержащего недостоверные сведения, в контексте защиты прав и свобод человека и гражданина.....	262
Робак В.А. К вопросу о реализации права граждан на оружие.....	267
Рубцова Ю.С. Добросовестное исполнение сотрудником органа дознания обязанностей по службе и должности – гарантия соблюдения прав и законных интересов граждан.....	269
Рудик М.В. Современные киберугрозы принципа равенства прав и свобод человека и гражданина.....	272
Савочкина Д.О. Соблюдение прав и свобод человека и гражданина в антитеррористическом законодательстве Украины.....	274
Саранкина Ю.А. Право на благоприятную окружающую среду и его реализация в контексте глобализации мировых экологических проблем.....	280
Сафонов Д.А. Проблемные вопросы обеспечения прав и законных интересов лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве в качестве статистов.....	284
Семенова Е.Г. К вопросу о содержании злоупотребления гражданскими правами.....	286
Скребец Е.С. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в интересах обеспечения общественной безопасности и противодействия экстремизму.....	291

Скрипаль К.В. Возникновение и развитие института прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве России.....	294
Смолина М.М. Охрана прав и свобод человека в уголовном Судопроизводстве.....	297
Сухарева Е.В., Елесина И.Г. Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина.....	300
Тагиров З.И. Перспективные правоохранительные возможности институционализации сетевых баз персональных данных и права человека.....	302
Торопов С.А., Пономарев А.В. Проблемные вопросы соблюдения прав человека при отборе образцов для сравнительного исследования.....	306
Трифонов С.Г. Конкретизация конституционно-правового принципа справедливости в статусе детей-сирот как субъектов, реализующих право на образование.....	309
Тулегенов В.В. Роль экономических прав и свобод человека и гражданина в детерминации криминального профессионализма.....	312
Тур В.Г. Свобода вероисповедания и проблемы деятельности религиозных организаций в условиях XXI века.....	316
Тугова О.В. Защита персональных данных в деятельности ОВД.....	322
Тюнин В.А. Полномочия прокурора по защите прав граждан в процессе административного искового производства.....	327
Хилько И.Ю. Актуальные проблемы защиты прав несовершеннолетних в Республике Крым.....	329
Ховавко С.М. Уголовно-правовая охрана конституционного права на тайну телефонных переговоров при осуществлении ОРД.....	332
Христов С.Ю., Шепляков Д.М. Права человека и гражданина в свете нормативного правового регулирования взаимодействия подразделений уголовного розыска и оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы.....	335
Хрулева В.В. Некоторые вопросы реализации охраны и защиты прав человека и гражданина в Российской Федерации.....	341
Челпанова М.М. Обеспечение экономической безопасности личности.....	345
Чернова С.С., Шипунова О.В. Прекращение уголовного дела о дорожно-транспортном преступлении вследствие смерти подозреваемого или обвиняемого.....	348
Шайхуллин М.С. К вопросу о конституционной гарантированности местного самоуправления.....	351
Шестак Б.В. Вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий оперативными подразделениями ОВД.....	355
Щелконогова Е.В. Право человека на соблюдение принципа справедливости и законности при квалификации его деяния.....	359

Юшина Ю.В. О совершенствовании уголовного и уголовно- процессуального законодательства, регламентирующего защиту прав и интересов лиц, выполняющих оперативно-розыскные мероприятия по пресечению преступной деятельности организованных групп или преступных организаций.....	363
Ярошевская А.М. Повышение гарантированности реализации достижения интереса заказчика юридической услуги – письменная форма договора о предоставлении юридических услуг.....	368

Научное издание

**ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА
В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО
ГОСУДАРСТВА**

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
(9 декабря 2016 г.)

В авторской редакции
Компьютерная верстка *Н. А. Никитиной*

ISBN 978-5-9266-1301-5

Подписано в печать 23.01.2017. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 21,9. Тираж 100 экз. Заказ 564.

Краснодарский университет МВД России.
350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.